

ФАРИДА МАМЕДОВА

Политическая
история
и
историческая
география
Кавказской
Абхазии

612

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ФАРИДА МАМЕДОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФИЯ
КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

(III в. до н. э. — VIII в. н. э.)

Баку «Элм» 1986

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР*

Редактор академик АН Азерб. ССР
З. М. БУНИЯТОВ

Мамедова Ф. Дж.

Политическая история и историческая география
Кавказской Албании (III в. до н. э.—VIII в. н. э.).—
Баку: Элм, 1986. — 284 с.

На основе античных и средневековых источников освещаются события общественно-политической, социально-экономической жизни, вопросы идеологии, культуры Азербайджана периода античности и раннего средневековья. Исследуются — политико-административная структура, этнические и политические границы (III в. до н. э.—VIII в. н. э.), преемственность правителей страны (I—VIII вв.), становление самостоятельной албанской церкви, албанской историко-литературной традиции, причины доэтизации албан — одного из предков азербайджанского народа.

М 0505040000
М—655—86 55—86

© Издательство «Элм», 1986.

ВВЕДЕНИЕ

Основная цель предлагаемой работы — сосредоточение внимания на ключевых моментах истории Албании с III в. до н. э. по VIII в. н. э. включительно — исторической географии, политического строя, политической истории, идеологии, культуры (литературы).

Исключительно важная проблема состояла в определении того, каковы были политические границы Албанского государства в период античности и раннего средневековья, на какой территории шло формирование албанской этнической общности, которая была одним из предков азербайджанского народа, какова была ее политическая жизнь, идеология — религия.

Исследование базируется на широком и последовательном использовании античных и раннесредневековых письменных источников — албанских, армянских, грузинских самого разнообразного характера: исторические, агиографические, географические сочинения, юридические документы, акты церковных вселенских соборов, а также акты местных албанских, армянских соборов. В некоторой степени привлечена и сирийская литература, неразрывно связанная с ранней историей христианства.

Материалы албанских реалий излагаются в сравнительной перспективе, что позволяет делать сопоставительные выводы.

В главе I «Источники и историография» рассмотрена проблема становления албанской историко-литературной традиции, проведен источниковедческий анализ албанских источников — Каланкатуйского, Мхитара Гоша и Киракоса Гандзакского; дополнена рукописная основа «Истории албан», сделан некоторый ее текстологический анализ.

Что касается имеющейся литературы по проблемам, затронутым в настоящей монографии (главе I), то мы сочли возможным дать описание лишь основных наибо-

лее важных работ. Исследования остальных авторов нашли отражение в каждой главе согласно поставленному вопросу.

В главе II изучена историческая география страны начиная с III в. до н. э. по VIII в. н. э. включительно — политико-административная структура, этнические и политические границы страны, что имеет важное значение для проблемы этногенеза.

В главе III исследована политическая жизнь страны, выявлены политические причины сохранения самостоятельности Албании, образование централизованного Албанского государства в период правления албанских царей и сменивших их правителей — великих князей; показана их внешняя и внутренняя политика; выявлена особенность албанской государственности по сравнению с армянской и иберийской; охарактеризованы социальные движения.

Особое внимание уделено проблеме становления автокефальной албанской церкви, истории раннего христианства, сложного процесса возникновения и превращения его в государственную религию Албании, выявление его истоков, а также предпринята попытка показать взаимосвязь и сходство его с общим процессом развития христианства и определить албанские особенности. Выявлены и представлены причины исламизации и григорианизации албанского христианского населения.

Монография представляет попытку перехода от источниковедческого анализа к комплексному историческому исследованию, к восполнению отдельных лакун и воссозданию истории раннесредневековой Албании, исторического Азербайджана.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

§ 1. Албанские источники

В силу особенностей исторических судеб письменные памятники Албании местного происхождения представлены на древнеармянском языке¹. В процессе зарождения и становления албанской литературной традиции ведущая роль принадлежала христианским памятникам, т. е. албанская литература, как и древнекавказская, была христианской.

Возникнув в I — II вв., христианская литература стала ведущей идеологической силой только с IV в., когда произошла христианизация Римской империи и других соседних стран [316, с. 10].

До принятия христианства и становления его государственной религией в Албании, вероятно, была какая-то своя письменность [25, VI, гл. 14] и был широко распространен для всей страны язык межплеменного общения — албанский. Официальная переписка с Сасанидами велась на персидском языке. Имел хождение торговый-арамейский (сирийский) язык. Но персидский и арамейский-сирийский были сословно-классовыми языками [282, л. 13].

К периоду зарождения феодализма назревала всеобщая потребность в местном языке, местной письменности. Возникновение местной письменности и литературы на албанском языке связано с христианизацией страны, так же как возникновение армянской и грузинской письменности и литературы.

Христианство стало проникать в Албанию из Сирии² и Палестины, именно поэтому с самого начала распространения христианства языком богослужения, церковными языками в Албании, как и в других странах Закавказья, были сирийский и греческий. Первые переводы богословской литературы на албанский язык были сделаны с сирийского. Данные Моисея Каланкатуйского позволяют говорить о древних связях Албании с сирийскими областями, с Палестиной³.

Хотя официальное принятие христианства (в 313 г./

314 г.) в Албании, как и в странах Закавказья, связано с греческим влиянием (деятельность Григория Просветителя в Армении, Нино — в Грузии, епископа из Рима, прибывшего в Албанию), тем не менее влияние грекофильской школы сказалось значительно позднее [316, с. 11]. Сасанидская Персия, мирясь с деятельностью христианской церкви в странах Закавказья, покровительствовала сирийским церковникам, поскольку они политически были преданы Сасанидам. Однако греческий язык в качестве языка богослужения был Сасанидами запрещен [243, с. 13]. Период раннего распространения христианства в Албании связан с сиропильской школой (I—V вв.). Сирийцы, как известно, были большими знатоками и носителями греческой науки и литературы, которую они рассматривали как одну из отраслей богословия. Сирийцы, сиропилы, вероятно, переводили на албанский язык древнегреческие писания не с оригинала, а с сирийского, как это делали армянские представители сиропильской школы [283, лл. 1—17].

Позднее, в V—VI вв., когда получило развитие грекофильско-эллиническое направление в литературе, оно уже исходило, по мнению исследователей [283; 89, с. 642], не от греков, а от сирийцев-монофизитов. «Важнейшее значение имеет тот факт, что сирийская письменность фиксировалась легко усваиваемым алфавитом, который впоследствии был усовершенствован» [343, с. 23]. И кроме всего прочего, издавна существовали предпосылки влияния культуры Междуречья на страны Закавказья. «История албан» сохранила следы древних связей Албании с арамейскими областями.

Религиозно-политическому воздействию, ассимиляторской политике Сасанидов — стремлению насадить зороастризм, а также деятельности сиропильской церкви необходимо было противопоставить в стране христианскую церковь на местном албанском языке, которая смогла бы отстоять культурную и этническую самобытность албан.

Вопрос о письменности и литературе на родном албанском языке стал объективной исторической необходимостью. К созданию своей литературы Албания была подготовлена всеми условиями жизни — социально-экономическими и политическими. В начале V в. была произведена реставрация и реформирование албанского

письма-алфавита⁴, которую местная и армянская традиции связывают с именем Месропа Маштоца. А. Г. Периханян отмечала: «Создание новой письменности, обслуживающей тот или иной язык, нельзя свести к «буквотворчеству» — это большой и сложный процесс, включающий прежде всего выделение фонем данного языка и предполагающий тонкое знание как фонетики, так и строя языка. Маштоц же не знал ни грузинского, ни албанского языков, и сообщению Корюна о том, что он, Маштоц, там, на месте, собрал сведения о звуковом составе этих языков, не следует придавать большого значения...» [338, с. 126—127]. При содействии албанского царя Асуагена и албанского патриарха Иереми успешно велась работа по переводу «божественных книг» — Библии, литургических и др. богослужебных книг [40, гл. XVI; 243, с. 29—30]. Множество юношей, из которых подготовили учителей, были посланы в разные области страны. Наряду с переводной богословской литературой создавались местная оригинальная литература — агиографическая (жития албанских святых), а также светская.

Временем расцвета албанской письменности считаются V—VII вв., когда, по словам А. Г. Шанидзе, «албаны во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие наравне с грузинами и армянами» [400, с. 3].

Албанская литература в ее начальной форме складывалась при благоприятных историко-культурных обстоятельствах. Это было время существования самостоятельного Албанского государства (V—VII вв.) с правящей царской династией албанских Аршакидов и сменивших их великих князей страны — албанских Михранидов, с автокефальной албанской церковью. В Армении в этот период была упразднена государственность, страна была превращена в наместничество. В Грузии, испытывающей двойную вассальную зависимость от Византии и Ирана, в 527 г. также была упразднена государственная власть.

В результате развития литературы расширялся круг интересов, что нашло отражение в литературных жанрах: появились агиографические сочинения, исторические хроники, стали создаваться юридические документы — церковные каноны и светские законы. В V—VI вв. в литературе намечается эллинофильское направление, что

объясняется политическими причинами. Это был период усиления господства Сасанидов, пытавшихся порвать с политикой религиозной веротерпимости и силой насадить зороастризм, что соответственно привело к усилению провизантийских настроений и повышению интереса к эллинской культуре. Думается, что грекофильская школа не получила в Албании столь глубокого и широкого развития, как в Грузии и Армении, западная часть которой была под эгидой Византии, а восточная часть — Перс-Армения находилась в непосредственной близости от Византийской империи.

Географическая отдаленность Албании, ее стратегическое положение, относительная самостоятельность были причиной сравнительно слабого развития здесь грекофильской школы. И все же албанский автор Моисей Каланкатуйский сохранил данные, позволяющие найти следы эллинофильской школы⁵.

Эллинисты, эллинофилы расширяли пределы литературы, внося в нее новые знания по философии, поэтике, грамматике, математике, риторике [89, с. 642]. В албанской литературе, так же как в литературе других стран Закавказья, можно наметить «три направления, представляющие три следовавшие друг за другом эпохи: миссионерскую при полном господстве сирийской образованности, философско-схоластическую с преобладанием греческого влияния и, наконец, национальную по возникновению местных по духу школ и традиций» [284, с. 228].

К местной албанской традиции относятся дошедшие до нас исторические нарративные источники: «История албан» Моисея Каланкатуйского, труды Мхитара Гоша — «Албанская хроника», «Житие-мученичество Хосрова Гандзакского»; сочинение Киракоса Гандзакского «История», а также албанские правовые источники — церковные каноны (каноны Агуэнского собора V в. и каноны Партавского собора 705 г., именуемые также канонами албанского католика Симеона) и светские законы («Судебник» Мхитара Гоша).

Значение вышеназванного труда Моисея Каланкатуйского для изучения истории албан, Албании I — X вв., а также для истории других народов нельзя переоценить. «История албан» представляет чрезвычайный интерес во многих аспектах — для социально-экономической, политической, церковно-идеологической, культурной истории,

исторической географии, проблемы этногенеза Азербайджана⁶.

Проблема, связанная с авторством сочинения, остается пока не решенной. Оно приписывается двум Моисеям — Каланкатуйскому и Дасхуранскому, хотя сам источник не сохранил ни имени Моисей, ни прозвищ «Каланкатуйский» и «Дасхуранский». Имя автора выводится лишь из свидетельств поздних албанских источников. «История албан» известна в древнеармянской историографии с VIII в. Но первым историком, упоминающим имя автора этого источника, был Мхитар Гош (XII — XIII вв.), который именуется Моисеем Дасхуранским. А ученик Мхитара Гоша Ванакан уточняет: «Кто есть албанский историк?» — И сам отвечает: «Моисей из села Дасхорен». Следует обратить внимание, что вопреки мнению многих современных армянских исследователей у авторов XII — XIII вв. не вызывало сомнения албанская принадлежность Моисея Каланкатуйского. Киракос Гандзакский и Мхитар Айриванский (XIII в.) первыми именуют автором «Истории албан» Моисея Каланкатуйского [264, с. 32—36]. Что же касается времени написания этой книги, то, как известно, в науке существуют две точки зрения. Согласно мнению одних исследователей, первые две книги памятника были написаны в VII в., а третья — в X в.⁷ Согласно другой точке зрения, все книги «История албан» были написаны в X в. [264, с. 38—39].

На основании анализа хронологической системы автора, а также изучения языка, стиля, литературных приемов его нами внесены некоторые уточнения в датировку памятника.

На наш взгляд, методом хронологической фиксации было датирование: 1) по годам правления царей персидских и византийских. Это в основном касалось внешнеполитических событий; 2) с синхронизацией, что характерно главным образом для первых двух книг. Этим методом автор пользуется при датировании событий внутренней жизни Албании; 3) по годам правления великого албанского князя Дживаншира, что зафиксировано параллельно с линией персидских и византийских царей, с годами арабского господства и синхронизировано с ними. Этот способ датирования применяется только во второй книге; 4) по годам правления албанских католиков, свойствен-

Крест, Кор-
ное лишь для нескольких глав третьей книги; 5) только по одному армянскому летоисчислению, что присуще нескольким главам третьей книги. В применении этих способов датирования существует определенная последовательность. На основе изучения хронологической системы «Истории албан» мы пришли к выводу, что одним автором, жившем в VIII в., были скомпанованы все главы книги первой и первые главы книги второй (гл. 1—8).

Этим же автором были непосредственно написаны главы 9—52 второй книги и несколько глав третьей книги (3—7, 9—13). И уже совершенно бесспорно, что гл. 1—2, 15—21, 23 третьей книги написаны другим лицом, жившем в X—XI вв.

Как известно, каждый памятник является отражением своей политической эпохи. Поэтому одной из основных задач исследователя является выявление как времени, так и цели-задачи появления источника. Моисей Каланкатуйский был современником великого албанского князя из рода Михранидов — Джеваншира, время правления которого по праву считалось периодом политического и культурного расцвета Албании.

В условиях, когда две империи — сасанидский Иран и Византия, а также кочевники — гунны (хазары), а позже арабы, пытались завоевать Албанию, превратить ее в свою провинцию, Джеваншир, благодаря своему воинскому таланту, мудрой гибкой политике, сумев восстановить, объединить Албанию в ее исконных пределах, т. е. от р. Аракс на юге и до Дербента-Чола на севере, стал ее полновластным правителем, проводящим самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, сохранив автокефальность албанской церкви. Совершенно очевидно, что он, желая увидеть в специальном письменном памятнике отражение своего правления, явился заказчиком этого творения. Это — одна из причин появления «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. В условиях тройного политического нажима с целью мобилизации албанского народа на борьбу за сохранение самостоятельного Албанского государства, за сохранение культурно-идеологической самобытности необходим был труд, освещающий события не только современные автору — славное правление Джеваншира, — но и отражающий всю предшествующую историю Албанского царства, на-

чиная с библейского времени, далее с I в. н. э. и доведя ее до VIII в.

Итак, цель автора «Истории албан» — создать историю возникновения и развития Албанского царства, ее этноса, территории, политической и духовной жизни, правление ее царей — албанских Аршакидов и великих князей Михранидов (Джеваншир) — показать преемственность и непрерывность царской власти, историю возникновения албанской автокефальной церкви с ее апостольским патриаршим началом.

Таким образом, в этом памятнике прославлены самостоятельная государственность и самостоятельная церковь Албании.

Содержание «Истории албан». Хронологически источник начинается с библейского времени и доводит события вплоть до 999 г. Структурно сочинение состоит из трех частей. В первой части изложение начинается с библейской истории. Происхождение албан ведется из колена Иафета, причем не того колена, от которого происходят армяне, а из другого. Албаны отмечены в числе 15 народов, имеющих письменность. Историческая география страны представлена географическим описанием, характеристикой природных богатств, четкостью очертаний пределов страны. С четвертой главы начинается изложение реальной истории Албании. Первым правителем страны назван местный правитель Аран, далее приводится список албанских царей Аршакидов. Реально изложено правление царей Урнаира, Асуагена, Ваче II и Вачагана III Благочестивого.

Видное место в первой книге занимает история распространения христианства: первый — апостольский период и второй период — становление его государственной религией. Приводятся церковные каноны албанской церкви V в. чрезвычайной важности по значению — «агуэнские каноны» царя Вачагана III Благочестивого. И завершается I часть (книга) описанием нашествия на страну в V в. гуннов.

Вторая книга начинается с 552 г. и завершается 703—711 гг. В ней описаны персидско-византийские и персидско-арабские войны, в которых принимали участие албанские войска под предводительством великого албанского князя Джеваншира. В этой книге приводится история Михранидского дома, господство которого было

установлено над Албанией после падения царской власти албанских Аршакидов. Из Михранидов отражено правление Джеваншира и Вараз-Трдата. Описана деятельность албанского католика Виро во время нашествия и завоевания страны хазарами.

Третья книга (часть) посвящена появлению на исторической арене арабов. Здесь коротко изложена история пророка Мухаммеда, сообщается о нашествии арабов на Албанию, Армению, Иберию, начиная с 698 по 877 г. Из событий внутренней жизни Албании в третьей книге отражены последние годы правления Вараз-Трдата, взаимоотношения с гуннами, события церковной жизни 705 г., халкидонитская деятельность албанского католика Нерсеса-Бакура, албанский собор 705 г. (каноны албанского католика Симеона). Сообщается о нашествии русов на страну в 944 г. Завершается книга списком албанских правителей и католиков.

Источниками «Истории албан» послужили: 1) народные сказания и предания; 2) памятники эпистолярного жанра — послания официального характера и переписка духовных и светских лиц, которые хранились в архивах дворцовых и монастырских; 3) сведения о тех событиях, очевидцем или современником которых был сам автор [374, с. 15 — 16].

К источникам, упомянутым К. В. Тревер, можно добавить следующие: 4) албанскую агиографическую литературу (жития и мученичества албанских святых); 5) албанские хроники (хроника албанского католика Виро); 6) каноны албанской церкви (агуэнские каноны V в., каноны албанского католика Симеона 705 г.); 7) акrostих албанского поэта Давтака — элегия на смерть Джеваншира; 8) иноязычные, неалбанские источники — хроника Ипполита Римлянина (III в.), труды армянских авторов V — VII в. и др.

Невзирая на поздние следы редактирования «Истории албан», весь характер изложения памятника, относительная полнота сообщаемых сведений и широта круга интересов автора, разработанная хронологическая система, согласно которой четко датированы все события внутренней и внешней жизни страны, наличие, можно сказать, характерного для эпохи исторического видения, определенная объективность в сообщаемых автором дан-

ных наводит на мысль о существовании в Албании определенных традиций и опыта исторического изложения.

Рукописная основа памятника и некоторый текстологический анализ.

1. Все рукописи «Истории албан» восходят к двум образцам (и образуют две группы) — к рукописи XIII в. № 1531 [Институт древних рукописей им. Маштоца, Матенадаран], (группа I, армянская редакция), или же к рукописи XVII в. № 1725 = № 1721 [Матенадаран] (группа II, албанская редакция). Все издания (за исключением англ. изд. Ч. Доусета, который, принимая во внимание обе группы, выполнил свой английский перевод по изданию К. Шахназаряна [47, с. XI — XX]) основаны на рукописях группы I. Согласно Х. Дадяну [181, с. 238 — 239, 333—348, 388—390, 421—426], группу II (албанская редакция) составляли две рукописи — № 1725 = № 1721 — XVII в. и № 2561 — 1664 г. [Матенадаран]. Ч. Доусет пополнил эту группу рукописями: P₄ 220 [Парижская национальная библиотека, Каталог Маклера], VM O₇ 5261 [Британский музей, Каталог Конибира], V₁ № 1485 и V₂ № 1146 [Венецианское собрание мхитаристов] и Q [Из Нагорного Карабаха] [47].

По нашему мнению, список группы II албанской редакции можно пополнить также петербургской рукописью ЛО ИВАН С-59.

2. К исследуемой работе нами привлечены четыре рукописи, из коих две относятся к албанской редакции (ЛО ИВАН С-59 и P₄ 220) и две к армянской [ЛО ИВАН В-56 и P₁ 217 (Каталог Маклера)], а также все издания этого источника: два древнеармянских издания Н. Эмина и К. Шахназаряна 1860 г., русское издание 1861 г. К. Патканова, английское издание 1961 г. Ч. Доусета и издание на современном армянском языке 1969 г. В. Аракеляна. Отдавая предпочтение группе II, за основу нашего исследования мы взяли петербургскую рукопись ЛО ИВАН С-59 и парижскую P₄ 220, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей по разным причинам и, вероятно, не в последнюю очередь из-за позднего их датирования (происхождения) XVII — XVIII вв., а также из-за трудности понимания текста (P₄ 220), написанного скорописью.

Археографическое описание рукописей. Заглавие списка ИВАН В-56 — «История Агуан-

ка», составленная Моисеем Каланкатуйским, (поправка карандашом) из того же народа (азга) и той же страны (ашхархэ); (он) начинает с рождения Иафета и доводит до конца девятого века, изложив историю родной страны (зпатмутюн хайрени ашхархин), (ее) правления, христианского просвещения, преемственность духовного управления и прочее, что относится к его народу, и обстоятельства, относящиеся к его стране (л. 2а). На листе 1а воспроизведен русский титул — «История происхождения агванов (жителей русских мусульманских провинций) Моисея Каганкатвази, списанная с древней рукописи, хранящейся в Эчмиадзинской библиотеке, армянским архимандритом Иоаннесом Шахатуновым».

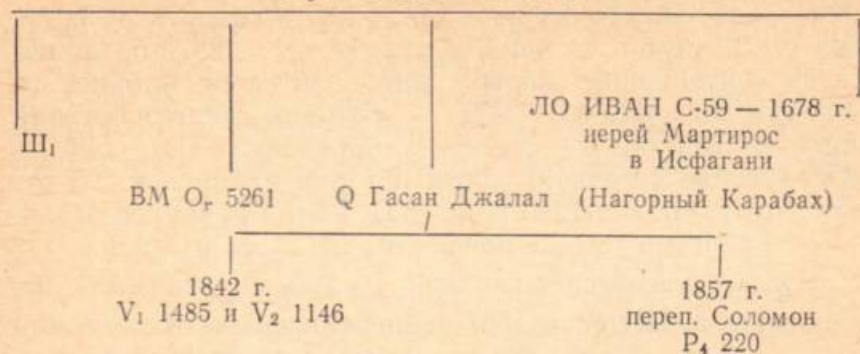
Копия эта выполнена Иваном Назаровым в 1841 г. в Петербурге (приписка на л. 1а на французском языке М. Броссе) со списка Иоаннеса Шахатунянца 1829 год (присланный в Азиатский музей). Образцом же И. Шахатунянцу в свою очередь послужила гигантских размеров рукопись 1289 г. (ныне Матенадаран № 1531). Рукопись ИВАН В-56 содержит три книги «История Агуанка» (лл. 4а — 270а), общее оглавление (лл. 290б — 298а) и указатель личных имен со ссылкой на книгу, главу или лист. С данной рукописи были выполнены французский перевод М. Броссе, русский перевод К. Патканова 1861 г., копия рукописи французской Национальной библиотеки — P₂ № 218. Пагинация новая, на полях обозначены соответствующие страницы оригинала данной копии; строк на странице — 20, заголовки отдельных глав и книг сделаны современной прописью, их не было в первоначальном варианте. На корешке: «Histoire des Aghovans par Moise Kagkantwazi en arménien». E. Kunik. Sur la premiere expedition Caspienne des Russes portands en 914, d'apres la chronique inédite de l'Armenien Moise Caghancatovatsi. — Bulletin, t. IV, N 12, 13.

Список ИВАН С-59 без заголовка. Список содержит «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, «Иудейскую войну» Иосифа Флавия, «Историю албан» Моисея Каланкатуйского, «Историю народа стрелков» Григора Аканци и др. Переписана копия «История албан» в Исфагане в 1678 г. иереем Мартиросом. Эта копия именуется «ванской» из коллекции И. А. Орбели (см.: Орбели Р. Р. Собрание армянских рукописей Института востоковедения АН СССР. — Уч. зап. ИВАН СССР, 1954,

т. VI, с. III). Рукопись занимает 287а — 375б. Текст каждого листа состоит из двух столбцов, в каждом из которых по 37 строк. В данном списке на л. 287а-б приводится «Оглавление первой книги истории албанского народа», на лл. 308б — 309а — «Вторая (книга) история жителей Востока — страны албанской», на л. 350б — «Оглавление (третьей) книги истории албанской». В отличие от рукописи 1289 г. № 1531, в этой рукописи оглавление написано тем же почерком, что и вся рукопись.

Что же касается рукописи P₄ 220, то она была переписана в Шуше в 1857 г. переписчиком Соломоном (Каталог Маклера). Рукопись без заголовка содержит 560 страниц-листов, на каждом из которых по 18 строк, написанных скорописью. Состоит из трех частей, каждой из которых предпослано оглавление.

3. Доусет сообщает, что P₄ 220 была переписана с неизвестной рукописи и что чтения ее совпадают с рукописями Британского музея (ВМ Ог 5261), Венецианского собрания — (V₁ 1485 и V₂ 1146) и с рукописью из Нагорного Карабаха (Q) [47]. Нам представляется, что прототипом этих рукописей, т. е. (P₄ 220, V₁ 1485 и V₂ 1146) могла быть только рукопись Q из Нагорного Карабаха, принадлежащая Гасану Джалалу, который в 1842 г. отправил ее в венецианский монастырь. И тогда же она была ему возвращена [47]. Очевидно, эта рукопись Q послужила оригиналом-образцом для двух рукописей Венецианского собрания мхитаристов (V₁ и V₂). И совершенно очевидно, что с рукописи Q после ее возвращения Гасан Джалалу в 1857 г. в Шуше переписчик Соломон снял копию P₄ 220. Ч. Доусет, видимо, не знал идентичности Шуши с Нагорным Карабахом и потому, как и другие исследователи, не понял, что послужило образцом для рукописей P₄, V₁ и V₂. Поэтому неудивительно, что чтения их совпадают, как отметил Ч. Доусет. Таким образом, в результате исследования генеалогическую таблицу — основу рукописи XVII в. № 1725 нам удалось пополнить новой ветвью:

Чрезвычайно важно, что третья часть рукописи P₄ 220 содержит дополнительно четыре главы, которых нет в других рукописях (Каталог Маклера). Это главы 25, 26, 27, 28, с. 454 (оглавление) и с. 551 — 560, в которых отражены события XIII в., период правления албанского князя Гасан Джалала. Вот названия этих глав: глава 25 — «О битве — кровополитии — поражении, которое было в Хаченской стране и о благочестивом ишхане Джалале»; глава 26 — «О церкви, которая была построена в Гандзасаре ишханом Джалалом-Дола Хасаном»; глава 27 — «О смерти благочестивого ишхана Джалала Довла Хасана»; глава — 28 — «О смерти ишхана Шахиншаха и сыне его Закарии». [Шахиншах — двоюродный брат Гасан Джалала. — Ф. М.]

Эти главы являются поздней интерполяцией. Нам кажется, что эти четыре дополнительные главы обязательно должны присутствовать в рукописях V₁ и V₂ и Q, ибо, как было отмечено нами, у них один общий прототип Q. Что же касается других рукописей одной и той же албанской редакции [группа II], то этих дополнительных глав, с нашей точки зрения, не должно быть, так как они должны присутствовать только в рукописях, восходящих к образцу [или образцам] из Нагорного Карабаха.

Хотя при нынешнем состоянии изученности этих рукописей категоричность вряд ли уместна, тем не менее мы попытаемся обосновать наше утверждение и выяснить причину появления этой поздней интерполяции.

Как известно, Албанское государство перестало существовать в VIII в. В XII — XIII вв. начинает возвы-

шаться одно из крупных феодальных владений — княжеств бывшего Албанского государства — Хаченское княжество (Арцах), занимавшее территорию приблизительно нынешнего Нагорного Карабаха.

В XIII в. это княжество возглавлял видный политический и культурный деятель эпохи Хасан Джалал Араншахик, период правления которого характеризуется экономическим, политическим и культурным подъемом страны. Хасан Джалал был сюзеренным князем Хачена и Арана [отчасти], находился вне вассальной зависимости от Грузинского царства и армянского княжества Закарян. В армянских, грузинских и персидских синхронных источниках, а также в эпиграфических надписях он наделен высокими титулами — «князь князей, царственно-блистательный», «князь стран хаченских», «великий князь Хачена и Арцахских стран», «царь», «венценосец», «царь Албании», «великий окраинодержатель Албании» [325, с. 157 — 158]. Сам Хасан Джалал титуловался царем, самодержцем. Так, в надписи Гандзасарского собора читаем: «Природный самодержавный царь... страны Арцахской и ... пределов Хаченской». При нем создавались духовные центры. Было сооружено одно из лучших творений христианской архитектуры средневекового Закавказья — Гандзасарский храм. Правление Хасана Джалала можно считать политическим и культурным возрождением Албании. Этот подъем не мог не отразиться на письменной традиции. Возможно, представители Хаченского княжеского дома [очевидно духовные], пытаясь доказать преемственность Албанского царства и правящей династии сочли, что «История албан» должна соответствовать новому курсу и отразить его. С этой целью они дополнили ее событиями XIII в., т. е. правлением Хасана Джалала.

Возвращаясь к нашей посылке о том, что интерполяции подверглись не все рукописи группы II [албанской редакции], а также в свете вышеизложенного о Хаченском княжестве, мы полагаем, что только рукописи «Истории албан» из Нагорного Карабаха, (в прошлом Хачена), а также те, которые восходят к ним, были интерполированы, наслоены событиями XIII в., т. е. обросли дополнительно четырьмя главами.

4. Показательны оглавления рукописей двух групп. В группе II [ЛО ИВАН С-59 и P₄ 220] читаем: «Заголов-

ки первой части *истории албанского народа* («Алуаниц азгн»). А в группе I [ЛО ИВАН В-56] значится: «Заголовков каждой главы трех частей *албанской истории* («патмутюн алуаниц»)). В изданиях читаем: Эмин — «Оглавление истории албанской страны»; Патканян — «Оглавление», Доусет — нет оглавления вообще; Аракелян — «Оглавление». В рукописях группы II в отличие от рукописи группы I понятие «албанский народ» встречается чаще, ему в рукописи группы I часто соответствует понятие «албанская страна» или «албанская». Понятие «албанский народ» не чуждо и рукописям группы I (см. гл. 2, где Каланкатуйский, пытаясь выяснить происхождение албанского народа, возводит его к другим детям Иафета, в отличие от армян и грузин; см. также гл. 3, где Каланкатуйский среди народов (азгк), имеющих письменность, называет и албан. Понятия «албанский народ», «албанская страна» синонимично чередуются. В свете выявленного мы считаем совершенно неправомерной попытку некоторых арменистов утверждать, что Моисей Каланкатуйский не отразил историю албанского народа, а отразил историю Албанской страны [К. Патканов] и что албанского этноса не было вообще (Б. А. Улубабян, [378, с. 222 — 223], Ш. Смбалян [49, с. 18]).

5. Рукописи группы II отличаются от группы I наличием разных версий материалов, касающихся албанской церкви. Еще Х. Дадян выявил это в кн. I, гл. 9 и кн. III гл. 8, 23. В этом отношении очень показательны контексты гл. 14, кн. I. Так, в рукописи ЛО ИВАН С-59 и Р₄ 220 (группа II) читаем: «*Рукоположение святого Григориса и прибытие его в Албанию*. Просвещение и мученичество его и обретение его мощей». А в рукописи ЛО ИВАН В-56, Р₁ 217 (группа I): «*Краткое известие о святом Григории, Просветителе Армении и о его блаженных сыновьях; о рукоположении святого Григориса посредством его; прибытие его в Албанию и просвещение ее, и мученичество его и обретение мощей его*». Выделенная строка является добавлением. Показательно, что в изданиях Н. Эмина, К. Патканова, основанных на рукописях группы I, этот текст еще более наслаивается, обрастает: «*Краткое сообщение о святом Григории, просветителе Армении и его блаженных сыновьях; вместе с тем о рукоположении св. Григориса, сына Вартанеса, внука ве-*

ликого святого Григория, в католикосы Албании и Иберии...» Концовка одинаковая. Подчеркнутая строка опять же является новой. Исследование показало, что рукописи группы I претерпели последнюю конфессиональную редакцию в XVIII в. Издания «Истории албан», основанные на рукописях группы I, в свою очередь также подверглись редактированию издателей. Таким образом, текст «Истории албан», подверженный изъятию отдельных фрагментов, наслоению прибавлений, уточнениям из армянских источников, становился похожим на текст армянских источников. И потому у некоторых исследователей создалось неверное представление об источниках «Истории албан». Они находили в этом памятнике целые текстовые заимствования из армянских источников (См.; например, Ш. Смбалян [49, с. 7, 20].

Это хорошо прослеживается во многих главах. Рассмотрим опять же гл. 14, кн. I. Разночтения наблюдаются как в заголовке гл. 14 [вышеприведенное], так и в самом тексте. Так, текст гл. 14 группы II [С-59 и Р₄ 220] начинается со слов: «То, что относится к священному — старейшему главе [ерицс] блаженному Григорию, просветителю Армении, можно узнать из истории Агафангела. Но то, что свершилось в Албании с помощью отрока Григориса, находится в этом писании». *Этот пассаж засвидетельствован только в рукописях С-59 и Р₄ 220.* И далее [в С-59 и Р₄ 220] после этого отрывка излагается история проповеднической деятельности Григория Просветителя и отрока Григориса в Албании. А во всех остальных рукописях [группа I] и во всех изданиях этому изложению предшествуют три-четыре страницы, где повествуется о родословной, происхождении Григория Просветителя, его проповеднической деятельности в Армении, о святых армянской церкви — Рипсимэ и Гайанэ, об армянском царе Трдате. И только после этого дается изложение об Албании. Таким образом, на примере этой главы хорошо прослеживаются следы албанской и армянской редакций. Албанская редакция [группа II] включила все то, что имеет непосредственное отношение к истории Албании. А то, с чего начинается эта глава в рукописях группы I и изданиях, представляет собой армянскую редакцию, которая излагает историю армянской церкви. Армянская редакция приближает текст

«Истории албан» к тексту армянских источников [Агафангел].

6. Отличие рукописей группы II от группы I состоит в том, что в рукописях группы II отсутствуют данные, которых нет в группе I. Так, в гл. 4 кн. I, группы II читаем: «От детей [потомков Арана], говорят, произошли народы Утийского, Гардманского, Цовдийского и Гаргарского княжеств». Дополнительным является «Цовдийского и Гаргарского княжества». В гл. 8 кн. I группы II читаем: «Царевич аланский [брат Сатиняк] попадает в руки Арташеса». А в группе I речь идет об албанском царевиче.

7. Колофон списков «Истории албан». Характерной особенностью средневековых рукописей является наличие колофона — приписки, в которой сообщается имя переписчика, время и обстоятельства переписки, имя заказчика и пр. Существует определенный канон написания колофонов. Колофон — (древнеарм. хишатакаран) это документальный источник для точной датировки раздела, части, рукописи, (в которой он зафиксирован), для изучения многих вопросов истории.

Исследование двух списков «Истории албан» убеждает в необходимости выявления и издания колофонов, что диктуется не только их значимостью для изучения истории Албании, но и тем обстоятельством, что некоторые исследователи неправильно их понимают и трактуют. Так, наличие имени переписчика Адриана в одном из колофонов натолкнуло З. И. Ямпольского на мысль, что автором всей рукописи «Истории албан» является этот Адриан [413, с. 149 — 159]. Это мнение должно быть отвергнуто, ибо распространение его затрудняет выявление имени действительного автора.

То, что Адриан — переписчик и текст, связанный с ним, колофон, удовлетворяющий всем требованиям канонического колофона, совершенно очевидно: «Я, Адриан, писавший это упоминание, прошу Вас, читателей, упомянуть меня недостойного, и не забывать патриарха Аббаса, в дни которого явился свет в стране нашей, вместе с ними и Вехика, предтечу их, которого да помянет Господь по великой милости своей. Вы же, которые, помяните нас, да воздаст вам Христос возмездие с блаженными мучениками, ныне и присно. Аминь» (*Каланкатуйский, II, 6*)⁸.

8. При нынешнем состоянии изученности рукописей двух групп, а также реалий того времени, можно допустить, что из двух групп рукописей ближе к подлиннику стоят рукописи группы II, которые не подвергались изменениям, не привлекали должного внимания исследователей и потому сохранили следы албанской редакции.

«Среди закавказских источников едва ли можно найти памятник по своей исторической значимости равный «Истории страны алван», — такую оценку памятнику дает известный кавказовед А. П. Новосельцев. Это — «прежде всего источник по истории предков азербайджанцев и армянского населения Нагорного Карабаха. Памятник содержит также ценнейшие известия о хазарах, интересные данные по истории Грузии... материалы по Ирану» [321, с. 186].

К разряду памятников местной албанской историографии относятся труды Мхитара Гоша. Видный деятель албанской культуры Мхитар Гош был автором большого количества притч, басен, знаменитого «Судебника», «Албанской хроники» и одного агиографического сочинения — «Мученичество Хосрова Гандзакского». Известный правовед, Мхитар, по прозвищу Гош, (1130 — 1213), уроженец города Гандзака — Гянджи, которую он именует «матерью городов», «метрополией» [324, с. 214], получил образование у вардапета Йовханнеса Тавушского, а затем в Киликии [54, с. 6—7].

Он пользовался большим авторитетом, а в вопросах догматики, церковного ритуала, а также в вопросах, относящихся к церковным распорядкам и монастырскому уставу, мнение его рассматривалось как решающее [324, с. 212]. Гош был основателем монастыря и монастырской школы Нор Гетик, которая стала прославленным очагом просвещения как Албании, так и Армении. Сюда стекались не только для учебы, но и для совершенствования своих знаний. Нор Гетик назывался также Гошаванком (монастырем Гоша).

Известными учениками Мхитара Гоша были Вардан Аревелци (Восточный) и Ванакан Вардапет. Ученик Ванакана Киракос Гандзакский и оставил большую часть тех сведений, которыми мы располагаем о «духовном деле» его Мхитаре Гоше [54, с. 7].

Мхитар Гош перебрался из Гянджи в Хачен и поселился в монастыре Гетик, где пребывал до землетрясе-

ния 1131 г., разрушившего монастырь. С помощью хаченского князя Вахтанга и его приближенных Мхитар Гош основал монастырь Нор Гетик (Новый Гетик), где и умер в 1213 г. [54, с. 7]. В «Албанской хронике» Мхитара⁹, представляющей собой, по замыслу автора, продолжение истории, написанной Дасхуранци-Каланкатуйским, изложены события, происходившие в Албании в течение 1130 — 1162 гг., в период господства Сельджуков [54, с. 5 — 7]. «Но начатое Гошем произведение осталось незаконченным» [54, с. 5].

В рукописи № 1237 «Албанской хроники» имеется концовка: «...составление этой хроники по причине гонений отечественных, но не иноземных, которые бременем легли на наши плечи, и было отложено, — мы сочли необходимым также включение в нее списка католиков албан, и надлежащим образом, объединив, мы [также] имели бы теперь их всех в следующем порядке» [54, с. 6]. Этот список албанских католиков представляет для нас несомненную ценность, ибо в нем зафиксированы имена патриархов от основания албанской церкви вплоть до XII в. включительно. Интересен сам заголовок списка: «Список патриархов албан, рукоположенных после владыки Елише, который прибыл из Иерусалима».

Заголовок подчеркивает апостольское начало албанской церкви, а также то, что истоки ее восходят к городу Иерусалиму.

Памятником большой значимости албанской правовой науки является «Судебник» Мхитара Гоша, в котором выкристаллизовались правовые нормы прошлой жизни, отразились социальные и правовые отношения различных классов и слоев албанского общества.

В свое время З. М. Бунятов верно обратил внимание на то, что заголовок правового памятника, созданного Гошем, в рукописи известен под названием «Датастан-гирк — Судебник» и что издатели этой работы, добавив к названию слово «хайоц» (армян), образовали новое, не писанное самим Гошем название «Датастангирк хайоц», т. е. «Армянский судебник». Основываясь на этом, а также на том факте, что Гош создал свой судебник по настоятельной просьбе «благородного главы церкви албанского дома» католика Албании Степанноса III и что источниками «Судебника» послужили как законы Восточной Римской империи, законы Моисея, так и ал-

банские церковные каноны, З. М. Бунятов пришел к совершенно правомерному выводу, что «Судебник» Гоша следует считать памятником албанской литературы, написанном на грабаре [149, с. 98 — 99].

А. Ш. Мнацакян, считая вывод З. М. Бунятова ошибочным и «пытаясь» опровергнуть его, тем не менее вынужден признать и подтвердить, что действительно рукопись Гоша известна под заголовком «Судебник Мхитара Гоша» и слово «Армянский» В. Бастамянц (издатель Гоша)¹⁰ «неправильно подобрал для публикуемого текста» [302, с. 179]¹¹.

Мы попытаемся выявить исторические предпосылки появления «Судебника». Создание историко-правового документа — «Судебника» не было случайной волей или желанием одного Мхитара Гоша, — это было исторической необходимостью.

Дело в том, что до падения Албанского государства (VIII в.), во время правления албанских царей и сменивших их великих князей, социальные и правовые отношения общественных слоев страны, правовые нормы регулировались каноническими постановлениями (канонами) албанских соборов, а также светскими законами, издаваемыми правителями страны — царями, великими князьями.

В период же с VIII по XII в. в условиях отсутствия албанской государственности, отсутствия какой-либо единой власти в пределах всей страны большая часть албанского населения исламизировалась, деэтнизировалась и пользовалась мусульманским правом — шариатом. Оставшаяся часть албан — христианское население, находившееся в окружении иноверцев, сохранялось только благодаря албанской автокефальной церкви, которая выступала в роли центральной общенациональной организации. Именно в этих условиях намечалось и созревало политическое и культурное возрождение албанского княжества-царства (Хаченского), наблюдался подъем албанского самосознания, появилась необходимость создания для албан-христиан своего юридического документа, который бы регулировал все стороны их жизни. С помощью «Судебника» албаны-христиане могли бы противостоять не только чуждым религиозно-политическим влияниям, но и идейному единению с чужими христианскими церквями¹².

К этому времени накопилось большое число как переводных (с сирийского, греческого, армянского), так и местных оригинальных канонических текстов.

«Судебник» Мхитара Гоша был создан только для албан и в этом не должно быть никаких сомнений. Как известно, армяне имели свои правовые памятники — «Армянскую книгу канонов» («Канонагирк»), созданную в VIII в. Одзнеци¹³, и «Судебник» Смбага Спарапета, созданный в XIII в. для Киликийской Армении. Одним из основных источников, используемых Смбагом Спарапетом, был «Судебник» Гоша. Как известно, ученые армянской историографии, все без исключения, считают «Судебник» Гоша армянским [56]¹⁴. Тогда напрашивается вопрос, какая была необходимость при наличии «Канонагирка» Одзнеци, которым пользовались армяне и который прекрасно удовлетворял нужды армян вплоть до XX в. [106, с. 37—40], создавать в XII в. новый «Судебник» Гоша [одним из многочисленных источников которого послужил тот же «Канонагирк»]. И если «Судебник» Гоша все же создан для армян в XII в., то опять напрашивается другой вопрос, — какая необходимость спустя одно столетие создавать Смбагу Спарапету новый «Судебник» для киликийских армян, главным источником которого послужил все тот же «Судебник» Гоша. На наш взгляд, это можно объяснить исходя из реалий албанских и армянских просто и логично тем, что армянский «Канонагирк» Одзнеци не соответствовал общественному строю, правовым нормам, судоустройству и судопроизводству албанского христианского населения, точно так же албанский «Судебник» Гоша полностью был неприемлем для судоустройства Киликийской Армении.

Гош создавал свой «Судебник» для албан, что подтверждается целым рядом доказательств. В этом отношении очень красноречиво введение. Так, Мхитар Гош в обширном предисловии, отмечая цель и задачи создаваемого им труда, датирует начало своей работы тремя синхронными датами: по армянскому летоисчислению, по так называемой Малой армянской эре и по «ромейскому исчислению». «Предприняли мы это дело в 633 году армянского летоисчисления: вычтя цикл (в 532 года), будет 101 год по календарю, который называется (у нас)

Малым календарем, а по греческому летоисчислению — в 405 году (т. е. 1184 г.)...» [55; 56, Введение].

Итак, «у нас» — у албан существовал даже свой метод летоисчисления, в отличие от армянской эры — Малый календарь, по поводу которого И. А. Орбели вынужден был отметить, что он «не получил широкого распространения, но принятый в Арцахе (арменизированной Албании)» [324, с. 213].

Далее Мхитар Гош лаконично характеризует эпоху, политическое положение страны, обстоятельства, при которых он творит свое сочинение: «...в годы издавна наступившего безвластия в царстве нашем: в то время, когда оставались еще лишь немногие князья в странах Хачена, во дни принявшего иночество [князя], прозванного Хасаном, и его сына Вахтанга, который [пребывает] в крепости, именуемой Хайтерк (Атерк. — Ф. М.), и является главой других князей, и в странах Киликии — великого князя Рубена; в год, когда умер победоносный царь Грузии Георгий, в патриаршество над Великой Арменией владыки Григория и в первосвященство в стране нашей Албанской владыки Стефана» [324, с. 213]. Как верно заметил И. А. Орбели, Гош подчеркивает в этом фрагменте соответствие Киликийскому великому князю, в ближайшем будущем королю, старших из князей Албании (Хачена-Арцах), которая является для Мхитара Гоша родной — «в нашем царстве», «в стране нашей Албанской» [324, с. 214]. И. А. Орбели сделал еще одно замечательное наблюдение, что «Мхитар, указывая хаченских князей, не упоминает вовсе ни Захарию, ни Иванэ Долгоруких, представителей сильнейшего из армянских родов того времени...» [324, с. 214]. И тем досадней и непонятней, почему И. А. Орбели, сделав такие интересные наблюдения, совершенно беспочвенно продолжает считать Мхитара Гоша армянским автором: «Это еще раз подчеркивает, что несмотря на свою принадлежность армянской церкви, несмотря на полную самоотдачу армянскому народу, и, находясь под воздействием армянской культуры, в которой он с детства рос, Мхитар не потерял сознания своей связанности с Араном и с его самым большим и значительным после разрушения Партавы (Барды) городом, родным для него Гандзаком, т. е. Гянджой» [324, с. 214].

Напротив, из введения к «Судебнику», а также из

данных Киракоса Гандзакского о Мхитаре Гоше явствует, что Гош был албанским христианином, вардапетом (учителем) албанской церкви, а так называемая «самоотдача армянскому народу», т. е. служение Гоша «армянскому народу», на деле реально выглядит следующим образом:

1. Проповедническо-просветительная деятельность Гоша имела место в пределах исторической Албании; «Много было людей, учившихся у него (Мхитара) искусству проповедничества, ибо молва о мудрости его распространилась повсюду. Приходили к нему со всех концов». Далее: «Множество людей, имевших сан вардапета, из-за такой славы его скрывали свой сан, приходили к нему и вместе с его учениками обучались у него и заново получали сан. Многие из его учеников добились чести стать вардапетами» (*Киракос Гандзакский*, гл. 15).

Прославленными учениками Мхитара были албанец Ванакан, будущий учитель самого Киракоса Гандзакского и Торос из армянской Мелитены, отец которого был армянином по происхождению, а мать — сирийка (*Киракос Гандзакский*, гл. 15). Итак, где здесь «полная самоотдача армянскому народу?».

2. Творческая деятельность Гоша: написание «Албанской хроники», в которой он отразил историю албан, «земли Албании», «страны Албан», а также привел список албанских патриархов с IV по XII в. включительно; написание «Судебника» по заказу — настоятельной просьбе и требованию албанского католикоса Степанноса III и, который должен был служить албанскому населению; написание агиографического сочинения — «Житие Хосрова Гандзакского», опять же — житие албанского христианина. Как можно здесь усмотреть в деятельности Гоша «самоотдачу армянскому народу?»

Что же касается «попыток» А. Ш. Мнацаканяна зачислить Мхитара Гоша и его «Судебник» в актив истории армянского народа, то у него никаких научных аргументов нет. Данные, приводимые им, и его логика, напротив, убеждают в обратном.

Так, А. Ш. Мнацаканян сообщает, что Гош, узнав о грузинском епископе Кюрионе, писал, что тот «обуян завистью, что престол Сюникский и Агванский в большем почете, чем его (престол), потому отделился от нас» [302, с. 180]. В этом пассаже и намек нет в пользу кон-

цепции А. Ш. Мнацаканяна. Если он пытается усмотреть это в местоимении «нас», то напомним, что Кюрион отделился идеологически от вероисповедания монофизитского толка, приверженцами которого были и армяне (армянская церковь) и албаны (албанская церковь). «Нас» следует понимать албан. А. Ш. Мнацаканян, называя Гоша «гениальным представителем армянской и мировой юридической мысли», тут же отмечает его активную деятельность прежде всего в «Восточном крае Армении» [302, с. 180]. А под «Восточным краем Армении» А. Ш. Мнацаканян и ряд других армянских исследователей понимают правобережную Албанию, т. е. территорию междуречья Куры и Аракса. Следовательно, так или иначе, а Гош был деятелем Албании.

Известно, что албанский католикос Степаннос, покровитель Мхитара Гоша, с которым отношения Мхитара были осложнены, сильно настаивал и торопил Гоша создать «Судебник», на что имеются глухие жалобы Гоша [55; 56 — Введение]¹⁵. А. Ш. Мнацаканян совершенно голословно утверждает, что отношения между Гошем и Степанносом были испорчены из-за того, что католикос занял враждебную позицию по отношению к армянскому духовенству и что труд Гоша («Судебник») «должен был подвергнуться ожесточенным нападкам и, прежде всего, со стороны католикоса Агванка, поскольку автор этого труда (Гош. — Ф. М.) *настойчиво стремился утвердить традиционный авторитет армянской церкви, и веру, которую исповедовал армянский народ*» [302, с. 184]. Дело в том, что Гош был далек от такого «стремления», что явствует особенно из статьи 113 «Судебника» «о девяти чинах» — «о церковной иерархии», которую армянские ученые считают чьей-то фальсификацией [302, с. 183, прим. 37]. В этой статье Гош, следуя албанской историко-правовой традиции и пользуясь «Историей албан» Моисея Каланкатуйского, толкует о необходимости наличия в церковной иерархии девяти чинов, согласно которым албанская церковь была патриаршей, т. е. автокефальной. В статье сказано: «...этими побеждены были армяне в споре о вопросах веры с ромеями и франгами, как повествует «История агван» («Судебник», ст. 113). Да и кроме всего прочего, исходя из посылок А. Ш. Мнацаканяна «о враждебной позиции» албанского католикоса Степанноса по отношению к армянскому

духовенству, вытекает совершенно другое следствие, а именно: существовали разногласия между церквами армянской и албанской¹⁶, и албанский католикос стремился создать для своего албанского христианского населения свой «Судебник», что Гош и сделал.

На всех страницах своей книги «О литературе Кавказской Албании», автор доказывает, что агваны — это восточные армяне, т. е. часть от целого. А дойдя до шедевров албанской литературы, в частности до Мхитара Гоша, он утверждает, что «разве отторгнутый Мхитар Гош (имеется ввиду «отторжение», проделанное З. М. Буниатовым. — Ф. М.) вместе со своим творением станет собственностью агван? Конечно нет!» [302, с. 179]. спрашивается, почему албанская принадлежность Гоша (его албанское происхождение, творения для албан) так пугают А. Ш. Мнацаканяна? Ведь согласно его логике албаны-агваны — это те же армяне, часть их. Однако упорное стремление А. Ш. Мнацаканяна доказать обратное приводит его к невольному противопоставлению армян албанам и наоборот, что подрывает истоки его концепции.

Единственный довод его — это язык творений Гоша, который был древнеармянским. Но это объясняется исторически сложившимися условиями, о чем скажем ниже.

Возвращаясь к «Судебнику», отметим источники этого памятника. Сам Гош пишет: «Подобало бы, чтобы составление «Судебника» было осуществлено при рассмотрении его собором или при участии многих. Сам я охотно просил об этом, но это по многим причинам не состоялось.. Но поскольку это не состоялось, мы этот недостаток восполняем писаниями, берем в свидетели их силу и веления и особенно содержащиеся в них решения по действительно имевшим место делам, равно и достоверные (по лично нами виденному или слышанному. — И. О.) законы каждого народа.

Посему мы, собрав законы из сих писаний и от народов, начертаем их и будем свободны от упреков» [55; 56 — Введение]¹⁷. Итак, Гош сам называет свои источники — Писания и законы каждого народа.

В конце введения Мхитар уже конкретно называет свои источники: 1) обычное право, 2) предания христианских народов, имеющие юридическое значение, 3) му-

сульманские законы, 4) так называемые Ветхий и Новый заветы и 5) каноны армянских церковных соборов [404, с. 108; 149, с. 99]¹⁸.

Ко времени создания Гошем «Судебника» существовало, конечно, большое количество как переводных, так и оригинальных канонических текстов:

1. Библия, каноны трех первых вселенских соборов, апостольские каноны, каноны «святых отцов» (Василия Великого, Афанасия Александрийского и др.). Перечисленные каноны — это нормы внешние, рецепированные, общие с другими церквами христианского Востока и обязательные для всех христиан. Они носили догматический и организационный характер.

2. Местные албанские каноны, разработанные албанской церковью. Что же касается «Канонагирка» (армянской «Книги канонов», то общими у нее с «Судебником» Гоша были лишь нормы внешние. Каноны же армянских соборов, посвященные порядкам внутренней жизни армян, не использованы Гошем, что вынужден признать сам В. А. Акоюн [106, с. 28]. «Судебник» Гоша обслуживал нужды албан, регулировал нормы их общественной жизни. Это подтверждается еще тем фактом, «что «Судебник» создавался как по настоянию албанского католикоса, так и по настоянию албанского (хаченского) «князя князей» Вахтанга, которые, несомненно, преследовали для себя практическую цель. В одной из рукописей «Судебника» имеется приписка чрезвычайной важности (хранится в библиотеке венецианских мхитаристов), где сказано: «Да дарует бог боголюбивому и благочестивому князю князей Вахтангу, сыну Гасана, волю безошибочно отправлять заповеди этого «Судебника» [404, с. 110].

«Судебник» сохранил свою жизненность для албанских христиан и в последующие века, вероятно, до 1836 г. Он имел применение и у других народов. Неотступное желание Гоша, чтобы его «Судебник» исправлялся, дополнялся, обогащался в будущем «в соответствии с обстановкой и требованиями жизни» и времени, оправдалось [324, с. 216]. В начале XVII в. большая часть «Судебника» Мхитара вошла в Уложение грузинского царя Вахтанга, которое действовало «не только до присоединения Грузии к России, но и в русских судебных установлениях для закавказских областей в течение первых де-

сятилетий XIX в. и соответственно вошло в состав Свода законов Российской империи» [324, с. 216].

Кроме «Судебника» перу Мхитара Гоша принадлежит агиографическое сочинение, хвалебное слово, посвященное Хосрову Гандзакскому, которое в рукописи названо «Панегириком вардапета Мхитара, по прозвищу Гош, новому мученику Хосрову» (на древнеармянском языке)¹⁹.

Структурно сочинение делится на две части — вступление и историю подвижничества, мученичества Хосрова. Для нас представляет определенный интерес само вступление, где отражено экономическое, политическое положение страны после сельджукских походов, «когда царили беззаконие, насилие и смерть» [331, с. 241]. Вступление повествует о постоянных войнах, происходивших между сельджукскими эмирствами Хлата и Гандзака, с одной стороны, и войны этих эмирств с Грузией, — с другой, что, несомненно, разоряло албанское население.

«Царь соседней с Албанией Иберии также захотел опустошить страну, лишит ее людей и скота; особенно сильному разрушению подверг он плодородную и богатую страну Утийскую» [331, с. 244]. Мхитар Гош отмечает страшное падение нравов, усиление взяточничества: «Патриархи, также священники рукополагали за серебро». Далее он сообщает: «Настолько все обнаглели, что настоятелями церкви становятся не только миряне, которые не рукоположены в священники, но их жены. И всякий смело совершает преступление, не боясь никого и не осуждаемый никем» [331, с. 244].

Ценность этого сочинения в том, что оно отражает мировоззрение, политические взгляды Мхитара Гоша, считающего, что только единство князей-ишханов перед лицом врага может спасти страну от порабощения. Это сквозит в его взгляде и на судьбы армянских ишханов: «...они (ишханы) предпочли быть в услужении у любого народа, чем повиноваться друг другу и быть свободными» [331, с. 244].

Кроме всего прочего, это житие дает ясное представление о политическом положении страны накануне (или во время) создания «Судебника» Мхитаром Гошем и еще раз свидетельствует о том, что появление этого труда было исторической необходимостью. Датирует Мхитар свое сочинение в традиционной для него манере — датирование с синхронизацией²⁰. Так он сообщает, что

Хосров Гандзакский «Св. мученик Христа преставился в Аране, в столице Гандзак в 616 (1167) г., на третий день месяца арац ... в царствование греческого императора Кир-Мануила, в правление армянского князя Тороса, которого греческий император и грузинский царь Георгий почтили княжеским титулом, в княжение Гасана, сына Вахтанга из Хачена, и в патриаршество [духовных] владык Великой Армении родных братьев Григориса и Нерсеса, при духовном владыке страны Агванк Степаносе и владыке Иоанне, епископе г. Гандзака, при правителе восточных [стран] Ильдегизе, в царствование Асланшаха, государя эламитов и персов, у нас же в царствование Иисуса Христа...» [331, с. 249 — 250].

Другим представителем албанской литературы является Киракос Гандзакский — тоже уроженец г. Гандзака (Гянджи), родился около 1201 г., умер в 1272 г. [404, с. 119]. Источники именуют его и Аравелци, т. е. уроженец Востока, восточный, а также Гетици, по названию монастыря Нор Гетик, где он обучался у Ванакана, ученика Мхитара Гоша, и где прошла большая часть его жизни. Киракос знал армянский, персидский, турецкий, арабский языки [39, с. 23]. Труд Киракоса «История» — ценный памятник по истории народов Закавказья — албан, армян и грузин в период нашествия и начала владычества монголов. Структурно сочинение состоит из 66 глав (не все издания имеют 66 глав), из коих Армении посвящены 22 главы, Албании — 18 глав, Грузии — 7 глав, а остальные главы отражают некоторые религиозные вопросы, общие для трех народов Закавказья, а также вопросы политической истории государства Хулагуидов, их налоговой политики, завоевания ими Малой Азии и Месопотамии.

В разделах, посвященных Албании, Киракос дает компилятивный обзор истории албан с мифического периода и до появления монголов. Определенный интерес имеют главы, в которых представлено самостоятельное изложение периода монгольского завоевания албан, период правления князя Хачена — Гасана Джалала, о строительстве им Гандзасарского собора и др. Киракос также кратко излагает историю армян с периода принятия христианства и доводит до появления татар.

Основная цель его труда — описать завоевание монголами Закавказья, Малой Азии и Месопотамии.

IV в. Современником Шупхалишай был не Вачаган III, албанский царь, а Вачаган II, и собор был созван при нем. С. Х. Ованнесян отмечает наличие в «Истории албан» противоречия в связи с именем Шупхалишай, который упоминается в списке албанских католикосов после Григориса (IV в.), внука Григория Просветителя, а в контекстах он упомянут как современник албанского царя Вачагана III Благочестивого (V в.) и как участник Агуэнского собора. Доверяя списку албанских католикосов и одновременно отрицая достоверность контекстов, С. Х. Ованнесян утверждает, что Шупхалишай был католикосом в IV в. [322, с. 165 — 167].

Дело в том, что С. Х. Ованнесян не заметил противоречия в самих списках албанских католикосов, приложенных к «Истории албан», которому он доверяет полностью. В одних списках рукописей «Истории албан» и соответствующих им изданиях [45, с. 391; 46, с. 280; 48, с. 268] Шупхалишай непосредственно преемствует Григорису, а в других списках и соответствующих им изданиях [47, с. 288] Шупхалишай вместе с пятью последующими католикосами предшествуют Григорису.

Считаем, что следует верить текстам Каланкатуйского, а не списку католикосов, так как контексты, повествующие о Шупхалишае, как современнике Вачагана III, о Вачагане III, о созыве Агуэнского собора, входят в первую книгу, которая написана в конце VII в. и начале VIII в. А список албанских католикосов, которым завершается третья книга Каланкатуйского, бесспорно составлен не раньше X в.

Итак, в этом списке, который является поздним добавлением, возможны ошибки, особенно в части, посвященной первым албанским католикосам. Это подкрепляется следующим. В начале списка албанских католикосов имеется приписка: «Об именах патриархов следовало бы написать точно. Но так как деяния, время и имена предшествующих патриархов, заветы были сожжены беззаконниками, места их пребывания неизвестны нам и не дошли до нас, то мы, сколько могли, постарались составить этот список для тех, которые займутся этим вопросом» (Каланкатуйский, III, 23). А в примечании к списку албанских католикосов, приводимом И. Шахатунянцем, это же засвидетельствовано таким образом: «...но так как о деяниях и времени прежних католикосов

и сведения об именах их были сожжены нечестивцами, и все они не дошли до нас и нам неизвестно место их пребывания, потому мы приводим его (сведение) неполностью для тех, кто интересуется этим вопросом» [403, с. 330; 369, с. 164]. При таком состоянии этих списков не исключено, что в них возможны перемещения, пропуски и, следовательно, они хронологически не выдержаны. Об их неполноте свидетельствует и то обстоятельство, что список католикосов, приводимый И. Шахатунянцем, отличается от списков известных изданий Каланкатуйского. Здесь Шупхалишаю предшествуют три католикоса: 1) Св. Елише; 2) некий блаженный муж, сопровождавший Григория из Кесарии, который был назначен главой албанской церкви; 3) Григорис. Новым дополнением является «муж блаженный». Списки албанских католикосов, конечно, претерпели большие изменения при поздних редакциях в связи с вопросом об автокефалии албанской церкви. Албанская редакция, доказывая самостоятельность албанской церкви, ее патриаршее начало, помещала Шупхалишай вместе с пятью католикосами перед Григорисом, внуком Григория Просветителя, а армянская редакция, стремясь доказать, что албанские католикосы получали рукоположение от армян и что первым албанским католикосом был внук Григория Просветителя, Григорис, помещала Шупхалишай после Григориса.

Думается, что согласно данным контекстов, Шупхалишай по праву должен быть перемещен в списке католикосов. Он являлся преемником албанского католикоса Иереми, который был современником албанского царя Асуагена (IV в.), и с несколькими следующими за ним католикосами предшествовал албанскому католикосу Тэр Абасу (VI в.). Ведь, как известно, поздние историки — Киракос Гандзакский, Мхитар Айриванец [38, с. 194; 52, с. 19, 48], обратив внимание на противоречие относительно имени Шупхалишай, выражали сомнение по поводу помещения его в начале списка католикосов и датировали его V в. Известно также, что кроме Агуэнского собора Шупхалишай в составе албанского духовенства принял участие на совместном армяно-албано-иберском соборе, созванном в Двине в 506 г. армянским католикосом Бабкеном I (490 — 515) [120].

Другим доводом, по мнению С. Х. Ованнесяна, является

литературных и правовых памятников, можно сказать, что они являются типичными творениями феодальной эпохи. «Каждому общественному строю присущ свой особый круг исторических источников, содержание которых определяется своеобразием, свойственным базису и надстройке данного общественного строя, а внешняя форма зависит от соответствующего уровня развития материальной культуры и техники письма» [247, с. 6].

По классовым и конфессиональным позициям авторы албанских источников были выразителями интересов албанских правителей (царей, великих князей), духовенства, церкви, и прохристиански настроенных феодалов-азатов (нахараров).

В албанской литературе, как и в любой христианской литературе, в начальный период (да и не только в начальный) главная роль перешла к церковно-христианским писателям, так называемым «отцам церкви», в силу чего она может именоваться патрологией. Сочинения албанских авторов V — X вв., созданные на албанском языке, носили двойственный характер, имели признаки исторического произведения и агиографического. Они могут быть отнесены и к разряду летописей, ибо в них есть своеобразный хронологический принцип изложения — датирование с синхронизацией («История албан»).

Как уже было отмечено, албанская литература V — X вв. создавалась на албанском языке, хотя и дошла до наших дней на древнеармянском языке. Как показало исследование З. М. Бунятова, после арабского завоевания произошли большие изменения. В результате активной деятельности арабских правителей произошла исламизация христианского албанского населения равнинных областей. Что же касается остальной части христианского албанского населения, то оно со временем было григорианизировано в результате политики григорианизации албанской церкви, проводимой арабским халифатом совместно с армянской церковью [149, с. 29, 86 — 102]. Историческим итогом этого явилась культурно-идеологическая арменизация* преимущественно горной части населения страны. И потому албанская литература XII — XIII вв. уже создавалась церковниками албанской

григорианской церкви на древнеармянском языке. Они же одновременно переводили с албанского языка на древнеармянский творения предшествующей албанской литературы. Не случайно, что самая ранняя рукопись «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, дошедшая до нас на древнеармянском языке, датируется XIII в. Но население еще долго продолжало считать себя албанским этносом, ибо продолжала существовать албанская, хоть и григорианизированная, но еще самостоятельная церковь, которая поддерживала албанские культурно-политические традиции. Важным фактором была неидентичная политическая судьба албанского этноса и соседнего армянского (об этом обстоятельно изложено в гл. II, III, IV).

И в свете вышесказанного нам представляются неправомерным и беспочвенным мнения и сомнения тех, кто не признает, что албанские источники V — VIII вв. существовали и написаны были на албанском языке [213, с. 305; 302; 378, с. 219 — 232; 383, с. 68; 49, с. 18 — 19].

Если мы рассмотрим исторические реалии Армении и Албании синхронного времени (периода поздней античности и V — VIII вв.), то убедимся, что написание албанских памятников на древнеармянском языке было совершенно исключено.

С периода падения империи Тиграна II (I в. до н. э.) и до 428 г. армянской государственности фактически уже не было, а юридически она была отменена в 428 г. Весь этот период до VI в. включительно территория Армении подвергалась неоднократному разделу между двумя империями — Римом-Византией и Ираном (о многочисленных договорах подробно говорится во II гл. «Исторической географии»). Итак, произошло юридическое упразднение фактически давно не существующего армянского царства. Теперь были две Армении, две провинции — западная Византийская Армения и восточная — Перс-Армения, управляемые наместниками (марзбанами). Что же собой представляет в этот период Албания?

В силу отдаленности от Византии и географического положения Албании, позволившим ей держать под контролем важные в стратегическом отношении Дербентский и другие мелкие проходы вдоль горных хребтов Большого Кавказа, ей удалось в отличие от Армении и Грузии сохранить политическую независимость, ибо Сасани

* Григорианизация — это еще не арменизация. См. гл. IV «Албанская церковь».

ниды были заинтересованы в наличии пространственного буфера, надежно защищавшего непосредственно имперские земли от вторжений кочевников-степняков, политическая активность которых на Северном Кавказе в рассматриваемое время сильно возросла. В определенном смысле это устраивало и Албанию, которая, контролируя указанные проходы, получила сферу действий во внутренней и внешнеполитической деятельности.

И цари и великие князья Албании поддерживали обоюдоважные союзнические отношения с царствующими династиями Ирана — Аршакидами и Сасанидами, подкрепляя эти отношения династическими браками. В таких условиях не было никакой необходимости пользоваться в Албании армянским языком и тем более создавать на этом языке албанскую историко-правовую литературу, т. е. армянский язык не мог быть *lingua franca*.

Если говорить об этносе страны, то, согласно данным источников, в Албании не было инфильтрации армян. Армянские поселения на территории Азербайджана появились значительно позднее, в конце XVIII — в начале XIX в. Население Албании было автохтонным, т. е. албанским, с постоянным просачиванием и оседанием здесь тюркоязычных, а временами и иранских племен. Как отмечалось, согласно армянской и албанской традициям Месроп Маштоц изобрел три алфавита — для армян, грузин и албан. К тому же известно, что албанские письмена он «возобновил» — возродил, реформируя его «по гортанному-горловому, свистящему, варварскому, ломанному языку гаргаров» [41, с. 10; 250a].

По сообщениям Хоренаци и Каланкатуйского, Месроп идет в Албанию, где при содействии албанского царя Асуагена, албанского патриарха (главы епископов) Иеремии и с помощью даровитого переводчика *Бениamina*, которого отправил к Месропу владетель Сюника, реформировал «письмена для богатого гортанными звуками, грубого, варварского и необработанного языка гаргарского» (*Каланкатуйский*, II, 3); «...создал письмена языка гаргарского, языка, богатого горловыми звуками, бессвязного (?), варварского, в высшей степени нескладного» (*Хоренаци*, III, 54). Без переводчика *Бениamina*, как сообщают источники, Месропу было не справиться.

Как сообщает Корюн, когда Месроп Маштоц нахо-

дился в западной Армении, «приехал к нему иерей, родом албанец (албан), по имени *Бениамин*. Он [Месроп], расспросив его, расследовав варварские слова албанского языка... создал письмена для [албан]» [40, с. 68; 42, с. 105 — 106]. Как видим, фактов об албанском этносе и его письменности предостаточно.

Албанский алфавит, как известно, состоит из 52 фонем, а армянский — из 36. Совершенно очевидно, что никакой связи между этими этносами и их языками нет. Для «отца армянской истории» Моисея Хоренаци четко известен албанский этнос, в отличие от армянского. «...Вечно лживые албанцы», — говорит Хоренаци (III, 3). Фавстос Бузандаци считает албан самостоятельным этносом, не смешивая их с армянами. Так, глава 13 кн. V озаглавлена четко: «Об албанах», а в тексте читаем: «Пошел войною [Мушег] также на страну албан и жестоко разгромил их. Отнял много областей — гаваров, которые были ими захвачены...»

Что же касается сведений о наличии у албан в V в. своей письменности, то еще А. Г. Шанидзе, а вслед за ним К. В. Тревер верно считали, что наиболее достоверным источником в этом плане является «Книга писем», официальная редакция которой составлена в VIII в. В «Книге писем» во втором письме армян, адресованном к православным единоверцам в Персию после Двинского собора 506 г., сказано: «Мы писали вам раньше в согласии с грузинами и албанами *письмом каждой страны* — юраканчюр ашхархи гров» [400, с. 3; 21, с. 51; 374, с. 309; 96, с. 13]. А. Ш. Мнацаканян считает, что выражение «письменностью каждой страны» должно относиться не к авторам послания — армянам, грузинам и албанам, а к тем, кому адресовано было оно, т. е. проживающим во владениях Персии христианским народам. А. Ш. Мнацаканян полагает, что этот ответ был переведен на языки христиан, проживающих в областях Персии — Сирии, Нисибине, Хузистане, Ниневии. Он считает, что этими христианами являются сирийцы, персы, армяне [302, с. 10 — 11].

Дело в том, что языком письменности христианского населения Персии был сирийский-арамейский [343, с. 21—29; 96, с. 10—11], и потому толкование А. Ш. Мнацаканяна лишено какой-либо почвы. Эксерпт из «Книги писем» может быть понят лишь в одном смысле,

в каком поняли его А. Г. Шанидзе, К. В. Тревер и З. Н. Алексидзе [96, с. 13].

Автор «Истории албан» называет албан в перечне народов, имеющих свою письменность (I, 3). Напомним также о сохранившейся албанской эпиграфике из Мингечаура.

Вопрос о дальнейшей судьбе албанской литературы, изначально написанной на албанском языке для албанского населения, многое из которой погибло в водовороте войн, походов и бурных событий последующих времен, и почему она не сохранилась на языке оригинала, подробно рассматривается в исследовании З. М. Бунятова [149, с. 95 — 102]. Напомним, что об албанском письме, которым пользовалась часть албан еще в XIII в., сообщает армянский историк XIII в. Этум («Гайтон»). Известна также древнеармянская рукопись, обнаруженная А. Д. Анасяном в Матенадаране, именуемая «Об истории святого и божественного елеса». Ее нашли святые отцы на Востоке на албанском языке, и перевели на армянский язык» [204, с. 329].

§ 2. Армянские источники

Армянские источники имеют большое значение для изучения истории Азербайджана раннесредневекового периода. Без преувеличения можно сказать, что значительной частью фактов из социальной, политической и духовной истории Албании IV — IX вв. наука обязана именно этим памятникам. Обращает на себя внимание тенденциозный характер армянских источников, что впрочем характерно для любого сочинения древности и раннего средневековья. Особенно эта тенденциозность четко проявлялась при описании ими истории смежных стран, соседних народов — Иберии, Албании.

Для выявления исторической достоверности сведений, сообщаемых армянскими авторами, необходимо учесть, кто были авторы, каковы их классовые политические и идеологические тенденции, общественное положение. Следует учесть эпоху, цели и задачи, которые были поставлены перед создателями источников, обязательно сопоставить данные армянских памятников со сведениями других (чужих) синхронных источников, а также про-

вести сравнительный анализ реалий двух стран — Армении и Албании синхронного времени. Историческая наука пользуется разнообразными методами для осуществления критической проверки памятников.

Известно, что авторами этих сочинений, как правило, были служители христианской церкви Армении, положение которой было непрочным из-за нахождения страны на стыке двух империй — Сасанидского Ирана и Рима — Византии. Идеологические позиции церкви находились в зависимости от интересов империй.

Интересы духовенства не были связаны с иноземными властителями (Ираном и Византией). Оно было объединено с армянским народом, который оно часто организовывало и поднимало на народно-освободительную борьбу против чужеземных поработителей.

Вот почему армянская литература, постепенно высвобождаясь от влияния греческой и сирийской, стала отражать церковно-политическую борьбу [243, с. 32].

Авторы всех армянских сочинений и даже те, которые писали свои труды по заказу своих меценатов, в определенном смысле были патриотами своей страны и создавали историю не отдельного княжеского рода, а Армении. «Армянская литература фактически создавалась в ту эпоху, когда не было армянской государственности» [243, с. 32].

В условиях потери армянской государственности, а также раздробленности Армении (наличие западной Византийской Армении и восточной Перс-Армении) естественно назревало стремление к былой независимости, к возрождению, «ощущалась большая потребность в целостной и обработанной истории Армении» [85, с. 230]. При таких обстоятельствах авторы «Истории Армении» ставили целью возвеличивание истории самостоятельного армянского царства, проповедовали, культивировали идею общности армянских областей, идею некогда существовавшей единой мощной Армении, способной противостоять чужеземным захватчикам, воспитывали в народе дух сопротивления. «Эту идею необходимо было развивать, чтобы поддерживать народ» [85, с. 233 — 234]. И совершенно очевидно, что в таких творениях неизбежны гиперболы и искажения.

Кроме того, со временем памятники претерпевали изменения, подвергались редактированию, приводились в

соответствие с новым политическим курсом. Н. Адонц отмечал: «...памятники освещались с новой точки зрения, часто подвергались переработке сообразно новой обстановке и требованиям времени. Относительно многих памятников древности, в особенности исторического содержания, возможно сомнение, насколько наличный их вид соответствует подлинному. Что они древнего происхождения, это ясно, но несомненно и то, что они задеты посторонней рукой» [89, с. 642].

Таким образом, к каждому источнику необходим индивидуальный подход, что в конечном счете поможет выявить объективные и субъективные причины искажений. В одних случаях это сознательный обман, преследующий пропагандистские или иные практические цели; в других — это бессознательное выражение классовых и идеологических тенденций при субъективной добросовестности историка, в третьих — это следствие некритического отношения автора к полученной информации, что обусловлено примитивными приемами исследования.

Первое место в армянской историографии по времени принадлежит «Житию Маштоца» Корюна (написано в 40-х годах V в.), которое является биографией Маштоца. Сочинение Корюна — это описание определенного события, одного короткого отрезка времени [85, с. 230], вернее всего, это панегирик, в котором достаточно ясно представлено возвышение, восхваление своего духовного отца, учителя, а не исторический труд в узком значении этого понятия [42, с. 26]. Корюн сообщает о просветительской и проповеднической деятельности Маштоца в Албании, в областях Сюник, Гохтан, о реформировании им с помощью сюникского переводчика Бениамина и при покровительстве албанского царя Асуагена и албанского патриарха алфавита для албан [40; 42].

Другим представителем армянской историко-литературной традиции является Егишэ (Елишэ), написавший во второй половине V в. сочинение «О Вардане и войне армянской». Оно посвящено народно-освободительному движению с участием армян, албан и иберов, направленному против Сасанидов в 450 — 451 гг. Возглавил это движение армянский полководец Вардан Мамиконян. В этом труде автор отразил также события 457 г., связанные с антисасанидским восстанием в Албании, которое возглавил сам албанский царь Ваче II. Согласно сообще-

нию Елишэ, в результате этого восстания царская власть в Албании была на время упразднена. Елишэ, современник и участник жестоких событий, происходивших в Закавказье, правильно освещает причины, побудившие эти народы к антииранским выступлениям: экономический, политический гнет и политика культурно-идеологической ассимиляции (насаждение зороастризма, гонение на христиан), проводимые Сасанидами.

Важность этого памятника заключается еще в том, что здесь содержатся ценные сведения о гуннах, о зороастрийской религии [28]²².

Во второй половине V в. Фавстос Бузандаци написал «Историю Армении», от которой до наших дней уцелели III — VI книги, всецело относящиеся к «Конечной истории». Сочинение охватывает события за 55 лет (332 — 387 гг.) [75, с. XII]. Книга Фавстоса Бузандаци — первый опыт изложения полной истории Армении. Она должна была осветить две стороны истории: светско-политическую и церковную [243, с. 48].

Фавстос Бузандаци создавал свое творение в сложной политической обстановке. В Армении шла тайная подготовка к антиперсидскому восстанию под руководством Ваана Мамиконяна, племянника Вардана Мамиконяна, предводителя народно-освободительной войны 450 — 451 гг. Именно в такой ответственный момент истории необходимо было создать труд о былой мощи страны, о территориальных пределах страны, о героической борьбе против персов, которую вели предыдущие поколения и т. д. Фавстос Бузандаци стремится представить Мамиконянов как единственную силу, способную освободить Армению от персидского гнета [75, с. X].

Данные Фавстоса Бузандаци об Албании, албанах очень тенденциозны. Так, он сообщает, что после 34-летней войны между Арменией и персидским царем Шапуром II (309—379) «...обе стороны утомились, устали, потерпели поражение, пали духом», т. е. результат был «ничейный». Тогда, по словам Фавстоса, от армянского царя отложился и перешел на сторону персидского царя ряд областей, в числе которых он называет владетеля Гардманадзора, укрепленный Арцах, страну Каспов (Фавстос, IV, 50). Далее он сообщает, что Мушег, армянский полководец, «стал воевать с теми, кто восстал против армянского царя, и рядом жестоких сражений отвое-

вал много земель» (*Фавстос*, V, 8). В числе «отвоеванных» земель упомянуты Арцах, Ути, Шакашен, Гардма-надзор, т. е. албанские области. «Реку Куру Мушер сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше» (*Фавстос*, V, 12, 13). Исследование античных, албанских источников, а также реалий Армении в Албании античного периода и раннего средневековья убеждает в совершенной беспочвенности этой информации (См. гл. II «Историческая география»).

Политическая тенденциозность Фавстоса объясняется, очевидно, временем, условиями страны, где создавался его труд, и потому требует критического подхода к его данным. О несовершенстве, примитивности труда Фавстоса Бузандаци писал еще М. Абемян: «Эта история была в духе простолюдина, без хронологии, с чрезмерными преувеличениями» [85, с. 230]. Но вместе с тем нельзя забывать, что Фавстос представляет важные сведения о политической, социальной и церковной истории Албании. Так, из его сообщений становится известным о проповеднической деятельности Григориса, внука Григория Просветителя, в Албании, в стране маскутов, а также об участии на стороне персидского царя Шапура II албанского царя Урнайра во время персидско-армянской войны 371 г. (*Фавстос*, V, 4). Важны сведения автора и о социальной терминологии.

Борьбе народов Закавказья за свою независимость посвятил свой труд младший современник Елишэ Лазар Парпеци, писавший в конце V — начале VI в., труд которого носит традиционное название «История Армении». Парпеци излагает события, начиная со времени раздела Армении в 387 г. и доводит до конца V в. Опираясь на документы и свидетельства современников, автор дополнил сведения, имеющиеся у Елишэ об антииранском движении 450 — 451 гг., и описал антисасанидское восстание народов Закавказья в 481 — 484 гг. Ценность труда Парпеци заключается еще в том, что он, в отличие от всех армянских авторов, часто подчеркивает единодушие, согласованность действий, союзнические отношения, существующие в тот период между тремя народами Закавказья — армянами, албанами и иберами [43].

Труды Фавстоса Бузандаци и Лазара Парпеци при их традиционном названии «История Армении» были все же «историями короткого отрезка времени», отвечали тре-

бованиям своего времени, V в. — первому веку армянской христианской письменности. Но позднее, в VII — VIII вв. потребность в целостной, комплексной продуманной истории Армении стала ощущаться все острее. Так появилась «История Армении» Моисея Хоренаци, «отца армянской историографии», труд которого «выделяется из всей раннесредневековой историографии как по структуре, так и по содержанию» [316, с. 34]. Структурно «История» состоит из трех частей. Как явствует из предисловия к «Истории Армении», Хоренаци принялся за свое сочинение по просьбе князя Саака Багратуни, который желал знать о происхождении армянского народа, армянского государства, различных нахарарских родов и прежде всего о происхождении рода Багратуни. И Хоренаци создает историю армянского народа начиная от библейских прародителей и доводит до 428 г., до упразднения царской власти в восточной Перс-Армении [*Хоренаци*, III, 1]. Историю армянского этноса автор развивает параллельно с историей известных древних народов — Вавилонии, Ассирии, Мидии, Персии, парфян, римлян, Сасанидов [85, с. 230].

Политическая тенденция Хоренаци — показать прошлое величие Армении, армянского народа, доказать, что в прошлом существовало самостоятельное сильное независимое армянское царство [316, с. 37], которое ничем не уступало крупнейшим державам Передней Азии.

Хоренаци — автор VIII в. Мы полностью исходим из предпосылок, высказанных в свое время Г. А. Халатянцем [389; 390], Н. Я. Марром [284, с. 228], Н. Адонцем [89, с. 646], Я. А. Манандяном [275], относительно датирования Хоренаци.

Время жизни Хоренаци можно точно датировать, во-первых, исходя из периодов развития литературных направлений. Как известно, еще Н. Я. Марр отмечал в армянской литературе три направления, представляющие собой три периода: миссионерскую при полном господстве сирийской образованности, философско-схоластическую с преобладанием греческого влияния и, наконец, национальную, местную [284, с. 228]. История Хоренаци, «яркого армянского националиста на почве греческой образованности, любителя греческих норм и форм», как утверждает Н. Я. Марр [282, с. 40], «никак не может быть отнесена ни к сирийско-миссионерской

школе, ни к моменту первого увлечения греческой схоластической наукой» [284, с. 228]. Если, как полагает Н. Я. Марр, грекофильский период падает на VI—VII вв., то дошедшая до нас «История Армении» Хоренаци могла явиться в ее окончательной форме не ранее VII в., но возможно и позднее VII в. [284, с. 228]. Н. Я. Марр в другой своей работе вновь категорически утверждает, что Хоренаци должен быть отнесен не к V в., «а к значительно поздней поре, когда исключительно сирийское направление было преданием старины, а сменявшее его культурное эллинофильство успело вызвать в литературе национальное течение» [281, с. 82]²³. По убеждению Н. Я. Марра, такой датировке вполне соответствуют и внешние качества памятника, в том числе и язык, каким он написан [281, с. 082]. (Подчеркнуто нами. — Ф. М.). Вред ли могут вызвать сомнения познания Н. Я. Марра в области арменистики, армянской филологии. Следуя за Н. Я. Марром, Н. Адонц называет Хоренаци «выдающимся из эллинистов, труд которого представляет собой опыт применения эллинской учености к области историографии» [89, с. 646]. По мнению Н. Адонца, Хоренаци жил не ранее конца VII в. «С Хоренским армянская историография и вообще литература замыкает первый период своего развития... VIII в. является переходным временем ко второму периоду армянской литературы», который продолжается, как считает Н. Адонц, до XI в. включительно, *совпадая с Багратидской эпохой* [89, с. 646]. (Подчеркнуто нами. — Ф. М.).

Во-вторых, другим прочным аргументом в пользу датирования Хоренаци VIII в. является его отношение к двум известным влиятельным нахарарским родам — Мамиконянам и Багратуни, на что впервые верно обратил внимание в своих исследованиях Г. Халатянц [389]. В литературе сторонники традиционной даты жизни Хоренаци — V в., пытаясь опровергнуть доводы представителей «критической школы», почему-то не акцентировали внимание на этом важном доводе, а просто умалчивали о нем. Рассмотрим, каково реальное, общественно-политическое положение этих двух родов в жизни Армении в V—VIII вв.

Напомним, что в V—VII вв. Мамиконяны занимали должность спарапета — главнокомандующего войск Армении и временами — марзбана (наместника), т. е. прак-

тически полнота власти в стране (персидском наместничестве Перс-Армении) находилась у Мамиконянов. Что же касается Багратуни, то они в прежние времена, в царский период Армении, до 428 г. были аспетами (венценалагателями), т. е. имели прерогативу коронации армянских царей. С упразднением царской власти они практически остались не у дел, только по традиции продолжали считаться венценалагателями в безцарственной стране. Мамиконяны возглавляли антииранские силы страны, в том числе антисасанидские народно-освободительные движения 450—451 гг. (Вардан Мамиконян), 481—484 гг. (Ваан Мамиконян). В 485 г. Ваан Мамиконян стал марзбаном страны (Восточной Армении, Перс-Армении). В 571 г. антииранское движение возглавил Вардан Мамиконян по прозвищу Красный Вардан, который был фактически правителем восточной Армении почти до 591 г. Из событий V в. становится известным, что в списке нахараров, участников антисасанидской группировки, созданных на собор в 450 г. для составления ответа персидскому царю Иездигерду II, Багратуни не значатся, т. е. они не явились на собор, так как не сочувствовали движению [43, с. 45; 91, с. 242—243].

Род Багратидов (Багратуни) начинает практически возвышаться только в начале VIII в. Они в 703 г. возглавили антиарабское движение. В 747—750 гг., когда вновь началось антиарабское освободительное движение, халифат посеял раздоры и вражду между самыми влиятельными родами — Багратуни и Мамиконянами, предоставив Багратуни большие привилегии. Ашот Багратуни предал движение [220, с. 111]. После поражения движения халифат лишил Мамиконянов должности ишхана — князя и спарапета Армении и наделил ими род Багратуни [220, с. 111]. Ишханом страны стал Саак Багратуни, а спарапетом — Смбат Багратуни. Мамиконяны были истреблены, а их наследственные владения перешли к Багратуни.

Теперь, возвращаясь к намеченному вопросу о датировке Хоренаци, напомним, что все источники V в. — Елишэ, Лазар Парпеци, Фавстос Бузандаци и автор VII в. Себеос чтят род Мамиконянов выше всех нахараров. Елишэ, как известно, назвал свой труд «О Вардане (Мамиконяне. — Ф. М.) и войне армянской», Фавстос Бузандаци представляет Мамиконянов как единственную в

стране силу, способную организовать и осуществить освобождение страны от чужеземного господства. И только Мовсес Хоренаци, создавший свой труд по заказу Багратуни, стоит особняком. Он в отличие от авторов V—VII вв. возвеличивает род Багратуни и совершенно игнорирует Мамиконянов. События, важные для страны, связанные с представителями этого рода, он пытается переиначить, дать другое толкование, связать с другими лицами, с другими обстоятельствами²⁴, лишь бы в угоду Багратуни не упомянуть имя Мамиконянов. В гл. 7 кн. II, где он описывает происхождение нахарарских родов, первыми он называет Багратуни, искусственно удревляя время их появления в Армении. Изложив происхождение всех остальных нахарарских родов в книге II гл. 7, 57, 58, 78, Хоренаци в самую последнюю очередь говорит о происхождении Мамиконянов в отдельной гл. 81 кн. II.

В свете вышесказанного можно прийти к единственному выводу, о том, что если бы Хоренаци был автором V в., то он не посмел бы так относиться к влиятельному и высокочтимому роду Мамиконянов. Это могло быть только в VIII в., когда Мамиконяны были в опале, сошли со сцены, а Багратуни стали правителями страны. Дата VIII в. находится в полном соответствии как с реалиями, так и с периодом литературного направления — местного — национального, представителем которого был Хоренаци. И становится понятным, почему Хоренаци за исходный рубеж своего сочинения взял 428 г. — время ликвидации армянского царства. Как нам представляется, он таким образом преследовал две цели — с одной стороны, осветить правление царствующей династии в Армении, армянских Аршакидов (66—428 гг.) «как конец и венец независимой Армении» (Хоренаци, II, 8), а с другой — показать, что в этот период Багратуни были в зените своей славы, а после 428 г. их реальная значимость пришла в упадок.

Какова была эпоха создания «Истории Армении»? В условиях поражения антиарабского движения VIII в., в условиях господства центробежных устремлений нахараров необходимо было создать труд, который идеологически способствовал бы мобилизации сил страны на борьбу за свою независимость. Возвеличение в прошлом правления Аршакидов Армении означало, что спасение страны — только в единении всех сил вокруг рода Баг-

ратуни. Свидетельство тому последняя глава, завершающая «Историю Армении» — «Плач о прекращении армянского царства из рода Аршакуни и патриаршества из дома святого Григория».

Труд Хоренаци «История Армении» — важный источник по истории Албании, представляющий сведения об ее исторической географии, особенно о южной границе, проходящей в I в. по р. Аракс. Из этого источника мы узнаем о политической истории — первом правителе Албании Аране из рода Сисака, о нашествии на Армению правителя албанской области Пайтакаран Санатрука, об участии в Дзиравском сражении 371 г. албанского аршакидского царя Урнаира; о христианстве, о проповеди в Албании, особенно в северо-восточной части ее епископа — католикоса албанского Григориса, внука Григория Провосветителя; интересны также сведения о тюркоязычных кочевниках — булгарах, базилах (барсилах), хазарах, гуннах [Хоренаци, II, 8, 9, 22, 27, 37, 65, 85 и др.] и другие данные.

Другим важным источником армянской литературы VII в. является историческое сочинение, приписываемое епископу Себеосу. В настоящее время традиционное авторство оспаривается [316, с. 37; 83]. Композиционно источник состоит из трех разделов, из коих самому Себеосу, по мнению К. Патканова, принадлежит лишь третий раздел. Небезынтересно рассмотреть основные доводы К. Патканова, который считает, что: 1) Себеос написал сочинение под наименованием «История Иракла». В первых двух частях ее, как известно, изложена древняя история и ничего общего нет с эпохой императора Иракла; 2) третьей части предпослано предисловие, где автор сообщает, о какой эпохе пойдет речь. Автор поясняет, что он не намерен говорить о временах давно прошедших, ибо все это описано и передано другими [65, с. V—X].

В монографии Г. Абгаряна научным путем доказывалось, что «Начальная история Армении» — «История Анонима» не принадлежит автору, написавшему остальную часть, и что автором «Истории Иракла», приписываемой Себеосу, является армянский писатель Хосров, живший в VII в. [83, с. 207—231].

Этот памятник — уникальный источник по истории стран Закавказья VI—VII вв., где в сжатой форме изложены как мирные отношения, так и разруши-

тельные войны между двумя великими державами — Персией и Византией за раздел стран Закавказья. В эти опустошительные войны втянуты Армения, Албания и Иберия. «История Иракла» содержит ценные сведения об участии тюркито-хазар в войне Ираклия с персами. Труд очень важен для понимания того реального положения, которое сложилось в Закавказье во время первого выступления хазар на историческую арену [114, с. 17 — 18]. Из источника становится известно о христианстве, о религиозной политике Ираклия, о внедрении им в странах Закавказья халкидонитства. Автор датирует события по годам правления либо персидских царей, либо византийских императоров и доводит описание событий до 661 г.

Одним из интересных представителей среди армянских авторов VII в. был Анания Ширакаци, важнейший труд которого «География» — «Ашхарацуйц» содержит описание всех стран известного тогда мира [201]. «География» дошла до нас в двух редакциях — сокращенной и пространной. При использовании этого значительного памятника необходимо учитывать, что на протяжении веков переписчики подвергали первоначальный текст значительным изменениям — вносили сокращения, интерполяции, прибавляли новые абзацы, заменяли древние географические названия новыми, допускали искажения и т. п. [13, с. 129].

Источниками для «Географии» Ширакаци послужили «География» Клавдия Птолемея (I — II вв.), сведения Папы Александрийского и других античных авторов [13, с. 143]. Однако при описании Армении и соседних стран изложение автора носит самостоятельный характер.

Ширакаци в основу описания каждой страны положил естественно-географический ландшафт и этнические границы, а не политико-административные единицы. Структурно «География» состоит в основном из двух частей: первая содержит общее землеописание, а вторая — описание отдельных стран. Оригинальной частью «Географии» является описание Ближней Азии, где представлено административно-политическое деление Ближнего Востока VI — VII вв., чего не было при Птолемея [13, с. 142 — 143].

Азия в «Географии» разделена на 44 страны, где под номером 26 значится Албания, а 27 — Великая Армения,

которая делится на 15 провинций (нахангов), а каждая из них была разделена на области (гавары — кантоны) [13, с. 147]. Исследователи полагают, что при описании Армении Анания Ширакаци брал за основу административное деление не VII в., когда Армения была поделена на западную — Византийскую и восточную — Перс-^{не} Армению, а период Аршакидского царства Армении, но при этом счел необходимым отметить те изменения, которые произошли после раздела Армении — а именно, албанские наханги Арцах, Ути и Пайтакаран были выделены из состава Армении и включены в состав Албании [13, с. 148].

Однако С. Т. Еремян указывает, что Армения была разделена на 15 нахангов при византийском императоре Маврикии, т. е. в 591 — 610 гг. [201, с. 24 — 26]. Следовательно, это деление было географическо-административное, если учесть, что армянской государственности к этому времени уже давно не было, а по договору 591 г., как известно, территория Армении подверглась очередному делению между Византией и Сасанидским Ираном. К Ирану отошли Васпуракан, Сюник и Двин, а все остальное — к Византии. А что же касается нахангов Арцах, Ути и Пайтакаран, которые будто бы были выделены из состава Армении, то о них в договоре 591 г. ничего не сказано.

Следует отметить, что сообщения Ширакаци относительно пребывания трех албанских областей Арцаха, Ути и Пайтакарана в составе Армении не соответствуют историческим реалиям Албании и Армении периода античности и раннего средневековья (См. об этом гл. II «Историческая география Албании»). Тем не менее сведения Ширакаци очень ценны для исторической географии Албании в той части, где он описывает все политико-административные единицы Албании, их границы, природные богатства. Значение «Географии» хорошо определил С. Т. Еремян: «В мировой географической и картографической литературе «Ашхарацуйц» является первым трудом, продолжившим традиции географической науки античного периода и то начавшегося в неблагоприятных условиях раннего средневековья» [201, с. 12; 13, с. 150].

Ценным источником VII — VIII в. можно назвать «Историю халифов» Гевонда, которая охватывает собы-

тия, происшедшие в Закавказье в течение 127 лет (от 661 до 788 г.). Здесь повествуется о первых вторжениях арабов в Албанию и Армению, о подчинении албанов, о войнах арабов с армянами, греками и хазарами. Автор сообщает уникальные данные о хазарах, Хазарском каганате, освещает политику, проводимую арабами в отношении закавказских народов и др. [36, с. VII; 149, с. 13].

Историю христианства прекрасно отражает сборник эпистолярных документов — «Гирк тлоц» («Книга писем», или «Книга посланий»), составленный в VIII в. [21; 22]. Этот памятник содержит переписку армянских церковных и государственных деятелей с главами соседних стран и церквей (Албании, Иберии, Сасанидского Ирана) на протяжении V — VIII вв. Первая часть сборника датируется V — VII вв. и состоит из трех групп переписки: 1) с греками, 2) с сирийцами, 3) с главами церквей Грузии и Албании [96, с. 10 — 11]. «Книга писем» является важным источником не только по истории христианства, догматических споров албанской церкви, но и доказывает наличие у албан своей письменности [400, с. 3; 21, с. 48 — 51].

Резюмируя обзор армянских источников, можно сказать, что по классовым и идеологическим воззрениям все авторы армянской историко-литературной традиции были в той или иной степени выразителями интересов церкви, армянских христианских кругов, процерковной партии феодалов — нахараров.

Классовые тенденции особенно ярко проявляются в нарративных источниках как албанских, так и армянских, где отражены главным образом политические события, важные в первую очередь для феодалов, для церкви и феодального государства.

§ 3. Историография

В данном разделе мы рассмотрим историографию, отражающую только те проблемы, которые мы исследуем — албанской литературы, исторической географии, политической истории и, наконец, албанской церкви. Мы не ограничимся только пересказом существующих мнений, а в ряде случаев предложим новые решения этих вопросов, базирующихся на иной методологической ос-

нове — на рассмотрении и соположении реалий Албании и Армении синхронного времени, на что по сей день историки совершенно не обращали внимания, на привлечении договоров, заключенных между двумя империями — Римом-Византией и Персией, что не привлекалось к изучению по истории Албании, а также на использовании данных источников в связи с целями и задачами появления памятников.

Прежде всего мы рассмотрим концепцию С. Т. Еремяна, крупного кавказоведа, армениста, картвелиста, албаниста, впервые в отечественной науке занявшегося вопросами истории Кавказской Албании, практически всеми теми вопросами, которые ныне мы сделали предметом нашего исследования. Сюда относятся вопросы исторической географии, становления государственности, утверждения албанской массагетской ветви Аршакидов, формирования церковной иерархии, католикосата, этноса, албанской литературы, ассимиляции и арменизации албанского населения.

Все работы С. Т. Еремяна, посвященные истории Албании, проникнуты единой концепцией, основная цель которой — возвеличение Армении, Армянского государства за счет ущемления истории Албании, Албанского государства. Рассмотрим разделы автора, написанные для «Очерков истории СССР», изданных в 1958 г. («Политическая история Албании III — VII вв.», «Идеология и культура Албании III — VII вв.»), а также разделы для «Истории СССР», изданной в 1966 г. В «Очерках истории СССР» С. Т. Еремян изначально рассматривает Албанию как неотъемлемую часть «Великой Армении», что представляется совершенно неправомерным. Все вопросы истории албанской страны рассматриваются автором сквозь призму истории «Великой Армении» и в свете интересов армянского народа. Если даже допустить, что мысль С. Т. Еремяна верна, то получается логическая неувязка с заголовками — «Политическая история Албании III — VII вв.» и «Идеология и культура Албании III — VII вв.», ибо заголовки и содержание текстов — взаимоисключающие понятия.

Понятие «Великая Армения», согласно источникам, употребляется в двух смыслах — географическом и политическом. Как географическое понятие оно стало известно с 220 г. до н. э., когда «Антиох III Селевкид захватил

Араратское царство и объединил его с основной областью Армении (бассейн озера Ван), которая получила с этого времени название Великой Армении» [223, с. 196]. Кроме Малой Армении все армянские области были подчинены Селевкидам. Правителем (стратегом) Великой Армении Антиох утвердил местного династа Артаксия (армянское Арташес) [223, с. 196]. Следовательно, в противовес Малой Армении была Большая — Великая Армения (от арм. мец — большой, великий). Как политическое понятие «Великая Армения» характерно для II — I вв. до н. э., для периода царствования Арташеса и Тиграна II, когда Большая Армения достигла наивысшего расцвета и могущества. Итак, получается, что во II — I вв. до н. э. географическое и политическое понятия «Великая Армения» совпали. Но после распада империи Тиграна II, т. е. после 65 г. до н. э., Великая Армения как политическое понятие изжило себя, ибо сохранилась Армения территориально в пределах только Армянского нагорья. В качестве географического понятия сохранилось «Большая Армения», которое применялось и в периоде раннего средневековья.

Территория расселения армян к востоку от Евфрата именовалась Великой Арменией, т. е. Большой Арменией, а к западу от Евфрата — Малой Арменией [91, с. 12, 218].

Н. Адонц, комментируя Ибн-Хордадбека, отмечает, что «царская власть, действительно существовала в *Бузурк Армении*, т. е. *Большой Армении* и в Аране — Албании...» [91, с. 218].

Изучение албанских и армянских реалий убеждает в том, что «Великая Армения» как в политическом, так и в географическом понимании никоим образом не связана с судьбой Албании²⁵. Вызывает возражение следующее заявление С. Т. Еремяна: «Правобережная Албания около шести столетий входила в состав централизованного рабовладельческого государства Великой Армении и только в IV в. происходит *восстановление* (подчеркнуто нами. — Ф. М.) *албанской государственности*» [209, с. 310]. В этом утверждении неверны данные не только об Албании, но и об Армении. В течение шести столетий (II в. до н. э. — IV в. н. э.) не было централизованного единого государства «Великой Армении». Как известно, империя, созданная случайными завоеваниями Тиграна, была непрочным объединением областей, различных по

уровню общественного строя, с разноязычным населением. Держава эта была лишена органического единства. Все это привело к обострению внутренних противоречий и усилению сепаратистских устремлений знати [223, с. 199]. После разгрома Тиграна II Помпеем Армения в 65 г. до н. э., занимающая к тому времени территорию Армянского нагорья, стала подвергаться неоднократно разделу между двумя империями, что привело впоследствии к образованию двух Армений — восточной Армении — Перс-Армении и западной — Ромейской Армении, фактически находящихся в полной зависимости от Византии и Ирана.

В полном противоречии, неувязке с вышеупомянутым утверждением С. Т. Еремяна находится следующая его посылка: «В эту борьбу [между Римом и Ираном. — Ф. М.] *помимо своей воли*, вновь втягивалась Великая Армения [речь идет о IV в. н. э. — Ф. М.]. Опять большое значение приобретала позиция *в этой борьбе буферной* Армении, которая считалась «другом и союзником цезаря и римского народа» и *была обязана* сражаться на стороне Римской империи...» [209, с. 310] [подчеркнуто нами. — Ф. М.]. Подчеркнутые строки никак не вяжутся с политическим статусом *Великой* Армении. Для этого периода «Великая» выглядит парадоксально. Что же касается слов «другом и союзником цезаря и римского народа», то это фигурально, а фактически означало полную зависимость от Рима.

Совершенно иным, в корне отличающимся было политическое положение Албании, государственность которой была создана, согласно античным письменным источникам в I в. до н. э., а по археологическим изысканиям последнего десятилетия — в IV — III вв. до н. э. на местной этнической основе и, по-видимому, вначале из местной династии.

Войны между Римом и Ираном (Парфянским и Сасанидским) во II — IV вв., которые так тяжело отразились на Армении, почти не коснулись Албании. Что касается так называемого «восстановления албанской государственности» в IV в., как утверждает С. Т. Еремян, то следует напомнить, что государственность Албании, согласно данным самих албанских авторов, не прерывалась до 463 г. Как известно, Албания была без царской власти всего навсего с 463 по 487 г.

Далее С. Т. Еремян связывает албанских царей Аршакидов, реально царствующих в Албании с I в. н. э. и восходящих непосредственно к персидским Аршакидам, с массагетской ветвью Аршакидов, которые были родичами армянских Аршакидов, и водворяет их в Албании в IV в. [209, с. 311]. Из замысла С. Т. Еремяна логично вытекает одно следствие — албанские Аршакиды должны были подчиняться армянским Аршакидам.

Связав албанских Аршакидов с массагетской ветвью Аршакидов, дойдя до событий 462 г., когда албанский аршакидский царь Ваче II отрекся от престола и уединился в собственном домене, С. Т. Еремян совершенно произвольно отправляет Ваче II в область Чола (Чора), на «землю своих предков» [209, с. 313 — 314], хотя данных для такой информации нет ни в одном источнике. Опять же это делается в продуманной им концепции, чтобы связать албанских царей с массагетской ветвью Аршакидов, которые были в Чола и были родственны армянским Аршакидам.

С. Т. Еремян безосновательно возвеличивает политическую роль Армении в IV в. и только с нею связывает утверждение в Закавказье Сасанидов. «Пока существовала поддерживаемая Римом буферная Великая Армения, сасанидский Иран не мог утвердиться в Закавказье» [209, с. 312]. Этим заявлением непростительно принижается политическая роль Албании и Иберии.

Буферная Армения в силу своего географического и политического положения, когда она подчинялась двум империям одновременно, никак не могла быть помехой в политике Сасанидов, желающих укрепить свою власть в Закавказье. Утверждению С. Т. Еремяна противоречат его же слова, что «в общей политике обороны северных границ от вторжений кочевников Албания оказалась важным стратегическим звеном» [209, с. 312]. Албанские цари, будучи вассалами Сасанидов, осуществляли контроль над горными проходами, в частности над проходом Чола — Дербент, за исключением короткого промежутка времени (во время восстаний V в.). Безопасность Албании, как союзницы Сасанидов, соответствовала интересам последних. Благодаря стратегическому положению, географической отдаленности, политическое положение Албании в корне отличалось от положения Армении.

И потому не прав С. Т. Еремян, считающий, что Сасаниды проводили в Албании ту же политику, что и в Армении и Иберии [209, с. 312]. И потому трудно согласиться с его мнением, высказанным, правда, не столь категорично, а с некоторой долей вероятности, что «...уже с 387 г. Албания несмотря на наличие царей фактически управлялась наместниками персидского царя царей — марзбанами» [209, с. 314]. Однако известно, что совершенно исключено было управление страны марзбанами при наличии царской власти. А главное, источники об этом ничего не сообщают, а напротив, свидетельствуют о непрерывности и преемственности албанских царей, которые поддерживали с Сасанидами союзнические, хотя временами неравноправные отношения.

Как уже было сказано, в 387 г. Армения подверглась очередному разделу между двумя империями, в результате чего большая часть отошла к Ирану, а меньшая — к Византии. В связи с этими событиями С. Т. Еремян считает, что Албания должна быть как-то ущемлена, и он решил ввести здесь марзбанский режим, даже при наличии царской власти. А в действительности марзбанский режим был введен в Албании с 463 по 487 г., что было связано с беспрепятственным случаем — антииранским восстанием 457 — 462/463 гг., возглавленным албанским царем Ваче II.

Что же касается исторической географии Албании, то С. Т. Еремян придерживается мнения М. Чамчяна о том, что территория правобережной Албании, т. е. территория междуречья Куры и Аракса — области Арцах, Ути и Пайтакаран, в течение шести столетий (со II в. до н. э. по IV в. н. э.) находилась в составе Армении. (Наше мнение по этому вопросу обстоятельно изложено в гл. II «Историческая география Албании»). Совершенно неправильным представляется также заявление автора, что «Албания в большей мере, чем Армения и Иберия оказалась подчиненной Ирану в политическом и культурном отношении» [209, с. 314]. При сравнении реалий трех стран Закавказья становится совершенно очевидным, что положение Албании до 462/463 г. было более привилегированное и самостоятельное нежели Армении, ставшей фактически провинцией, а в лучшем случае — наместничеством двух империй; а также несравненно лучше, чем Иберии, которая, находясь под протекторатом Рима,

Византии, с одной стороны, была вассалом Сасанидов — с другой. Для контроля над Иберией Иран, наряду с царской властью, учреждает должность картлийского пнтиахша [223, с. 396].

Царская власть в Албании была упразднена с 463 по 487/488 гг. Однако после антииранского восстания (481—484 гг.) и заключения Нварсакского договора 485 г. из-за затяжной безуспешной войны с гуннами-эфталитами в Средней Азии персидской царь Валарш вынужден был удовлетворить требования восставших стран Закавказья. В числе уступок им было и восстановление царской власти в Албании.

В более удачно изложена С. Т. Еремян политическая история Албании VI — VIII вв. Во всяком случае, он представил историю самостоятельной страны, не связанной с интересами Армении. Автором верно оценена важность кавказских проходов как для истории Албании, так и для двух империй, описаны четыре линии оборонительных укреплений, строительство которых, по мнению автора, было начато при сасанидском царе Иездигерде II и завершено при Хосрове I Ануширване в VI в. Более обстоятельно изложена судьба Албании при Мхранидах.

В разделе «Идеология и культура Албании III — VII вв.» С. Т. Еремян рассматривает Албанию вновь как звено одной цепи, как часть Армении. Раздел об «Идеологии... Албании» начинается следующими словами: «Одним из средств сохранения целостности *распадающейся территории Великой Армении* являлось распространение новой религии — христианства и утверждение *на окраинах церковной иерархии и администрации*» [204, с. 323] [подчеркнуто нами. — Ф. М.]. И после этого он говорит о проповедниках христианства, посылаемых из Армении в Албанию. А между тем территория Армении распадалась по воле и неотступной политике, проводимой двумя империями, а не по воле армян. И здесь проповедь христианства мало могла помочь. К тому же Византия, будучи христианской страной, активно проводила политику завоевания и ассимиляции христианской Армении.

Совершенно игнорируя данные Моисея Каланкатуйского о первом периоде проповеди христианства и раннем проникновении его в Албанию, С. Т. Еремян утверждает,

что в Албанию двинулись христианские проповедники из Армении. Причем, он считает, в области правобережья Албании, как подчиненные Армении, проникли проповедники христианства из Армении, а в северо-западные области левобережья Албании, т. е. в междуречье Иори и Алазани, — проповедники из Иберии [204, с. 323].

С. Т. Еремян, говоря об албанской церкви и утверждая, что основание в 552 г. ее самостоятельности связано с общей политикой Сасанидов и что иерархически албанский католикосат с 552 г. подчинялся армянской церкви, т. е. тем самым удревяет на несколько столетий зависимость албанской церкви от армянской, на что автор не имеет никаких оснований²⁶.

Относительно же албанского этноса С. Т. Еремян полагает, что термин «албаны» — собирательный, представляющий собою объединение ряда племен, из которых наиболее крупным были утии, или удины [204, с. 327].

Что же касается албанского литературного языка, то, как думает С. Т. Еремян, он сложился на базе гаргарейского наречия, не обладал коммуникативностью и, имея наддиалектный характер, расходился с диалектами остальных областей Албании. А с VII в. языком богослужения, как считает С. Т. Еремян, «безраздельно и бесповоротно» становится древнеармянский. В результате этого албанская письменность с VII столетия постепенно вышла из обихода и упоминания о ней исчезают бесследно [204, с. 328]. С. Т. Еремян противоречит себе, ибо сообщает, что имеются сведения о том, что часть армяно-албан еще в XIII в. пользовалась албанским письмом. Что же касается перехода на древнеармянский язык, то это не единовременный акт, а сложный процесс, требующий нескольких столетий²⁷.

С. Т. Еремян очень спешит с процессами арменизации и грузинизации, ассимилируя с армянами население Утика и Арцаха в начале VIII в. и с грузинами албанское население Кахетии и Кизикии. На наш взгляд, эти процессы могли начаться лишь после X в. К тому же имело место культурно-идеологическая ассимиляция, а не этническая.

Первым обобщающим монографическим трудом, охватывающим почти все вопросы истории Албании с IV в. до н. э. по VII в. н. э., является книга К. В. Тревер «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании». За

исключением вопросов социально-экономической истории (общественного строя) К. В. Тревер на уровне тех знаний блестяще осветила вопросы экономики албанских племен, албанского этноса, политической истории, религии, городов, фортификационных сооружений, культуры Албании. Работа написана на основе исследования данных античных, древнеармянских, грузинских, сирийских, арабских источников, а также с широким использованием вещественных памятников.

Выявив почти все данные, отражающие все различные стороны хозяйственной жизни албан, автор с достаточной полнотой осветила экономику страны по трем периодам — IV в. до н. э. — II в. до н. э., I — III в. н. э. и IV — VII в. н. э.

Что же касается исторической географии Албании, то К. В. Тревер придерживается так называемой армянской традиции относительно южной границы, проходящей до IV в. по реке Куре. Согласно ее мнению, области Арцах, Ути, Пайтакаран и Шакашена-Сакашена, т. е. все правобережье р. Куры, было завоевано во II в. до н. э. армянским царем Арташесом I и оставалось в составе Армении до 387 г. [374, с. 58]²⁸, а затем было воссоединено с Албанией. Следовательно, эти области исконно были албанскими.

Достоинно внимания наблюдение автора, что области Чор (Чола) и Лпник «пользовались какой-то внутренней самостоятельностью, что давало, быть может, основание перечислять их после упоминания Албании» [374, с. 242 — 243].

Картину политической истории Албании К. В. Тревер пытается реконструировать на общем фоне событий, разыгравшихся в Закавказском регионе. Такой метод исследования несомненно верен, но в каждом конкретном случае требует индивидуального подхода и не только широкого знания реалий Закавказских стран, но и глубокого знания албанских реалий. Если исторические судьбы Армении и Иберии в период античности (в той или иной степени для каждой страны) связаны с историей, с внешней политикой Рима и Ирана, то история Албании больше связана с историей Сасанидского Ирана. Участие как Албании, так Армении и Иберии в международных отношениях не адекватно. В отличие от них Албания порой вовсе не была втянута в те внешнеполи-

тические события, которые тяжело отразились на судьбах Армении и Иберии.

Пытаясь реконструировать международную обстановку Закавказского региона в каждом отдельном случае, К. В. Тревер неоправданно много внимания уделяет истории Армении, в которой, как в призме, пытается осветить историю Албании [374, с. 187 — 188, 198 — 199].

Политическую историю Албании раннесредневекового периода К. В. Тревер начинает с 30-х годов IV в. и пытается охарактеризовать ее не по проблемам, а описывает по векам все события, имеющие отношения к политической жизни страны.

В результате исследования данных Фавстоса Бузандаци, Хоренаци и Каланкатуйского о нашествии северных народов под предводительством Санесана (Санатрука) против Армении К. В. Тревер пришла к верному заключению, что «ни Иберия, ни Албания нашествием Санатрука затронуты не были» [374, с. 196 — 197]. Из албанских царей К. Т. Тревер отражает правление Урнайра и его участие на стороне персидского царя Шапура II в Дзиравском сражении 371 г. [374, с. 198 — 200]. С достаточной полнотой ею отражено антииранское народно-освободительное движение народов Закавказья в V в., в частности восстание 457 — 463 гг., которое возглавил сам албанский царь Ваче II [374, с. 202 — 219]. У нас вызывает возражение толкование, которое дает К. В. Тревер 1000 дымам, выпрошенным Ваче II у персидского царя Пероза в качестве своего отцовского наследства, куда он удалился после своего отречения от власти. К. В. Тревер осмысляет их как 1000 семейств, а по нашему мнению, здесь речь идет о наследственном домене в 1000 подымных земель [256].

Удачными являются, на наш взгляд, поиски автором еретических течений в Албании — манихейства, несторианства и попытки найти отголоски маздакитского движения [374, с. 221 — 224]. События V в. К. В. Тревер кончает описанием правления албанского царя Вачагана III [374, с. 225 — 226]. Из внешнеполитических событий она обстоятельно описывает нашествие хазар на Албанию в 552 г. и в 628 — 630 гг., персидско-византийские войны этого времени. Автор верно отметила, что в период 628 — 630 гг. имело место «политическое подчинение страны хазарам» [374, с. 241]. В монографии К. В. Тре-

вер дано развернутое описание утверждения и правления в Албании великих князей Михранидов (Вараз-Григора, Дживаншира и Вараз-Трдата). Серьезное возражение вызывает мнение автора, которая, говоря о переселении Михрана в Албанию, пишет: «Не имеем ли тут дело с захватом власти местным гардманским владетелем (может быть, с помощью персов), уничтожившим представителей *армянских княжеских родов, владевших землями в этой области...* мы имеем дело с отзвуками борьбы между арменизированными албанскими и армянскими феодальными родами за захват сюзеренных прав над феодальной Албанией» [374, с. 235]. Несомненно, прав В. В. Бартольд, считающий, что в лице Михранидов в Албании «вновь восстанавливается албанская национальная династия, но персидского происхождения» [130, с. 25].

В 30-х годах VIII столетия, согласно мнению К. В. Тревер, произошло окончательное подчинение Албании арабам. В ее монографии есть специальный раздел «Христианство и другие культы», где она утверждает, что с IV по VII в. в стране была религиозная пестрота, существовал целый ряд религиозных систем и культов, что сказало, по ее мнению, на мировоззрении албан [374, с. 292]. На наш взгляд, автор гипертрофирует роль политеизма, утверждая, что «христианство, насильственно насаждаемое начиная с IV в. и воспринятое в первую очередь двором и знатью, зороастризм, вводимый Сасанидами с середины V в. и тоже воспринимаемый чисто внешне... представителями верхушки общества, различные секты христианского и зороастрийского толка... и наступающий с VII в. воинствующий ислам — все эти религии и культы в той или иной мере пустили корни на почве Албании» [374, с. 292 — 293].

На первый взгляд, тезис автора кажется верным, но в нем безосновательно нивелирована роль трех религиозных систем — христианства, зороастризма и ислама. Для периода IV — VII вв. К. В. Тревер совершенно недооценила наличие такого фактора, как централизованная царская власть Албании, непрерывность и преемственность албанских правителей в лице албанских

Аршакидов и сменивших их великих князей — Михранидов, которые (и цари, и великие князья) последовательно и твердо проводили политику религиозного становления христианства господствующей религией страны, укрепляли материальные и идеологические позиции албанской церкви.

Утверждению христианства в начале IV в. государственной религией предшествовала еще в I — II вв. проповедь христианства первыми миссионерами, что опять-таки прошло мимо внимания автора. Что же касается албанской церкви, то о ней К. В. Тревер вообще умалчивает. А между тем церковь Албании была автокефальной, располагала епархиями почти во всех областях страны. Следовательно, среди религиозных систем позиции христианства до VII в. включительно были доминирующими, но не всеобщими, политеизм не был изжит. Антисасанидские восстания V в., направленные идеологически против зороастризма, за сохранение культурно-идеологической самобытности страны, свидетельствуют о господствующих позициях христианского вероучения. Невзирая на отдельные недочеты труд К. В. Тревер остается важной и настольной книгой всех, кто интересуется и занимается историей Албании.

Большим вкладом в науку вообще, а в албанистику в частности, явилась монография З. М. Буниятова «Азербайджан в VII — IX вв.», в которой на основе изучения албанских, армянских, грузинских, византийских, арабских, сирийских источников автор впервые в науке верно осветил историю албанской идеологии — христианства, албанской церкви, ее структуры, албанской литературы. Автор показал ту роль, какую сыграла армянская григорианская церковь в ущемлении прав и ликвидации самостоятельности албанской церкви. Под давлением арабского халифата в союзе с армянской церковью произошло юридическое подчинение албанской церкви армянской в начале VIII в., что положило начало длительной борьбе между католикосатами этих двух церквей [149, с. 86 — 102]. В монографии З. М. Буниятова верно поставлена и решена проблема григорианизации и исламизации албанского христианского населения. Убеждающе показаны объективные и субъективные причины исчезновения албанской литературы, культуры (эпиграфики), албанского этноса. Изучена политическая исто-

рия страны в период правления албанских великих князей Михранидов.

В свете рассматриваемых нами проблем несомненный интерес представляют следующие разделы монографии З. М. Буниятова: «Политическая обстановка в конце VI — начале VII в.», «Завоевание Азербайджана арабами», «Исламизация и григорианизация населения Азербайджана», «Арабо-хазарские войны и Азербайджан», «Социальные движения в Аране».

Можно сказать, что З. М. Буниятов одним из первых правильно оценил политическую важность стратегического положения, занимаемого Араном (Албанией) в северном кусте (наместничестве), с чем приходилось считаться могущественным соседям — Византии, Ирану [149, с. 40].

Характеризуя внешнеполитическую обстановку VI — VII вв., автор с исчерпывающей полнотой описал нашествие и завоевание страны хазарами, начиная с VI по VIII в., персидско-византийские войны, в которые Албания была втянута с 625 г. [149, с. 41 — 53]. Впервые в истории по достоинству была оценена и описана З. М. Буниятовым деятельность албанского патриарха Виро (VII в.), сыгравшего важную роль в общественно-политической жизни страны во время персидского и хазарского господства [149, с. 45 — 53].

Вызывает некоторое возражение мнение автора к его полемике с М. И. Артамоновым относительно длительности периода господства хазар в Албании.

На наш взгляд, прав М. И. Артамонов, утверждая, что господство хазар в Албании длилось три года с 627 по 630 г. и «ни о каком столетнем господстве» «не может быть и речи» [114а, с. 65]. Думается, что З. М. Буниятов несколько преувеличил «длительность пребывания» хазар в Албании, утверждая, что «...скорее всего хазары, потерпев поражение во время очередного нашествия на юг, не покинули Албанию, как об этом говорит М. И. Артамонов, а просто возвратились на свои исходные рубежи, к месту поселений на территории Албании, в район Кабалы. Здесь они стали выжидать благоприятных для своих грабительских походов событий, контролируя, несомненно, большую территорию, доходившую, вероятно, на западе до границ Грузии, а на юге до р. Куры» [149, с. 54]. (Подчеркнуто нами. — Ф. М.).

Во-первых, речь идет, на наш взгляд, о разных сферах влияния хазар. У М. И. Артамонова сказано о политическом господстве хазар во всей Албании, а у З. М. Буниятова — о поселении, пребывании и контроле ими части Албании — левобережной Албании. Согласно данным Каланкатуйского, албанский великий князь Джеваншир владел всей Албанией — правобережной и левобережной, от р. Аракса до Чола (Чора) (Каланкатуйский, II, 23). К тому же сам З. М. Буниятов, резюмируя, приходит к совершенно верному выводу: «...а север Азербайджана (Аран — Албания) подвергался частым набегам хазар, осевших в предгорьях Кавказа» [149, с. 55].

Рассматривая политическую историю Албании в VI — IX вв., З. М. Буниятов отметил, что в VI в. в стране был марзбанский режим, а в VII — VIII вв. страной правили Михраниды, которые, по его мнению, «хотя и номинально, но продолжали управлять всей страной или частью ее вплоть до начала VIII в.» [149, с. 57]. Думается, что не следует обобщать правление всех Михранидов. Тезис автора правомерен лишь по отношению к правлению Вараз-Григора и последнего представителя Михранидов — Шэройэ, великого князя Албании. Что же касается правления Джеваншира, которому автор отвел много страниц [149, с. 72 — 79, 102], и который, согласно Каланкатуйскому, был выдающимся деятелем VII в., а также правления его преемника Вараз-Трдата, то вряд ли их можно считать «номинальными».

Эти два деятеля активно вели самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику страны, вступая в равноправные и неравноправные союзы, вассальную зависимость от того или иного государства.

Касаясь территориальных пределов Арана (Албании), следует отметить, что З. М. Буниятов правильно очертил южные политические границы страны в VII — IX вв., включив Сюник в состав Албании, считая границей р. Аракс [149, с. 93; 148, с. 87 — 91; 151, с. 869 — 871]. Дав верную локализацию исторической области Гардман, автор убедительно доказал, что Хунани находился в устье р. Кѳиа (Храми) (при ее впадении в Куру) и являлся, по его мнению, пограничным пунктом между Албанией и Иберией. З. М. Буниятов подчеркнул ошибочность мнения П. Ингорюк, локализирующего Хунани у

места слияния рек Акстафачай и Куры и тем самым, как отметил З. М. Бунятов, «передвинул грузинские земли на территорию Албании» [148, с. 87 — 90].

Для нашей работы, в частности для второй главы «Историческая география Албании», большую ценность представляет статья И. Г. Алиева «К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона» [97, с. 150 — 165]. Работа его интересна как по постановке вопроса, по выводам, к которому он приходит, так и по методу исследования. Как известно, у Страбона крайне противоречивые сведения о социально-экономической, политической жизни, о быте, культуре Албании. Многим ученым это дало основание считать, что албанские племена по сравнению с их западными и юго-западными соседями более отсталые.

На этот счет в науке существует несколько точек зрения, пытающихся осветить степень достоверности этих данных (К. Ю. Нейманн, В. Фабрициус, К. В. Тревер, К. Алиев, И. Бабаев, С. Казиев и др.) [97, с. 152 — 153]. Установление точности сведений об Албании, сообщаемых амасийским географом, достигается И. Г. Алиевым несколькими путями — выявлением источников Страбона, реконструированием албанских реалий синхронного времени на основе прекрасного знания письменных источников и материальной культуры, соположением сообщений Страбона с воссозданными албанскими реалиями. При таком методе исследования автор приходит к правомерному выводу, отличающемуся от всех мнений, что информация Страбона о примитивности хозяйственной и политической жизни албан не может относиться ко всей Албании и ее населению в целом, а относится к небольшой территории на северо-западе страны. Исследование И. Г. Алиева доказывает, что Албания в I в. до н. э. — I в. н. э. в социальном, политическом и экономическом отношениях не только не отставала от своих соседей, но и достигла высокого уровня общественного развития — албанское общество давно подверглось социальному расщеплению, высокого развития достигли земледелие, скотоводство, ремесло, торговля [97, с. 154].

Наряду с этим автор воссоздал истоки этнической и хозяйственно-культурной жизни небольшой территории на северо-западе страны в I в. до н. э. — I в. н. э., где «господствующим являлся кочевой ираноязычный эле-

мент, в аспекте торгово-денежных отношений Камбисена отличалась от остальной Албании и напоминала области Нижнего Приднепровья, степные районы Подонья, Поволжья и Северного Кавказа, где хозяйничали скифо-сарматские племена» [97, с. 165]. Это наблюдение автора имеет важное значение для понимания истории Албании последующих веков.

Необходимо назвать работы крупного кавказоведа А. П. Новосельцева, в которых нашли отражение вопросы общественного строя (генезис феодализма), исторической географии, этноса и культуры Албании [315; 316; 318, с. 10 — 18; 321, с. 186 — 188].

Хорошее знание реалий Армении, Грузии и Албании приводит автора к выводу, что IV — VII вв. были временем расцвета Албанского государства и албанской народности с ее самобытной культурой и письменностью [315, с. 42]. Автор отмечает, что древнейшее и основное население Албании составляли местные кавказские племена [315, с. 39]. Разделяя мнение З. М. Бунятова, А. П. Новосельцев считает, что причины исчезновения албанского этноса нужно видеть в исламизации, начавшейся после арабского завоевания, и григорианизации албанской церкви. «В результате активной деятельности арабских правителей и по другим причинам исламизация населения в равнинных округах Албании и в городах еще больше сблизила армянскую и албанскую церкви, которые в отличие от грузинской не порвали духовного единства. Сближение способствовало тому, что часть албанцев... сохранивших христианство, наоборот, постепенно принимали армянский язык и становились армянами» [315, с. 42], т. е. происходила культурно-идеологическая ассимиляция.

Что же касается вопросов исторической географии Албании, то А. П. Новосельцев утверждает, что Албания в период раннего средневековья включала в основном территорию современной Азербайджанской ССР, а также земли Армении, Дагестанской АССР и Восточной Грузии [321, с. 186]. У нас имеется расхождение с автором в вопросах исторической географии Албании античного периода [318, с. 10 — 18]. Наше развернутое обоснование см. во второй главе.

Интересные данные о политической истории Албании, о христианстве имеются в неопубликованных работах

покойного Т. И. Тер-Григорьяна [368; 369; 370]. Из работ последних десятилетий, осветивших отдельные стороны жизни албан, Албании (политической, идеологической, хозяйственной, городской) следует назвать монографию Т. М. Мамедова [250], собравшего из источников воедино все материалы по истории страны; труды археологов Р. М. Ваидова [157; 158; 159; 160; 161; 162], И. Бабаева и Г. М. Ахмедова [124], Р. Мамедова [249], А. А. Кудрявцева [240; 241], представивших жизнь раннесредневековых городов Албании; исследования Ворошила Гукасяна [176; 176а; 177; 178; 179], посвященные рассмотрению некоторых аспектов истории и литературы; работы Н. М. Гулиева [180], А. Ш. Оруджева [328], а также К. О. Кошкарлы [236; 237; 237а], блестяще охарактеризовавшего античную и раннесредневековую тореветику, что имеет значение как для изучения материальной культуры, так и для освещения хозяйственной жизни страны.

Следует назвать также изыскания грузинских коллег — Н. А. Бердзенашвили [140], Г. Н. Чубинашвили [397], Т. Г. Папуашвили [332; 332а], Д. Л. Мухелишвили [308; 309], отразивших отдельные вопросы исторической географии Албании, а также диссертацию З. Н. Алексидзе, в которой частично исследованы вопросы христианства Албании [95]^{28а}.

Что же касается армянской историографии последних десятилетий, то надо отдать ей должное, ибо Албания привлекает пристальное внимание армянских исследователей. Изучение вопросов истории Албании особенно оживилось в Армении с 60 — 70-х годов, т. е. с того времени, когда албановедение получило научное развитие в нашей республике²⁹. Вышли монография А. Ш. Мнацаканяна на тему: «О литературе Кавказской Албании», статьи [377; 379; 380; 381; 382; 384] и монография Б. Улубабяна «Очерки истории Восточного края Армении» (V — VII вв.). В 1975 г. Г. Х. Свазян защитил диссертацию на тему: «Агванк в VII — VIII вв.» [354]. Архитектуре и истории Нахичевана с периода древности и до XVII в. А. Айвазян посвятил три монографии [92; 93; 94], и, наконец, вопросами истории Албании занялся Ш. В. Смбалян, который сделав русский перевод Моисея Каланкатуйского, снабдил его предисловием и комментариями [49].

Следует отметить, что работы перечисленных авторов

разные только по названию, а цель у них одна — утвердить (мы специально не говорим доказать, ибо доказательств нет), что историческая Албания — это Армения, территориально, политически, культурно, этнически и конфессионально. Все они считают, что были две Албании: 1) Собственно Агванк (Алуанк), Албания* античных источников, расположенная выше р. Куры, занимающая территорию на ее левом берегу, так называемая левобережная Албания до 387 г. (так считают все названные авторы) и 2) Агванк, расположенный ниже р. Куры, по ее правому берегу, правобережный Агванк, занимающий территорию междуречья Куры и Аракса, Агванк после 387 г. Правобережный Агванк представляет собой нечто иное, как «северо-восточную часть Армении, в состав которой входят армянские наханги (провинции) Арцах, Ути и Пайтакаран. (Так считают Г. Х. Свазян и Б. Улубабян [354; 382]).

Причем у Б. Улубабяна нет определенности во мнении и наблюдается путаница. То под Агванком он понимает название страны [378, с. 223], то Агванком он называет после 387 г. «персоподанное марзбанство» [378, с. 220]. В период же арабского владычества, отмечает Б. Улубабян, Агванк становится топонимом, который «прикрепился к правобережью Куры как горький осадок марзбанства» [378, с. 200]. Б. Улубабяна вводят в заблуждение незнание истории, исторических реалий Албании и Армении и всего Закавказья, а также отсутствие историзма. Отсутствие последовательности наблюдается у Б. Улубабяна в объяснении им реальной территории Агванка. В одном случае, по его мнению, Агванк — это только правобережье Куры, в другом — Агванк — это лишь две области правобережья Куры — Арцах и Ути, и в третьем случае Агванк — это одна область правобережья Куры — Арцах [378].

А. Ш. Мнацаканян и Ш. В. Смбалян в отличие от Б. Улубабяна и Г. Х. Свазяна утверждают, что территория второго Агванка включала собственный Агванк (левобережный) и армянские наханги Арцах, Ути и Пайтакаран [302, с. 15; 49, с. 5], т. е. правобережный. Ш. В. Смбалян полагает, что как Моисей Каланкатуйский, так и другие армянские авторы под названием Алуанк

* Албания — греческое, Алуанк//Агванк — древнеармянское, Аган//Ardan — среднеперсидское.

понимают территорию марзбанства Алуанк — административной единицы, образованной после раздела Армении в IV в. и включающей в себя как наханги Великой Армении Ути, Арцах и часть Пайтакарана, так и собственно Алуанк, т. е. Албанию античных авторов вместе с сопредельными территориями до Кавказского хребта и Каспийского моря [49, с. 5].

Согласно этой концепции даже в «исконной Албании» — собственно Агуанке (античных авторов), до 387 г. расположенной к северу от Куры, левобережной Албании, Армении принадлежала северо-западная часть ее, албанская область Камбисена [302, с. 38 — 41]. Таким образом, получается, что $\frac{3}{4}$ территории Албании были армянскими, т. е. принадлежали Армении.

Резюмируя рассуждения армянских исследователей, можно их свести к следующему: в период раннего средневековья под Албанией понимается или только правобережье Куры — «восточная часть Армении» (области Арцах, Ути и Пайтакаран), или же Албания IV — VIII вв. осмысливается только как *административная единица (марзбанство)*, которая практически занимала территорию от Аракса до Большого Кавказского хребта. Таким образом, армянскими исследователями начисто отрицается наличие Албании как отдельного государства, страны с его этносом, территорией, культурой и историей.

Рассмотрим «попытки» аргументации сторонников вышеназванной концепции.

Г. Х. Свазян отмечает, что точка зрения о наличии двух Албаний принадлежит С. В. Юшкову, В. Ф. Минорскому и Н. Адонцу, а он, дескать, пытается «вновь доказать существующее в историографии мнение (С. В. Юшков, В. Ф. Минорский, Н. Адонц и др.) о том, что хотя сочинение Каланкатуйского называется «История страны Агванской», оно является скорее историей северо-восточной части Армении, чем собственно Албании, которая (по данным греко-римских и армянских историков и географов) находилась к северу от р. Куры. Описываемая же у Каланкатуйского страна Агванк расположена между реками Курой и Араксом и именно эту территорию он называет «Агванком», под этим географическим названием понимая древнеармянские провинции Арцах и Утик» [354, с. 5].

У упомянутых исследователей (С. В. Юшков, В. Ф. Минорский и Н. Адонц), которых группирует Г. Х. Свазян и на мнения которых ссылается, нет ничего не только о двух Албаниях, об армянском Агванке, но даже четкого, а, главное, единого мнения о южной границе Албании. Так, В. Ф. Минорский полагал, что «в греческих и латинских источниках аллювиальная долина Нижней Куры и Аракса, лежащая между Иверией и Каспийским морем, называлась Албанией... Каспия (вероятно, район около Байлакана и Мугана) также принадлежала Албании» [300, с. 27]. Как видно из данного текста В. Ф. Минорский южной границей Албании считал не р. Куру. Далее он пишет: «Армяне значительно урезали албанские территории на юг от Куры. Только после раздела Армении между Византией и Персией в 387 г. районы Ути и Арцаха (на юг от Куры) снова попали в руки албанского правителя» [300, с. 27]. Следовательно, по мнению В. Ф. Минорского, правобережье Куры, как и левобережье, изначально входило в состав Албании, что полностью совпадает с вышеупомянутым мнением К. В. Тревер.

С. В. Юшков, критически относясь к противоречивым данным античных авторов, сомневается, что южная граница Албании в античное время проходила по р. Куре. «Что албаны должны были занимать гораздо большую территорию, нежели долина р. Куры (вернее, только долина по левому течению Куры, так как долину по правому течению занимала Армения), подтверждается указанием Страбона, что ...албанский и иверский народы, которые именно и составляют главное население перешейка (территорию между Черным и Каспийским морем), занимают страну богатую и могущую иметь весьма густое население. Нельзя думать, что Албания при Страбоне занимала только долину по левому течению р. Куры...» [408, с. 132]. Опять же, как видим, у С. В. Юшкова сказано далеко не то, что ему приписывает Г. Х. Свазян. Согласно же мнению Н. Адонца, во времена Аршакидов (вероятно, армянских Аршакидов. — Ф. М.) Кура была южной границей Албании. И только во второй половине IV в., как полагает Н. Адонц, правобережье Куры (Ути, Арцах и Пайтакаран) было отнято у Армении и было присоединено к Албании [91, с. 223, 225].

Таким образом, из трех авторов, которых объединяет

в одну группу Г. Х. Свазян, только Н. Адонц считал, что правобережье Куры изначально и до 387 г. входило в состав Армении. Такое положение объясняется противоречивостью данных авторов и скудностью источников как античных, так и армянских, которые исследовались к тому же, видимо, недостаточно критически и без должного учета реалий Албании и Армении синхронного времени, без попытки выявления достоверности данных источников. И не удивительно, что по этому вопросу (о южной границе Албании античного периода, т. е. о правобережной Албании, насколько она связана с историей Армении) в науке существуют три точки зрения³⁰. Что же касается идеи о наличии двух Албаний — «собственной Албании» (левобережной) и Агванка — северо-восточной части Армении (правобережной), то следует отметить, что она придумана и выдвинута еще в 1784 г. мхитаристом М. Чамчяном.

«Страна агванская в двойном значении упоминается в книгах наших. В одном, вместо той страны, что находится между р. Курой и Каспийским морем вплоть до Дербента, и называется она Агванк Ширванский или же Ширван... А во втором — вместо той части Армении, которая содержит сама в себе три области, а именно Ути, Арцах и Пайтакаран и часть еще по ту сторону р. Куры, и все это называется особо Агуанком Армянским...» [395, с. 131]. За М. Чамчяном последовали К. Патканов [46, с. 296 — 297] и др. Следует тут же отметить, что в науке ничего неизвестно об Агванке Ширванском в период раннего средневековья. Ст. Канаян в 1914 г. пишет: «Итак, есть, следовательно, «собственно Агванк» — от Кавказских гор до р. Куры, и, так сказать, «Агванская Армения» — между реками Кура и Аракс. Можно смело утверждать, что все наши авторы под выражением «Агванк» подразумевают именно последнюю (особенно начиная с V в.), все *кроме* «Ашхарауцца» Хоренаци и Каганкатваца...» [227, с. 146, 154; 302, с. 45].

Во-первых, это прослеживается далеко не у всех армянских авторов. Очень важно, что «Армянская география» («Ашхарауцц») и албанский автор Моисей Каланкатуйский, т. е. все синхронные источники VII — VIII вв., составляют исключение в перечне Ст. Канаяна и под Агванком понимают не правобережную Албанию, так называемую «Армянскую Албанию», а совершенно

очевидно всю Албанию, занимающую территорию от Аракса до Дербента.

Нам представляется, что нет ничего удивительного в том, что армянские авторы при изложении истории Армении, попутно касаясь исторических событий смежных соседей, описывали именно те области Албании, которые были их непосредственными соседями. Это как раз и были области правобережья Куры — Ути, Арцах и Пайтакаран. А что же касается остальных областей Албании (левобережья), то они были далеко удалены от Армении. Кроме того, при толковании данных армянских источников необходимо учитывать время их составления, исторические предпосылки и цель создания. Особенно несправедливым представляется утверждение, что начиная с V в. под Агванком подразумевали правобережную «Армянскую» Албанию, ибо в V в. Албания достигла наивысшего могущества при албанских аршакидских царях Ваче II и Вачагане III, который восстановил, объединил всю Албанию в ее исконных владениях, некоторые из которых были отняты сасанидским царем Перозом, а не армянским царем (*Каланкатуйский*, I, 17).

Мнение М. Чамчяна, высказанное в XVIII в., еще и сегодня культивируется некоторыми исследователями, выдвигающими в его защиту, как им кажется, все новые и новые «доказательства».

Другим «аргументом», который выдвигается в пользу этого мнения, является то, что сам Каланкатуйский будто в своем сочинении «История албан» отражает историю не Албании, а Агванка — северо-восточных областей Армении, расположенных на правобережье Куры, т. е. в междуречье Куры и Аракса; отражает историю не албанского народа, а армянского [378, с. 223, 225; 354, с. 5].

Исследование данных Моисея Каланкатуйского убеждает, как и следовало ожидать от источника, озаглавленного «История албан», что в нем отражена история не только двух албанских областей Ути и Арцаха, т. е. не только правобережья Куры, но и история областей левобережья Куры. Основными областями Албании, согласно «Истории албан», по левобережью были — Чола, Лпиния, Шаки, Кабалака (Кабала), Эджери, Камбисена.

Центр области (гавара) Кабала (левобережье Албании) была и столицей всего Албанского государства

с античного периода до V в. включительно. С принятием христианства Кабала стала и резиденцией албанского католикоса. Три области левобережья — Кабала, Шаки и Камбисена представляли собой, согласно данным «Истории албан», церковно-административные единицы — епархии (*Каланкатуйский*, I, 26; II, 7; III, 8, 23) представители которых (епископы) участвовали в албанских соборах V в. и VII — VIII вв. В албанских соборных реестрах зафиксированы не все участники, точно так же, как в протокольных списках армянских соборов³¹. И тем не менее в списке албанского Партавского собора 705 г., согласно данным Каланкатуйского, значатся представители светской знати как правобережной, так и левобережной Албании — Баб Гратеан из Кабалаки и Колта, Теодор Анастоеан из Камбисены³². И Кабалака, и Колт и Камбисена — области левобережья Куры.

Что же касается участников Агуэнского собора V в., то духовенство представлено с правобережья и левобережья Куры, а присутствие светской знати отражено опять же неполно, и зафиксированы в основном их имена без указания патронимийных владений.

Таким образом, исторические события, происходившие в стране, естественно отражались и в этих областях. Данные албанского историка свидетельствуют о территориальной целостности Албании (т. е. единой Албании левобережной и правобережной) с I по начало VIII в. И не удивительно, что даже Ст. Канаян отмечал, что Моисей Каланкатуйский и «Армянская география VII в.» составили исключение в числе армянских источников, т. е. под Албанией понимали не только правобережье, но и левобережье, т. е. единую Албанию.

Следующим доводом названных автором является беспочвенное утверждение, что области правобережья Куры — Арцах, Ути и Пайтакаран обозначались в трудах древних армянских историков именами — «Восточный край Армении», «Северо-Восточный край», «Восточный край», «Северо-Восточный край Армении», «Агванский край», «Армения глубинная» [302, с. 5, 47 — 48, 55, 67; 383, с. 40; 49, с. 6].

Не выдерживает никакой критики положение Б. Улубабяна: «В армянских источниках страна Араншаиков, начиная со времен марзбанства (княжества) называлась по-разному: «Восток», «Восточный край», «Восточный

край Армении», потому что она была восточной частью Древней Армении: «край Агванка эта новая административная единица действительно находилась в краю прежнего Агванка (Албании), непосредственно была ее соседкой» и т. д. и т. п. [383, с. 40]. Во-первых, Албания называлась «Востоком», «Восточным краем», «Восточными областями», «жителями Востока» не со времен марзбанства — V в., а с I в. н. э. К тому же эти понятия, словосочетания сохранились в основном у Моисея Каланкатуйского в «Истории албан», где ни разу нет упоминания «Восточный край Армении», «Восточная Армения». Мною исследовано и установлено, что понятия «жители Востока», «Восток», «Восточные области», «Восточный край» осмысливаются в «Истории албан» как Албания в идеологическом христианском смысле, т. е. подразумевается, что Албания является восточной окраиной, восточным пределом христианского мира по отношению к Иерусалиму [266, с. 51 — 52, а также гл. IV данной монографии]. А понятие «Восточная Армения» — совершенно иное понятие, включающее в себя другие территориальные пределы именно Армении.

Под Восточной Арменией, как известно, понимается и называется Перс-Армения, т. е. Персидская Армения, окончательно образовавшаяся после договора 387 г., в противовес Западной — Ромейской Армении.

Далее армянские исследователи утверждают, что население правобережной «армянской» Албании было изначально армянским [302, с. 67—73; 383, с. 68; 49, с. 6 — 7]. Б. Улубабян пытается отделить название страны Агванк от наименования этноса, т. е. он считает, что наименование Агванк не отражает названия доминирующего этноса — албан. Он категорически заявляет, что население страны Агванк, которая занимала лишь правый берег Куры, было армянское и говорило на армянском языке [378, с. 222 — 223]. И потому, согласно теории Б. Улубабяна труд Моисея Каланкатуйского, который Б. Улубабян подчеркнуто переводит, в отличие от всех арменистов, албанистов, не «Историей албан», а «Историей страны Агванк», не отразил и не мог отразить историю этноса — албан. «В крае Аран, который охватывал междуречье Куры и Аракса в последующем должен был быть назван Восточным краем Армении, еще во II в. до н. э. разговорным языком был армянский. Иначе го-

вора, образование армянского народа здесь настолько было завершённым, что от предармянских племен больше не оставалось следов» [383, с. 68].

Такого же мнения придерживается Ш. В. Смбалян, который категорично и совершенно безответственно утверждает, что термин Албания являлся «не этнонимом, а лишь административно-географическим названием...» [49, с. 6] (подчеркнуто нами. — Ф. М.).

Что касается албанского этноса, албанского языка, то к уже сказанному мы добавим следующее. Дело в том, что в труде Моисея Каланкатуйского нет никаких данных об армянах, живущих в Албании (в областях Арцах и Ути), говорящих на армянском языке. Если же речь идет об албанском народе, который, по мнению Б. Улубабяна и Ш. В. Смбаляна, не нашел отражения в источнике, то следует обратить их внимание на тот факт, что рукопись Моисея Каланкатуйского, переписанная с самой ранней рукописи XIII в. (ЛО ИВАН — В-56), озаглавлена: «История албан», составленная Моисеем Каланкатуйским из того же народа (азгэ) и той же страны (ашхархэ). В рукописи XVII в. (ЛО ИВАН С-59) значится: «Оглавление первой части истории албанского народа, — алуаниц азгн», а в рукописи ЛО ИВАН — В-56, восходящей к рукописи XIII в. — «Оглавление... истории албан — патмутюн алуаниц». В рукописи XIII в. и XVII в. глава первая кн. I озаглавлена «Предисловие к истории албан». Как видно из рукописей, попытка Б. Улубабяна и Ш. В. Смбаляна отделить наименование народа от названия страны и дать «новый» заголовок источнику — «История страны Агванк» тщетны. И не случайно, известный знаток грабара К. Патканов, издавший русский перевод источника, озаглавил его «История албан», «Историей страны алван» назвал источник и крупный кавказовед А. П. Новосельцев [321, с. 186].

Что же касается содержания самого источника об албанском этносе, то приведем несколько примеров. Так, в первых же главах книги первой Моисей Каланкатуйский пытается выяснить происхождение албанского народа (I, 2), который он вместе с китурийцами выводит из потомков Иафета, отделяя его от армян. Он приводит письмо армянского католикоса Елии к арабскому халифу

в 705 г.: «От Вседержателя Бога досталось подчиненной стране нашей [Армении. — Ф. М.] служить Вам, и вместе с албанами исповедовать одну веру божественности Христовой. Теперешний католикос албанский... принуждает страны наши соединиться с ним [императором греческим. — Ф. М.] в вере» (Каланкатуйский, III, 5).

Как видно из приведенного отрывка, излишне доказывать или отрицать наличие албанского этноса и страны Албания (Агванк), отражающей этот этнос.

Другим аргументом Б. Улубабяна в пользу отсутствия албанского этноса является утверждение о том, что «История страны Агванк» не содержит ничего конкретного об агванах, а излагает историю армянских князей Араншахигов и гардманских князей Михранидов [378, с. 223]. Как известно, данные Моисея Каланкатуйского об Араншахигах очень скудны, фрагментарны и противоречивы.

Б. Улубабян, не имея на то никаких оснований, отождествляет албанских Араншахигов с албанскими Аршакидами, которые будучи парфянского происхождения, в условиях Албании албанизировались, подобно тому как армянские Аршакиды арменизировались. Персидский правящий род Михранидов в Албании, также проводя проалбанскую политику, приняв христианство, албанскую культуру, постепенно албанизировался. К тому же, как могут правители господствующих родов — Араншахигов, Аршакидов и Михранидов представлять собой весь этнос страны Албании?! Ведь в Армении, согласно данным Мовсеса Хоренаци, многие из нахарарств основаны не армянами, а чужеземцами. Так, к примеру, известнейший род Мамиконидов основан китайцем, а род Багратидов — евреем. Однако это не дает основание считать, что население нахарарств Мамиконидов и Багратидов было не армянское. Можно провести массу аналогий и с царствующим родом многих стран Запада и Востока. Таким образом, правители албанские, как и армянские, не были аборигенами, но от этого население страны не переставало быть албанским.

Рассмотрев данные албанского автора об албанском этносе, обратимся к другим источникам и посмотрим, что они сообщают об этом этносе? Да будет известно, что отец армянской истории, автор VII — VIII в. Мовсес

Хоренаци, как выше упоминалось, называет жителей Албании, именно правобережной Албании, «вечно лживыми албанами» (III, 3, 6). Следовательно, это не армянский этнос, не родственник ему, а наоборот и даже ему неприятный.

У другого армянского автора V в. Лазара Парпеци при описании антисасанидских восстаний V в. (450 — 451 гг. и 481 — 484 гг.) речь идет о трех странах, о трех этносах, постоянно упоминается триада: «Армения, Иберия, Албания»; «все три страны — Армения, Иберия, Албания»; «три страны»; «армяне, иберы, албаны» [43, гл. 25, 26]. Парпеци сообщает, что марзбан Михран докладывал персидскому царю о положении дел в Закавказье: «...если бы армяне были в нашей стороне, то ни иберы, ни албаны никогда не посмели бы поднять восстание» [43, гл. 75]. И так очевидно, что у армянских авторов как V в., так и VIII в. не вызывало сомнения наличие *страны Албании, этноса албанского* и соответственно *этносима албаны*. Б. Улубабяну и Ш. Смбатяну следовало бы хорошо знать армянских авторов, реалий Армении и соседней Албании, ибо, как известно, не в категоричности доказуемость. Опять же Парпеци сообщает, что персидский хазарапет Михрнарсе «прибыл в город Пайтакаран, снаряжает полки с *албанами* и отправляет в Армению» [43, гл. 33]. Таким образом, жителями правобережья, области Пайтакаран были албаны, а не армяне.

О наличии самостоятельного албанского этноса сообщает и сирийский автор VI в. Захарий Ритор: «...в этой северной стороне есть верующие пять народов с их двадцатью четырьмя епископами... *Аран [т. е. Албания] также земля... со [своим] языком, с народом верующим и крещеным. У них есть царь, подчиненный персидскому царю...*» [347, с. 81 — 87].

Б. Улубабян в своей последней монографии («Очерки истории восточного края Армении...») пытается вновь подтвердить свои прежние мысли. Определив хронологические рамки своего исследования V — VII вв., он, по существу, как ни странно, акцентирует свое внимание на данных античных авторов и мнениях исследователей, с которыми он солидарен. Между тем данные синхронных местных источников V — VII вв. остались им почти не исследованными.

Дело в том, что для периода V — VII вв., чему посвящено исследование Б. Улубабяна (во всяком случае так отмечено в заголовке книги), исторические границы Албании известны в науке и уже не вызывают никаких споров. По единым данным всех источников, южная граница Албании проходила по р. Аракс, т. е. Албания простиралась от Аракса до Дербента. Еще К. В. Тревер отмечала, что «...в V в. пределы *Албанского царства* расширились: в него входило и правобережье Куры, от Хунаракерта до впадения Аракса в Куру, включая древние области Шакашен, Утик, Арцах и область города Пайтакарана» [374, с. 201]. Еще раз напомним, что у такого албаниста, как К. В. Тревер, не вызывало сомнения наличие Албанского царства.

Споры о южной границе Албании могли возникнуть в античном периоде, поводом для которых послужили противоречивые данные некоторых античных авторов, а также сведение армянского автора V в. Фавстоса Бузандаци, сообщающего о событиях 371 г. (развернутое комментирование этих спорных сведений дано нами во второй главе). Рассмотрению этих данных и посвятили свои работы Б. Улубабян, цель и задачи монографии которого должны быть другими, А. Ш. Мнацаканян, цель которого также должна быть иная — литература Кавказской Албании. К ним примыкает и диссертация Г. Х. Свазяна.

Следует еще раз обратить внимание на период, исследуемый Г. Х. Свазяном, — Агванк в VII — VIII вв., т. е. период господства в Албании Михранидов. Именно в этот период ни у кого из исследователей не вызывает сомнения вопрос о территориальной целостности Албании, о ее территориальных пределах.

Если даже согласиться с мнением ученых, согласно которым правобережье Албании до 387 г. было в составе Армении, то все равно вызывает недоумение, какое это имеет отношение к истории Албании VII — VIII вв., когда эти области уже три-четыре столетия были албанскими? Непонятен интерес Г. Х. Свазяна к псевдогенетической преемственности и продолжению представлять эти две области (Утик и Арцах) как политическое, этническое, культурное единство с Арменией на протяжении VII — VIII вв.

Так, относительно территориальных владений Алба-

нии VII — VIII вв. Каланкатуйский сообщает: «Таким образом, он (Джеваншир. — Ф. М.) самодержавно и с великолепием правил от пределов Иберии до *ворот гунских и до р. Аракса*» (Каланкатуйский, II, 21). Что Албании принадлежала и левобережная Албания явствует и из следующего: «В тот день Джеваншир одержал великолепную победу (над хазарами) и говорил тому варварскому народу: «Поди войди в ворота Чола и не выходи более сюда» (Каланкатуйский, II, 23). Эти же пределы Албании от ворот Чола и до р. Аракс сохранились при преемнике Джеваншира, албанском правителе Вараз-Трдате. «Он [Вараз-Трдат. — Ф. М.] великодушно кротостью подчинил себе страну [Албанию] в обычных ее границах...» (Каланкатуйский, II, 35, 37).

В свете вышеизложенного наглядно представлена вся несостоятельность утверждения Г. Х. Свазяна, что «описываемая же у Каганкатвази страна Агванк расположена между реками Курой и Араксом и именно эту территорию он называет «Агванком», под этим географическим названием понимая древнеармянские провинции Арцах и Ути» [354, с. 5]. Запутавшись в понятиях Агванк и Албания и видя, что у Каланкатуйского речь идет об одной единой стране (правобережной и левобережной вместе), Г. Х. Свазян отмечает, что страна в период правления Михранидов (Вараз-Григора, Джеваншира и Вараз-Трдата) представляла «агванское марзбанство» и обозначалась «общим названием Аран» [354, с. 19], хотя у Каланкатуйского страна в этот период, как и в предшествующие, называлась только Албанией. И это естественно.

Б. Улубабян, Ш. В. Смбатян и Г. Х. Свазян не желают разобраться в понятиях «марзбанство» и наличие в стране царской власти. «Марзбанство» — это не княжество, как полагает Б. Улубабян, а наместничество, которое устанавливается в стране только в том случае, когда отменяется в стране царская власть, и страна превращается в провинцию. Такая участь среди стран Закавказья раньше всех постигла Армению, затем Иберию и почти не затронула Албанию. Б. Улубабян и Ш. В. Смбатян переносят марзбанский режим в Албанию [383, с. 40, 108, 115; 49, с. 5]. Как известно, в 387 г., когда Армения еще и еще раз (в который раз !!!) была поделена между двумя империями — Византией и Ираном,

албанские области Арцах, Ути и Пайтакаран, согласно армянской традиции (историографии), были юридически еще раз закреплены за Албанией, а область Гугарк (Гогарена) — за Иберией. А в 428 г. царская власть в Армении была отменена (до этого периода она носила номинальный характер), и Армения стала провинцией, управляемой марзбаном. Албания свою самостоятельность не теряла, царская власть албанских Аршакидов просуществовала до 510 г., а потом ее сменила власть великих князей Албании — Михранидов, продолжавшаяся до VIII в. включительно. И если в своих предшествующих статьях Б. Улубабян еще соглашается — принимает дату 387 г., то в этой монографии он в своих измышлениях пошел еще дальше, утверждая, что области Арцах и Ути (а также Гугарк) в составе Армении оставались вплоть до 428 года. И после этого они не были завоеваны Агванком и даже не Персия их передала Агванку (Албании), а просто из Ути, Арцаха и Агванка (Албании) образовала одну зависимую область» [383, с. 127].

Абсолютно неверным является утверждение Г. Х. Свазяна, что «Михраниды оставались персами только в течение двух поколений, после чего приняли христианство и сроднились с представителями местных армянских нахараров, окончательно арменизировались, усвоили обычаи и быт, характерные для армянской знати». Ведь Михраниды, будучи по происхождению персами, стали правителями Албанской страны. С этой целью они приняли веру, которую исповедовали албаны (следует подчеркнуть, что христианство исповедовали не только армяне), приобщились к местной албанской культуре, вели проалбанскую политику. Известно, что на территории Албании, правобережья, согласно данным античных источников [103, с. 139 — 144; 250], армянских и албанских историков, жили албаны, удины, каспии и другие этнические группы. Согласно данным сирийских и арабских источников VI — X вв., не только в зоне Партава (современной Барды), но и в зоне Сисакана — Сюника (современного Сисиана) народ говорил не по-армянски [149, с. 94 — 100, прим. 129]. Справедливо говорить в этом случае об албанизации Михранидов, но никак не об их арменизации.

Что же касается остальных вопросов, «исследован-

ных», «новых» в диссертации Г. Х. Свазяна, то следует заметить, что многие из них списаны с публикаций, в частности с нашей и с монографии З. М. Буниатова. Вероятно, иначе и не могло быть, так как работа Г. Х. Свазяна называется «Агван VII — VIII вв.», а З. М. Буниатова — «Азербайджан в VII — IX вв.», и хронологически и тематически, видимо, трудно разойтись.

Работа Г. Х. Свазяна состоит из трех глав, где первая посвящена социально-экономическим отношениям Албании VII — VIII вв., а две другие главы посвящены политической истории Албании — «Род Михранидов и Агванк» (гл. II); «Политическая история Агванка VII — VIII вв.» (гл. III). Первая глава повторяет нашу диссертацию об общественном строе Албании V — VIII вв.³³

При сопоставлении статей, а также глав II, III, IV нашей диссертационной работы с первой главой работы Г. Х. Свазяна нетрудно заметить одни и те же исследуемые вопросы, одни и те же выкладки, выводы. Это относится к толкованию терминов «хостак», «аваг», «кртсер», «спарапет», «рамик», «шинакан», «алахин». Разница лишь в том, что Г. Х. Свазян пришел к этим выводам с опозданием на шесть лет после наших публикаций. Новизна работы Г. Х. Свазяна состоит лишь в верном пересмотре им традиционной даты правления Дживаншира (Михранида). Г. Х. Свазян опровергает существующее в историографии мнение, согласно которому Дживаншир правил в 636 — 669 (или 680) годы. Он дает, на наш взгляд, более верную датировку — 642 — 683 гг. [354, с. 20 — 23].

Последнее издание Каланкатуйского, предпринятое Ш. Смбалян, также грешит заимствованиями, особенно это относится к комментариям [49, с. 191 — 192, 195]³⁴.

Резюмируя сказанное по поводу концепции исследований, рассматривающих Албанию как Восточную Армению, следует отметить, что она основывается на противоречивых, спорных данных источников (подробно см. II главу). Не сопоставив эти данные с синхронными местными источниками, абстрагируясь от реальной истории Армении, они развили теорию с далеко идущими выводами. Очевидно, сторонники этой концепции понимают уязвимость, шаткость и непрочность своих позиций. Поэтому предпринимают неоднократные попытки утвердить, а не научно доказать это мнение в науке.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ АЛБАНИИ

III в. до н. э. — VIII в. н. э.*

Историческая география народов СССР (в том числе и стран Закавказья) в настоящее время является одной из кардинальных проблем, которую разрабатывают советские историки и востоковеды.

Исследование исторической географии Азербайджана с древних времен до позднего средневековья имеет исключительно важное значение как самостоятельная тема для истории Азербайджана, так и для решения проблемы исторической географии народов Кавказа и Закавказья в целом.

В задачи исторической географии входит выявление местонахождения этнических групп, локализация этнополитических объединений, определение территории, на которой происходили консолидация племен и образование народности, государства, определение политических границ государства.

Таким образом, вопросы исторической географии тесно связаны с проблемами этногенеза народа, внешне и внутривосточного положения страны, политического статуса страны, господства и распространения той или иной идеологии.

Историческая география Азербайджана (периода древности и средневековья) остается пока совершенно неисследованным разделом истории Азербайджана и народов Закавказья. Между тем советская историография располагает значительным количеством специальных работ, освещающих эту проблему, в применении к сопредельным странам (работы академика С. Т. Еремяна для Армении, работы академиков Н. А. Бердзенашвили, Г. А. Меликишвили, докторов исторических наук Т. Г. Папуашвили, Д. Л. Мухелишвили для Грузии) [212, с. 79 —

* Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность член-корреспонденту АН АзССР И. Г. Алиеву, который стоял у истоков этой работы и помог ценными советами и замечаниями в процессе написания данной главы.

97; 201; 203; с. 43 — 60; 140; 139; 289; 308; 306; 307; 332; 353].

Изученность проблемы исторической географии Армении и Грузии объясняется как наличием широкой источниковедческой базы, так и наличием историко-географической традиции, богатого документального и эпиграфического материала, богатой армянской и грузинской историографии.

Предпосылки развития географических воззрений о народах Кавказа были созданы еще в античную эпоху, в трудах Страбона (I в. до н. э. — I в. н. э.), а также последнего крупнейшего представителя античной науки — Клавдия Птолемея (I — II в. н. э.).

В армянской действительности географические и картографические методы античной науки наиболее полно отразились в «Армянской географии VII в.» Анания Ширакаци, где дано политическое разделение Ближнего Востока VI — VII вв., а Азия разделена на 44 страны и под номером 25 освещена Иберия, под номером 26 — Албания и 27 — Армения. Однако именно Ширакаци считает, что междуречье Куры и Аракса, т. е. области Арцах, Пайтакаран и Ути, были исконно армянскими, и только после раздела Армении в 387 г. между Персией и Византией эти области были присоединены к Албании, а область Гугарк — к Грузии.

Традиция географических и картографических воззрений была продолжена в XIII в. в «Армянской географии» Вардана Великого.

Историческая география Грузии нашла отражение в «Географии» Вахушти (XVIII в.). По мнению М. Броссе, «География» Вахушти имеет такое же значение для Грузии, как топографические заметки Гомера для Греции. Историческая география раннесредневекового Южного Азербайджана освещена в источнике VII в. («Города Ирана» — Ираншахр). Существенным дополнением к перечисленным географическим трудам являются данные арабских и персидских географов и историков, историко-географических трактатов и исторических нарративных источников.

Что же касается истории Азербайджана (Северного), то мы не располагаем ни одним местным географическим источником, к тому же имеем очень скудную источниковедческую базу. Единственным местным источником, ос-

вещающим историю Азербайджана I — VIII вв., является труд албанского автора VIII в. Моисея Каланкатуйского «История албан», в которой он пытается очертить пределы албанского народа в каждый период — в I в., V в., VIII в.

Сведения об исторической географии Азербайджана раннесредневекового и средневекового периодов сохранились в трудах арабских и персидских авторов.

Вопросы исторической географии Албании (Азербайджана) античного периода и раннего средневековья ставились в работах дореволюционных ученых России, зарубежных, а также советских ученых — А. Яновского, Б. Дорна, В. Томашека, А. Е. Крымского, С. В. Юшкова, С. Т. Еремяна, К. В. Тревер, К. Алиева и др. [414; 194; 442; 238, с. 289 — 305; 239, с. 369 — 384; 408; 201; 374, с. 137 — 142; 103, с. 13, 98 — 100; 318, с. 10 — 18; 304]. Но все они основывались, главным образом, как на одностороннем использовании античных источников, армянских авторов без попытки выявления их достоверности, так и на сложившейся армянской традиции.

В советской историографии вопрос о юго-западной и южной границе Албании периода VII — IX вв. впервые был верно поставлен академиком З. М. Буниятовым. Удачной находкой З. М. Буниятова является выявление им первого Шаки, помещенного им на правобережье Куры, что вносит ясность при восстановлении отдельных событий в исторической географии Албании [151, с. 869 — 871]. Точно очерчены З. М. Буниятовым южные границы Азербайджана в VII — IX вв. [149, с. 92, 100; 153, с. 67 — 68].

А. П. Новосельцев, прекрасно знающий кавказские реалии, считает, что Албания в период раннего средневековья включала в основном территорию современной Азербайджанской ССР, а также земли Армении, Дагестанской АССР, Восточной Грузии [321].

Итак, как видно из вышеизложенного, азербайджанские исследователи поставлены в совершенно иные условия, нежели их коллеги в Армении и Грузии. Азербайджанские ученые, по существу, впервые создают историческую географию Азербайджана. Отсутствие исторической, географической традиции, известных и сложившихся научных представлений по данной проблеме, что не дает возможности в какой-то мере опеллировать ими, создает непомерные трудности в процессе работы.

К тому же приходится неоднократно высказывать свое отношение к сложившимся двум традициям — армянской и грузинской, на чем мы специально остановимся ниже.

Вместе с тем, невзирая на эти трудности, возможности заняться изучением этой проблемы есть. Дело в том, что исследователи не смогли воспользоваться имеющимися у нас источниками, сполна определить степень их достоверности, характер памятников и не извлекли из них всех необходимых и важных для истории Азербайджана данных. На основании имеющихся источников можно прийти к новым, весьма любопытным выводам. Быть может наш опыт, хоть отчасти, докажет справедливость нашей мысли.

В процессе работы мы выработали свой метод исследования:

1) при использовании данных того или иного источника прежде следует рассмотреть время появления источника, цель, поставленную перед его автором, определить характер его и потом выявить степень достоверности тех или иных данных; 2) исследовать реалии времени, описываемого источником, причем реалии албанские, армянские, грузинские синхронного времени; 3) из разноязычных и разновременных источников как античных, так и поздних арабских, персидских, предпочтение отдать местным источникам — албанским, армянским и грузинским; 4) рассмотреть договоры, которые не привлекались к исследуемой проблеме.

Концепция исторической географии Албании, которой придерживаются армянские и грузинские ученые, сводится к следующему.

Согласно армянской традиции, территория Азербайджана в древности и раннем средневековье располагалась севернее р. Куры, только на левом берегу Куры (левобережье), т. е. согласно этой традиции, территория нынешнего междуречья Куры и Аракса была армянской. И только после 387 г. эта территория отошла к Албании, но этнически, политически и культурно продолжала считаться восточными областями Армении.

Согласно грузинской (старой) традиции, западная часть левобережной территории Албании была грузинской территорией. А по новой грузинской традиции (автор которой Д. Л. Мусхелишвили) Грузии принадлежали

как левобережная территория Албании, «щедро выделенная» армянскими исследователями, так и западная часть, а в отдельные периоды и все правобережье Азербайджана.

§ 1. Политико-административные единицы. Этнические границы

Согласно данным письменных источников — армянских авторов V — VIII вв. и албанского автора VII — VIII вв. Моисея Каланкатуйского, территория Албании I — VII вв. простиралась от Кавказских гор на севере до р. Аракс на юге, от Иберии на западе до Каспийского моря на востоке. Вся территория Албании естественными границами была разделена на многочисленные районы. В административно-территориальном отношении она делилась на области (гавары) и провинции (наханги)*.

Албания, расположенная на левом берегу Куры (левобережная), в административном отношении делилась только на гавары. Административное деление здесь менее развито, чем в правобережной Албании. Согласно данным «Армянской географии VI в.» левобережье Албании состояло из одиннадцати областей. Албанский источник упоминает четыре из них — Кабалу, Шаки, Камбисену и Эджери, которые были самыми большими и политически важными. Три области (Кабала, Шаки и Камбисена) представляли собой церковно-административные единицы, епископства, представители которых (епископы) присутствовали на всех албанских соборах. К левобережной Албании помимо упомянутых гаваров относились и две страны — Лпиния и Чола, которые не всегда входили в состав Албанского государства. Еще во второй половине V в. они продолжали оставаться периферийными областями с сохранением частичной внутренней автономии. Однако после 488 г. в царствование албанского царя Вачагана III Лпиния и Чола окончательно вошли в состав Албанского государства. Считают, что название Чола (Чор, Чол) иранского происхождения. Область Чола занимала прикаспийскую полосу, начиная

* Несколько гаваров составляли провинцию (наханг).

от прохода Чола (Дербент) к югу приблизительно до горы Бешбармак. Крупными городами области были Чола (столица массагетских Аршакидов), Дербент.

Область Чола была богата виноградом, фруктами, зерном. Велико было и ее стратегическое значение. В ней находились так называемые Албанские ворота — проход между горами большого Кавказа и Каспийским морем. Через эти ворота с севера в страну могли вторгаться различные кочевые племена, представляющие угрозу не только для Албании, но и для Сасанидов и Византии. Поэтому в охране этого прохода были заинтересованы не только албаны, но и крупные державы того времени — Сасанидская Персия и Византия.

Исследование письменных источников и археологические изыскания, проводимые в Дербенте с 1971 г. А. А. Кудрявцевым, показали, что область Чола, «крепость и город охраняли на протяжении всего албанского периода важную дорогу в западном Прикаспии и обитателями его, стражами знаменитых «ворот» были местные дагестанские племена, входившие в этот период в состав Албанского царства» [240; 241, с. 62]. В IV — V вв. в результате активизации кочевого мира с севера через проход Чола хлынули новые орды кочевников, которые стали оседать к югу от Дербента. Следы этого проникновения выявлены в культурных слоях Дербента IV — V вв. Здесь обнаружены сероглиняная керамика, своими формами и орнаментикой тяготеющая к керамическим изделиям кочевников Северного Кавказа и Предкавказья, а также предметы вооружения и быта, типичные для степняков [241, с. 64].

Дербентский проход — «пограничная крепость Чола», «ворота Чола», «ворота гуннов», граница «владений албан и хонов» — становится границей Албании и «царств» кочевников, т. е. границей двух миров — земледельческого и скотоводческого [241, с. 65, 80; 240, с. 68].

В V в., когда на Восточном Кавказе началась сасанидская экспансия, область Чола отводилась большая военная и политическая роль. Закрыв проход, Сасаниды, с одной стороны, «изолировали народы Закавказья от возможных союзов с кочевниками в их борьбе с персами, а с другой — выступали защитниками покоренных территорий от опустошительных набегов степняков» [241, с. 79].

В первой половине V в., в правление персидского царя Иездигерда II, в Чоле были возведены мощные оборонительные сооружения, известные Дербентские стены [Каланкатуйский, II, 2, 11; 241, с. 79 — 81].

Чола была как военно-политическим оплотом Сасанидов на Кавказе (местопребыванием большого персидского гарнизона, резиденцией персидских марзбанов), так и стратегическим оплотом, политико-административной единицей албанского государства, местом пребывания албанского католикоса (до VI в.). Исходя из албанских реалий, думается, что Чола не всегда была резиденцией персидских марзбанов, а лишь в периоды усиления сасанидской экспансии на восточном Кавказе. Это имело место в середине V в., когда Сасаниды пытались превратить Албанию в персидскую провинцию, а также с 510 по 630 г., когда в стране отсутствовала централизованная царская власть, т. е. в период, предшествующий правлению Михранидов. Наличие марзбанов в Чоле зафиксировано в источниках именно в отмеченное нами время (Елишэ, Парпский, Каланкатуйский, I, 2). Кроме стратегического положения албанский автор сообщает о важности области Чола в идеологическом отношении, как одном из самых ранних очагов христианства во всем Закавказье. Апостол Елисей «...заходит к маскутам, избегая Армении, и начинает проповедь в Чоле» (Каланкатуйский, I, 6), что имело место в I — II вв. С этим событием албанская традиция связывает превращение Чолы в патриарший центр до VI в. и наличие там дворца католикоса Востока — края Востока вплоть до IX в., исключительно (Каланкатуйский, II, 4; III, 16).

Некоторая автономность области Чола, ее сепаратистские тенденции отразились в традиционной триаде, зафиксированной албанским автором, — «Албания, Лпиния и Чола». Еще в I — II вв., во время апостольской деятельности Елисея, последний был назван «просветителем трех стран — Чолы, Лпинии, Албании» (Каланкатуйский, III, 23).

Здесь обращает внимание последовательность трех стран, что верно отражает реалии времени — Елисей, начав деятельность в Чоле, затем просветил Лпинию, и, наконец, остальную Албанию. Согласно албанскому автору, употребление триады — «Албания, Лпиния и Чола»

после II в. вошло в обычное еще с 551 г., в период патриаршества Тер-Абаса (551 — 595) и его преемника, католикоса Виро (595 — 630). (*Каланкатуйский*, II, 15; III, 23). Интересен также факт отсутствия перечня трех стран в официальном наименовании последующих (после Виро) католикосов. С этой триадой мы встречаемся и в политических событиях 626 — 630 гг., когда Чола, как и вся Албания, была завоевана хазарами. Сын кагана Шат говорил, что его отец получил три страны — «Албанию, Чолу и Лпинию в вечное владение» (*Каланкатуйский*, II, 14).

Исходя из данного excerpts К. В. Тревер пришла к верному предположению, что в VII в. «еще входившие в состав Албании территории Чор (Чола. — Ф. М.) и Лпник пользовались, по-видимому, какой-то внутренней самостоятельностью, что давало, быть может, основание перечислять их после упоминания Албании» [374, с. 242 — 243]. Изучение реалий убеждает, что эта триада имеет не только религиозное символическое значение, но и фактическое. Лпиния и Чола будучи периферийными стратегическими областями становились самостоятельными в период отсутствия в стране централизованной политической власти [с 551 по 630 г.]. Аршакиды в стране, как известно, были упразднены, а Михраниды еще не овладели всей страной. В период правления Джеваншира и Вараз-Трдата Чола, как и Лпиния, становится вновь неотъемлемой стратегической албанской областью.

В 698 г. Чола впервые подвергается нашествию арабов (*Каланкатуйский*, III, 16). Ее окончательное подчинение произошло в 30-х годах VIII в., когда Мерван ибн-Мухаммед подчинил всю Албанию. Население Чолы составляли табасараны (таваспары), албаны, чилбы (сильвы), леги, хечматаки, маскуты, хазары, гунны [*Каланкатуйский*, I, 6; *Себеос*, III, 36; *Елишэ*, III; *Левонд*, VIII; *Фавстос Бузандаци*, III, 7; 17, с. 36 — 39; 251, с. 40 — 41; 122, с. 18 — 21]. В связи с переселенческой политикой Сасанидов здесь усилился ираноязычный элемент.

Северо-западнее Чолы, между Чолой и Шаки располагалась область Л п и н и я, территорию которой почти сплошь занимали леса, богатые крупными и мелкими орехами. По-видимому, уже тогда местные жители выра-

шивали каштаны, шелковицу и производили шелковую пряжу. Здесь обитали албаны, лпины, леги и другие этнические группы (*Агафангел*, *Елишэ*, *Каланкатуйский*, II, 39).

Лупени — греческая форма, лпины — армянская. Албанский историк помещает лпинов рядом с сильвами — чилбами в гористых частях Дагестана (*Каланкатуйский*, III, 23). Одни локализуют лпин в верховьях и центральной части р. Самур [408, с. 138 — 139], другие — в долине р. Алазани [206, с. 148 — 149; 202; 102, с. 16]. Видимо, лпины были расселены от центральной части р. Самур до долины р. Алазани, с востока на запад.

Лпиния, как и Чола, будучи периферийной областью страны, в определенные периоды (450 — 451 гг., с. 551 по 630 г.) пользовалась частичной самостоятельностью, что помимо прочих косвенных данных нашло отражение в упомянутой триаде — «Албания, Лпиния и Чола» (*Каланкатуйский*, II, 2, 14, 15; III, 23). Она являлась также одним из ранних очагов христианства, что связано с деятельностью апостола Елисея (*Каланкатуйский*, III, 23).

В VI — VII вв. в связи с походами тюркоязычных кочевников Лпиния подверглась их нашествию. Так, после смерти Джеваншира, когда великий полководец гуннов Алп-Илитвер с многочисленным войском напал на Албанию, то он «расположился на полях Лпинии» (*Каланкатуйский*, II, 36).

Камбисена — у античных авторов, Камбечан — из армянских источников была расположена на северо-западе Албании, на границе с Иберией. Она занимала территорию от среднего течения рек Алазани и Иори на северо-западе до р. Куры на юге и до слияния рек Алазани, Иори, Куры на востоке. К ней относилась половина каменистого Ширакского плато. Есть мнение, что в хронике Камбисена отражено название восточно-иранского племени Камвоја [97, с. 6, прим. 90]. Раннесредневековые грузинские источники именуют область Камбисену Неге, Нгоае и локализуют здесь heg'ов. Но heg : hig — это термины, коими именуют потомков алан — осетин. Полагают, что heg, hig, ig — в конечном счете восходят к древнеиранскому агуа [97, с. 164].

В I — III вв. область Камбисена, как и правобережная область Сакасена, стала превращаться в новую ме-

трополию ираноязычных племен [99, с. 200 — 206; 97, с. 150 — 165]. В исследуемый период население Камбисены составляли албаны, лпины, потомки скифских и сакских племен, а с VI в. и тюркоязычные кочевники — савиры [192, с. 171 — 172; 20, с. 411 — 412]. Некоторые локализуют в долине р. Алазани чилбов (силвов) [414, с. 164]. В политическом и идеологическом отношении Камбисена была политико-административной и церковно-административной единицей (епископством).

Археологические работы в Мингечауре (находится в Камбисене) выявили остатки земледельческих орудий, свидетельствующих о земледельческой культуре населения Камбисены в районе Алазань-Иорской долины [225, с. 97; 374, с. 89]. Здесь выращивали зерновые культуры — пшеницу, просо, ячмень [161, с. 129; 374, с. 69], а также грецкий орех и гранат, культура которых существовала с глубокой древности. Возделывали здесь и лен. Большую роль в сельском хозяйстве области играли виноградарство и виноделие. Были развиты овцеводство, рыболовство, металлургия, металлообработка (существовала специальная техника добычи и обработки металла), гончарные и ткацкие ремесла, о чем свидетельствуют находки шерстяных, льняных и других тканей из мингечаурских погребений.

В поселениях Камбисены албанского времени обнаружено множество гончарных обжигательных печей различных форм и конструкций [215, с. 42; 97, с. 155].

Из политической жизни Камбисены известно немного. В V в. в результате религиозно-идеологической деятельности албанского царя Вачагана III в Камбисене были возобновлены и усилены позиции христианства — были назначены в области епископы, дьяконы, иереи, т. е. были созданы епископства (*Каланкатуйский*, I, 17) в 488 — 506 гг. В период же правления Михранидов о Камбисене известно следующее. После падения государства Сасанидов Джеваншир, вернувшись в Албанию, очистил Камбисену, как и всю страну Албанию, от персидских войск (*Каланкатуйский*, II, 19). Следовательно участь Камбисены при Михранидах была такой же, как и всей страны.

Э д ж е р и — Эджерери располагалась южнее области Кабалы, между реками Карасу и Гирдыманчай, на юге

упиралась в р. Куру. Население здесь занималось земледелием.

В «Армянской географии VII в.» Эджерери называется еще Дашт-и-Базкан. Об этой области албанский автор сообщает только в связи с незаконными кровосмесительными браками, имевшими место в областях Аршакшэн и Эджерери (*Каланкатуйский*, II, 32). Другими данными об Эджерери мы не располагаем.

Область Кабала — греческая форма Кабалака (современный Куткашенский район) занимала территорию южнее Лпинии, севернее исторической области Эджерери и простиралась между областями Шаки и Чола. В этой области находилась столица Албанского государства город Кабала, о которой впервые упоминается в I в. н. э. у Плиния. Кабала была столицей Албании в период античности и раннего средневековья до V в., была резиденцией албанских царей Аршакидов и местом пребывания албанского архиепископа. После того как династия албанских Аршакидов прекращается в 510 г. Кабала становится местом пребывания назначавшихся Сасанидами марзбанов, в связи с чем и область Кабала стала именоваться также «Востан-и-марзбан» [374, с. 253 — 254]. Область Кабала была политико-административной и церковно-административной единицей (епископством). В реестрах Агуэнского собора V в. и Партавского собора VIII в. значатся епископы Кабалы — Манассе (V в.) и Иоанн (VIII в.).

В числе многих других епископ Кабалы Иоанн отложился от албанского католика Нерсеса-Бакура халкидонита. О важности области Кабалы в религиозно-идеологическом отношении говорит то, что в списках подписей участников соборов Агуэнского (488 г.) и Партавского (705 г.) на втором месте после подписи архиепископа стоит подпись епископа Кабалы. В VIII — IX вв. епископы Кабалы стали патриархами албанской церкви (*Каланкатуйский*, III, 23).

В VII в., когда хазары подчинили себе население обоих берегов Куры, область Кабала временно вошла в состав хазарских владений и, возможно, являлась административным центром [374, с. 254]. У Балазури сказано: «Кабала, что есть хазар» [238, с. 298; 206, с. 130]. В период арабского завоевания Албании Кабала была

трополию ираноязычных племен [99, с. 200 — 206; 97, с. 150 — 165]. В исследуемый период население Камбисены составляли албаны, лпины, потомки скифских и сакских племен, а с VI в. и тюркоязычные кочевники — савиры [192, с. 171 — 172; 20, с. 411 — 412]. Некоторые локализуют в долине р. Алазани чилбов (сильвов) [414, с. 164]. В политическом и идеологическом отношении Камбисена была политико-административной и церковно-административной единицей (епископством).

Археологические работы в Мингечауре (находится в Камбисене) выявили остатки земледельческих орудий, свидетельствующих о земледельческой культуре населения Камбисены в районе Алазань-Иорской долины [225, с. 97; 374, с. 89]. Здесь выращивали зерновые культуры — пшеницу, просо, ячмень [161, с. 129; 374, с. 69], а также грецкий орех и гранат, культура которых существовала с глубокой древности. Возделывали здесь и лен. Большую роль в сельском хозяйстве области играли виноградарство и виноделие. Были развиты овцеводство, рыболовство, металлургия, металлообработка (существовала специальная техника добычи и обработки металла), гончарные и ткацкие ремесла, о чем свидетельствуют находки шерстяных, льняных и других тканей из мингечаурских погребений.

В поселениях Камбисены албанского времени обнаружено множество гончарных обжигательных печей различных форм и конструкций [215, с. 42; 97, с. 155].

Из политической жизни Камбисены известно немного. В V в. в результате религиозно-идеологической деятельности албанского царя Вачагана III в Камбисене были возобновлены и усилены позиции христианства — были назначены в области епископы, дьяконы, иереи, т. е. были созданы епископства (*Каланкатуйский*, I, 17) в 488 — 506 гг. В период же правления Михранидов о Камбисене известно следующее. После падения государства Сасанидов Джебашир, вернувшись в Албанию, очистил Камбисену, как и всю страну Албанию, от персидских войск (*Каланкатуйский*, II, 19). Следовательно участь Камбисены при Михранидах была такой же, как и всей страны.

Э д ж е р и — Эджери располагалась южнее области Кабалы, между реками Карасу и Гирдыманчай, на юге

упиралась в р. Куру. Население здесь занималось земледелием.

В «Армянской географии VII в.» Эджери называется еще Дашт-и-Базкан. Об этой области албанский автор сообщает только в связи с незаконными кровосмесительными браками, имевшими место в областях Аршакшэн и Эджери (*Каланкатуйский*, II, 32). Другими данными об Эджери мы не располагаем.

Область Кабала — греческая форма Кабалака (современный Куткашенский район) занимала территорию южнее Лпинии, севернее исторической области Эджери и простиралась между областями Шаки и Чола. В этой области находилась столица Албанского государства город Кабала, о которой впервые упоминается в I в. н. э. у Плиния. Кабала была столицей Албании в период античности и раннего средневековья до V в., была резиденцией албанских царей Аршакидов и местом пребывания албанского архиепископа. После того как династия албанских Аршакидов прекращается в 510 г. Кабала становится местом пребывания назначавшихся Сасанидами марзбанов, в связи с чем и область Кабала стала именоваться также «Востан-и-марзбан» [374, с. 253 — 254]. Область Кабала была политико-административной и церковно-административной единицей (епископством). В реестрах Агуэнского собора V в. и Партавского собора VIII в. значатся епископы Кабалы — Манасе (V в.) и Иоани (VIII в.).

В числе многих других епископ Кабалы Иоани отложился от албанского католикоса Нерсеса-Бакура халкидонита. О важности области Кабалы в религиозно-идеологическом отношении говорит то, что в списках подписей участников соборов Агуэнского (488 г.) и Партавского (705 г.) на втором месте после подписи архиепископа стоит подпись епископа Кабалы. В VIII — IX вв. епископы Кабалы стали патриархами албанской церкви (*Каланкатуйский*, III, 23).

В VII в., когда хазары подчинили себе население обоих берегов Куры, область Кабала временно вошла в состав хазарских владений и, возможно, являлась административным центром [374, с. 254]. У Балазури сказано: «Кабала, что есть хазар» [238, с. 298; 206, с. 130]. В период арабского завоевания Албании Кабала была

захвачена арабами и с тех пор окончательно утратила свое значение.

В Кабале обитали хечматаки, ижимахи, глюары, гаты, а с VI в. — северокавказские тюркоязычные кочевники — савиры, хазары, болгары, барсилы [*Каланкатуйский*, II, 4; 192, с. 171 — 172; 122, с. 19]. К. В. Тревер полагает, что таваспары, хечматаки, гугары, глюары, гаты были кавказским этносом [374, с. 192].

Торговые пути связывали область Кабалу с юго-востоком и югом через Албанский и Саваланский проходы, с западом через Грузию, а через Атропатену с Ираном и через Большой Кавказ с севером [122, с. 34]. В раннем средневековье Кабала была основным центром ткацкого производства [374, с. 181], где были развиты ремесла гончарное и стеклоделание.

Шаки. Историческая область Шеки, Шако, Шаке (у армянских авторов) с одноименным городом Шаке (Шакэ), Нухпато (из грузинских источников) (современная Закатало-Шекинская зона) занимала территорию на северо-западе Албании, в предгорьях Кавказа, северо-западнее области Кабалы, гранича на западе и юго-западе с исторической областью Камбисеной, на северо-востоке с Лпинией, на юго-востоке с Кабалой. В III — VIII вв. область Шаки была одним из центров ткацкого производства, здесь выращивалась шелковица, что обеспечивало сырьем производство высококачественных шелковых тканей.

А. Е. Крымский считал, что в античности храмовая область, посвященная божеству Луны (Селены), находилась в области Шаки [239, с. 371]. Основываясь на сообщении Страбона, что святилище Селены находилось недалеко от Иберии, К. В. Тревер справедливо оспаривает мнение А. Е. Крымского, утверждая, что Шаки в I в. до н. э. находилась весьма далеко от пределов Иберии [374, с. 151]. В Шаки наряду с албанами, утийцами жили и потомки скифских или сакских племен [374, с. 49], что нашло отражение в названии топонима, а также зекены (цекан), хенуки (гениохи) [122, с. 19]. Главным городом области был город Шаки.

Будучи политико-административной единицей в VI — VIII вв., область Шеки становится и церковно-административной единицей — епископством. О ее возросшей

роли в религиозно-идеологическом отношении свидетельствуют случаи назначения в патриархи страны представителей шакинского клира. Так, в 682 — 688 гг. католиком Албании был епископ Шаки Тер-Елизар, который обрел св. Крест, упрятанный Месропом в сел. Гис и установил, чтоб празднование дня св. Креста совершалось именно в этом селе (*Каланкатуйский*, III, 23). В 706 — 743 гг. католиком Албании становится дьякон из Шаки Тер-Михаил (редкий случай назначения дьякона в патриархи). Относительно политической жизни Шаки известно из сообщений ал-Балазури, ат-Табари, ал-Асира, что в VI — VIII вв. область Шаки подвергается нашествию хазар. Персидский царь Кавад I (446 — 531), предпринимая энергичные меры против хазар, укрепил область Шаки [149, с. 40 — 41; 114]. В VIII в. Шаки в числе других областей Албании была завоевана арабами [374, с. 245].

Рассмотренные нами области Шаки, Кабала, Камбисена, Лпиния, Эджеры, Чола — это области, расположенные в левобережной Албании. Что же касается политико-административных этнических единиц правобережья Албании, то оно делилось на четыре крупных наханга (провинции) — Арцах, Ути, Пайтакаран, Сюник, каждый из которых в свою очередь делился на *соответствующие гавары (области), а те были церковно-административными единицами.

Пайтакаран. Область Каспк, Казбк (из армянских источников), Каспиана (из греко-римских источников), Пайтакаран — Баласакан (у Моисея Каланкатуйского и армянских авторов), Баласакан (из персидских и арабских источников) — была расположена в юго-восточной части Азербайджана, занимала территорию части Мильской и Муганской степей, простирающуюся ниже р. Куры, примыкая к Каспийскому морю на востоке. На юге область Пайтакаран охватывала временами, вероятно, и северо-восточные земли Атропатены [436, р. 120; 91, с. 423, прим. 1; 201, с. 109; 228, с. 28].

Есть точка зрения, что область Пайтакаран включала также юго-восточную часть Ширвана по побережью Каспийского моря, включая Апшеронский полуостров [122, с. 26]³⁵. Она славилась своим плодородием. Здесь был высок уровень агрокультуры, выявлены следы гран-

диозных ирригационных сооружений в Мильской и Муганской степях, канал Гяурарх. Было развито садоводство, огородничество, виноградарство, хлопководство, выращивали также зерновые культуры (самородный ячмень), производили смоковницу, разводили мелкий рогатый скот, быков, лошадей, верблюдов. Наряду со скотоводством жители занимались рыболовством. Каспиана (Пайтакаран) во II в. до н. э. была завоевана армянским царем Арташесом I и оставалась в составе Армении до 55 г. до н. э. После 55 г. Каспиана политически тяготела то к Албании, то к Атропатене, в составы которых она попеременно входила. Со второй половины IV в. Каспиана стабильно стала албанской областью.

Центром области был одноименный город Пайтакаран (Байлакан). Область Пайтакаран (Байлакан, Балакасан) временами пользовалась внутренней автономией. К. В. Тревер отмечала, что «еще в IV в. ... страна лбинов и Балакасан не слились с коренной Албанией в монолитное целое» [374, с. 150]. В парфянской версии надписи Шапура I (III в.) [430, с. 40]³⁶ в перечне стран упоминается область Пайтакаран наравне с Арменией, Албанией и Иберией. В «Армянской географии VII в.» Балакасан упомянут в перечне 13 стран (шахров), входящих в Северный Кавказский Куст, в следующей последовательности: Атрпатакан, Армения, Иберия, Албания, Балакасан, Сисакан и др.

Из событий политической жизни области известно, что в 336 — 338 гг. правителем Пайтакарана стал маскутский царь (Аршакид по происхождению) Санатрук, который был причастен к гибели албанского католикоса Григориса. Подстрекаемый персидским царем Шапуrom II, с целью подчинения Армении Санатрук собрал несметное количество разношерстных северокавказских кочевых племен и в 336 — 337 гг. напал на Армению. Ему удалось удержать Армению целый год, а в 338 г. он был разбит. Остатки его войска армяне гнали до страны *баласичев*, т. е. до Баласакана (*Каланкатуйский*, I, 12; *Хоренаци*, III, 3, 4, 5, 6; *Фавстос Бузандаци*, III, 7).

В период антииранского движения закавказских народов (450 — 451 гг., 457 г.) баласаканы и царь Баласакана встали на сторону персидских войск (*Елишэ, Каланкатуйский*, II, 2). Армянский марзбан Васак Сюний-

ский, тоже предавший повстанческое движение, заключил союз с аранскими — албанскими гуннами, над которыми стоял царь Баласакана [91, с. 423, прим. 1]. Область Пайтакаран превратилась в военно-стратегический оплот Сасанидов, с помощью которого можно было контролировать как восставшие страны Закавказья, так и кавказские проходы в районе прикаспийского побережья. Сюда были стянуты персидские войска (*Елишэ, Лазар, Парпеци*). После антисасанидских восстаний и восстановления в Албании власти албанских царей в лице Вачагана III (488 — 510) Пайтакаран, окончательно потеряв свою самостоятельность, стал албанской провинцией.

О дальнейшей политической жизни Пайтакарана сообщает Себеос: «...владелец сюнийской земли восстал и отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы сюнийской земли перенес из Двина в город Пайтакаран и их город внес в границы Атрпатакана... Приказ был приведен в исполнение» (*Себеос*, VI). Это событие датируется 571 г. Себеос ошибался, утверждая, что Пайтакаран входит «в границы Атрпатакана». Об этом правильно говорит К. В. Тревер. Пайтакаран в это время входил в состав Албании. Эта ошибка объясняется тем, как считает К. В. Тревер, что после создания единой военно-административной единицы — Кавказского Куста граница между Албанией и Атрпатаканом на первых порах не была уточнена, все страны Куста возглавлялись одним персидским марзбаном [374, с. 233].

В религиозно-идеологическом отношении христианство в области не стало всеобщим вероисповеданием. Еще сильны были позиции зороастризма [122, с. 26 — 29]³⁷, язычества, «лжеучителя» которого, по сообщению Хоренаци (III, 60), находились в Баласакане. С ними пришлось бороться Месропу. Не случайно, что в такой большой провинции как Баласакан, состоящей, как известно из 12 областей, в VI — VIII вв. было лишь одно епископство Баласаканское.

В Баласакане в V — VII вв. жили албаны (*Каланкатуйский*, I, 12), каспи (парсии — паррасии) (*Фавстос Бузандаци*, V, 14; *Хоренаци*, II, 86), *баласичи*, (*Фавстос Бузандаци*, III, 7), баласы (баги) (*Каланкатуйский*, III, 19), айнианы, гунны, хазары, акациры (*Фавстос Бузандаци*, III, 7; *Елишэ, Лазар Парпеци; Хоренаци*, III, 60) [91, с. 420 — 423; 122, с. 19 — 27]. Область Каспиана

(Пайтакаран) была заселена в основном иранскими племенами и тюрками [213, с. 303 — 304]³⁸.

Во время арабского завоевания Албании, согласно арабскому автору IX в. Балазури, арабы при халифе Османе (644 — 656) заняли Байлакан по мирному договору, по которому гарантировали жителям жизнь, обязав их платить поземельную и подушную подати [149, с. 83]. В 730 г. трехсоттысячная армия хазар под командованием Барджика выступила против арабов, проникла на территорию Арана (Албании). По сообщению Левонда (VIII в.), хазары захватили Пайтакаран (Байлакан), близ чего произошло сражение между хазарами и арабами, в результате которого хазары были разгромлены [149, с. 111 — 112]. Во второй половине IX в. на территории Арана образовался ряд зависимых от арабов княжеств. Среди них было и Байлаканское, управляемое Есаи Абу Мусе, [149, с. 190 — 194], которому «удалось овладеть большей частью Арана» (Арцруни) [149, с. 191] и сохранить определенный сепаратизм, связанный с теми условиями, в которых находился халифат в конце IX — начале X в.

В VII — IX вв. область Пайтакаран (Байлакасан) стала родиной социального движения павликиан, одного из крупнейших на Востоке, направленного против местных и арабских феодалов и церкви [149, с. 226 — 229].

Согласно данным Каланкатуйского (III, 19) и Степанноса Орбеляна, область Пайтакаран не примкнула к движению Бабека, но в 851 — 852 гг., когда все Закавказье было охвачено новым мощным антихалифатским движением, Есаи Абу Мусе возглавил восстание жителей Байлакана. Военные действия между восставшими и арабскими войсками длились около года. Арабы увели с собой в числе непокорных халифату князей и Есаи Абу Мусе. Восстание было подавлено [149, с. 193 — 194].

Историческая провинция Ути, Утик (арм. форма), *Отена* (греч. форма) расположена, как и Пайтакаран, на левом берегу р. Куры, между областями Пайтакаран на востоке, и Арцахом на юге, р. Курой на севере и тянулась на запад до границы Албании с Иберией. В этой области находились античные города Айниана Хани, Анарнака [71, XI, гл. 7, 1; гл. 14, 14; 374, с. 143 — 144], а также города Халхал, Согарн и столица Албании г. Барда (Партав в арм. источниках), построенная, согласно дан-

ным Каланкатуйского, в V в. С 551 г. Барда становится местом пребывания албанского католикоса, а с 630 г. — резиденцией албанских великих князей из династии Михранидов — Вараз-Григора, Джеваншира и др. Провинция (наханг) Ути в свою очередь делилась на политико-административные единицы (гавары), среди которых самыми важными были Сакасена (у греч. авторов) — Шакашен (у арм. авторов) и Гардман, ставшая с IV в. территориально-наследственным владением (доменом) династии Михранидов, чьи представители были «первыми великими князьями Албании». Жители области Ути занимались скотоводством, всеми отраслями земледелия — зерноводством, садоводством, овощеводством, выращивали технические культуры — лен, хлопок, цитрусовые и масличные деревья, из плодов которых выжималось масло. Гардман славился своими железными и медными рудами, необходимыми для изготовления оружия и домашней утвари.

В Ути жили утии, гаргары, цавдейцы, которые согласно традиции были потомками мифического албанского предка, эпонима правителя Арана (*Каланкатуйский I, 4; Хоренаци II, 8; Асогик*). Это дает основание считать, что утии, гаргары и цавдейцы были одними из коренных древнейших племен в составе албанского союза. Наряду с автохтонным населением, сюда просочился и иранский этнос — саки, которые осели в Сакасене [97]. Михраниды — в Гардмане, что нашло отражение в топонимике. Наименование гаргаров нашло отражение в названии равнины — Гаргарейская равнина (нынешн. Мильская степь) [330, с. 303], а также в гидрониме — Гаргарчай. В IV в. в Ути источники фиксируют гуннов (*Хоренаци, II, 85*), а на крайнем западе Ути, на границе с Арменией и Грузией (в Гугарке — грузинской провинции) зафиксированы в V в. кангары [43, с. 292]³⁹. В VI в. в одну из областей провинции Ути, Сакасену была переселена большая компактная масса гуннов (савиров) [20, с. 411 — 412; 149, с. 179].

В I — VI вв. провинция Ути была подвластна албанским царям Аршакидам, а в VI — VIII вв. — Михранидам. В начале IV в. в Ути, как и во всей стране, христианство становится государственной религией. Здесь были два крупных и важных епископства — партавское и гардманское. В V в. Ути подверглась нашествию гуннов (*Ка-*

ланкатуйский, I, 29, 30), в 624 — 628 гг., как и другие провинции, была вовлечена в персидско-византийские войны, а в 629 — 630 гг. на нее напали хазары (*Каланкатуйский*, II, 10, 11, 14). В 642 г. после персидско-арабских сражений Джеваншир нанес ряд поражений персидским войскам, стоявшим в Ути, и очистил от них провинцию (*Каланкатуйский*, II, 19). В Ути вновь пришли хазары. В 705 г. Ути окончательно была завоевана арабами и включена в подвластную арабам политико-административную единицу Аран. Во второй половине IX в. на территории Арана в числе зависимых от арабов княжеств зафиксирован и владетель Ути. Так, армянский автор Вардан (X в.), сообщая о выступлении арабского полководца Буги, пишет: «Буха схватил князей сюникских, Васака с братом Ашотом и великого князя Атрнерсеха в Хаченском округе, гардманского князя Кетритча, а в провинции Ути — Степана Клия, род которого получил название Севко-Ордик от своего родоначальника...» [149, с. 194, прим. 62]. В сочинениях арабских историков и географов языком населения Ути в IX в. назван аранский.

Гардман — область, политико-административная единица, расположенная по правобережью Куры, входила в провинцию Ути. В источниках эта область известна как Гардман (древнеарм.), Гирдман (староиранск.), Гардабани (древнегруз.). Относительно локализации этой области имеются три точки зрения. Одни локализируют ее в районе рек Ахсу и Гирдыман (И. Алиев, Ф. Османов) [100], другие — на территории современного Казахского района (С. Т. Еремян) [209, с. 319], а по мнению третьих — это территория современного бассейна р. Шамхорчай и Кедабекский район (З. М. Бунятов). [148]. Нам представляется, что область Гардман была расположена на северо-западе Албании, на территории правобережья Куры, у границ армянских и грузинских земель. Это подтверждается следующими данными Каланкатуйского: «...Джеваншир... перешел через границы своего родного участка на другую сторону р. Куры, в область Капичан» (II, 19); «...когда хазары напали на Албанию, Джеваншир ... взял дружину и перешел на ту сторону великой р. Куры и вступил с ними в бой...» (II, 23); «...он вышел на день пути выше города Перожкавата. Выступил он оттуда с многочисленной толпой, он вступил

в область Гардман...» (II, 24). А далее по мере расширения пределов своих владений и усиления своего могущества в Албании Михраниды распространили свои владения и на левый берег Куры, (территория современного Исмаиллинского района), в бассейне рек Геокчай — Гирдыманчай — Ахсу. Данные о Гардманском княжестве сохранили албанский историк VII — VIII вв. Моисей Каланкатуйский и раннесредневековые армянские авторы V — VIII вв. — Фавстос Бузандаци, Елишэ, Мовсес Хоренаци.

Гардман занимал важное стратегическое положение на западе Албанского государства. До прихода Михранидов он управлялся местными албанскими правителями (нахарарами). По данным Фавстоса Бузандаци, Гардман в числе Арцах и Ути входил в состав Армении до 387 г. Однако исследование реалий истории Армении и Албании этого периода показало, что Гардман никогда не входил в состав Армении. В числе армянских областей или же наряду с армянскими областями он зафиксирован в Разрядной грамоте — (табели о рангах) Гахнамаке, в числе же северных областей вместе с Арцахом, Каспианой, Гугарком (в Грузии) Гардман зафиксирован в Воинской грамоте — Зорнамаке [91, с. 251].

Согласно легенде, изложенной в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского, население Гардмана произошло от потомков Арана (I, 4). Это значит, что изначально население области было автохтонным, албанским, а с V в. и в последующие века здесь усиливается иранский элемент. В IV в. Гардман вместе с другими областями Албании принял христианство и получил албанские письма при князе Хурсе. В V в. известен гардманский правитель Хурс, который в своей области помог Маштоцу в распространении писем [41, с. 72] (*Каланкатуйский*, II, 3). А на Агуэнском соборе 488 г. среди лиц, скрепивших печатью протоколы, был и Вардан Храбрый, правитель Гардмана. Эта область стала играть важную роль в политической жизни Албании в V — VIII вв., после утверждения и правления династии Михранидов. К этому же периоду и относится экономический и политический подъем этой области, когда она стала наследственным доменом Михранидов.

В Гардмане Михраниды построили Гардманскую кре-

пость, город Михраван и храм. В период раннего средневековья город Гардман был не только центром области, городом-крепостью, но и центром ремесленного производства и торговли [149, с. 148]. В религиозном отношении область Гардман была одной из первых церковно-административных единиц (епископств). Епископы Гардмана принимали участие на албанских соборах, а некоторые из них были католикосами албанской церкви (Нерсес-Бакур). В VII — IX вв. область Гардман, как и Байлакан была родиной движения павликиан, одного из крупнейших народных движений на Востоке, направленного против местных и арабских феодалов и церкви [149, с. 225 — 229]. В VII в. она в числе других областей Албании оказалась вовлеченной в военные события персидско-византийских войн (624 — 629 гг.); с 653 г. началось завоевание арабами, в 660 — 664 гг., 684 г. подверглась нашествию хазар. В 705 г., когда Албания попала в полную зависимость от арабов, а Михраниды еще номинально оставались у власти еще одно столетие, территория Албании была разделена на три области — Аран, Мугань, Ширван. Княжество Гардманское в числе других областей Ути вошло в состав Арана [149, с. 143].

Историческая провинция Арцах (у арм. авторов), Орхистана (у антич.) — одна из важных провинций правобережной Албании (нынешн. часть Нагорного Карабаха и часть Мильской степи) характеризовалась развитым земледелием с применением искусственного орошения. Население занималось скотоводством, птицеводством и пчеловодством, разводило мелкий и крупный рогатый скот, особенно славились лошади арцахской — карабахской породы [213, с. 304]. Согласно «Армянской географии», Арцах делился на 12 мелких административных единиц. Население его составляли гаргары, ути, гунны, хазары, басылы.

В политическом отношении Арцах в I — VI вв. был подвластен албанским Аршакидам, а в VI — VIII вв. великим князьям Албании — Михранидам. До принятия христианства население Арцаха придерживалось своих старых языческих верований. С принятием христианства государственной религией Албании, оно насаждается и в Арцахе.

В деле утверждения христианства в Арцахе и искоре-

нения остатков язычества велика заслуга албанского царя Вачагана III (*Каланкатуйский*, I, 17). В политическом и церковном отношении влияние Арцаха в Албании было большим. В Арцахе образовалось несколько епископств. Духовенство Арцаха совместно со светской знатью участвовало во всеобщих албанских церковных соборах (Агуэнский собор 488 г., Партавский собор 705 г.) (*Каланкатуйский*, I, 26; III, 11). Проповедниками христианства к гуннам и хазарам албанские цари посылали представителей из арцахского клира (*Каланкатуйский*, II, 39 — 45). Многие католикосы Албании избирались из представителей арцахского духовенства. В источниках Арцах именуется «укрепленной областью», «крепкой страной». В VIII в. арабы упразднили в Албании власть Михранидов, и Арцах в составе Албании был включен в состав Омейядского халифата. В IX в. Григори Хамама восстановил разгромленное Албанское царство, в состав которого входил и Арцах [*Каланкатуйский*, III, 21; 149, с. 189 — 190, 210]. После его смерти Арцах вместе с другой албанской провинцией Ути перешел к сыну Григора Хамама — Сааку (Севаде), чье царство длилось до XI в. (*Каланкатуйский*, III, 22). В XII — XIII вв. в Арцахе возвысилось Хаченское княжество, правитель которого Хасан-Джалал именовался «царем Албании». В XIII в. под ударами монголов Хаченское княжество распалось [38, с. 117 — 120, 132 — 135, 196 — 198; 39, гл. 20, 21, 30, 39, 44, 55, 57, 63; 325; 323]. После арабского завоевания население Арцаха сохранило христианство. Усилиями арабского халифата и армянской церкви, с которой албанская церковь сохранила догматическое единство (монофизитство), население Арцаха постепенно григорианизировалось, а впоследствии, приняв армянский язык, приобщалось к армянской культуре, т. е. арменизировалось. Это была культурно-идеологическая ассимиляция, начавшаяся после X в.

Сюник (Сисакан) расположен на крайнем юге Албании, между Арменией (на западе) и Арцахом на севере, к югу от Севанского озера. Форма Сюник древнее Сисакан. Она упоминается у Евсевия, у Прокопия Кесарийского, как соседняя с албанами [60, с. 180].

Персидская форма Сисакан встречается впервые у сирийского автора VI в. Захария Ритора. У него Sisagān отдельная от Армении страна, как Аран и Gurzan. В ар-

мянской литературе Сисакан также выступает позже Сюника. У албанского автора Моисея Каланкатуйского зафиксирована как форма Сисакан, так и Сюник и Сюнестан. Есть точка зрения, что название Сюник имеет этническое происхождение [91, с. 422 — 423; 107, с. 189 — 195].

Сюник, согласно «Армянской географии VII в.», состоял из 12 областей. Этнически, культурно и политически он больше был связан с Албанией и Атропатеной, чем с Арменией. В первое объединение албанских племен, видимо он не входил [374, с. 146]. Сюник политически в определенные периоды (после раздела Армении в 387 г.) зависел то от Албании, то от Атропатены, а временами был самостоятельным [73; 189, с. 436; 66, с. 26 — 29; 149, с. 78, 92 — 93, 100].

Х. Хюбшман и И. Маркварт вообще считали Сюник албанской областью [431, с. 216; 436].

Сюнийский автор VIII в. Стефан Сюнийский отмечал, что и в его время в Сюнике и Арцахе говорили на сюникском и арцахском языках [24, с. 187]. Р. А. Ачарян считал, что в формировании армянского народа и армянского языка, кроме урартцев, приняли участие 18 местных народностей, которые имели свои исконные языки. Основываясь на информации Стефана Сюнийского и других армянских авторов, Р. А. Ачарян полагал, что к VIII в. из них уцелели семь языков, в числе которых был и сюнийский [119, с. 128 — 129; 431, с. 519].

Н. Адонц и Ст. Малхасянц вынуждены были отметить, что Сюник занимал вообще «обособленное и более независимое от центральной Армении положение как в гражданской, так и в церковной жизни», и что это обстоятельство объяснялось этнической особенностью страны. «Несомненно лишь одно, что албанская окраина Армении, Сюния по населению отличалась несколько от центральных частей Армении. Племенная исключительность ее поддерживалась и обновлялась переселенческими течениями из прилегающих горских стран» [91, с. 421, 423].

Ст. Малхасянц считает, что «здесь больше, чем где-нибудь в другой части Армении, просуществовало феодальное устройство в лице карабахских меликов» [66, с. 150 — 151; 374, с. 233 — 234].

В источниках и эпиграфике при перечне Закавказских стран, Сюник фигурирует официально самостоятельно.

Так, он зафиксирован в надписи III в. — Каабе-Зардушт, в надписи персидского царя Шапура I [«Атропатена, Армения, Иберия, Сюник, Албания...»]. Сюник экономически и политически был сильной областью. Располагая мощной конницей (около 20 тыс.), в воинской разрядной грамоте (зорнамаке) Сюник занимал первое место.

С Сюником вынуждены были считаться как персидские Аршакиды, так и Сасаниды. Охрану дербендских проходов они временами поручали Сюнику [68; 69, I, 4; 91, с. 421 — 422, прим. 4; 211, с. 33 — 34]. Источники (Моисей Каланкатуйский, I, 4; Моисей Хоренский, II, 8; сюникский автор Степаннос Орбелян) связывают появление первого царя в Албании в I в. н. э. с родом Сюник. Они сообщают, что парфянский царь Валаршак главой над Албанией поставил Арана из рода Сисакана. Этот же Валаршак в I в. предоставил роду Сисакан право высшей команды над царскими войсками с тем, чтобы они охраняли кавказские ворота, именуемые первоначально «Сисан» [68; 69, I, 4; 91, с. 421 — 422]. Сохраняя свое независимое положение, видимо, до 387 г., Сюник политически был как-то связан с Арменией. Сюникские князья до 387 г. были бдешхами, предводителями войск Армении. В период марзбанской Армении (V в. и далее) сюникские князья были марзбанами Армении (V в.), они осуществляли контроль над Иберией (V в.) [211; 374, с. 202]. В источниках VI в. наблюдается политическая и конфессиональная изолированность Сюника от Армении, который в это время придерживался несторианства. В борьбе Персии с Византией он избрал себе союзником персидского царя Хосрова Ануширавана. В 571 г. «владелец Сюника восстал, отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы Сюникской земли перенес из Двина в город Пайтакаран и их город внес в границы Атрпатакана, чтобы имя армян было снято с них. Приказ был приведен в исполнение» [66, с. 28 — 29; 65]. Здесь, как было отмечено, под Атрпатаканом следует понимать Албанию, ибо Пайтакаран в это время уже входил в состав Албании. В церковно-иерархическом отношении албанские католикосы обладали правом рукоположения сюникских епископов. Армянские католикосы оспаривали это право. Когда армянский патриарший престол разделился в 571 г., духовенство Сюника отказалось от армян и стало получать рукоположе-

ние от Албании. Сюник от Армении был отделен конфессионально до 660 г. [*Каланкатуйский*, II, 48; 91, с. 423].

В 591 г. после нового раздела Армении между Персией и Византией Хосров II оставил себе Васпуракан, Сюник и область Двин, уступив Маврикию большую часть Армении [91, с. 343; 202; 374, с. 234]. Будучи непосредственным вассалом Сасанидов, Сюник политически подчинялся, видимо, и албанским Михранидам (*Каланкатуйский*, II, 19, 28). Ко времени вторжения арабов Аран (Албания), Сюник и часть Грузии принадлежали хазарам [149, с. 141]. Во время арабского вторжения сюникцы вместе с албанами и армянами участвуют в сборах персидского войска против арабов.

В 654 г. Сюник вместе с Албанией, Иберией и Арменией подвергся нашествию арабов. В начале VII в. во время церковно-иерархических и догматических споров Сюник добился для своей церкви чина митрополита (*Каланкатуйский*, II, 48). В течение VIII в. он продолжал быть самостоятельной периферийной областью Албании. Албанский великий князь Джеваншир породнился с сюникским домом, женившись на дочери сюникского князя (*Каланкатуйский*, II, 19). Халиф отдал в подчинение Джеванширу Сюник (*Каланкатуйский*, II, 28). Во второй половине IX в. на территории Арана в числе других зависимых от арабов княжеств было и сюникское княжество. В IX в. во время нашествия на Сюник араба Севады сюникский князь Васак обратился за помощью к Бабеку, который разбил Севаду и женился на дочери сюникского князя (*Каланкатуйский*, III, 19). В арабское время процесс арменизации еще только начинался. Как было сказано, еще в VIII в., во время Стефана Сюникского в Сюнике и Арцахе говорили на сюникском и арцахском языках. В XII в. Сюник стал объектом сельджукского завоевания.

Одной из областей Сюника (одиннадцатым гаваром), согласно данным сюникского автора XIII в. Степанноса Орбеляна, считались Еринджак и Гохтан, а центром Сюника был Нахичеван (*Степаннос Орбелян*, гл. II)⁴⁰. Гохтан — это нынешний Ордубадский район НахАССР. Нахичеван — одна из древних областей и городов Азербайджана. Он расположен на левом берегу р. Аракс, о котором сохранились сведения у армянских авторов V — VII вв., XIII — XVII вв., албанских авторов VIII —

XIII вв., у персидских и арабских историков и географов IX — XIII вв. О том, что Нахичеван — это область и город Армении сообщает «Армянская география VII в.», согласно которой Нахичеван вместе с Гохтаном являлись двумя областями крупной провинции Большой Армении — Васпуракан, расположенной на правом берегу р. Аракс. Нахичеван считался 34-й областью, а Гохтан — 33. Однако в «Армянской географии» ничего не сказано о длительности их пребывания в этом составе. Относительно Васпуракана сказано, что это восьмая провинция Великой Армении. Дело в том, что это сообщение «Армянской географии» совершенно не соответствует реальной истории Армении. В I в. до н. э. Великая Армения перестала существовать. В 387 г. Армения была поделена между Византией и Персией. В 428 г. в Персидской Армении была упразднена царская власть, т. е. она стала персидским наместничеством. Территория области Васпуракан стала именоваться Васпураканом не ранее VI — VII вв., а до этого (I — VI вв.) северо-западная ее часть именовалась Мардпетаканом [91, с. 319]. И потому на картах С. Т. Еремяна (II в. до н. э. — VI в. н. э.) нет области Васпуракан. С. Т. Еремян в своем исследовании «Армения по Ашхарацуйцу» считает, что деление Армении на пятнадцать провинций произошло в 591 г., при императоре Маврикии [201, с. 82; 13, с. 137]. Согласно договору 591 г., заключенному между Византией и Персией, Армения вновь была поделена. Хосров уступил Византии значительную часть персидской Армении, и из центральных областей бывшей Восточной Армении остались за Персией только часть Айрарата и Васпуракан [91, с. 343], т. е. за Персией сохранились Васпуракан, Сюник и Двин (наханги № 8, 9); наханги № 10, 11, 12 — Арцах, Пайтакаран и Ути, согласно С. Т. Еремяну, были в составе Албании; № 13 — Гугарк — у Иберии. Следовательно, из 15 нахангов за Византией сохранились 9, т. е. большая часть Армении.

Относительно труда Анания Ширакаци «Ашхарацуйц» следует принять во внимание, что переписчики, как отмечали исследователи, на протяжении веков подвергали значительным изменениям первоначальный текст, вносили сокращения, прибавляли новые абзацы, заменяли древние географические названия новыми, допускали искажения и т. п. [13, с. 129]. Таким образом, деление

Армении на 15 нахангов не отражает истинной картины политической жизни Армении II в. до н. э. — V в. н. э., т. е. периода существования армянской государственности, а характеризует период (VI в.), когда Армения была поделена между двумя империями и эти кантоны (области) были чисто географическими понятиями, а не политическими.

В издании Анания Ширакаци, осуществленного А. Г. Абрамяном и Г. Б. Петросяном, сказано, что в основе этого членения лежит не политико-административное деление, а естественно-географический ландшафт [13, с. 148]. Не удивительно, что албанские области Нахичеван и Гохтан включены при таком делении в состав Васпуракана, хотя этнические, языковые, политические и культурные судьбы этих областей резко отличались от судеб всего Васпуракана.

Таким образом, получается, что в VI — VII вв. (после 591 г.) области Васпуракан, Сюник и Двин политически находятся непосредственно под властью Персии. Историк Васпуракана Фома Арцруни (IX в.), хорошо осведомленный о его топографии, сообщает, что земли Васпуракана были поделены между двумя братьями Гагиком и Гургеном. Он приводит перечень васпураканских областей, разбивает их на две части — северо-западную и юго-восточную. Примечательно, что в этих двух частях отсутствуют два гавара — Гохтан и Нахичеван. Это отсутствие объясняется Фомой Арцруни тем, что Нахичеван за 210 лет, а Гохтан за 186 лет до того отпали от Васпуракана [91, с. 318 — 319], (т. е. от IX в. минус 210 лет и 186 лет = VII век). Получается, что области Нахичеван и Гохтан были в составе Васпуракана с 591 г., т. е. когда Армения была поделена на 15 провинций, по VII в. Сведения о Нахичеване и Гохтане I в. до н. э. — II в. н. э. мы черпаем у Моисея Хоренаци: Тигран поселил маров «до пределов Гохтана, ... насупротив крепости Нахчаван» [50, I, 30, с. 44—45]; Вагаршак утверждает родоначальника Хайра-мардпета на землях от Атропатены до Нахичевана (II, 7, с. 58); «Гохтанцы — суть выходцы, происшедшие от Сисака» (II, 8, с. 60); правителем Нахичевана был Аргам (I в.), домовладыка племени мурацанов, из потомков Аждахака, который имел «многочисленную пехоту копыеносцев». Во время войны между двумя претендентами на армянский пре-

стол — Еруандом и Арташесом (I в.) этот Аргам поддерживал то одного, то другого (II, 44, с. 93; II, 46, с. 94); Аргам в «легенде называется Аргаваном» (II, 51, с. 100); Арташес (I в.), армянский царь, «жалует Аргаму... обещанное второе место, также венец, усыпанный яхонтами, пару серег для ушей, красную обувь для одной ноги...» (II, 47, с. 96); но преемник Арташеса, Артавазд (II в.) «лишил их (драконидов) второго места, он отнял у них также Нахчаван и все деревни, лежащие на севере от Ерасха... Сыновья Аргама... восстали против него войной; но царевич, одержав верх, истребил всех чад Аргама» (II, 51, с. 100). По словам Хоренаци, в Гохтане были рабсоды, в песнях которых сохранились данные об Аргаване (Аргаме), Арташесе, Аждахаке (I, 30).

Из рассмотренных выше эксцерптов явствует, что жителями Нахичевани (I — II вв.) были не армяне, а мары, а правителем области был родоначальник мурацанов Аргам. Далее, из слов Хоренаци, впоследствии подтвержденных и Степанносом Орбеляном (гл. V, с. 13 — 15), вытекает, что между жителями Гохтана и остальной Албании (утийцами, гардманцами, цодейцами) было генетическое родство, у них был общий эпоним — Сисак. Что же касается слов Хоренаци о том, что Артавазд (нач. II в.) отнял Нахичеван и деревни к северу от Аракса, то это не подтверждается ни армянскими реалиями II в. (о чем изложено в «Исторической географии»), ни албанскими. Относительно пребывания Нахичевана и Гохтана в это время в составе Армении противоречат данные самого Хоренаци (II, 8), а также Каланкатуйского (I, 4), сообщающих, что в I — II в. н. э. территория Албании на юге простиралась от р. Аракс, на западе до крепости Хунаракерт (на границе с Грузией), на севере — до Дербента — Чола. Следовательно, Нахичеван, Гохтан и Сюник, расположенные на левом берегу р. Аракс, входили в состав Албании.

О Гохтане I — II вв. сообщает и Степаннос Орбелян, согласно данным которого апостол Варфоломей начал проповедь христианства в Сисакане, в одной из его областей — Гохтане, построил здесь церковь, рукоположил одного из учеников своих по имени Кумси в епископы Гохтана. И только после этого Варфоломей отправился в столицу Армении г. Двин (Ст. Орбелян, гл. III).

О Гохтане и Нахичеване IV в. сообщают Фавстос Бузандаци и Корюн. У Фавстоса Бузандаци при описании событий, происшедших в Армении в IV в., при взятии персами ряда армянских городов (Вагаршапат, Ервандашат, Зарехаван, Заришат, Ван), полонении в них нескольких тысяч армянских и еврейских семейств сообщается следующее: «А в это время персы разрушили эти города, пленили их жителей, с ними вместе всю армянскую страну и области. Из всех этих областей, краев, ущелий и стран вывели они пленных всех в город Нахичеван, который был средоточием их [персидских] войск. Этот город они тоже *взяли* и разрушили и оттуда вывели две тысячи семейств армян и шестнадцать тысяч семейств евреев и увели вместе с другими пленными» (Фавстос Бузандаци, IV, V).

Последовательность перечня городов, захваченных персами, путь их движения не оставляет сомнений, что в контексте речь идет о Нахичеване на Араксе, т. е. об албанском Нахичеване [153]. Как видно из текста, армянское население в Нахичеване было незначительным, да к тому же нет никаких намеков на то, что город Нахичеван в это время был армянским. Это единственное упоминание г. Нахичевана у Фавстоса Бузандаци. Сведения о Гохтане V в. сохранились у Корюна.

По Корюну, изложены два этапа проповеднической миссионерской деятельности Маштоца в Гохтане: 1) устная проповедь Евангелия Маштоцем до изобретения им армянского письма (Корюн, V); 2) проповедь христианства после изобретения Маштоцем армянского письма (Корюн, XIII). В первый период своей миссионерской деятельности Маштоц посетил Гохтан: «Взяв с собою вверившихся ему лиц, блаженный Маштоц направился и прибыл в *беспризорные и беспорядочные и неисправимые места Гохтана...* блаженный незамедлительно принялся за проповедь Евангелия и охватил весь район и вызволил всех жителей из-под влияния языческих преданий предков и дьявольского преклонения сатане, привел их в повиновение Христу» [42, с. 87 — 88]. Маштоц посетил Гохтан и во второй период своей миссионерской деятельности. «По своему обыкновению [Маштоц], принимаясь за свое учение... наполнил этот гавар благове-

стью Христова Евангелия. И поставил во всех селах гавара чин святых монахов» [42, с. 99]. Но из этих фрагментарных данных о проповеди Маштоца в Гохтане все же нельзя сделать никакого вывода о том, что Гохтан — это армянская область, ибо проповедью христианства Маштоц занимался как в Армении, так в Грузии и в Албании. К тому же Корюн сообщает о Гохтане с таким пренебрежением — *«беспризорные и беспорядочные и неисправимые места Гохтана»*.

О проповеднической деятельности Маштоца в Гохтане сообщает и Хоренаци (III, 47; 60). «Здесь [в Гохтанской области] при помощи правителя этой области, называемого Шабитом, Месроп искоренил языческий раскол...».

Итак, с I по VI в. Нахичеван и Гохтан, как верно отмечал Степаннос Орбелян, были в составе Сюника и являлись албанскими областями. А по договору 591 г. они в составе Васпуракана вместе с Сюником политически были подчинены непосредственно Персии, что связано с общей политикой Сасанидов — образованием Северного Куста, куда наряду с Арменией, Иберией, Албанией, Атропатеной вошли Васпуракан и Сюник. Это связано также с упразднением в Албании государственности, ликвидацией власти албанских Аршакидов. В связи с этими событиями данные Арцруни об отделении от Васпуракана областей Гохтан и Нахичеван в VII в. получают верное осмысление. В период господства Михранидов, т. е. восстановления государственности Албании, Гохтан и Нахичеван отошли к Албании, и граница прошла по р. Аракс.

Рассмотрим, что о Нахичеване сообщают источники IX — XIII вв.

Согласно персидским источникам, Нахичеван расположен в Азербайджане. Арабские географы также считают его городом Азербайджана или Арана. Так, Якут Хамави писал: «Нашава [Нахичеван] в Азербайджане, некоторые полагают, что в Аране, недалеко от Армении» [149, с. 143; 249, с. 25].

Арабские источники связывают возникновение города Нахичевана с именем персидского царя Хосрова I. В VI — VII вв. в Нахичеване находился монетный двор, где чеканили монеты от имени Хосрова I, что связано с

включением Нахичевана в составе Васпуракана в Северный Кавказский Куст.

В течение VII в. во время персидско-византийских войн Нахичеван подвергся нападениям со стороны то сасанидских войск, то византийских. Согласно данным албанского автора Моисея Каланкатуйского (III, 16), армянских авторов Левонда (гл. VI), Асогика, Бардана Великого, Арцруни [70, с. 92; 19, с. 91; 38, гл. 1; 53, с. 399], полководец халифа Мухаммед ибн Марван завлек всех не сдавшихся в плен армянских предводителей (800 человек) и приказал правителю Нахичевана Хишаму запереть их в церкви и сжечь.

В конце IX — до 30-х годов X в. Нахичеван входил в состав владений Саджидов, а затем отошел к Саларидам [401, с. 23 — 24]. С 80-х годов X в. Нахичеван становится столицей отдельного феодального самостоятельного владения, именуемого «Нахичеванским царством» [402, с. 63 — 65], во главе которого становится династия Абу Дулафидов (арабского происхождения). Согласно автору Асогику, правитель области Гохтан Абу Дулаф в 982 г. после взятия в плен последнего правителя государства Саларидов — Абу-л-Хиджа ибн Ибрагима захватил земли Басфурадждана, Двин и Нахичеван и заложил основы феодального владения, именуемого «Нахичеванское царство» [70, с. 131 — 133, 140], которое просуществовало до 1064 г. После Нахичеван попадает под власть сельджуков, в XII в. — Ильдегизидов, а в XIII — XV вв. — под власть монголов [249, с. 69 — 73].

В недавно вышедшей монографии Арама Айвазяна «Историко-архитектурные памятники Нахичевана» [93; 94] автор утверждает, что Нахичеван — исконно армянская область. В пользу своего тезиса он выдвигает следующие доводы:

1. Нахичеван с древнейших времен до IX в. входил в состав Васпуракана — области исторической Армении. В начале X в., освободив Нахичеван от арабских эмиров, царь Багратуни I отдал его сюннийским князьям.

Выше было отмечено, что Васпуракан как территориально-географическая область образовалась в VI в., а Нахичеван с первых веков н. э. по VIII в. был областной территорией Албании. И если даже верить тому, что «Багратуни вручил Нахичеван» сюннийским князьям, то опять-таки получается, что это не Армения. Сюник —

периферийная албанская область. И вообще, территориально Нахичеван входил в состав Сюника. Не удивительно, что Степаннос Орбелян, как было отмечено, называет Нахичеван центром области Сюник, южная граница которой была смежна с северной границей Васпуракана.

2. Айвазян пишет, что «с большим архитектурным мастерством построены многочисленные монастырские комплексы и церкви XII — XVII вв. Необходимо отметить, что наиболее распространенным типом этих культовых памятников являются четырехстолбовые купольные трехнефные базилики, которые по своим архитектурным решениям подобны сооружениям Сюника, Васпуракана» [93, с. 7]. В данном положении Айвазяна нет увязки, а также логики с его исторической справкой относительно Нахичевана. Если верить Айвазяну, что Нахичеван с древнейших времен до IX в. н. э. был областью исторической Армении, то почему в таком случае христианские памятники с армянской эпиграфикой, имеющиеся в Нахичеване, датируются XII — XVII вв., а не раньше. Это объясняется просто — до XII в. в Нахичеване не пользовались армянским письмом, а албанское христианское население только с X в. начинает арменизироваться, и христианские памятники архитектуры XII — XVII вв. — это памятники не армянского населения, проживающего в Нахичевани, а арменизированного албанского населения, которое подчинялось своему албанскому католику и самостоятельной албанской церкви, просуществовавшей до 1836 г. И нет ничего удивительного в том, что архитектурное решение нахичеванских церквей имеют аналогии с сюнникскими и васпураканскими церквями XII — XVII вв.

3. Айвазян также сообщает: «Необходимо отметить то обстоятельство, что большое наличие в одном из древнейших центров Гохтане (Ордубаде) кленов или восточных чинар не случайное явление. Известно, что это любимая порода деревьев армянского народа и одна из тех, которые в период язычества почитались у армян как священные». Таким «методом» можно доказать что угодно.

§ 2. Территория, политические границы Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.)

Есть все основания полагать, что территория Албании как в античный период, так и в раннее средневековье была в одних и тех же пределах. На севере территория Албании простиралась до Дербента, на юге до Аракса, от Иберии на западе, до Каспийского моря на востоке. По сообщению синхронных источников VII — VIII вв., т. е. албанского автора Моисея Каланкатуйского (I, 4) и армянского историка Мовсеса Хоренаци (II, 8), как было нами отмечено, южная граница Албании в I в. н. э. проходила по р. Аракс. Албанский историк отмечает, что пределы Албании без изменения сохранялись до VII — VIII вв. (*Каланкатуйский* II, 21).

Однако с IV — V вв. в связи с изменившимися внешнеполитическими событиями — проникновением с севера кочевников (барсил, гуннов) — политико-культурный центр Албании перемещается с левого берега Куры на правый. Столица и патриарший центр из Кабалы переносятся в Партав. И по этой причине значение правобережной Албании в IV — VIII вв. по сравнению с левобережной возросло.

Как известно, в науке существует мнение, что до 387 г. южная граница Албании проходила по р. Куре, т. е., провинции Арцах, Ути и Пайтакаран (правобережье Куры) принадлежали Армении, и только после 387 г. они отошли к Албании. Идея эта принадлежит мхитаристу М. Чамчяну, выдвинувшему ее еще в 1784 г. [395, с. 131]. Имеется несколько поздних попыток обосновать это положение.

Согласно одной точке зрения, из трех албанских областей — Ути, Арцах и Пайтакаран только Пайтакаран был завоеван во II в. до н. э. армянским царем Арташесом I и был в составе Армении фактически до 338 г., а затем стал албанским. А две другие области правобережья Куры — Арцах и Ути — исконно были армянскими и только после 387 г. отошли к Албании [201, с. 34, 41, 75, 88].

Это положение было выдвинуто в 1963 г., причем автор этой точки зрения С. Т. Еремян в 1951 — 1952 гг. в атласе, изданном к книге «История армянского народа» (ч. I), в состав Албании II в. до н. э. включал об-

ласти как левобережья, так и правобережья Куры. Согласно этому атласу, по правому берегу албанскими областями были Сакасена, Отена (Ути), Каспиана (Пайтакаран) и Орхистена (Арцах). По этому атласу в I в. до н. э. Тигран II отвоевал у Албании все правобережье Куры, т. е. области Сакасену, Отену, Орхистену и Каспиану, которые пребывали в составе Армении по договору 66 г. до н. э., заключенному между Тиграном II и Помпеем, как считает автор атласа.

Согласно другому суждению, области Арцах и Ути были завоеваны и присоединены к Армении в I в. до н. э. Тиграном II, а по договору 387 г. они были поделены между персами и римлянами и присоединены к их владениям. А о Пайтакаране — ни слова [219, с. 35, 81]. Согласно третьему мнению (К. В. Тревер), области Арцах, Ути, Пайтакаран и Сакасена, т. е. все правобережье, были захвачены во II в. до н. э. армянским царем Арташесом I и оставались в составе Армении до 387 г., а затем были воссоединены с Албанией. Следовательно, эти области исконно были албанскими [374, с. 58].

По суждению А. Ш. Мнацаканяна и Б. Улубабяна, Арцах, Ути, Пайтакаран изначально были областями Армянского царства. Только по договору 387 г. они были присоединены к Албании, которая до 387 г. занимала лишь левый берег Куры, т. е. южная граница Албании проходила по р. Куре [302, с. 40, 44 — 45; 382; 318, с. 10 — 18]. Отсутствие единого мнения по рассматриваемому вопросу говорит о сложности и необходимости его доисследования.

Авторы первых трех концепций основывались главным образом на данных «Географии» Страбона, армянского автора V в. Фавстоса Бузандаци и «Армянской географии VII в.». Изучение данных Страбона показало, что армянским царем Арташесом I из албанских земель был завоеван лишь Пайтакаран (Каспиана). «Говорят, — сообщает Страбон, — что вначале Армения была мала, но что она увеличена была войнами Артаксия (Арташес) и Зариадром... Они расширили пределы своих владений, отрезавши куски земли у соседей окружающих народностей, а именно: у мидийцев отняли Каспиану, Фавнитиду, Басоропеду; у иберов — склон горы Париадра, Хорзену, Гогарену, лежащую по ту сторону Куры...» [71, гл. 14, 5, с. 528].

Основываясь на данном отрывке из Страбона, К. В. Тревер делает далеко идущий вывод: «Во II в. до н. э. армянский царь Арташес I (189—170) присоединил к Армении ряд соседних областей, в том числе и правобережье Куры, где обитали шаки, утии и гаргары — албаны... С той поры пограничной рекой между Албанией и Арменией античные авторы называют Куру» [374, с. 58]. Между тем из сообщения Страбона можно сделать вывод о том, что Арташесом I была завоевана только Каспиана. Относительно этой области у Страбона нет последовательности — он то связывает Каспиану с Мидией, считая ее отторгнутой областью Мидии, то связывает с Албанией, сообщая, что «в стране албан имеется Каспиана, названная, как и люди, по имени народа каспиев, ныне исчезнувших» [71, XI, 4, 5, с. 502].

Как уже было отмечено, некоторые связывают области Ути и Арцах с завоеваниями Тиграна II. Рассмотрение греческих и римских источников убеждает, что завоевания Тиграна II не коснулись албанских земель. Тигран II, объединив западную и восточную Армению, отвоевал у парфян 70 долин, уступленных Арменией. Долины эти, по мнению Дж. Маркварта, представляли те области, которые были завоеваны Арташесом II в северо-западной Атропатене [436, с. 109; 280, с. 47].

В 70-х годах до н. э., кроме собственно армянских земель, в состав Армении Тиграна II входили Атропатена, Северная Месопотамия, Кордуена, Сирия, Адиабена, Финикия, Восточная Киликия [280, с. 27, 47, 48; 279, с. 65 — 67; 199, с. 192 — 194]. После поражения, понесенного Тиграном II от Лукулла и Помпея, государство его пало. Согласно условиям мирного соглашения 66 г. до н. э. Тигран II отказался от всех своих завоеваний, Помпей сохранил за ним «все унаследованное им царство, а приобретенные им самим земли отнял...». Из завоеванных им земель под властью Армении были оставлены лишь Северная Месопотамия и Кордуена. Таким образом, армянское государство сохранялось в пределах Армянского нагорья. Если даже допустить, что Арцах и Ути были завоеваны Тиграном II, то после падения его государства эти области в числе других завоеванных территорий должны были отпасть от Армении. Очевидным становится несостоятельность мнения, что Арцах и Ути были завоеваны Тиграном II.

Территория Армении, официально утвержденная договором 66 г. до н. э., сохранилась без изменения до 37 г. н. э., когда по конвенции, заключенной между Римом и Парфией, от Армении к Парфии отошла Северная Месопотамия и Кордуена. Границы Армении 37 г. официально были признаны по договору 298 г. и оставались без изменения до 387 г. [201, с. 67 — 69]. В этих договорах ничего не сказано об албанских областях. Что же касается албанской области Каспианы, то, основываясь на сообщении Страбона (XI, 7, 1) о том, что по берегам Каспийского моря после албан живут армяне, С. Т. Еремян приходит к категорическому выводу, что «часть Каспийского побережья входила (по крайней мере, политически) в пределы Великой Армении» [201, с. 66 — 67]. Этот вывод не внушает доверия, ибо, следуя логике С. Т. Еремяна, следовало бы области расселения других этнических групп (саков, парнов) на территории Албании отнести политически к Сенстану и Парфии.

Последняя точка зрения о южной границе Албании, проходящей по р. Кура, основывается главным образом на данных греко-римских (Страбон, XI, 8, 4; Плутарх, Помпей, XXXIV; Дион Кассий, XXXVI, 56; Аппиан, 103) и армянских авторов V — VIII вв., некритическом доверительном отношении как к источникам, без попытки выявления их достоверности, так и сложившейся армянской традиции, при полном игнорировании данных албанского историка VII — VIII вв. Моисея Каланкатуйского.

Следует отметить, что сообщению Страбона (XI, 8, 4) о Сакамене как армянской области противоречат другие его данные, в частности о том, что р. Кура протекает через Албанию (XI, 4, 2). А ведь это логически подразумевает нахождение двух берегов ее (левобережья и правобережья) на территории Албании. Противоречий у Страбона выявлено очень много [97, с. 150 — 165]. Это объясняется тем, что он пользовался разными противоречивыми источниками, «некритически использовал сообщения лиц, очень короткое время бывших в Албании и потому плохо осведомленных» [374, с. 68]. [А источники Страбона — Феофан Митиленский, Деллий и др.]. Сам Страбон вынужден был признать относительно достоверности Посидония (один из его источников), одного из участников римского похода: «Я не представляю себе, как можно доверять Посидонию в отношении неизвестного

(о чем он не может сказать ничего правдоподобного), если он и об известном говорит так неразумно, тем более, что он был другом Помпея, который совершил поход на иберийцев и албанцев» (Страбон, XI, 1, 6).

Пользуясь выписками из Патрокла, которые имелись у Эратосфена, Страбон приходил, как верно отметил Э. Хонигман, к «несправедливым и легковверным обобщениям» [374, с. 8].

Относительно же отдельных данных Плиния (VI, 11; VI, 16; XII, 28), Аппиана (103), Диона Кассия (XXXVI, 54), Плутарха (Помпей, XXXIV), согласно которым южной границей Албании представляется р. Кура, то следует принять во внимание, что сведения и этих античных авторов, как известно, взяты также у Патрокла, Эратосфена, очень мало знавших Закавказье [430 а, с. 137; 374, с. 8], а также у участников римских походов в Закавказье, чьей целью было преследование понтийского царя Митридата, а вовсе не изучение Албании. К тому же данные эти относятся к I в. до н. э. — II в. н. э., а хронологические рамки исследуемого вопроса — II в. до н. э. — IV в. н. э. Нам представляется, что не следует переоценивать данные античных авторов в интересующем нас вопросе, ибо их информация носила случайный, противоречивый характер и вполне могла быть не точной. Вспомнить хотя бы сообщение Плиния (IV, 10, 39) и Солина о «покорении» Александром Македонским Азии, Армении, Иберии, Албании и «переправе» через Тавр и Кавказ.

В. В. Бартольд, давая оценку античным литературным источникам, писал: «Беда в том, что греческие оригиналы мы имеем в очень позднем виде, после того, как они подверглись обработке; они представляют из себя часто просто компиляцию без всякой критики сопоставляемых известий, поэтому ко всем им приходится относиться с большой осторожностью» [130, с. 663].

Таким образом, совершенно очевидно, что в каждом отдельном случае необходимо установить достоверность данных, сообщаемых античными авторами, как это блестяще сделал И. Г. Алиев в интерпретации разделов Страбона об Албании [97].

Не вызывает также сомнений, что албанский автор Моисей Каланкатуйский, написавший «Историю албан», знал и изучил историю и географию своей страны несомненно лучше, чем римляне во время своего кратковре-

менного похода против понтийского царя. О южной границе Албании в I в. н. э. албанский автор сообщает: «...Некто из рода Сисакан, из потомков Иафета (Аран), который наследовал поля и горы Албании от реки Ерасха (Аракса) до крепости Хнаракерт» (Каланкатуйский, I, 4). Синхронный с албанским армянский автор Мовсес Хоренаци (II, 8) также сообщает о I в. н. э.: «...О роде Сисака, которому выпала в наследство Албанская равнина с ее горной частью, начиная от реки Ерасха до крепости, называемой Хнаракертом...». Итак, южная граница Албании в I в. н. э. проходила по р. Араксу, а не по Кура.

Думается, что только исследование местных синхронных источников, изучение реалий Албании, Армении того времени, соположение источников, большее предпочтение данным албанского автора поможет в воссоздании исторической географии Албании исследуемого времени.

Рассмотрим, каково было реальное положение Армении и Албании, и как последующий ход событий от 66 г. до н. э. до 387 г. отразился на судьбах Армении и Албании и действительно ли в этот период границы Армении оставались незыблемыми.

Как известно, Армения после 66 г. до н. э. и при преемнике Тиграна II Артавазде II вынуждена была объявить себя «другом и союзником римского народа», что фактически означало признание зависимости от Рима [219, с. 44, 46].

Что же касается Албании, то ее зависимость от Рима должна была носить номинальный характер, «принимая во внимание и территориальную отдаленность Албании и свободолюбивый нрав ее населения, и весь ход последующих событий» [374, с. 110 — 111] и, главное, ее стратегическое положение (наличие Албанских ворот). Исходя из сообщений Плутарха и Аппиана [59, 45; 16, гл. 117], можно уверенно заявить, что ни албанский царь Оройс, ни иберийский царь Арток, в отличие от Тиграна II, в триумфе Помпея не принимали участия. Это свидетельствовало о том, что римлянам не удалось включить Албанию и Иберию в состав Римской империи в качестве провинции.

О политической судьбе Армении 30 — 20-х годов ценные данные представляют нумизматические памятники, впервые сообщающие об оккупации Армении, падении

царства, прославляющие римские победы над Арменией*. На монетах, посвященных завоеванию Армении римскими войсками при Августе, Армения аллегорически изображена в виде покоренного быка или молодого царя, умоляющего о пощаде пленного армянского воина, связанного по рукам и ногам [310, с. 245].

В начале I в. н. э. Армения была отдана римским императором Августом правителям Атропатены. В «Деяниях» Августа (27, 2) сказано: «Армению Великую после убийства ее царя Артакса (20 г. до н. э. — *авт.*), хотя я мог сделать ее провинцией, я предпочел по примеру предков наших передать это царство Тиграну (Тигран III: 20 — 6 г. до н. э. — *авт.*) ...И этот же народ после того отправший и возмутившийся, усмиренный моим сыном Гаем, я передал под управление царю Ариобарзану, царя медов Артабаза сыну, а после его смерти сыну его Артавасду» [289, с. 337].

Согласно данным Диона Кассия и Тацита, в 35 — 50-х годах н. э. Арменией управляют иберийские царевичи [23, XVIII, 26; 72, VI, 33 — 35 и XII, 44; 289, с. 339]. Весь период I в. до н. э. — II в. н. э. в Армении постоянно находились оккупационные римские войска, начальники которых и были фактическими хозяевами страны [109, с. 170; 171, с. 55 — 62; 310, с. 241]. С их помощью с 59 г. н. э. царями Армении были то римские, то парфянские ставленники. Согласно соглашению 63 г., заключенному между Римом и Парфией, устанавливалась двойная зависимость Армении. Она становилась уделом младшей линии парфянского царского дома и фактически зависимым от Парфии государством. Формально царь Армении считался вассалом римлян и от них должен был получить царскую корону [289, с. 344]. Так, в 65 г. н. э. Трдат I, армянский царь, несмотря на свое происхождение из парфянского дома, получил власть из рук римского императора [171, с. 58].

Что же касается Албании, то здесь в период с I в. до н. э. по 63 — 64 гг. н. э. продолжали царствовать местные цари как в Иберии, так и в Атропатене. А после 63 г. в Албании и Иберии утвердились младшие ветви династии Аршакидов.

* Мое внимание на привлечение нумизматического материала было обращено И. Г. Алиевым, за что я ему искренне благодарна.

Находившаяся до 114 г. н. э. под верховенством парфян Армения была от них отторгнута и объявлена в 115 г. римской провинцией [374, с. 129]. Интересные данные об этом находим у историков IV в. — Евтропия и Феста. Римский император Траян, как сообщает Фест, «отнял обратно от парфян Армению, уничтожил венец, лишил царя Великой Армении власти. Дал албанам царя: принял в римское подданство иберов, боспорцев и колхов» [77, гл. XX; 25, кн. VIII, гл. 3; 374, с. 129]. Следовательно, за исключением Албании, весь Кавказ был приведен в подчинение Риму [374, с. 129]. «Из числа закавказских народов албаны более других сохранили свою независимость и не примкнули окончательно к числу римских союзников» [109, с. 171].

В свете сказанного большой интерес представляют римские монеты, выпущенные в 115 — 117 гг., относящиеся ко времени походов Траяна и римской оккупации Армении. На этих монетах Армянское государство изображено аллегорически в образе женщины, сидящей под ногами римского императора, что несомненно отражает политическое порабощение армянского царства [310, с. 245]. На монетах Марка Аврелия и Люция Вера 60-х годов II в. Армения также изображена либо в образе женщины, либо плененного воина [310, с. 245].

Преемник Траяна Адриан восстановил на армянском престоле династию Аршакидов [374, с. 130]. Тем не менее вплоть до 185 г. римские войска стояли в Армении и *magister militum* Траян и другие имперские офицеры находились при дворе армянских царей даже во времена армянского царя Папа (369 — 374). Армения продолжала платить подати Римской империи до 358 г. [171, с. 58].

До III в. аршакидские цари в Армении не имели наследственного права на престол. Они являлись представителями Парфянского царства, занимавшими армянский престол с согласия Рима. Не обладая политической независимостью, Армянское царство Аршакидов, естественно, не имело собственной монеты [310, с. 245].

Положение Албании в это время было несравненно лучше, чем Армении. Если даже ей иногда и приходилось придерживаться римской или парфянской ориентации, то самостоятельность свою она никогда не теряла. Албания как суверенное государство, еще в III — I вв. до н. э. чеканила свои серебряные монеты, подражающие те-

традрахамм и драхамм Александра Македонского. Денежное обращение страны в античное время достигло высокого уровня [124, с. 65]. Весь этот период I в. до н. э. — IV в. н. э. внешне- и внутривосточная ситуация не благоприятствовала Армении. При такой ситуации, когда Армения находилась в зависимом положении, мало вероятно, чтобы ее границы оставались без изменения. Если даже допустить, что албанские области Ути, Арцах и Пайтакаран были действительно завоеваны Арменией, то в этот период, т. е. в период ее политического ослабления, эти области отпали бы от Армении или же албанские цари вернули бы их себе.

Итак, рассмотрение данных Страбона и других античных авторов, а также соположение реалий Албании и Армении с I в. до н. э. по IV в. н. э. привели нас к убеждению о несостоятельности точки зрения исследователей, согласно которой граница Албании на юге проходила по р. Куру, т. е. албанские области Арцах, Ути и Пайтакаран до 387 г. были в составе Армении.

Теперь рассмотрим сведения армянских авторов Фавстоса Бузандаци (V в.) и «Армянской географии» Анания Ширакаци (VII в.) о смежной политической границе Албании и Армении IV в. н. э., на которые также ссылаются исследователи, утверждающие, что она проходила по р. Куру. Фавстос Бузандаци пишет, что когда прекратилась война армян с персами (в 371 г.), армянский полководец Мушег стал громить тех, кто восстал против армянского царя. «Я пошел войною также на страну албан и жестоко разгромил их. Отнял у них много гаваров (т. е. областей), которые ими были захвачены — *Ути, Шакашен, Гардманадзор, Колт и сопредельные им гавары*. Реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше...» «Потом Мушег пошел на иберийского царя... разгромил его, покорил всю иберийскую страну...» [74, V, 8, 13, 15]. В числе стран, якобы «отвоеванных Мушегом», Бузандаци называет Иберию и албанские области — Арцах, Ути, Сакасену, Гардман и Пайтакаран. О том, что Мушег «р. Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше» Фавстос Бузандаци явно преувеличивает. Ведь согласно договорам 66 г. до н. э., 37 г., 298 г. Армения лишилась всех завоеванных стран, за нею осталось лишь Армянское нагорье. Атропатена, Иберия и албанские области,

как будто бы «разгромленные Мушегом», вовсе не входили в завоевания Армении, а напротив, временами армянский престол занимали цари атропатенские и иберийские. К тому же реальное положение Армении I—IV вв., как было отмечено выше, противоречит данным Фавстоса Бузандаци. При изучении информации Бузандаци следует принять во внимание время жизни его, цели и исторические предпосылки создания его труда. Картина, нарисованная Фавстосом Бузандаци как и Мовсесом Хоренаци, отражает, как верно отметила Н. Г. Гарсоян, их собственные идеалы — единую, объединенную Армению, противостоящую угрозе зороастрийской Персии [171, с. 56 — 57].

Фавстос Бузандаци писал свой труд, как известно, в конце V в., после потери Арменией своей государственности и ликвидации власти армянских Аршакидов (428 г.).

Чтобы идеологически подготовить население к антиперсидскому восстанию (450 — 451 гг.), необходимо было создать труд, гиперболизированно изображающий мощь Армении, ее территориальную целостность.

А восстановить территорию в ее исконных пределах было невозможно, ибо территория исторической Армении была поделена между двумя крупными империями того времени — Византией и Персией. Неубедительно звучит точка зрения армянских историков, которые считают, что в этих условиях возможно увеличение пределов Армении за счет соседних стран, вассальных от Византии и Персии, т. е. за счет Иберии, Атропатены и Албании. С этой целью Фавстос Бузандаци включает в состав Армении (в 371 г. — *авт.*) наряду с другими землями и албанские области правобережья Куры — Ути, Арцах и Пайтакаран.

Как и другие армянские источники, Фавстос Бузандаци продолжал тенденциозно представлять Армению как религиозное и политическое единство, топоним с неизменным содержанием. По существу, сложная политическая картина, сложившаяся в Армении IV в., у армянских историков была представлена очень упрощенно. «Достаточно вспомнить «историю» автономных армянских евфратских сатрапий, которые в трудах армянских авторов представлены как земли, зависимые и даже подчиненные армянским Аршакидам. На деле же эти сатрапии пользовались большей политической самостоятельностью, чем Армянское аршакидское государство» [171, с. 56 — 57].

К данным Фавстоса Бузандаци восходит и «Армянская география VII в.» Анания Ширакаци, в которой говорится: «Исконная страна Албания та, которая между р. Курой и горой Кавказом». С. Т. Еремян считает, что здесь имеется в виду территория Албанского государства до 387 г. [201, с. 29]. Помимо всего прочего, сведениям Фавстоса Бузандаци и «Армянской географии VII в.» противоречат также сообщения авторов синхронных источников — албанского историка Моисея Каланкатуйского (I, 4) и армянского автора Мовсеса Хоренаци (II, 8), согласно которым, как уже говорилось, южная граница Албании в I в. н. э. проходила по р. Аракс. «...Некто из рода Сисакан, из потомков Иафета — Аран, который наследовал поля и горы Албании от реки Ерасха (Аракса) до крепости Хнаракерта... От детей его (Арана) говорят, произошли народы княжеств — Ути, Гардман, Цодея (Арцах), Гаргарского» (Каланкатуйский I, 4). Почти в идентичных выражениях говорит об этом Хоренаци (II, 8). Как явствует из текста этих авторов, Ути, Арцах, Гардман — все правобережье Куры никак не могло быть в составе Армении.

Фактически только на данных Фавстоса Бузандаци и «Армянской географии VII в.» основывается мнение исследователей о том, что области правобережья Куры — Ути, Арцах и Пайтакаран только в 387 г. стали албанскими, а до этого входили в состав Армении. Согласно господствующему в науке мнению, в 387 г. после векового соперничества Рим и Персия пришли к соглашению о разделе Армении. С точки зрения С. Т. Еремяна, все окраинные области Армении — Ути, Арцах, Портакаран, Гугарк и другие были отняты по договору, а оставшаяся внутренняя часть — срединная страна — была поделена между двумя державами. Три четверти ее достались Ирану, а одна четвертая — Риму [330, с. 192 — 193]. «По новому административному делению сасанидских властей армянские области Арцах, Пайтакаран и Ути были присоединены к Албании, а армянская область Гугарк — к Грузии» [13, с. 147 — 148]. Кажется нелогичным утверждение, что при разделе Армении между двумя империями окраинные области ее отдали соседним странам — Иберии, Албании, которые, сохраняя свою самостоятельность, в то же время находились в сфере влияния этих двух империй, временами в какой-то степени ориентиро-

вались на них, а при Сасанидах являлись юридически их вассалами. Если эти области были армянскими, то какая же была необходимость у двух этих держав заботиться об Албании и Иберии? Это могло быть только при одном условии, если эти области были не армянскими, а албанскими и иберийскими. И потому разделу между двумя империями подвергалась территория собственно Армении. А земли, на которые она претендовала, юридически были еще раз закреплены за теми странами, в состав которых они исконно и входили.

На основе вышесказанного, нам представляется совершенно несостоятельной сама постановка вопроса о стабильном, неизменном пребывании областей Ути, Арцах, Пайтакаран в составе Армении до 387 г.*. Думается, что границы Армении и Албании, а также Армении и Иберии фактически могли меняться и, видимо, менялись в зависимости от внешне- и внутривосточного положения этих стран. Эти моменты, конечно, должны быть выявлены и верно отражены. Итак, исследование источников и реалий Албании I — IV вв. убеждает нас, что южная граница Албании этого периода проходила по р. Аракс.

Теперь рассмотрим точку зрения грузинских исследователей относительно западных границ Албании. Согласно старым грузинским исследователям, западная часть территории Албании (левобережье Куры) была грузинской территорией [140, с. 66 — 67; 397; 398]. А в последнее время некоторые грузинские ученые утверждают, что Грузии принадлежали как северо-западная левобережная территория Албании, так и юго-западная часть правобережья Куры. Этим проблемам посвящена недавно изданная монография Д. Л. Мухелишвили, которая называется «Из исторической географии восточной Грузии» (Шаки и Гогарена).

В аннотации книги сказано: «В монографии исследуются вопросы политической и этнической географии южных и восточных провинций древней Грузии (подчеркну-

* Я не могла выявить источник, отражающий договор 387 г. относительно албанских земель. На совещании по проблеме исторической географии народов Кавказа (4 — 8 мая 1983 г. Москва) выяснилось, что такого договора нет, он лишен источниковедческой основы. Б. А. Арутюнян официально заявил, что этого договора не существует. Договор обязан своим существованием только армянской историографии.

то нами. — Ф. М.) начиная с эпохи возникновения восточно-грузинского царства Иберии до конца XIV в.».

Получается, что *Шаки* — это восточная провинция Иберии, а *Гогарена* — южная. Таким образом, налицо непоследовательность — в названии книги сказано о восточной Грузии, а в аннотации и в тексте сказано о «восточных и южных границах Иберии».

Как известно, в науке под Восточной Грузией понимается Картли. По существу, в книге Д. Л. Мухелишвили предпринята попытка хитроумными сплетениями обосновать мнение о том, что албанские-азербайджанские земли, расположенные на северо-западе левобережья Албании (области Камбисена и Шаки) и на юго-западе правобережной Албании (Гардман, Сакасена), исконно были грузинскими землями с древнейших времен до XIV в. включительно, т. е. были областями Восточной Грузии.

Рассмотрим метод исследования автора и его аргументации. Отправной точкой для Д. Л. Мухелишвили явились слова армянского автора XIII в. (обратите внимание — XIII в.!) Вардана Великого о том, что «Шеки — область гугаров». И, основываясь на этом сообщении, Д. Л. Мухелишвили, пытаясь идентифицировать гугаров с гугаренами, жителями грузино-армянской области Гогарены (Гугарка), расширяет без всяких на то оснований территорию области Гугарка (Гогарены) на северо-восток (на левый берег Куры), включает в ее состав албанские земли двух областей — Камбисены и Шаки. Д. Л. Мухелишвили забывает о времени и месте информации Вардана Великого. Необходимо проверить достоверность сообщения Вардана — насколько оно подтверждается другими синхронными источниками и насколько соответствует это реалиям Албании, Армении и Иберии того времени. И правомерно ли, вооружившись только сообщением Вардана Великого, проецировать это в древность и раннее средневековье, пытаясь «доказать», что в состав спорной грузино-армянской области Гугарка (Гогарены) входили северо-западная территория Азербайджана на левом берегу р. Куры (Камбисена и Шаки) и юго-западные земли Азербайджана на правом берегу Куры (Гардман, Сакасена). Структура книги Д. Л. Мухелишвили такова: поэтапное включение в состав Иберии — 1) Гогарены, расширив ее за счет Ал-

бании; 2) Эретии, расширив опять же ее за счет Албании; 3) собственно Камбисены; 4) собственно Шаки.

Прежде всего рассмотрим выводы Д. Л. Мухелишвили относительно Гогарены, в состав которой он включил юго-западные районы Азербайджана. Вследствие неверной локализации города Хунана (Хунаракерта), а также р. Бердуджи Д. Л. Мухелишвили указывает неправильное размещение области Гогарены. Хунан он локализует в центре Гогарены, в то время как Хунан — пограничная точка в Гогарене, находящаяся на крайнем северо-востоке Гогарены, на стыке Грузии, Армении и Албании, центр кантона Гардабани [51, с. 47]. Далее концепция Д. Л. Мухелишвили относительно юго-восточной границы Иберии основывается на неверном расположении р. Бердуджи. Автор умышленно смещает Гогарену на территорию Албании, а с какой целью, это выявится в ходе нашего исследования. Д. Л. Мухелишвили пишет: «...южная граница Иберии (Картли) проходила по водораздельному хребту Куры и Аракса [33, I, 4, 8, 24] начиная от истоков р. Бердуджи (ныне р. Дзегамчай) [см. 33, II, 164] до провинции Тао»* (подчеркнуто нами. — Ф. М.). Таким образом, р. Бердуджи идентифицируется автором с р. Дзегамчай. Следует заметить, что автор не уверен в своей локализации и поэтому не логичен, ибо в последней книге («Из исторической географии Восточной Грузии») локализует р. Бердуджи на месте Таузчая, так как Хунани на карте помещает у р. Бердуджи на Дзегамчае, а в книге — у устья р. Таузчая [309, с. 7]. При этом автор ссылается на «Картлис Цховреба» (I, 4, 8, 24). Рассмотрим эти данные. «...Наделил Картлоса и утвердил ему рубежи: на востоке — Эрети и река Бердуджи» [33, I, 4; 51, с. 21]; «Гардабосу удела Хунани и наметила рубежи: на востоке — реку Бердуджи» [33, I, 8; 51, с. 23]; «...Третьего отправил (Фарнаваз) эриставом в Хунани и отдал земли от реки Бердуджи до Тбилиси и Гачаани, что суть Гардабани» [33, I, 24; 51, с. 30] (подчеркнуто нами. — Ф. М.).

Реку Бердуджи «География» Вахушти отождествляет с р. Дебед, притоком р. Храми. Г. В. Цулая (издатель книги Леонти Мровели. «Жизнь картлийских царей»)

* Мухелишвили Д. Л. Аннотация к карте № 3 «Кавказ в VI — III вв. до н. э.». Материалы исторической географии Кавказа, представленные для издания «Атласа народов СССР» (1983 г.).

считает, что отождествление р. Бердуджи с р. Дебед, притоком р. Храми не вызывает сомнения [51, с. 44].

В зависимости от расположения р. Бердуджи находится точное определение местоположения г. Хунани, который локализуется Д. Л. Мухелишвили то на р. Дзегамчай, то на Таузчае.

«География» Вахушти (XVIII в.) локализует Хунани у места слияния р. Кция (ныне Храми) с Курой, т. е. на месте р. Дебед. Эту локализацию уточняют, обосновывают С. Т. Еремян, З. М. Бунятов, Г. А. Меликишвили и др. [201, с. 55, 63; 148, с. 87 — 89; 289, с. 123; 191, с. 55 — 56]. Она вполне соответствует реалиям того времени, что выясняется из данных синхронных источников VII — VIII вв., армянского автора Мовсеса Хоренаци, албанского историка Моисея Каланкатуйского и «Армянской географии VII в.», ибо, как сообщается в последней, албанская область Сакасена (Шакашен — армянское) простиралась от р. Дзегамчай до р. Кюракчай, [201, с. 73], а до Дзегамчая простирался албанский гавар Гардман, который был шестым гаваром провинции Ути и занимал территорию нынешнего Казахского района [201, с. 46]. Таким образом, Хунаракерт — Хунани никак не мог быть в районе Таузчая или Дзегамчая.

Связанность Хунаракерта с р. Дебед, притоком Храми, подтверждается также по «Ашхарацуйцу», ибо согласно ему Хунаракерт именуется также Ханцихе, образованное от названия р. Хан, сохранившейся у Страбона, которая в будущем стала Кция (Храми) [201, с. 63]. Дело в том, что точное определение восточного предела области Гогарены зависит от расположения Хунана. Если допустить правильным мнение Д. Л. Мухелишвили относительно локализации Хунана на р. Дзегамчай или Таузчай, то получается, что Гогарена занимала территорию не только Иберии, Армении, но и Албании, т. е. она занимала и юго-западную часть албанской области (Гардмана и частично Сакасены). И в этом случае Гогарена смещалась на восток за счет исторической территории Албании. А при локализации Хунана на р. Дебед Гогарена никакого отношения к Албании не имела, а была лишь смежной пограничной областью, что соответствует всем данным источников и реалиям того времени. Моисей Каланкатуйский ни разу не упоминает топоним Гогарена. И вообще, как известно, территория Гогаре-

ны была яблоком раздора между Арменией и Иберией, и Албания никогда не была причастна к спору из-за этой территории. Рассмотрим в связи с этим данные Страбона (XI, 14, 5): «...Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили войны Артаксия и Зариадрия... Они расширили совместно свои владения, отрезав часть областей, окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басоропеду; у иберов — предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира...».

Как видно, из отрывка, речь идет о завоевании грузинской Гогарены Арменией и только. За исключением сообщения Страбона о том, что Гогарена «находилась на другой стороне реки Кира», других данных о ее локализации нет. Отстаивая свое мнение и ссылаясь на данный отрывок Страбона, Д. Л. Мухелишвили пишет: «Что это было действительно так, доказывается указанием Страбона (XI, 14, 5)... Страбоновская Гогарена обнимает южную половину бассейна Куры, начиная от соврем. Джавахети вплоть до крепости Хнаракерта (Мовсес Хоренаци, II, 8), т. е. того же Хунана грузинских источников, который находился на правом берегу р. Куры, вблизи р. Бердуджи [33, 1, 8, 24], т. е. р. Дзегамчай*. И так, отождествив р. Бердуджи с Дзегамчаем (а в книге с Таузчаем), Д. Л. Мухелишвили смещает грузинскую историческую область Гогарену на юго-восток, на территорию Албании. При этом историческая территория Албании оказывается урезанной от р. Дебед до Дзегамчая или Таузчая. По локализации Д. Л. Мухелишвили получается, что армянский царь Арташес, захватив у Иберии Гогарену, отхватил фактически часть территории Албании (от р. Дебед до Дзегамчая или Таузчая). А когда Иберия вернула Гогарену, она приобщила к своим владениям часть территории Албании (от р. Дебед до Дзегамчая или Таузчая на запад). Согласно теории Д. Л. Мухелишвили, территория исторической Грузии — Иберия не менялась, и борьба за спорную область Гогарену шла между Грузией и Арменией за счет территории Албании. Ведь у Страбона (XI, 3, 2), помимо прочего, имеется и другое сообщение: «Кир берет начало в Армении и, тотчас вступая в вышеупомянутую равнину,

* Д. Л. Мухелишвили. Аннотация к карте № 3.

принимает Араг, текущий с Кавказа, и другие притоки, а затем через узкую долину течет в Албанию». Получается, что территория Албании начинается далеко от Дзегамчая.

Итак, в ходе исследования выяснилось, почему Д. Л. Мухелишвили свою концепцию строит на специально продуманной им локализации р. Бердуджи, Хунани, Гогарены. Так можно «доказать» что угодно, ибо в таком варианте источники ни к чему.

Д. Л. Мухелишвили пытается достичь поставленной цели относительно Гогарены и другим путем — путем размещения кантонов Гугарка на территории Албании. Ссылаясь на перечень кантонов Гугарка у Хоренаци, где они перечислены последовательно в направлении с запада на восток, Д. Л. Мухелишвили начинает их располагать в обратном направлении с востока на запад, в результате чего часть кантонов Гогарены попадает на земли Албании. Так, у Хоренаци сказано: «Гушар... получил в наследство Темную гору, т. е. Кангарк и половину [страны] Джавахов, Кохб, Тцоб, Дзор до крепости Хнаракерта» [309, с. 6]. Ведь ясно сказано «до крепости Хнаракерта». Д. Л. Мухелишвили пишет: «Начнем с востока на запад», «Дзор до крепости Хнаракерта». Он локализует Дзор (Дзорапор) у р. Акстафа, Кохб у р. Инджачай [309, с. 6 — 7]. Между тем все кантоны Гугарка в «Армянской географии VII в.» размещаются на территории собственно Грузии и частично Армении, пограничной с Грузией [201, с. 36, 60, 63 — 64], что и соответствует историческим реалиям.

Кантоны Гугарка были то в составе Иберии, то Армении, после 387 г.* они вошли окончательно в состав Иберии, кроме Ашоца. Согласно «Армянской географии VII в.», Кохбор локализуется у современного Ноемберяна (АрмССР), Дзорапор — у р. Дебед, Ашоц соответствует Гукасянскому району [201, с. 60, 63 — 64]. Как видим, все эти кантоны не имеют никакого отношения к территории исторической Албании.

Резюмируя свои выводы о Гогарене, Д. Л. Мухелишвили в бассейне р. Дебед помещает первоначальную древнейшую территорию Гогарены, а ее кантоны, по его

* Дата 387 г., как было отмечено в первой части нашей главы, опирается на историографию.

мнению, (Хнаракерт, Дзор, Кохб, Ташир, Ашоц и др.) являются поздним территориальным наращением, что имело место после завоевания Гогарены Арменией во II в. до н. э. В дальнейшем, утверждает Д. Л. Мухелишвили, в процессе политического расширения Армении на север, завоеванные территории включались в пределы Гогарены [309, с. 9, 15].

Итак, в то время, когда Гогарена была завоевана Арменией, Иберия лишилась незначительной малой области (бассейн р. Дебед), а после завоевания Гогарены Арменией территория Гогарены расширилась на северо-восток за счет албанских земель (см. локализацию Д. Л. Мухелишвили кантонов Хунаракерта, Дзор, Кохб). В IV в., по теории Д. Л. Мухелишвили, когда Гогарена, территориально увеличенная за счет албанских земель, была возвращена Иберии, последняя, по существу, получила не только свою бывшую область — Гогарену, но и дополнительно территориальные наращения.

Нам кажется неправомерным положение о том, что территория Гогарены после завоевания ее Арменией во II в. до н. э. была расширена на север и восток, т. е. за счет албанских земель. Как было изложено нами в первой части главы (относительно армянской концепции), в период после II в. до н. э. и до IV в. н. э. (когда Гогарена была возвращена Иберии) внешне- и внутривосточное положение Армении было таковым, что она не имела возможности расширять свои пределы, тем более за счет Албании. Поэтому утверждение Д. Л. Мухелишвили лишено всякой почвы. Гогарена как древняя (что признает Д. Л. Мухелишвили), так и раннесредневековая находилась в бассейне р. Дебед.

Взгляд на Гогарену (как юго-западные албанские земли), изложенный в I главе книги, Д. Л. Мухелишвили заканчивает следующим выводом: «...в представлении армян Гугарк [Гогарена] обнимал собственно Восточную Грузию». А по существу же, Гогарена — южная провинция Грузии. Во II главе Д. Л. Мухелишвили обещает раскрыть, что понимается в грузинских источниках под понятием Восточная Грузия, хотя и до него в науке было известно, что Восточная Грузия — это Картли. В этой главе Д. Л. Мухелишвили дает историко-географический очерк северо-западных албанских областей — Эрети и

Камбисены и пытается доказать, что они уже в древности вошли в состав Иберии и претерпели многовековую иберизацию. Таким образом, получается, что под «Восточной Грузией» следует понимать также и северо-западные албанские земли. Проследим за аргументами Д. Л. Мухелишвили. Автор преподносит три значения понятия Эрети (в собственном, узком и широком смысле). Однако во всех трех смыслах, предложенных Д. Л. Мухелишвили, не получается, что Эрети—это северо-западные земли Албании или Албания в целом [309, с. 16 — 17]. Прежде всего, необходимо, на наш взгляд, внести ясность в понятие Эрети. Нам представляется, что Эрети не только политическое понятие, но и чисто географическое, во всяком случае по грузинским источникам складывается такое представление. И, как верно отметили грузинские исследователи-текстологи (Е. С. Такайшвили, К. С. Кекелидзе, Г. В. Цулая), скудность материала не позволяет установить точные рубежи Эрети. Эрети — часть Кахети или область по бассейнам рек Алазани и Иори. Она простиралась к востоку — до Кавказских гор, к западу — до р. Куры, к северу — до озера Тке-Тба или Гулгула, что выше Телеба, к югу — до Алазани и Иори. *Северные и северо-восточные рубежи Эрети* по письменным источникам не прослеживаются [51, с. 41; 363, с. 8].

Итак, Эрети была расположена в Алазано-Иори-Куринской зоне и включала в себя восточные области исторической Кахетии, а также область Камбисену [289, с. 123]. Хороним Эрети, происходящий от названия племени албан — эров, известен только из грузинских источников. И поэтому каждый раз, встретив понятие Эрети в грузинских источниках, трудно, выявить, что политически подразумевается под этим топонимом и какую территорию он охватывает.

Совершенно беспочвенны попытки Д. Л. Мухелишвили доказать «процесс политического расширения Иберии в сторону Албании «путем» расширения объема историко-географического понятия «Кахети» (Иберии) за счет сокращения соответствующего понятия «Эрети» [309, с. 17 — 18].

Д. Л. Мухелишвили утверждает, что в первой половине IV в. та часть Эрети — «именно Суджети» была непосредственно присоединена к Иберийскому царству, — именно к провинции Кахети (и Кухети) и эта территория,

во всяком случае начиная с IX в., по грузинским источникам, называется уже Кахети» [309, с. 18].

Уже в самом утверждении автора выявляется логическая неувязка и некоторая неуверенность. В IV в. Суджети присоединяется то ли к Кахети, то ли к Кухети (а разница в них есть) и только с IX в. Суджети именуется, как выясняется из его же примечания 78 (с. 74), Кухети, а не Кахети. Какие есть данные, что весь период с IV в. по IX в. включительно Суджети была в составе Кухети?

Д. Л. Мухелишвили ссылается на собственную работу «Город Уджарма», где, однако, нет сведений из источников, обещанных им, и подтверждающих прямо или косвенно вывод автора о присоединении Суджети к Иберийскому царству в IV в. Ссылаясь на сообщение Леонти Мровели о том, что в IV в. царь Мириан дал своему сыну царевичу Реву в удел Кахети и Кухети и «посадил» его в Уджарме, Д. Л. Мухелишвили приходит хотя и беспочвенному, но довольно категоричному выводу: «в этот удел была включена и часть *собственно Эрети*. Остальная часть Эрети, надо полагать, оставалась в вассальной зависимости от Картлийского царства» [305, с. 7 — 8]. Как видим, в источниках нет никакого упоминания об Эрети. Вообще из грузинских источников невозможно выяснить, о каком Эрети идет речь, где «собственно Эрети», «та часть Эрети, что Суджети», «остальная часть Эрети». Все это плод свободного творчества автора. В источниках лишь одно понятие Эрети.

Следующий «довод» Д. Л. Мухелишвили: «Далее северо-западная часть за алазанской территорией, принадлежавшая некогда Эрети (Албании), начиная с рубежа VI — VII вв. (а на самом деле гораздо раньше) в источниках называется опять-таки Кахети» [309, с. 18]. Автор очень произвольно обращается с хронологией, легко, небрежно ворошит веками. Говоря о VI — VII вв., тут же отмечает, что «гораздо раньше», а именно когда?! Опять же нет ссылки на источники. Автор ссылается на собственную работу «Город Уджарма», где также имеется голословное утверждение.

Остается неизвестным, как автору удалось выяснить, о какой части Эрети в «псевдоисточниках» идет речь? Невзирая на то, что Эрети — хороним многозначный, приписывая ему именно три значения, Д. Л. Мухелишви-

ли для оправдания своей концепции, пытается показать поэтапное присоединение к Иберийскому царству каждой части Эрети. И таким образом, «создав» «динамику» политического расширения Иберии в сторону Албании, приблизил Иберию к албанской области Шаки.

Д. Л. Мухелишвили считает, что в результате тысячелетнего процесса интенсивного проникновения в Эрети восточно-грузинских племен происходила ассимиляция грузинами местного населения и к VIII в. эры были «вполне огрузинившимся племенем» [309, с. 21 — 23]. Что касается столь ранней грузинизации, то важно отметить, что грузинские источники не смешивают эров и грузин, а наоборот, проводят различие между «картуэли» (картами) и «эрами» [289, с. 122]. Это различие проводится в грузинских источниках и позднее — не только автором XI в. Леонти Мровели, когда эры, вошедшие в «состав Грузии», принимали активное участие в процессе объединения Грузинского царства [51, с. 42, коммент.] и формирования феодального общества Восточной Грузии, но и в трудах грузинских авторов XVII — XVIII вв.⁴¹, когда самостоятельного Эрети, название которого было упразднено в XV в., уже давно не существовало. Эры давали о себе знать на протяжении всего раннего средневековья, которое было временем возникновения и расцвета самостоятельного Эретского княжества, а впоследствии и царства.

Чрезвычайно интересно отметить, что население исторического Эрети, принадлежало к одной антропологической группе [84]. Большое значение имеет то обстоятельство, что новейшие исследования в области изучения распространения групп крови в Закавказье показали высокую степень однородности по генным частотам кахетинского и азербайджанского населения Алазань-Агричайской долины и Шемахинской зоны [167, с. 196]. Эта стабильность генных частот в своих средних порайонных значениях сохранилась в Алазань-Агричайской полосе, несмотря на этнический и генетический барьер, возникший здесь много столетий назад [167, с. 196]. Указанное обстоятельство объясняется авторитетными учеными тем, что Эрети была в свое время территорией союза албанских племен, и это сыграло известную роль в общности их генофонда [167, с. 196]. Итак, азербайджанское и

грузинское население территории исторического Эрети имеет общих предков*.

Прежде чем приступить к «иберизации» (грузинизации) албанской области Шаки, Д. Л. Мухелишвили пытается «доказать», что земли до Шаки, а именно албанская область Камбисена (занимающая территорию междуречья Алазани и Куры), также была подвергнута «иберизации» еще со II — I вв. до н. э. Автор приходит к выводу, что, «история древней и албанской провинции наглядно подтверждает нашу мысль о том, что иберо-албанские политические взаимоотношения, развивающиеся в течение многих веков, следует представить себе, как процесс попеременных «приливов» и «отливов» и что активная роль в этом процессе принадлежала иберийцам» [309, с. 31].

Выявление иберо-албанских взаимоотношений у Д. Л. Мухелишвили преследует одну цель — отторгнуть территорию Камбисены, Эрети. По его мнению, «политическое расширение Иберии в сторону Албании сопровождалось также этнической диффузией», что подтверждается, как он полагает, «как документально, так и топонимикой, этнографическим материалом» и церковной архитектурой [309, с. 19, 20 — 21].

Рассмотрим, действительно ли еще во II — I вв. до н. э. Иберия политически расширила свои владения на северо-восток, за счет албанских земель, за счет Камбисены. Исследование сообщений Страбона (XI, 4, 5), Плиния (VI, 39), Солина (XIX, 4) убеждает, что до II в. до н. э. территория албанской области Камбисены была обширной как никогда. Она занимала междуречье Алазани и Куры: на востоке от устьев рек Алазани, Иори и Куры, на западе от верховьев рек Алазани, Иори включительно, до междуречья Куры и Храми (ее среднего течения) на юге. В состав Камбисены на юго-западе входило и правобережье Куры.

Так, Плиний (VI, 39) сообщает: «Это племя (албаны), расселившиеся по Кавказским горам, доходит, как сказано, до реки Кира, до составляющей границу Армении и Иберии». Здесь имеется в виду расселение албан

* Данные об эрах нам были любезно предоставлены членом-корреспондентом И. Г. Алиевым, за что приносим ему благодарность.

до западных пределов Албании, а не южных, ибо *р. Кура* была границей Армении и Иберии. Албаны же были расселены на западе от среднего течения рек Алазани, Иори до Куры, протекающей в районе Тбилиси, Рустави, Хунани (юго-запад Камоисены). О Куре, ставшей границей между Иберией и Арменией, сообщает Солин (XIX, 4): «Великому [Помпею] удалось... пройти... затем к Каспийскому морю, а оттуда через Каспий проникнуть к течению реки *Кира*, которая течет по границе Армении и Иберии». Из данных Плиния и Солина видно, что *р. Кура* в каком-то определенном отрезке становилась границей между Арменией и Иберией. Сведения античных авторов и реалии того времени позволяют полагать, что *Кура* была границей между Иберией и Арменией на территории собственно Иберии, на том участке, где к югу от Куры были земли, захваченные во II в. до н. э. армянским царем Арташесом I. Это — Гогарена, а также смежная с ней на северо-востоке территория междуречья Куры и Храми. Есть основания полагать, что земли междуречья Куры и среднего течения Храми были юго-западной оконечностью албанской области Камбисены. У Страбона (XI, 14, 4) читаем: «Провинцией Армении является Фавена, а также Комисена и Орхистена, выставляющая наибольшее количество всадников. Хордзена и Камбисена — самые северные и больше всех покрыты снегом». Относительно Комисены в армянском издании «Ашхарацуйца» сообщается, что в Большую Армению была включена та часть Камбисены, которая именовалась Комисена, и что эта армянская часть Камбисены — Комисена была отделена *р. Курой* от остальных частей области Камбисены, входящих в состав Иберии и Албании [201, с. 67]. По всему течению Куры и по всей области Камбисены нет другого отрезка, отделенного Курой от остальной Камбисены, кроме как территории междуречья Куры и среднего течения Храми. Итак, получается, что часть Камбисены, захваченная во II в. до н. э. армянами, именуемая *Комисеной*, занимала междуречье Куры и Храми*. Все это дает основание полагать, что до II в.

* Нам представляется, что наименование Сомхити покрывало и армянскую часть Камбисены (Комисены), смежную с Гогареной, подобно тому, как Сомхити употреблялось, как полагает Д. Л. Мухелишвили, и в значении древнего Гугарка (см. Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии Восточной Грузии, с. 27).

до н. э. территория албанской области Камбисены была максимальной как никогда, занимала междуречье Алазани и Куры: на западе от верховья рек Алазани, Иори до междуречья Куры и Храми (ее среднего течения). Таким образом, в состав Камбисены на юго-западе входило и правобережье Куры. В пользу максимальной территории, протяженности албанской Камбисены на запад, северо-запад говорит сообщение Птолемея (V, II, 2) об албанском городе Телеба.

И теперь получает осмысление сообщение Страбона (XI, 4, 1): «Армения частично представляет равнину, частью же — гористая страна, подобно Камбисене, где граничат армяне одновременно с иберами и с албанами». Как видим, в армянской Камбисене — Комисене армяне граничат и с албанами остальной Камбисены, и с иберами в западных окраинах Камбисены.

Ссылаясь на данное сообщение Страбона, Д. Л. Мухелишвили делает совершенно беспочвенный вывод, что это сообщение «заставляет представить расселение восточно-грузинских племен в виде более или менее компактной массы в северо-западной части Камбечани уже в I в. до н. э. и тем самым отодвинуть вглубь по крайней мере на несколько веков начало этого процесса» [309, с. 19].

При таком реконструировании *западных и юго-западных границ албанской области Камбисены приобретают смысл данные Плиния и Солина о том, что *р. Кура* во II в. до н. э. была границей Иберии и Армении. *Кура* окаймляла северные пределы Гогарены (ставшей армянской) и северо-восточную часть армянской Комисены.

В свете изложенного и на основе других данных, а также албанских и грузинских реалий того времени становится совершенно очевидной беспочвенная концепция Д. Л. Мухелишвили, согласно которой во II — I вв. до н. э. части албанских областей Камбисены и Эрети вошли в состав Иберии, т. е. ее территория расширилась на северо-восток. В качестве аргументов им рассмотрены четыре фрагмента из Страбона (XI, 3, 2; XI, 4, 5; XI, 4, 1; XI, 2, 15) [309, с. 19 — 20], которые не могут, на наш взгляд, подтвердить его теорию. А главное, история этого периода такова, что Иберия, не удержав свои южные земли (Гогарену во II в. до н. э.), не была в состоянии приобрести северо-восточные земли за счет Албании.

Так, Страбон (XI, 2, 18) сообщает: «...когда власть Митридата Евпатора значительно усилилась, страна [Иберия] подчинилась его господству. Царь постоянно посылал туда кого-нибудь из «друзей» в качестве «наместника» или «правителя»... Из этой страны царь получал больше всего помощи для оснащения своего флота. После крушения могущества Митридата вся его держава распалась и была разделена между многими правителями... Страна мосхов... делится на 3 части: одна часть под властью колхов, другая — иберийцев, а третьей владеют армяне...».

Д. Л. Мухелишвили, утверждая, что в состав Иберии входит в это время не только северо-западная часть Камбисены, но и северо-западная часть Эрети, в качестве последнего довода приводит данные о строительстве иберийскими царями города Некреси, «развалины которого находятся на левом берегу р. Алазани, т. е. в провинции Эрети». Дело в том, что Некреси расположен на границе Албании и не имеет отношения к ее территории.

Согласно сообщению Леонти Мровели, царь Фарнаджом (четвертый царь из династии Фарнавазианов, правивший в первой половине II в. до н. э. — *Цулая*) построил в Кахети город Некреси. [51, с. 31, 68, прим. 116; с. 67, прим. 109, 111]. «Грузинская традиция приписывает Фарнаджому активную деятельность как в самой Мцхете, так и на прилегающей к Албании территории», — пишет Г. В. Цулая. Он же отмечает, что Некреси — центр картлийцев в северо-восточной части Кахети. Предполагалось, что город будет форпостом Картлийского царства на подступах к Албании, так как расположен на границе с Албанией [51, с. 67, прим. 111; с. 68, прим. 116]. Как видим, Некреси не имеет отношения к территории Эрети, под которой Д. Л. Мухелишвили понимает Албанию.

Что же касается периода I — II вв. н. э., то о северо-западных пределах — о Камбисене Д. Л. Мухелишвили сообщает: «В I в. н. э. в период могущества Иберии можно предполагать, что политически эта область входит в пределы этого царства. К тому же диффузия восточно-грузинского элемента на восток достигает нижнего течения р. Алазани» [309, с. 28]. Утверждение Д. Л. Мухелишвили представляется преувеличенным. Если Иберия в это время только лишь за свои услуги Риму возна-

граждалась своими областями, завоеванными в свое время Арменией (*Тацит. Анналы*, VI, 32; XI, 9), то это еще не означало, что Иберия была в состоянии расширить свои владения на северо-востоке за счет албанских земель — Камбисены. При таком реальном положении, когда Иберия была послушным союзником Рима, если не более того, а Албания — единственным государством Кавказа, остающимся вне сферы влияния Рима, а — Парфии, мало вероятно, чтобы территория Албании на северо-западе отошла к Иберии. Из числа закавказских народов албаны более других сохранили свою независимость и не примкнули окончательно к числу римских союзников [109, с. 171]. Согласно данным Евтропия (VIII, 3) и Феста (XX), «Траян лишил Армению царской власти, албанам царя дал, иберов, боспорцев, колхов принял в римское подданство». Как уже указывалось выше, за исключением Албании, весь Кавказ был приведен в подчинение Риму.

Хотя о III — IV вв. источники ничего не сообщают, а в IV в. Камбисена опять же принадлежит Албании, Д. Л. Мухелишвили тем не менее совершенно беспочвенно и крайне категорично утверждает, что «...с еще большим размахом развивались иберо-албанские взаимоотношения в раннем средневековье» [309, с. 20]. Выявление этих взаимоотношений у него преследует одну цель — отторгнуть территорию Камбисены и Эрети. Автор полагает, что с IV в. исключительную роль в этом аспекте играло христианство, проповедь «просветительницы» Иберии св. Нины в Эрети. При этом он ссылается на свою работу «Город Уджарма», в которой говорит, что учитывая, что распространение христианства означает проникновение мощного потока в Эрети восточно-грузинской культуры, а в итоге и политического господства, «мы можем усматривать в «просветительной миссии» св. Нины доказательство еще большего упрочнения культурно-политического господства Картли в Эрети». Он полагает, что проповедь христианства велась на грузинском языке и потому языком проповеди и официальным языком в Эрети должен быть грузинский [305, с. 7 — 8]. Эту же мысль он еще раз подтверждает в своей последней книге «Из исторической географии Восточной Грузии». «Это были грузинский язык и грузинская письменность,

которые вместе с грузинским христианством глубоко внедрялись в местную среду» [309, с. 22].

Во-первых, до проповеди св. Нины, т. е. до IV в. н. э., Д. Л. Мухелишвили фактически не привел ни одного доказательства о проникновении в Эрети, Камбисену восточно-грузинских племен, хотя он на с. 21 отмечает: «С другой стороны, тысячелетний процесс (откуда! каким образом? — Ф. М.) интенсивного проникновения в Эрети восточно-грузинских племен, а с IV в. восточно-грузинского христианства...»

Во-вторых, что касается восточно-грузинского христианства, то следует заметить, что св. Нина была пленницей из Византии [188, с. 81, 100], не имела «грузинского подданства», не была грузинкой. К тому же в истории проповеди христианства ни одна страна Востока, в том числе Закавказские страны, не имели своего местного проповедника (аборигена). Все проповедники (миссионеры), начиная от апостолов и их учеников, были чужестранцами — Фаддей, Елисей (из Иерусалима), Варфоломей, Андрей, армянский «Просветитель Григорий» (парфянин из Рима), сирийские проповедники и т. д. и т. п. И разве это давало основание говорить о политическом и культурно-идеологическом господстве их стран над странами Закавказья.

И можно ли утверждать, что язык миссионеров и письменность их стали официальным языком и письменностью стран, где они вели свою проповедь? Из истории раннего христианства известно, что языком проповеди был сначала сирийский, затем греческий, а потом свой местный. Д. Л. Мухелишвили пишет, что «во всяком случае, в этом районе (левобережье Алазани. — Ф. М.) в IX — X вв. наличие грузинского населения не вызывает сомнений» [309, с. 23]. Вот это верно и не вызывает сомнений. В пограничных смежных зонах наличие смешанного этноса — албано-иберийского вполне естественно. К тому же в период IX — X вв., когда распалось Албанское государство, начался процесс исламизации и григорианизации христианского населения. В этом случае закономерно, что в зонах, пограничных с Иберией, начался процесс иберизации христианского населения Албании, но он только начинался!

Не удивительно, что обнаруженная на территории

Эрети, Камбисены грузинская эпиграфика, на которую пытается сослаться Д. Л. Мухелишвили в виде одного из главных аргументов, датируется X в. И это всего лишь одна могильная надпись, опять же ничего не говорящая в пользу мнения Д. Л. Мухелишвили, а также надпись VII в. в Камбисене, на ее западной окраине [309, с. 24], являющейся в то же время восточной окраиной Иберии. И трудно определить, на чьей территории эта надпись. Хотя вполне закономерно, что в смежных территориях она могла и быть смешанной — и на грузинском языке, и на албанском.

Что же касается данных албанского автора Моисея Каланкатуйского относительно области Камбисены, то совершенно четко складывается впечатление, что Камбисена до VIII в. включительно — албанская область, албанская политико-административная и церковно-административная единица — епископство (*Моисей Каланкатуйский*, I, 17; II, 19; III, 10).

«Армянская география VII в.» включает Камбисену в состав Албании с древнейших времен до VII в. включительно. Что же касается церковной архитектуры на территории Камбисены, Эрети, то она под влиянием диофизитского толка христианского вероучения могла иметь много общего с христианской архитектурой Грузии, религия которой стала официально диофизитской в VI — VII вв.

Нам представляется неправомерным мнение Д. Л. Мухелишвили о том, что «...в VII веке население Камбисены, возможно, было еще смешанным, иберо-албанским с мелкими вкраплениями армянского элемента» [309, с. 31]. Смешанное население имело место в последующие века, т. е. после VIII — IX вв., а до этого Камбисена была албанской областью с доминирующим албанским населением.

Таким же методом «исследовал» Д. Л. Мухелишвили историческую географию исконно албанской области Шаки, которую он пытается включить, ссылаясь на армянского автора XIII в. Вардана Великого, в территориально увеличенный, искусственно расширенный им Гугарк (Гогарену); т. е. отторгнуть от Албании и включить в состав Иберии.

Подводя итоги исследования политических границ

Албании за длительный период в 1000 лет (III в. до н. э. по VIII в. включительно) можно сказать, что территориальные пределы Албанского государства были почти стабильными. За небольшим исключением не было особой динамики в сторону расширения или сокращения ее территории, что объясняется политическими причинами.

Географическая отдаленность страны от двух империй — Рима-Византии и Ирана парфянского, сасанидского, занимаемое стратегическое положение (наличие кавказских проходов, Дербента, через которые можно было пропустить воинственных кочевников), создавали благоприятные условия для сохранения государственного суверенитета, политической независимости страны. Албанские цари не вели экспансионистской политики. Но сложившиеся внешние и внутривосточные ситуации в Армении, находящейся на стыке двух империй, Иберии и Албании способствовали стабильной безопасности албанских границ.

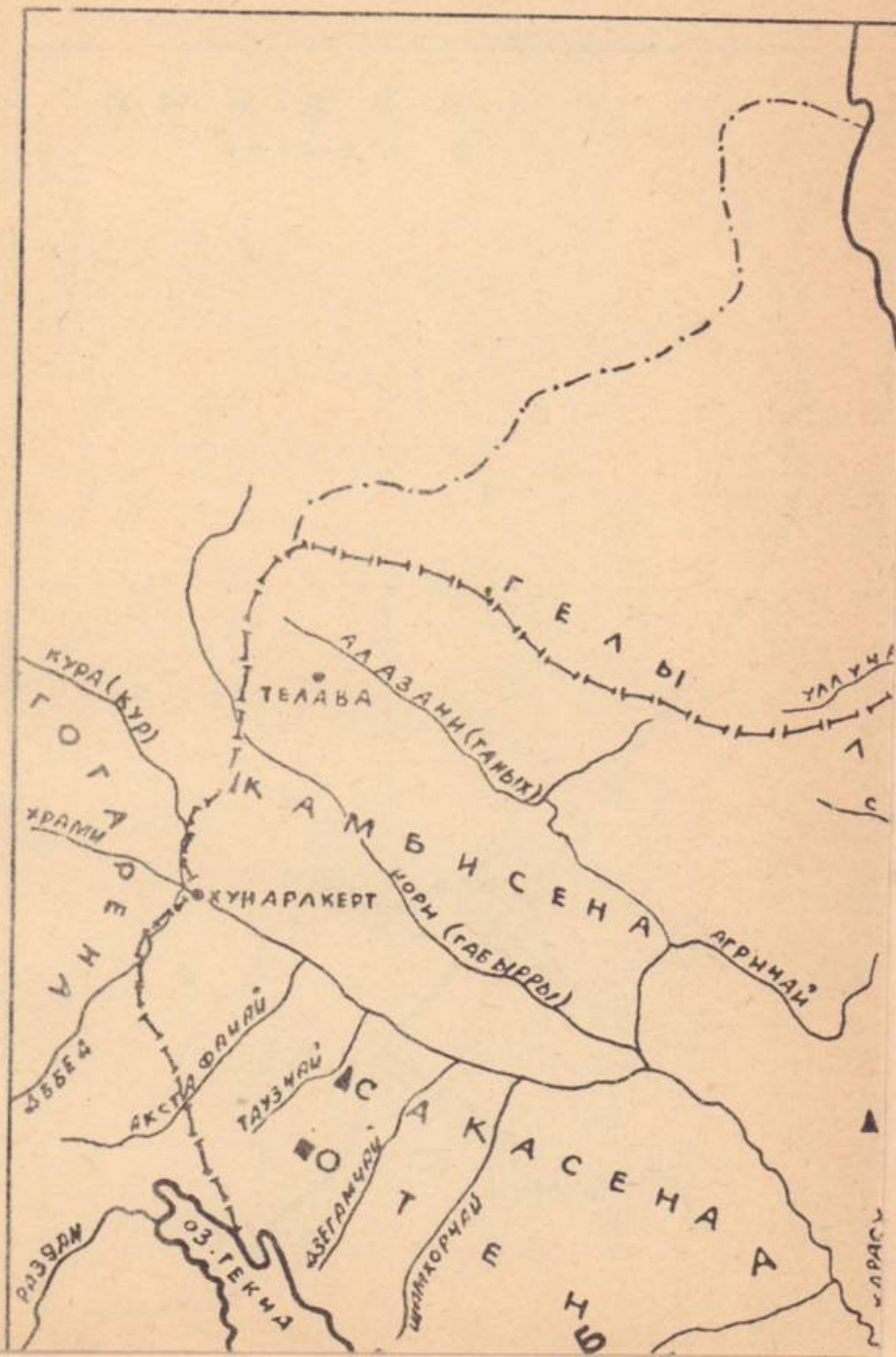
К карте 1. «Албания в III в. до н. э.»*

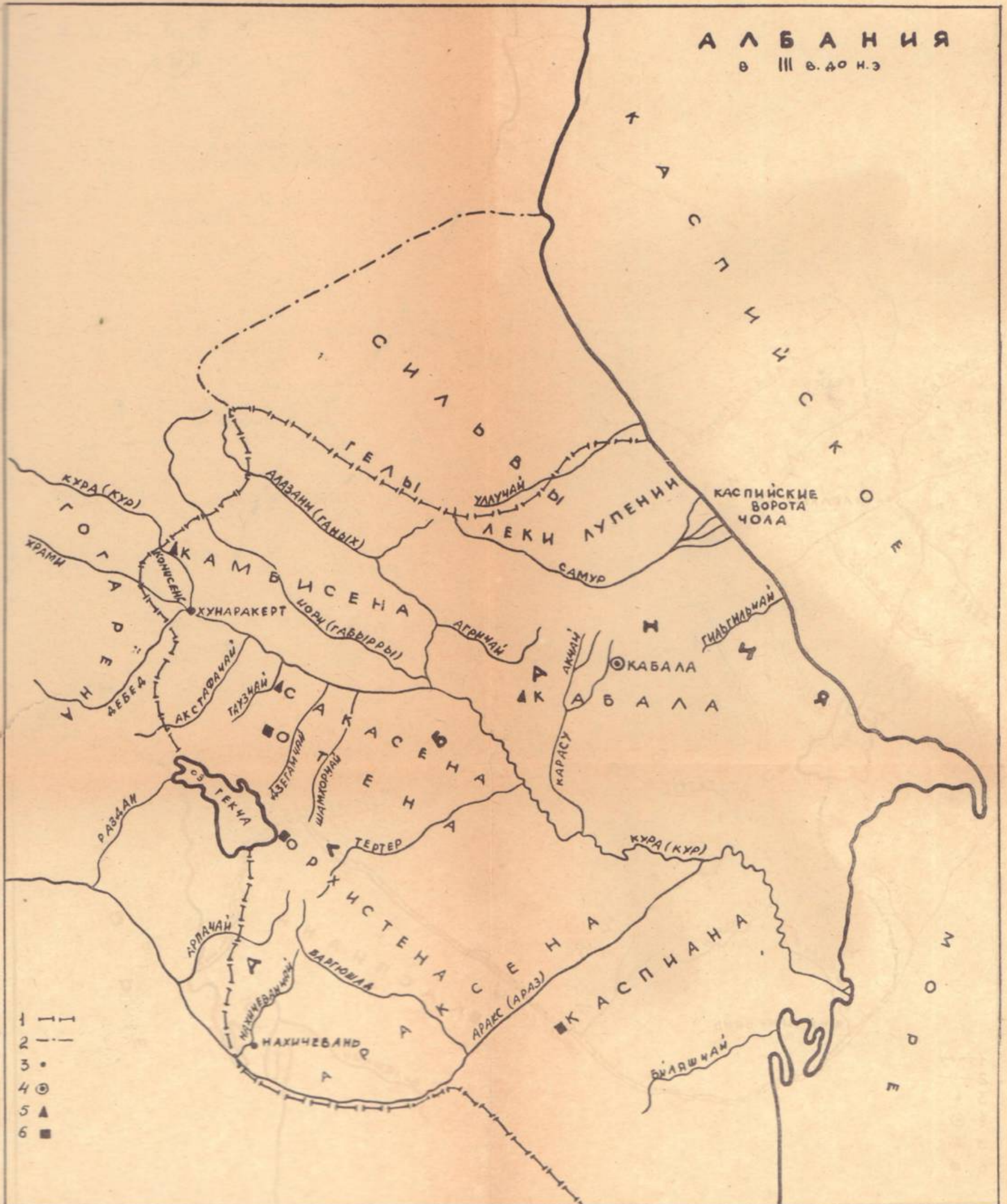
Поскольку самые ранние данные по границам народов Кавказа относятся к источникам не ранее I в. до н. э., — I в. н. э., то ретроспективно можно реконструировать карту не древнее III в. до н. э.

В III в. до н. э. на севере границы Албании доходили до Большого Кавказа, северных предгорий Самурского хребта, от верховьев Иори и Алазани на северо-западе и до нынешнего Дербента — на северо-востоке (Страбон, XI, 4, 1; Птолемей, V, 8, 7; V, 11, 1; 103, с. 105 — 108). Но временами северная граница могла доходить до р. Сулак и далее [408, с. 129 — 148; 218, с. 51]. Исследование данных Страбона (XI, 14, 5) и других античных авторов, сведений местных синхронных источников VII — VIII вв. — албанского историка Моисея Каланкатуйского и армянского автора Мовсеса Хоренаци, а также реалий того времени убеждает, что южная граница Албании в рассматриваемый период проходила по р. Аракс и на юго-востоке включая Каспиану.

Согласно указанию Страбона (XI, 14, 4) «...равнина Аракса, по которой р. Аракс течет до границ Албании, впадая в Каспийское море». Далее он (XI, 14, 5) сооб-

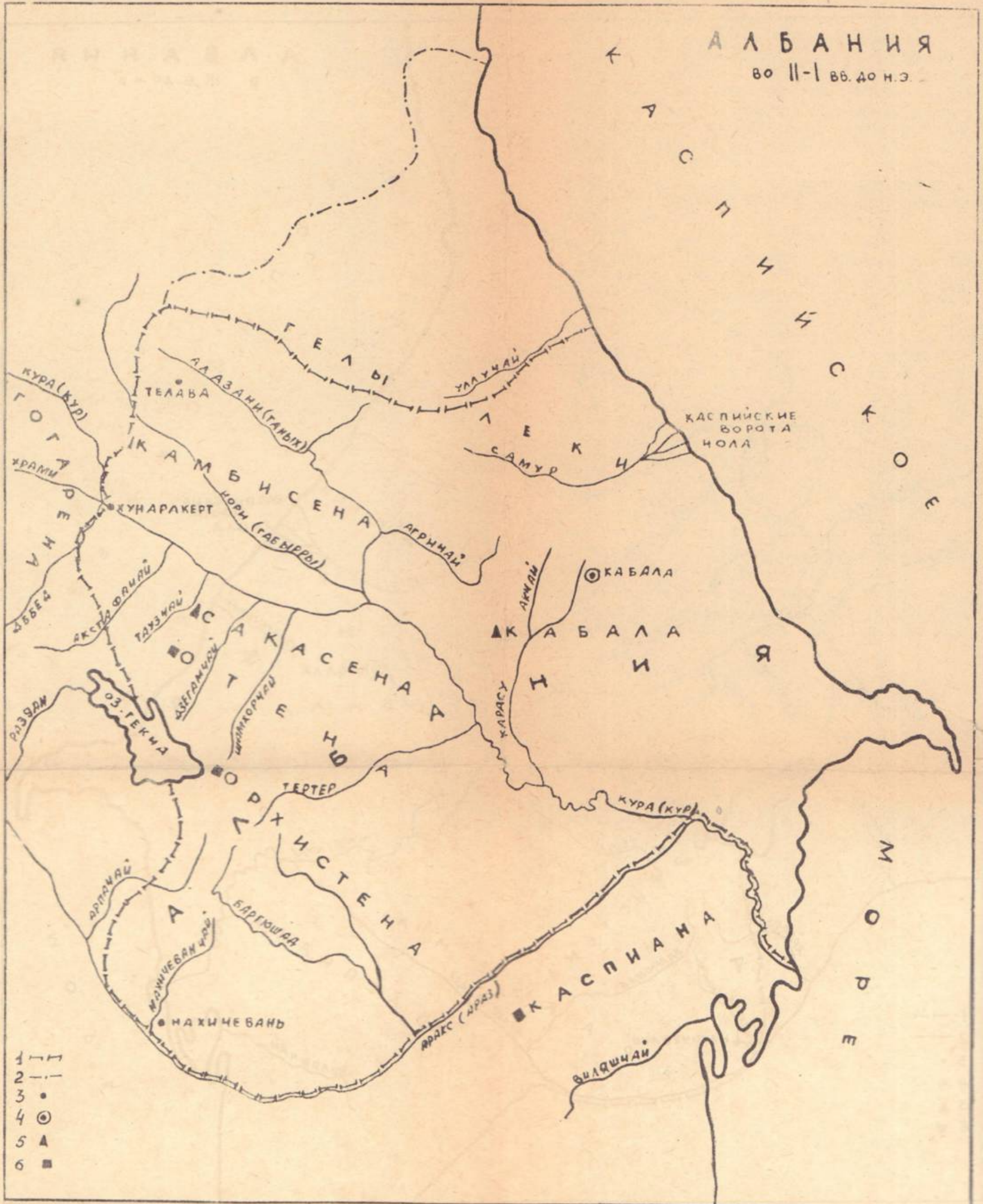
* См. карты в конце главы II.

Карта 1. Албания в III в. до н. э.

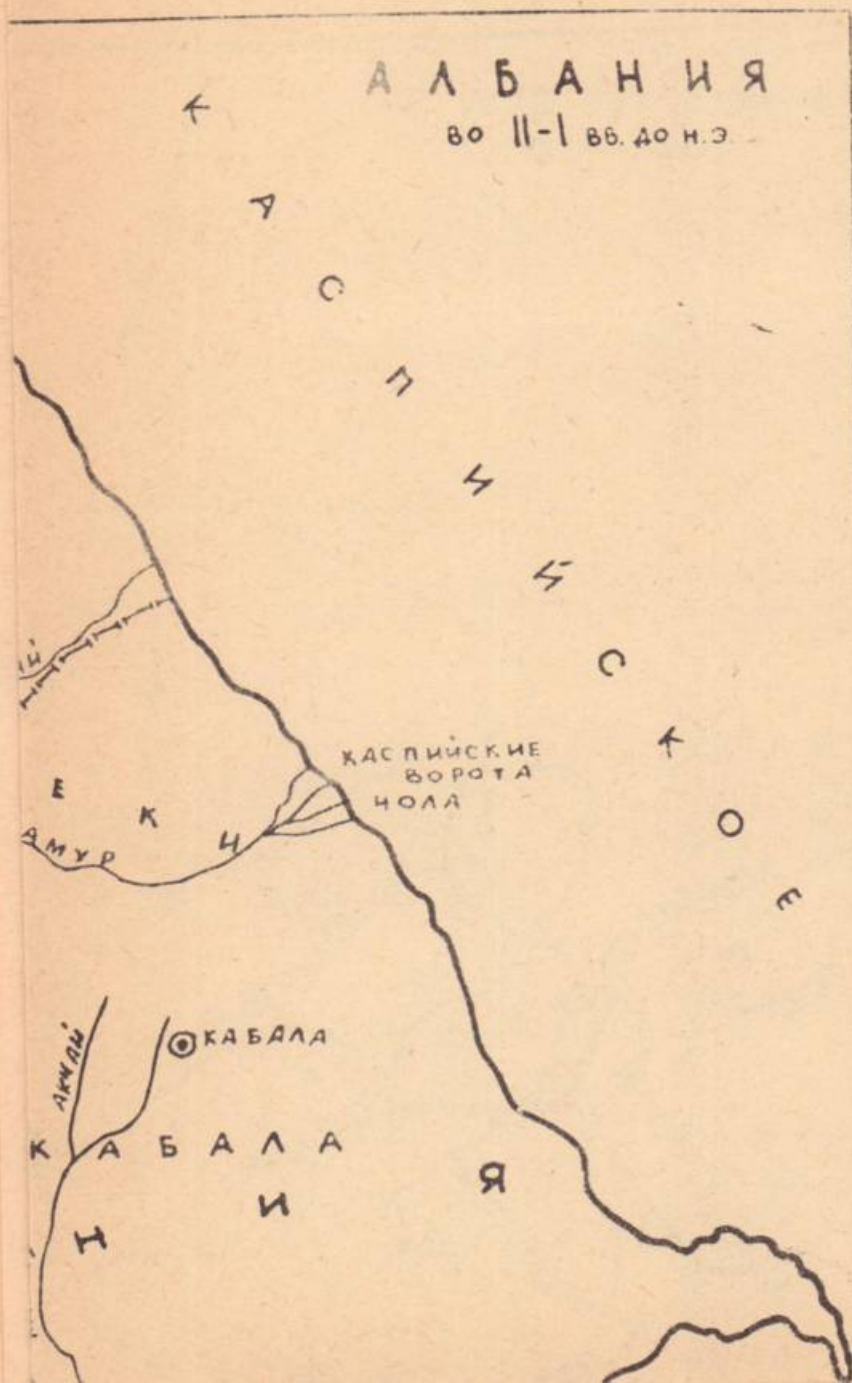
1 — граница; 2 — сферы влияния; 3 — город; 4 — столица; 5 — области (гавары); 6 — провинции (наханги).

Карта 2. Албания во II—I вв. до н. э.

1 — граница; 2 — сферы влияния; 3 — город; 4 — столица; 5 — области (гавары); 6 — провинции (наханги).

КАРТА 2

щает, что армяне «...отняли у мидийцев Каспиану». Плиний (VI, 26) пишет: «Всю равнину, начиная от р. Кир заселяют племя албанов, а затем — иберов...». Следовательно, албаны заселяют равнину двух берегов Куры — левобережья и правобережья. У Страбона (XI, I, 5) читаем: «Аракс протекает через Армению, а Кир — через Иберию и Албанию». Совершенно очевидно, что это указание Страбона подразумевает, что левый и правый берега Куры составляли территорию Албании, в противном случае Кура была бы границей Албании и Армении и текла бы как по Иберии и Албании, так и по Армении. Далее Страбон говорит: «Они (албанские и иберийские племена) владеют плодородной землей и могут развивать хорошее хозяйство». Если бы правобережье Куры было армянским, то слова Страбона в равной степени относились бы и к армянам, ибо правый берег Куры также плодороден, как и левый.

И, наконец, Каланкатуйский (I, 4) и Хоренаци (II, 8) сообщают о границах Албании I в. н. э., что может ретроспективно относиться к III в. до н. э. «...Аран (эпоним), который наследовал поля и горы Албании от реки Ерасха (Аракса) до крепости Хунаракерт». На северо-западе граница Албании проходила от верховьев рек Алазани, Иори, на западе, юго-западе до междуречья Храми и Куры включительно и далее по р. Дебед к верховью Акстафы и далее на юг (Страбон, XI, 4, 5; Плиний, VI, 36; Птолемей, V, 11, 2; 18, с. 67).

К карте 2. «Албания во II — I вв. до н. э.»

На севере в данный период граница Албании осталась прежней. На западе граница также не меняется, за исключением юго-западной части Албании, где произошли изменения — междуречье Куры и Храми (юго-западная часть Камбисены) отошло к Армении, т. е. Комисена. Южная граница Албании проходила по р. Аракс, т. е. ее граница по сравнению с предшествующим периодом изменилась только на юго-востоке. Албания лишилась Каспианы (Страбон, XI, 14, 5), которая вошла в состав Армении со II в. до н. э. до I в. н. э., затем она вновь стала албанской, а позднее (II в. н. э.) вошла в состав Атропатены.

Что же касается данных Страбона (XI, 8, 4) об областях Араксене (XI, 14, 4), Сакасене (XI, 8, 4) как армянских, то следует заметить, что этим данным проти-

воречат другие данные Страбона, в частности его сообщение о том, что р. Кура протекает через Албанию (XI, 4, 2), что логически подразумевает нахождение двух берегов ее (левого и правого) на территории Албании. Нам представляется, что не следует переоценивать сведения античных авторов [Плиний, VI, 11; VI, 16; XII, 28; Аппиан, 103; Дион Кассий; XXXVI, 54; Плутарх, Помпей, XXXIV], согласно которым южной границей Албании представляется р. Кура. Информация их носила случайный, противоречивый характер и могла быть не точной.

Арташесом I из албанских земель была завоевана лишь Каспиана. Завоевания Тиграна II албанских земель не коснулись. Во всех договорах, заключенных между Римом и Арменией, между Римом и Парфией относительно Армении, согласно которым территория Армении была поделена, ни слова не говорится об албанских областях. Как известно, после 66 г. до н. э. при преемниках Тиграна II Армения была превращена в римскую провинцию.

Согласно данным Плутарха (Помпей, 2, 45) и Аппиана (гл. 117) римлянам не удалось включить Албанию и Иберию в состав Римской империи в качестве ее провинций. Все вышеизложенное дает основание считать, что правобережные области Куры продолжали быть в составе Албании, и граница на юге шла по р. Аракс.

К карте 3. «Албания в I—II вв. н. э.»

Нам кажется несколько преувеличенным определение территории Иберии в I—II вв. н. э., представленное Д. Л. Мухелишвили как «период могущества иберийского царства» [309, с. 28], когда Камбисена, по его мнению, вошла в пределы Иберии.

По существу, происходит некоторое укрепление Иберии с помощью Рима, который окончательно втянул ее в свои политические интриги, «направленные на борьбу с Парфией за фактическое господство в Армении» [109, с. 169].

Война Иберии с Арменией в I в. н. э., управление Арменией иберийскими царевичами — это не самостоятельная воля и реальные возможности Иберии, а исполнение Иберией политического курса Рима при его поддержке и под его прямым нажимом. (Тацит, *Анналы*, VI, 32; XI, 9; Дион Кассий, III, 26). Как известно, победа

Фарасмана, одержанная над Арменией и управление ею с 35 г. до 50-х годов, была достигнута как при поддержке Рима, так и с помощью союзных войск албан и сарматов (Тацит, *Анналы*, VI, 33—35, 36). Все это не может говорить о политическом могуществе Иберии, «которая была орудием в борьбе Рима с Парфией и римским плацдармом для ударов, наносимых Армении с севера» [109, с. 169].

При создавшемся положении, когда Иберия была послушным союзником Рима, если не более того, а Албания, как отмечалось выше, — единственным государством Кавказа, остающимся вне сферы влияния Рима, а — Парфии, мало вероятно, чтобы территория Албании на северо-западе отошла к Иберии.

В свете вышеизложенного мы считаем неверным утверждение Д. Л. Мухелишвили — «восточная граница (с Албанией) продвинулась на восток и проходит по нижнему течению р. Алазани» (Плиний, VI, 29; ВДИ, 1949, № 2, с. 297). Плиний сообщает: «Всю равнину, начиная от р. Кир, заселяют племя албанов, а затем — иберов, которые отделены от первых р. Оказаном, текущей с Кавказских гор в р. Кир». Здесь не сказано, в какой части р. Оказаны [Алазани] иберы отделены от албан. Думается, что не следует в несовпадающих сообщениях почти синхронных античных авторов (Страбона и Плиния) усматривать динамику границ, ведь у них были почти одинаковые источники. Нужно выявить причину их различия.

Утверждая, что область Камбисена входит в состав Иберии, Д. Л. Мухелишвили неверно цитирует Плиния (VI, 39), что «Кура является границей между Иберией и Албанией именно вдоль южного края этой области». У Плиния (VI, 39; ВДИ, 1949, № 2) читаем: «Это племя (албан), расселившееся по Кавказским горам, доходит до р. Кир, составляющей границу Армении и Иберии». В данном отрывке Плиния (VI, 39) имеется в виду расселение албан до западных пределов Албании, а не южных, ибо Кура была границей Армении и Иберии на том участке, где к югу от Куры были армянские земли. А это была Гогарена, захваченная Арменией, а также смежная с Гогареной на северо-востоке от нее территория междуречья Куры и Храми, т. е. юго-западная окраина Камбисены.

Итак, северные и северо-западные границы Албании, как и южные, в I — II вв. н. э. оставались без изменения.

Относительно южных границ лишь напомним, что албанские и армянские реалии I — II вв. н. э. были таковы, что внешне- и внутривосточное положение Албании было несравненно лучше, чем Армении. Самостоятельность свою Албания не теряла, если даже иногда ей приходилось придерживаться римской или парфянской ориентации.

Арменией же, как известно, правили то атропатенские, то иберийские царевичи, ставленники римские или парфянские. С 52 по 185 г. в Армении находились римские оккупационные войска. В 63 г. в Армении установилась двойная зависимость — от Парфии и Рима. В 114 — 116 гг. — Армения стала римской провинцией. Траян упразднил царскую власть. В 117 г. Рим восстановил в Армении династию Аршакидов, но Армения продолжала находиться в зависимости от Рима и выплачивала дань. При такой ситуации мало вероятно, чтобы Армения могла расширить свою территорию на северо-востоке за счет албанских земель.

К карте 4. «Албания в III — IV вв.»

Для III в. источников по исторической географии фактически нет. IV век нашел освещение в трудах Моисея Каланкатуйского, Фавстоса Бузандаци, «Армянской географии VII в.»

Западные границы, так же как и северные, остались без изменения. Что же касается южных границ, то, согласно Фавстосу Бузандаци, в 371 г. армянский полководец Мушег стал громить тех, кто восстал против армянского царя. В числе стран, «отвоеванных Мушегом», Бузанд называет Иберию и албанские области — Арцах, Ути, Сакасену, Гардман и Пайтакаран (*Фавстос Бузандаци*, V, 8, 13).

Как было отмечено, Фавстос Бузандаци явно преувеличивает. Согласно договорам 66 г. до н. э., и 37 г. и 298 г. Армения лишилась всех завоеванных стран, за нею осталось лишь Армянское нагорье. А Иберия и албанские области, «разгромленные Мушегом», вовсе не входили в завоевания Армении. К тому же реальное положение Армении I — IV вв. противоречит данным Фавстоса Бузандаци. При использовании его сведений следует принять во внимание время его жизни, цель и

исторические предпосылки создания его труда. Согласно реалиям Армении и Албании можно считать, что граница на юге Албании продолжала проходить по р. Аракс.

К карте 5. «Албания в V в.»

По мнению Д. Л. Мухелишвили, в V в. восточная граница Иберии (т. е. западная граница Албании) меняется — «...провинция Эрети (т. е. Ехни и Бех «Ашхарацуйца») является военно-административной границей Иберии, которой управляет наместник иберийского царя (эристави), [33, I, 185]. Принадлежность Эрети, — продолжает Д. Л. Мухелишвили, — к Иберии подтверждается памятником «Мученичества св. Шушаники»*.

Нам представляется, что нет оснований столь категорично локализовать провинцию Эрети в V в. в нынешней Белокаано-Закатальско-Кахской зоне, т. е. Ехни и Бех («Ашхарацуйца»). Согласно Вахушти, Эрети занимала территорию междуречья Иори и Алазани [51, с. 22].

Вызывает возражение утверждение Д. Л. Мухелишвили о том, что «в 80-х годах V в. по справке Моисея Каланкатваца... провинция Камбисена принадлежит царю Албании, однако в 90-х годах она отходит вновь к Иберии, как удел царевича с центром в городе Хорнабуджи, в котором Вахтанг Горгасал основывает епископскую кафедру» [33, I, 199].

Согласно данным Моисея Каланкатуйского (I, 7), Вачаган III, албанский царь, «многих, принявших знамение христианства, наставлял, поучал в пути боговедения, и назначал в разные места епископов, иереев и наблюдателей. Эти же строгие приказания он *возобновил в Камбечене*». Следовательно, Камбисена была в составе Албании в промежутке между 488 и 506 гг. Каким же образом удалось Д. Л. Мухелишвили установить, что именно в 90-х годах она вновь отходит к Иберии. Он ссылается на «Картлис Цховреба», где говорится, что Вахтанг Горгасал «...посадил епископом одного в Хорнабудже» [33, I, 199]. Ведь Вахтанг Горгасал был почти современником Вачагана III. А что произошло за эти десять лет?

К тому же правление Вачагана III — период наивысшего могущества, культурно-политического подъема

* Справка Д. Л. Мухелишвили к картам для «Атласа СССР», с.

страны. «Вачаган правил всеми странами своего царства» (*Каланкатуйский*, I, 17). К тому же, «Армянская география VII в.», источник, синхронный с Каланкатуйским, также относит Камбисену в это время к Албании.

Единственно, что можно допустить, принимая во внимание данные «Картлис Цховреба» (I, 195, 199), что в V в. часть Камбисены — Эрети (локализация по Вахушти, с. 103), т. е. часть междуречья Иори и Алазани, вернее междуречье среднего течения рек Иори и Алазани, входила, вероятно, в состав Иберии.

Итак, северная граница Албании остается без изменения, а южная, согласно Моисею Каланкатуйскому и «Армянской географии VII в.», продолжает проходить по Араксу. Пайтакаран в первой половине V в. пользуется какой-то внутренней автономией (*Каланкатуйский*, II, 2), но к концу V в., в правление албанского царя Вачагана III становится албанской провинцией (в начале VI в. в числе албанских епископств зафиксировано баласаканское епископство. — *Каланкатуйский* II, 7). Западная граница остается прежней, за исключением территории Камбисены, часть которой, возможно, входит в состав Грузии [33, I, 185, 199].

К карте 6, «Албания в VI — VII вв.».

Д. Л. Мухелишвили, считает, что в VI в. остается историко-географическая ситуация конца V в., т. е. продолжается политическая и этническая экспансия Иберии на восток и проникновение восточно-грузинской культуры, что, на наш взгляд, является беспочвенным утверждением. Д. Л. Мухелишвили считает, что есть данные, подтверждающие это: в VI в., в период подвижничества в Восточной Грузии так называемых «сирийских отцов», некоторые из них развили деятельность именно на территории Камбисены» (с. 11). А в книге своей он уточняет «именно на территории Эрети». Таковыми (отцами) были, по его мнению, Стефана Хирсели [33, I, 208]. Что касается ссылки на «Картлис цховреба» [I, 208], то оказалось, что там этот отрывок является добавлением поздних списков XVIII в., что же касается ссылки в его книге, то в примечании 105 на с. 75 Д. Л. Мухелишвили отмечает, что «в тексте [жития] ареалом подвижничества этих монахов указывается не Эрети, а Кахети. Это объясняется тем, что когда писали текст «Житий»... (X — XII вв.)... эта территория называлась уже Кахети» —

поясняет Д. Л. Мухелишвили. Таким образом, как мы видим, «подвижническая» деятельность «сирийских отцов», указанных Д. Л. Мухелишвили, на территории «именно Эрети, именно Камбисены» является натяжкой.

Если даже деятельность «сирийских отцов» имела место в Камбисене, в Эрети, то это говорит лишь о сиропфильском периоде христианства, периоде — общим для всех народов Закавказья.

Заслуживающим внимания фактом является сообщение [33, I, 373 — 374] о том, что два брата «захватили Камбисену... и сели жить в Хорнабудже». Но как долго эти два брата удержали Камбисену остается неизвестным. Д. Л. Мухелишвили утверждает, что такое положение было в 30 — 40-х годах VII в. и ссылается на Каланкатуйского, текст которого совсем не подтверждает его мнения (*Каланкатуйский*, II, 19).

Итак, основываясь на данных синхронных источников VII в. Моисея Каланкатуйского и «Армянской географии VII в.», а также арабских авторов, можно считать, что границы Албании в VI — VII вв. остались без изменения. Так, Каланкатуйский сообщает: «Таким образом, он (Джеваншир — 642 — 681 гг.) самодержавно и с великолепием господствовал от пределов Иберии до ворот гуннских и до р. Аракса» (*Каланкатуйский*, II, 21).

§ 3. Экономика

Земледелие и скотоводство. Албания была щедро одарена природой — благоприятный климат, богатые леса, плодородные и хорошо орошаемые степные и предгорные просторы, обширные зимние и летние пастбища, полезные ископаемые. В Албании было несколько почвенно-климатических зон, каждая из которых способствовала развитию определенной отрасли хозяйства [374, с. 73; 391, с. 38]. Хорошо орошаемые плодородные массивы, а также не нуждающиеся в искусственном орошении предгорные, увлажненные достаточным количеством осадков районы были зоной основной формы хозяйства населения страны — земледелия с его ведущими отраслями — полеводством, виноградарством и виноделием. Земледелие получило широкое развитие в Кура-Араксинской и Прикаспийской низменностях. Албанская почва поража-

ла своей тучностью и урожайностью как античных авторов, так и средневековых армянских и арабских [374, с. 67; 28, III, 7; 17, с. 17; 32, с. 86, 88, 92; 29, с. 11]. Еще Страбон, отмечал, что албанская «равнина орошается лучше, чем вавилонская и египетская реками и другими водами» (Страбон, XI, 4, 3, с. 502).

В отличие от предгорных районов в Кура-Араксинской и Прикаспийской низменностях земледелие не могло существовать без искусственного орошения. В Албании была сложная и широко разветвленная ирригационная система (арыки, кягризы, сеть каналов), остатки которой выявлены раскопками и разведками в разных частях страны — в Мильской степи (Гяурарх), на Мугани, в Прикаспии [374, с. 71; 226, с. 177; 392, с. 39].

Плодородные поля орошались также множеством рек, что отмечали и армянские авторы VII в. Ширакаци, Себеос и албанский автор Каланкатуйский. Основными водными артериями страны являлись Кура с ее притоками и Аракс. На плодородных равнинах и речных долинах выращивались зерновые и технические, а также огородно-бахчевые культуры, развивалось виноградарство. Согласно данным Моисея Каланкатуйского и Анания Ширакаци, население Албании занималось земледелием по обеим берегам р. Куры, Мильско-Муганской степи и в Нахичевани (*Каланкатуйский*, I, 5). В письменных источниках нет сведений об обработке земли в раннесредневековой Албании. Ценные данные об этом представили археологические и этнографические изыскания.

Согласно данным археологии, у албан существовало пахотное земледелие. Обработка земли велась с помощью железного лемеха, остатки которого были найдены в раннесредневековом поселении в Мингечауре [159, с. 67 — 68; 156, с. 10 — 13]. Археологами выявлено большое количество жатвенных орудий — железные серпы, лезвие косы [159, с. 69; 156, с. 29], а также костяные когти для охвата снопов [158, с. 94; 156, с. 30]. По сообщению Моисея Каланкатуйского, по обеим берегам р. Куры выращивали ячмень, пшеницу (*Каланкатуйский*, I, 5, 26), рос здесь самородный ячмень [17, с. 51]. Албаны культивировали просо.

Археологические работы в районе Мингечаура, в селе

Судагылан, а также в городище Хыныслы выявили остатки ячменя, проса и пшеницы [225, с. 97 — 98; 161, с. 129; 156, с. 75; 392, с. 216]. По данным письменных источников, а также археологических раскопок, зерновые культуры хранились в больших глубоких хозяйственных грунтовых ямах — погребах, а также в больших хозяйственных кувшинах (*Хоренаци*, III, 32), [161, с. 26, 73, 74; 156, с. 42 — 44; 117, с. 37]. Молотьба зерновых культур осуществлялась при помощи молотильных досок, деревянных палок, а также с помощью животных, выбивающих копытами зерна [159; 156, с. 33 — 39, 44]. Зерна молотились каменными жерновами, зернотерками. Находки многочисленных орудий земледельческого труда, а также ямы для хранения зерна свидетельствуют о высоком уровне земледелия. Албания славилась необычайным плодородием виноградных лоз. Виноградарство Страбон особо отмечал в Албании [71, XI, 14, 4]. В стране было сильно развито садоводство — выращивали смоковницу (инжир), гранат, вишню, китровое (цитрусовое) дерево, персик, кизил, каштаны, грецкий орех, оливковые деревья (маслиновое дерево) [71, I, 14, 4; 45, I, 5; 17, с. 51; 29, с. 7; 32, с. 86; 117, с. 38]. Арабскими историками-географами упоминаются также шафран, тутовое дерево, лен. Население занималось также огородничеством — выращивало арбузы, тыкву. Удельный вес виноделия в сельском хозяйстве был самым большим. В этой связи особый интерес представляют свободные сосуды, несомненно служившие для разлива вина. Они встречаются главным образом в Алазанской долине, в Мильской степи и в кувшинных погребениях Мингечаура. Албания производила один из главнейших красителей — марену. «Марена растет во всем Аране от пределов Баб-аль-Абваба (Дербент), до Тифлиса» [32, с. 98].

В стране выращивали хлопок, чему благоприятствовали климатические и почвенные условия. По сообщению Каланкатуйского, хлопок изобиловал по берегам Куры (I, 5).

В катакомбных погребениях Мингечаура обнаружены семена хлопка и мотки хлопчатобумажных ниток [159, с. 74; 116, с. 68].

Таким образом, основное земледельческое население страны было сосредоточено в плодородных долинах Куры и Аракса, в предгорьях Малого и Большого Кавказа.

Здесь были экономически наиболее развитые области страны, общественный строй которых был ведущим. Важное место в жизни населения Албании занимало скотоводство.

Горные районы с альпийскими лугами, покрытые сочными травами, почти не знающие в зимнее время снега степные пространства Кура-Араксинской низменности и прикаспийские районы давали возможность для широкого развития отгонного скотоводства [391, с. 38 — 39].

Албания настолько славилась своими пастбищами, что армяне в поисках корма приходили со своими стадами на зимовку на землю албан (*Каланкатуйский*, I, 21). Согласно данным античных и раннесредневековых авторов, здесь разводили коз, овец, крупный рогатый скот, лошадей, свиней, верблюдов.

Роль охотничьего промысла в период раннесредневековья неуклонно падает и увеличивается производство крупного и мелкого рогатого скота. Об этой отрасли хозяйства Албании мы более подробно узнаем у Моисея Каланкатуйского, который отмечает разведение крупного и мелкого рогатого скота, коневодства (в том числе, верхового [*Каланкатуйский*, I, 5, 26; 253, с. 70]. Он также упоминает об особой породе белых лошадей.

Арабские географы Мукаддаси, Истахри, Ибн аль-Факих, Ибн-Хаукаль тоже отмечают наличие в Албании крупного и мелкого рогатого скота, мулов, лошадей, ослов. Большую роль, по-видимому, в раннем средневековье сыграли в скотоводческом хозяйстве собаки, так как в археологических раскопках выявлены остатки их костей [159, с. 79 — 80; 155, с. 119, 114].

Изучение археологического и этнографического материала показывает, что в раннесредневековой Албании разводились также верблюды, которые служили для перевозки товаров и верховой езды. Изготовление молочных продуктов в раннесредневековой Албании стояло на высоком уровне.

В скотоводческом хозяйстве пользовались глиняными, деревянными и кожаными маслобойками. Археологические и этнографические изыскания свидетельствуют о широком производстве и применении населением страны шерсти и кожи.

В раскопках Мингечаура, относящихся к III—VIII вв., обнаружены ножницы для стрижки овец, железные нож-

ницы выявлены и в катакомбных погребениях. Интересно отметить, что они до сих пор применяются в скотоводческом хозяйстве Азербайджана. Таким образом, вышеуказанные материалы показывают, что в связи с развитием мелкого рогатого скота в раннесредневековой Албании производство шерсти было на высоком уровне. Скотоводством занималось как полукочевое, так и оседлое население Албании. Скотоводство преобладало в нагорных районах, где господствовали более отсталые формы ведения хозяйства. Собственники огромных стад и табунов лошадей на обширных и высокогорных пастбищах вели свое хозяйство довольно отсталыми методами.

В хозяйственной жизни страны большую роль играло и рыболовство. Античные и арабские авторы, Моисей Каланкатуйский особо подчеркивают изобилие различной рыбы, которой славилась Албания. Албаны рыбу солили, сушили и на верблюдах возили в Персию. Из жира ее добывали какую-то целебную мазь и, главное, вываривая внутренности, изготовляли из них ценный осетровый клей. Это свидетельствует о высоком уровне хозяйственной культуры албан.

Ремесло. В результате роста производительных сил, развития и укрепления феодальных отношений, а также в связи с повышением роли городов в экономике Албании, произошли изменения в социальной структуре городов — появились свободные ремесленники, окончательно порвавшие связь с земледелием. Стало расширяться ремесленное производство, для развития которого была богатая сырьевая база и другие необходимые материальные ресурсы.

Албания славилась ткацким производством. Основным сырьем для ткачества служили шерсть, лен, шелк, хлопок [*Каланкатуйский*, II, 16; 149, с. 150; 391, с. 43]. Изобилие шелковицы на берегах Куры обеспечивало выделку разноцветных шелковых тканей [*Каланкатуйский*, I, 5; 253, с. 70]. Грена тутового шелкопряда была завезена из Китая. Основными красителями были морена, кошениль, а также листья, кора, корни и плоды растений [391, с. 43]. Наличие в Албании большого количества мелкого рогатого скота обеспечивало сырьем производство шерсти, шерстяных тканей, ковров, ниток. Археологами найдены глиняные пряслица, киргиды, ткацкие

станки, ковроткацкие станки (в Мингечауре, в городище Байлакан и в др. местах) [158, с. 91, 94]. Кроме албанского автора об изготовлении в Албании полотняных тканей, шелка, льна сообщают арабские географы Истахри, Ибн-Хаукаль, Иакут Хамави. Так, Истахри сообщает, что «из Барды вывозится много шелка. Червей шелковичных вскармливают на тутовых деревьях, не принадлежащих никому. Много шелка отправляется оттуда в Персию и Хузистан» [32, с. 87; 374, с. 18 — 181].

Письменные источники и археологические изыскания свидетельствуют о том, что страна издавна была одним из центров металлургии и производства металлических изделий, утвари. В раннем средневековье эта отрасль хозяйства находилась на высоком уровне. Существовало несколько центров по производству металлических изделий: нынешние Кедабекский, Ширванский, Карабахский, Шеки-Закатальский, Кубинский и другие районы. Была развита добыча железа, меди, золота, серебра (*Каланкатуйский*, II 16). Выработана специальная техника добычи и обработки металла: холодная и горячаяковка, припайка, литье и чеканка [116, с. 70; 117а, с. 9; 117, с. 46]. Археологами выявлены различные формы для отливки металлов и орудий производства. Было развито производство железных предметов военного и хозяйственно-бытового назначения — железные кинжалы, мечи, ножи, серпы, плуги, топоры и др.

Высокого мастерства достигли мастера-ювелиры, изготавливающие золотые, серебряные, бронзовые украшения — серьги, браслеты, диадемы, кольца, ожерелья, пояса. Существенное место занимало в Албании производство утвари из драгоценных металлов и бронзы: пиал, тарелок, кувшинов, ваз, блюд, сахарниц. Памятники тореvтики (художественной металлообработки), выявленные в археологических комплексах, представлены образцами импорта и местного производства, созданных под влиянием привозных сасанидских образцов. Драгоценная утварь — предметы тореvтики имели сравнительно широкое употребление в быту местного населения [237].

В Албании одним из видов ремесла было гончарное производство. В результате археологических исследований было выявлено множество керамических изделий

различного типа и назначения. Они найдены в основном в Мингечауре, Кабале, Шемахе, Торпагкале (Кахский район), Шергяхе (Шемахинский район), Худжбале (Кубинский район) и в Исмаиллинском районе. Привлекают внимание гончарные горны и гончарные печи двухъярусного типа четырехугольной формы. Согласно данным албанского автора Моисея Каланкатуйского, албанские гончары изготавливали «разные драгоценные царские сосуды» [*Каланкатуйский*, I, 23; 253, с. 70; 123, с. 152]. Ювелиры украшали эти сосуды золотом, серебром и драгоценными камнями [253, с. 70]. Это подтверждают и арабские географы [32, с. 99; 123, с. 167]. Надо отметить, что с III в. н. э. в технике изготовления керамических изделий наблюдается резкий упадок, что исследователи толкуют по-разному. Одни считают это следствием войн и нашествием кочевников, увозом гончаров в чужие страны [159, с. 34 — 35], другие видят причину в смене экономической формации: в развитии феодального способа производства [328, с. 5]. Многочисленные стеклянные, металлические и деревянные изделия (сосуды, а также другие предметы бытового назначения), драгоценная утварь, выявленные в археологических комплексах Албании данного периода, дают основание предположить, что гончарные изделия в быту албан как устаревшие были вытеснены упомянутыми изделиями. Гончарные изделия находили применение в хозяйстве и быту низшего сословия. Высокого уровня достигли в стране деревообрабатывающее, кожевенное, камнерезное ремесла. Последнее находило применение в архитектуре, при изготовлении гемм, бус, зернотерок [161, с. 133 — 134; 337, с. 105, 109; 117, с. 58, 59], а также в производстве стекла (стеклянных предметов бытового и алхимического назначения: графины, кувшины, пиалы, бокалы, сахарницы, флаконы, бусы и др.). Археологами выявлены в Амарасе (Агдамский район), в Торпагкале (Кахский район) стекловаренные печи [321а, с. 106]. Албаны были известны также как искусные мастера резьбы по дереву и кости.

Итак, письменные и археологические данные дают возможность говорить о высоком уровне ремесленного производства и различных его отраслях в III — VII вв.

§ 4. Города

Проблемы городов раннего средневековья, возникновения и становления их социальной структуры являются актуальными как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке. В последнее время средневековые города Переднего Востока, Средней Азии явились объектом внимания советских ученых [137].

Проблема городов Албании (Кабала, Байлакан, Нахичевань, Шемаха, Дербент) изучена в специальных работах Г. М. Ахмедова, Р. Мамедова, И. А. Бабаева, Г. А. Джидди, А. А. Кудрявцева, М. Х. Гейдарова, а также частично отражена в исследованиях К. В. Тревер, З. М. Бунятова, С. Ашурбейли [117; 249; 124; 193; 240; 241; 149; 173].

Период раннего средневековья Албании характеризуется ростом городов, где наряду с процессом развития (отстраивания) старых городов (Кабала, Нахичеван, Дербент) шел процесс возникновения новых городов (Барда, Байлакан и др.), а также оживлением городской жизни. В этот же период в Армении наблюдается упадок городской жизни, что объясняется разложением центрального государства — постоянного покровителя городов, постепенным ослаблением политической власти, а в 428 г. совершенным упразднением царской власти. Это, в свою очередь, положило начало усилению центробежных устремлений армянских феодалов и борьбе между нахарарами и городами, ослаблению последних, ослаблению торговых связей между странами.

В Албании же, где феодальные отношения развивались в условиях сильной политической центральной власти (наличие царской власти до VI в., а после — наличие власти великих князей Михранидов), которая, будучи заинтересованной, ощущала материальную необходимость в городах, поддерживала их, так как могла использовать их в борьбе с феодалами. У вновь феодализирующей знати также появляется интерес к освоению новых пожалованных земель — все это приводит к процветанию городской жизни, поддержке старых городов и появлению новых. Что касается торгово-ремесленной верхушки в городах Албании, то и она была заинтересована в сильном государстве с сильной центральной властью, обеспечивающей бесперебойную торговлю. Таким обра-

зом, города Албании в период раннего средневековья продолжали быть опорой албанских Аршакидов, а впоследствии албанских Михранидов.

Для Албании характерным типом были города, возникшие на магистральных путях международной транзитной торговли. К ним относились Барда, Дербент, Кабала, Чола, Байлакан. Эти города были крупными административными и торгово-ремесленными центрами. Они именовались в источниках «великими» и «славными» [*Каланкатуйский*, II, 4, 10; 149, с. 148]. Другой тип городов — это центры ремесленного производства и торговли, расположенные в местностях, замкнутых и отдаленных от торговых магистралей. К таким городам относились Шаки, Шамхор, Гардман, Нахичеван и др. Эти города являлись в то же время крепостями, где располагались военные отряды [149, с. 148]. И третий тип — это города земледельческого характера. Они являлись административными центрами феодальных областей, но не были городами в социально-экономическом смысле [149, с. 148]. К ним можно отнести поселения Гяуркала (Агдамский район) [157, с. 167 — 182], Торпагкала (Кахский район) [160, с. 201 — 211; 169, с. 57 — 69], Мингечаур и ряд других. К городам первых двух типов примыкали сельские округа, население которых занималось сельским хозяйством [374, с. 251; 391, с. 99]. В этот период были известны такие города как Дербент, Чола, Шабран, Шемаха, Шаки, Кабала, Шамкир, Барда, Байлакан, Халхал, Амарас, Нахичеван.

Став столицей или резиденцией династий, город в своем экономическом развитии опережал другие города. В столице концентрировались основные военные силы правителей. Города же, ставшие политико-административными центрами, нередко пользовались привилегиями экономического характера [173, с. 30].

Что же касается политической структуры городов Албании, то согласно данным Моисея Каланкатуйского [I, 19, 23], они управлялись своими местными правителями (гордзакал). Видимо, имело место так называемое городское собрание с участием всех жителей города, которое принимало решение в острых политических ситуациях (*Каланкатуйский*, II, 11).

Столицей Албании была Барда (Партав). Находящаяся на перекрестке важных караванных путей из

Ирана, Средней Азии, Южного Азербайджана, Армении, Грузии, Арабских стран, Византии [173, с. 34], Северного Кавказа она становилась одним из крупнейших торговых центров Ближнего и Среднего Востока. Барда (Партав) одновременно была главным городом крупной области Ути. В раннем средневековье она становится политическим, религиозным и культурным центром Кавказской Албании. Барда была местом пребывания последних албанских Аршакидов, великих князей Михранидов и с V в. — албанского католикоса. Согласно Каланкатуйскому и арабским авторам, Барда была построена в V в. албанским царем Ваче [45, I, 15; 149, с. 158]. Она была торгово-ремесленным центром. Отсюда вывозили шелковичных червей, коконы, много шелка, инжира, марену и т. д. Во время персидско-византийских войн в 628 г. Барда была разрушена союзниками Византии хазарами. Город был восстановлен только при первом омейядском халифе Муавие (661 — 680) правителем Арана (Албании) Абд ал-Азизом ибн Хатимом [149, с. 158].

При Аббасидах (в 752 г.) Барда, отторгнутая «от князей албанских», стала столицей вилайета Аран и с этого времени перешла под полный контроль арабов. В правление халифа Мансура в Барде имелся свой монетный двор, где чеканились монеты со штампом «Барда» [149, с. 159]. Много ярких страниц оставили арабские географы IX — X вв. о Барде, крупнейшем городе Закавказья, достигшей своего наивысшего расцвета при Аббасидах. Арабские авторы именуют Барду главным городом Арана, сообщают о его прекрасных строениях из обожженного кирпича и гипса, о великолепных рынках, ремесленном производстве; особенно о шелкоткацких изделиях [173, с. 34; 130, с. 34; 364, с. 52]. В X в. в результате внешних вторжений, а также перемещения главных транзитных путей с севера на юг и других экономических причин, город стал приходить в упадок [173, с. 35].

Одним из значительных городов Албании была Кабала. Она возникла в конце IV в. — в начале III в. до н. э. и просуществовала до XVIII в. До V в. Кабала была столицей Албании, местопребыванием албанских царей, албанского архиепископа. Но и после перенесения столицы в г. Барду Кабала продолжала оставаться одним из крупных политико-административных, церков-

но-административных (архиепископство), торгово-ремесленных и культурных центров страны.

В результате многолетних археологических работ, которые начались с 1958 г., выяснилось, что наиболее древняя часть города (IV в. до н. э. — I в. н. э.) была расположена в междуречье Карачая и Гочаланчая. С конца I в. до середины XVIII в. город был расположен на высоком холме в междуречье Карачая и Джовурлучая. Цитадель города занимает площадь более 25 га, укреплена мощными оборонительными сооружениями и искусственным рвом. Она была разделена на северную часть, называемую Сельбиром, и южную — Калой (крепость). До IX в. жили в основном на территории Сельбира, а в IX в. на территории Калы [124, с. 64 — 65; 122, с. 32 — 35]. При раскопках были выявлены остатки многочисленных жилых и общественных сооружений, предметов ремесленного производства, монет, булл. Здания были построены из камня, сырцового и обожженного кирпича и украшались рельефным геометрическим орнаментом из глины, иногда покрытой глазурью [122, с. 34]. Здания покрывались высококачественной черепицей, что свидетельствует о развитом строительном искусстве [124, с. 65].

Одним из значительных городов раннесредневековой Албании был Дербент (Чола), который известен не только как главный оплот албан, оплот Сасанидов на Кавказе, но и как значительный средневековой город, один из крупнейших торгово-ремесленных и политических центров. Ключевые позиции Дербента на одном из важнейших торговых путей древнего мира, особое военно-стратегическое значение при албанских правителях и при Сасанидах способствовали его быстрому развитию. В VI в. Дербент становится известен как город с четко выделенной внутренней структурой и топографией [241, с. 105]. В источниках Дербент назван «великим городом» (*Каланкатуйский*, II, 4, 11). «крепостью» (*Себеос*, III, 35), «городом Чорского прохода, великой твердыней, построенной среди моря» [335, с. 30].

Становление Дербента городом происходило путем превращения военно-политического оплота, стратегического пункта албанских правителей и сасанидских царей в значительный административный центр (местопребывания большого гарнизона) с дальнейшим развитием его

в средневековый торгово-экономический центр [241, с. 107 — 108]. В этом превращении большую роль сыграла строительная деятельность сасанидских царей, о чем красноречиво сообщает албанский автор: «Но он видел, что произошло с защитниками великого города Чола (Дербента) и с войсками, находившимися на дивных стенах, для построения которых цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным» (*Каланкатуйский*, II, 11).

Масштабы фортификационного строительства требовали длительного скопления здесь множества рабочих самых различных профессий. Результаты археологических исследований показали, что все оборонительные сооружения этой длинной стены «выполнены с наружной облицовкой из тщательно обработанных каменных блоков, добытых и привезенных сюда из дербентских карьеров, тогда как забутовка сделана из местного камня» [241, с. 109]. Основными ремесленными отраслями города были ткачество, металлообработка, металлургия, стеклоделие, гончарное производство, которое находит себе широкую аналогию не только в посуде памятников Ближнего Востока и Закавказья, но в керамике Средней Азии [241, с. 109 — 110, 114 — 115].

Дербент имел четко выделенную внутреннюю структуру. По площади городской территории (около 150 га) он значительно превосходил многие крупнейшие ранне-средневековые города Переднего Востока, Закавказья и Средней Азии. Общая же площадь заселенной территории города (без учета приморского района) достигает, согласно археологическим данным, 26 — 27 га, что составляет около $\frac{1}{8}$ пространства, обнесенного стенами города [241, с. 115]. В Дербенте четко выделяются две составные части города: цитадель и собственно город. Цитадель, называемая в настоящее время Нарын-кала, занимала особое место — это резиденция правителя города, местопребывание его двора и гарнизона, административный, военно-политический и культурный центр [241, с. 117 — 118]. Мощные стены толщиной до 2,5 — 3,5 м, достигающие на отдельных участках высоты 20 — 25 м, делают ее неприступной крепостью [241, с. 118]. Раннесредневековый Дербент не имел еще одной части

городской структуры — пригорода (рабада). Таким образом, огромная огражденная стенами территория вполне давала возможность расти и развиваться городу на значительном пространстве.

Особое положение в структуре городского общества занимали воины, составляющие прослойку между господствующим классом городской аристократии и низшими слоями мелких торговцев и ремесленников. Для охраны границы Сасаниды поселяли в Дербенте военных колонистов, наделяя их землей [241, с. 120 — 122]. Дербент известен и как культурный центр, один из главных христианских центров на Восточном Кавказе. Согласно сведениям Каланкатуйского (II, 4), здесь находился католикос христианской церкви Албании.

Дербент в течение длительного периода был ареной ожесточенных арабо-хазарских войн. В силу своего стратегического положения Дербент сохранился и был превращен арабами в крупнейший опорный пункт халифата на Кавказе, в важнейший политический и идеологический центр.

Известными городами были Нахичеван, Байлакан, Шемаха, которым, как было отмечено, посвящены специальные исследования, а также города Шаки, Шамкир, Шабран, Халхал, Амарас.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АЛБАНИИ
В IV — VIII ВЕКАХ

§ 1. Установление феодализма в Албании

Албания была одной из стран Закавказья, где феодальные отношения зародились очень рано. Проследить истоки зарождения феодального способа производства весьма трудно, так как эта проблема тесно связана с еще более спорными вопросами общественной структуры предшествующей эпохи.

Разнообразие природных условий, специфика отдельных регионов, естественно, выразились в неравномерности общественного развития отдельных частей Албании. Рядом с областями, где существовали предпосылки для зарождения более прогрессивных форм общественного развития, были районы, в которых природные условия способствовали сохранению отсталых форм скотоводства. По письменным источникам можно проследить развитие и специфику раннефеодальных отношений в экономически наиболее развитых областях страны, общественный строй которых был ведущим.

Исследование позволяет сделать вывод, что среди укладов преобладающим, имеющим тенденцию стать господствующим был феодальный. Рабовладельческий уклад, несомненно, существовал в Албании, но в форму так и не перерос.

В источниках «нет данных ни об уменьшении роли рабовладельческого уклада, ни об изменении рабского статуса, ни тем более о кризисе рабовладения» [316, с. 184]. В основных чертах оформились главные сословия феодального общества — азаты и шинаканы. Шинаканы — это свободные крестьяне-общинники, основные производители материальных благ. Формирование феодально-зависимого крестьянства происходило главным образом путем эволюции сельской общины, путем постепенного закабаления ее членов и сближения их с различными другими ранее существовавшими несвободными людьми при известной роли рабовладельческого уклада.

На протяжении многих предшествующих веков об-

щины постепенно попадали под власть государства (налоги и подати государству и ряд повинностей) и через его посредство — знати. Этому способствовала политика албанских царей и персидских, которые широко раздавали села, области своим вассалам — азатам, нахарарам. Процесс этот продолжался в течение IV — VII вв. Моисей Каланкатуйский сообщает о многочисленных пожалованиях сел, областей представителям господствующего класса. Преобладающей формой эксплуатации крестьянства на раннем этапе феодализма были налоги и повинности в пользу государства, в период укрепления феодальных отношений становятся многочисленные натуральные подати в пользу светских и церковных феодалов, а также издольная аренда. Экономическая целесообразность натуральной ренты определялась условиями земледельческого производства, которые зависели от природно-экономической среды. С формированием классословия феодально-зависимого крестьянства, тесно связан процесс образования класса феодалов — азатов. Истоки класса феодалов также находятся в недрах предшествующего общества. Во-первых, происходил процесс выделения новой группировки знати из среды ранее свободных общинников и постепенное слияние этой знати с частью старой в единый класс — феодалов.

Во-вторых, царские правители областей — нахарары постепенно превращают свою должность в наследственную, получают право передавать ее от отца к сыну. В итоге из административного главы области они превращаются в подлинных князей-феодалов с правом феодальной собственности на землю области.

В IV — V вв. государственный земельный фонд постепенно сокращается. Значительная часть его принадлежала феодальным домам — патронимиям. Господствующее сословие — албанские феодалы — азаты в процессе углубления феодализации делились на ряд категорий, из которых высшими считались владельцы областей, округов. Дальнейшая поляризация социальных слоев албанского общества привела к тому, что в IV — VII вв. в Албании появился целый ряд феодальных политико-административных единиц — нахарарств (сеньорий).

С укреплением феодальных отношений вся власть нахарарства сосредоточивалась в руках главы феодальных патронимий. С VI в. среди терминов, означающих

главу нахарарства, преобладающим становится термин ишхан. По мере того, как власть главы нахарарства (азгапетов — нахапетов) приобретает все более политико-административный аспект, термины, восходящие к родовому строю (нахапеты, азгапеты) вытесняются термином ишхан, который полнее отражает положение феодального правителя. Титул ишхан означал «властитель», «владетель», «господин». Преобладание государственной формы собственности в период раннего феодализма вело к централизации государства, к расширению прерогатив царской власти как в области светской жизни, так и в церковной.

Албанский царь был законодателем и верховным судьей страны, возглавлял законодательный и совещательный орган светской и духовной власти, созывал церковные соборы, был главнокомандующим всеми военными силами страны. Отчетливо проявлялась тенденция к складыванию иерархической системы, отношений сюзеренитета и вассалитета. В Албании, как и в соседних Иране, Армении, Грузии, существовала феодальная иерархия, нашедшая отражение в «Разрядной грамоте» — Гахнамаке. Каждая феодально-азатская патронимия записывалась в этой специальной табели о рангах в очередности, соответствовавшей их мощи и значению. Первые десять патронимий считались старшими, остальные — младшими.

В том же порядке размещались главы каждой патронимии за царским столом. «Ранг и почет» патронимии определялись экономической мощью, политическим положением, количеством поставляемого войска. «Разрядная грамота» устанавливала порядок азатской иерархии, определяла место и положение каждой азатской патронимии в общественно-политической жизни страны. Азаты Албании были вассалами албанского и персидского царей, были обязаны поставлять воинскую силу, нести соответственно своему социальному рангу дворцовую службу или выполнять разные государственные административные функции во время войн. Они вместе с клиром были освобождены от подушной подати. За военную службу царям албанским и персидским азаты получали земельные пожалования. В IV — VIII вв. в общественном производстве Албании господствующими были феодальные отношения. Феодальное землевладение сложилось

в противоборстве государственной и частной форм собственности на землю. Государственная собственность ограничивалась собственностью на государственный домен (и в этом случае рента и налог совпадали) и собственностью на земли, находившиеся в служебном частном владении феодалов. В ранний период феодализма (приблизительно III — VI вв.) преобладала государственная (в лице царя) форма собственности на землю, частная же феодальная собственность формировалась в свою очередь из двух форм: 1) земельного наследственного владения, безусловной феодальной земельной собственности (техническое обозначение которой «дастакерт» — перс. термин). Эта форма земельной собственности возникла путем разложения общинного землевладения (аллод), а также раздачи земель государством представителям господствующего класса на вотчинном праве; 2) условного земельного владения (техническое обозначение которого «хостак» — перс. термин), которое возникло путем передачи государством представителям господствующего класса земель во временное держание, за несение вассальной службы. Условные пожалования «хостак» имели тенденцию к превращению в безусловные, в полную собственность «дастакерт».

Владельцами дастакертов были царский дом (патронимия), феодализирующаяся родовая знать (азаты, нахапеты, азгапеты), вновь сложившаяся феодальная знать (держатели вотчин — нахарары, ишханы) и часть сельской верхушки, которая выдвинулась при царских княжеских дворах. Держателями хостаков была мелкая военно-служилая знать (азаты — в узком смысле, перс. термин) и церковный клир.

В нашей историографии существовало мнение, будто в Албании существовала рабовладельческая латифундия (дастакерты, основными производителями которых были рабы), как в античном мире.

Наше исследование показало, что никаких данных, подтверждающих наличие рабовладельческих дастакертов, нет. Непосредственными производителями албанских дастакертов были крестьяне, арендаторы-издольщики.

Только рассматривая общество в целом, мы можем установить, каковы были тенденции его развития, какова была основная рабочая сила в хозяйстве и какая форма

эксплуатации определила экономическое, социальное и юридическое положение всех непосредственных производителей.

Феодальную формацию характеризует и политическая структура феодального общества, которая была выражением его социально-экономической структуры, связанной в своей основе с внеэкономическим принуждением.

Существенными признаками политической структуры феодального строя являются: крайнее дробление права собственности, дробление публичной власти, использование в собственных интересах прав, принадлежащих государству. Все эти атрибуты феодальной формации налицо в Албании.

§ 2. Албания при албанских Аршакидах

Исследование проблемы албанских Аршакидов и Албанского государства этого периода (I—VI вв.) имеет исключительное значение не только для истории Азербайджана, но и для решения важной проблемы Аршакидов вообще.

Как известно, политика персидских (парфянских) Аршакидов по отношению к подвластным странам Закавказья была не ровной и не стабильной. Степень зависимости подчиненных царств от центрального правительства аршакидской Персии была различной в разных царствах и в разное время [199, с. 195]. Во II—I вв. до н. э., в эпоху военного могущества, в условиях отсутствия сложившегося административного аппарата, с помощью которого можно было бы контролировать подвластные страны, единственно возможным решением для персидских Аршакидов было сохранение местной государственности, местных династий [223, с. 92—93]. Со временем, когда стал возрастать сепаратизм вассальных царств, центральное правительство аршакидской Персии прибегало к новой политике — политике устранения местных династий и передачи вассальных царств представителям Аршакидского дома. Так зародились боковые ветви Аршакидского дома, младшие Аршакиды в Персиде, Элимаиде, Атропатене, Гиркании, Индии, Армении [199, с. 190, 195; 223, с. 96—97], Грузии [133, с. 87], Махелонии [205, с. 55—56]. Время правления ветвей династии Аршакидов в

названных странах, за исключением Индии, синхронно — I в. н. э. Одна из аршакидских ветвей утвердилась и в Албании приблизительно в то же время. Основными источниками наших знаний об албанских Аршакидах являются Моисей Каланкатуйский, Фавстос Бузандаци, Елишэ, Хоренаци, Агафангел, «Жития святых» (агиографическое сочинение), «Джарынтир»^{41а}, Киракос Гандзакский, Мхитар Айриванеци. Относительно албанских Аршакидов в науке существует мнение, что албанская ветвь утвердилась в IV в., и что основателем ее был не Вачаган I Храбрый, как сообщает Каланкатуйский, а Санатрук [418, с. 471; 209, с. 310—311; 354а; 2536, с. 21]. М. Броссе считает, что Санатрука следует принять за албанского царя Аршакида и поместить в ряду албанских Аршакидов перед Вачаганом I Храбрым [418, с. 471]. По мнению С. Т. Еремяна, в Албании царствовала массагетская династия Аршакидов, которая, как он считает, утвердилась на албанском престоле в 338 г. [209, с. 314; 201, с. 88], т. е. С. Т. Еремян не признает наличие албанской ветви Аршакидов.

А. Е. Крымский считает, что албанские цари Аршакиды носили титул «эран-шах» или «эран-шахин», что слово «эран-шах» могло быть переделкой «аран-шах», в смысле «царь аранцев», «царь албан», т. е. согласно его мнению, Араншахики тождественны Аршакидам. [238, с. 290—291].

Совершенно иного мнения придерживаются Н. Акинян и Б. А. Улубабян. Так, Н. Акинян считает вымыслом «редактора» (Мовсеса Дасхуранци) список албанских аршакидских царей. Он указывает, что из царей албанских Аршакидов истории известны (а это означает, как он думает, упоминание в армянских источниках), лишь двое — Урнайр (IV в.) и Асуаген (V в.) [105, с. 80—96]. Что же касается Ваче II и Вачагана III, то они упоминаются лишь в «Истории албан» и потому, с точки зрения Н. Акиняна, являются плодом вымысла Дасхуранци [105, с. 7—8, 39, 63—64, 75]. Говоря об остальных албанских Аршакидах, Н. Акинян утверждает, что эти имена взяты в VIII—X вв. из поименного списка албанских дворян, т. е. опять же являются вымыслом [105, с. 11—12]. Таким образом, Н. А. Акинян полагает, что если данные Мовсеса Дасхуранци подтверждаются данными армянских источников, то они заимствованы Дасхуранци у

армянских авторов и в силу этого достоверны. А тем сведениям Дасхуранци, источник которых не выявлен, Н. Акинян отказывает в исторической достоверности.

Выводы Н. Акиняна лишены какой бы то ни было почвы. Свое недоверие к данным «Истории албан», к происхождению царствующего рода Албании и к ряду других вопросов Н. Акинян ничем не аргументирует, а потому его категорическое утверждение носит характер нигилистического отрицания.

Б. А. Улубабян в своей статье, специально посвященной царской династии Албании, пытается, по существу, «разрешить» два больших вопроса — «о существовании» в период раннего средневековья двух Албаний — «собственно Албании» (закуринской левобережной) и Албании, «вступившей в состав Великой Армении» (правобережной), а также вопрос об албанских царях. Концепции Б. Улубабяна совершенно не аргументированы [380, с. 53 — 60]. С точки зрения Б. Улубабяна, не правы Моисей Каланкатуйский, а вслед за ним и Мхитар Айриванеци, которые сместили, как он считает, представителей различных родов и административных единиц и представили их в качестве правителей единой Албании (левобережной и правобережной). Ошибаются А. Е. Крымский, и все те, которые основываются на этой путанице, смешении списка правителей Каланкатуйского, беспочвенно утверждает Б. Улубабян. Он полностью согласен с бездоказательным мнением Н. Акиняна [380, с. 53 — 57]. В отличие от Н. Акиняна он решает «уточнить», кто из «немногочисленных царей Албании» владел левобережной Албанией, а кто — правобережной. Игнорируя полностью данные албанского автора Каланкатуйского, создав искусственную модель наличия двух Албаний, основываясь только на данных Тацита и Агафангела о том, что четвертый представитель Аршакидского дома получает владычество над царством маскутов, идентифицируя это маскутское царство (не имея на то никаких оснований) с «царством» левобережной Албании, Б. Улубабян сообщает, что в этой части Албании в I в. н. э. утвердились массагетские Аршакиды. По схеме Б. Улубабяна, эти Аршакиды продержались только до 428 г., ибо по логике автора они «должны быть» упразднены одновременно с армянскими Аршакидами [380, с. 60 — 62]. Представителями массагетских Аршакидов, царствующих в левобережной

Албании, как считает Б. Улубабян, были Ваचाган Храбрый, Урнаир, Есуаген. Что же касается правобережной Албании, то здесь Б. Улубабян в соответствии с придуманной им моделью воцаряет Араншакидов, представителями которых были Аран, Вачаган Благочестивый. Б. Улубабян сместил события во времени и пространстве. Свое мнение по поводу двух Албаний мы обстоятельно изложили в главах I и II. В данной главе мы попытаемся исследовать вопрос об основателе албанской ветви Аршакидов, а также рассмотрим правление некоторых из ее представителей.

К. В. Тревер [374, с. 145], а вслед за ней К. Туманов [443, с. 87] считают, что албанские Аршакиды утвердились в I в. н. э. и продержались с помощью иранских Аршакидов до VI в., «когда албанская монархия была уничтожена Ираном и страна была отдана иранским наместникам» [443, с. 87].

Теперь рассмотрим данные источников по интересующему нас вопросу. Каланкатуйский сообщает, что парфянин Валаршак назначил над жителями Албании князя и правителей, «главою всех их был поставлен по велению Валаршака некто из рода Сисакан из потомков Йафета (Аран), который наследовал поля и горы Албании от реки Ерасха до крепости Хнаракерт... Из храбрых и знаменитых потомков этого же Арана, говорят, парфянин Валаршак назначил воеводу над страной... От детей его, говорят, произошли народы Утийского, Гардманского, Цовдийского и Гаргарского княжеств» (1, 4). У Хоренаци читаем, что *армянский царь Валаршак* назначает Арана наместником страны северо-восточной, великой, славной и густонаселенной, близ большой реки, прорезывающей великую равнину и называемой Курой. «Но знай, что я забыл в I-й книге упомянуть об этом великом и именитом роде, т. е. о роде Сисаке, которому выпала в наследство Албанская равнина с ее горной частью, начиная от реки Ерасха до крепости, называемой Хнаракертом...» (*Хоренаци*, II, 8). Из этих текстов очевидно, что Аран — эпоним албан был не Аршакидского рода, а происходил из рода Сисака (Сисакана — Сюника).

Что же касается албанских царей Аршакидской династии, то Каланкатуйский сохранил отдельный их список, в котором насчитывается десять царей: «Неизвестно число дней от Арана до храброго Вачагана, который

происходит от великого рода Аршакидов. Вот имена царей, владевших Албанией по порядку: Вачаган Храбрый (I), Ваче (I), Урнаир, Вачаган (II), Мирхаван, Сатой, Асай, Асуаген, Ваче (II), после него Вачаган Благочестивый (III) царь албанский» (*Каланкатуйский*, I, 15). Из данного списка также видно, что Аран — не Аршакид. Очевидно, на смену местной династии приходит Аршакидская ветвь. Что десять царей, зафиксированных в списке, являются Аршакидами подкрепляется и другими данными албанского автора: «От Вачагана Храброго I до Вачагана Благочестивого третьего было десять царей. После смерти его род этот (азгн) стал ослабевать и князья из рода Михран, из племени Сасанидов, прибыв из Персии, утвердились в Албании» (*Каланкатуйский*, III, 23). Это можно проследить и в другом фрагменте: «Патриции из племени Кароян, которые поселились в области Азбед по повелению Вачагана Благочестивого, предки их Вачаган Храбрый, Ваче, и те, которые по порядку следуют в этой книге» (*Каланкатуйский*, III, 10). Из рассматриваемых текстов также очевидно, насколько неправомерно расчленять список албанских царей по своему произволу и относить часть из них к Араншахикам, а часть — к Аршакидам, как это делает Б. Улубабян.

В приведенных фрагментах, как мы видели, также отсутствовало и имя Санатрука, в котором некоторые исследователи видят основателя албанских Аршакидов.

Санатрук — это историческая личность, связанная с нашествием северных народов на Армению, о котором помимо албанского историка, именующего его Санесан — Санатрук, сообщают и армянские историки — Фавстос Бузандаци (Санесан), Мовсес Хоренаци (Санатрук), Киракос Гандзакский и другие поздние историки. Следует оговорить, что вопрос о нашествии северных народов на Армению под предводительством Санатрука (Санесана) подробно освещен в работе К. В. Тревер [374, с. 188 — 197]. Она анализировала, сличала тексты источников, выявила их противоречия, определила историческую достоверность отдельных сообщений и пришла к заключению, что в 30-х годах IV в. имели место военные действия северных народов против Армении под предводительством родственника армянских Аршакидов по имени Санесан или Санатрук. В истории борьбы Армении с Сана-

труком К. В. Тревер усматривает два последовательных этапа, описанных у Мовсеса Хоренаци и Моисея Каланкатуйского, а у Фавстоса Бузандаци, по ее мнению, излагаются только события второго этапа [374, с. 188]. К. В. Тревер приходит к убеждению, что нашествие северных народов — маскутов — не затронуло Албанию [374, с. 197].

В нашей работе мы попытаемся уточнить (конкретизировать) дату нашествия Санатрука (Санесана) и позволим себе оспаривать мнение, утвердившееся в официальной литературе о том, что основателем албанской Аршакидской ветви является Санатрук (Санесан), представитель массагетской ветви Аршакидов [209, с. 310 — 311].

Первое упоминание имени Санатрука связано с именем Григориса, внука Григория Просветителя, с его миссионерской деятельностью в Албании, Иберии и стране маскутов. В этой связи мы рассмотрим тексты, где засвидетельствовано имя Григориса с Санатруком, так как не все рассматриваемые нами отрывки были приведены К. В. Тревер.

Коротко изложим события, связанные с Санатруком и Григорисом, по Фавстосу Бузандаци и Моисею Каланкатуйскому, ибо их сообщения наиболее близки.

По словам Моисея Каланкатуйского, Григорис, сын Вртанеса, внук Григория Просветителя «в пятнадцать лет рукоположенный в епископы Албании и Иберии, просвещал обе страны ... строил церкви по городам и селам, рукополагал переев» (*Каланкатуйский*, I, 14). Фавстос Бузандаци сообщает: «...в пятнадцатилетнем возрасте он достиг степени епископа над иверской и албанской странами, то есть до пределов маскутов. Прибыв туда, он восстановил церкви, установив просветительные порядки...» (*Бузандаци*, III, 5).

Далее у Моисея Каланкатуйского имеется отрывок, отсутствующий у Фавстоса. Так, он сообщает, что Григорис взял с собой «частичку из крови великого первосвященника и мученика Захария, отца Иоанна, и мощи Св. Панталеона, который увенчался в г. Никомедии. Он увез св. мощи мучеников в великий город албанского владычества Цри, построил маленькую церковь и положил в ней частичку крови Захария и мощей Св. Панталеона» (*Каланкатуйский*, I, 14). Далее сведения Фавстоса Бу-

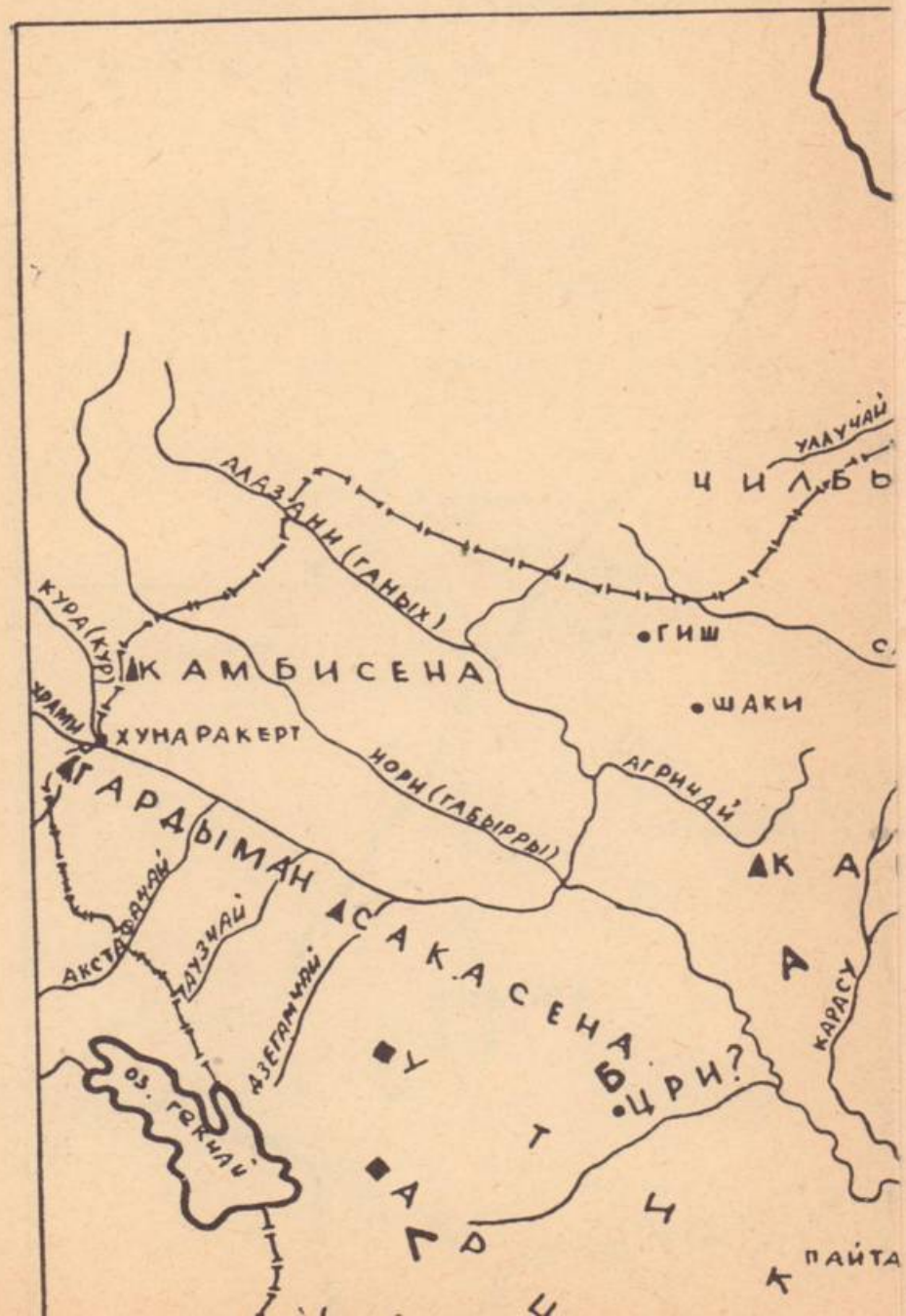
зандаци и Моисея Каланкатуйского совпадают. Оба источника сообщают об отправлении Григориса из Албании к маскутам. Фавстос пишет: «Приведя в порядок и восстановив все церкви, находящиеся в тех краях — странах [в Албании и Иберии — Ф. М.], он прибыл в стан аршакидского царя маскутов, имя которого Санесан, ибо и их цари, и армянские цари были одного и того происхождения и рода» (Бузандаци, III, 6). Вот как повествует Моисей Каланкатуйский: «Взяв с собой другую половину мощей Св. Захария и Панталеона, он отправился в страну маскутов и предстал пред Санатруком, царем маскутов, единоплеменника Аршакидов» (Каланкатуйский, I, 14).

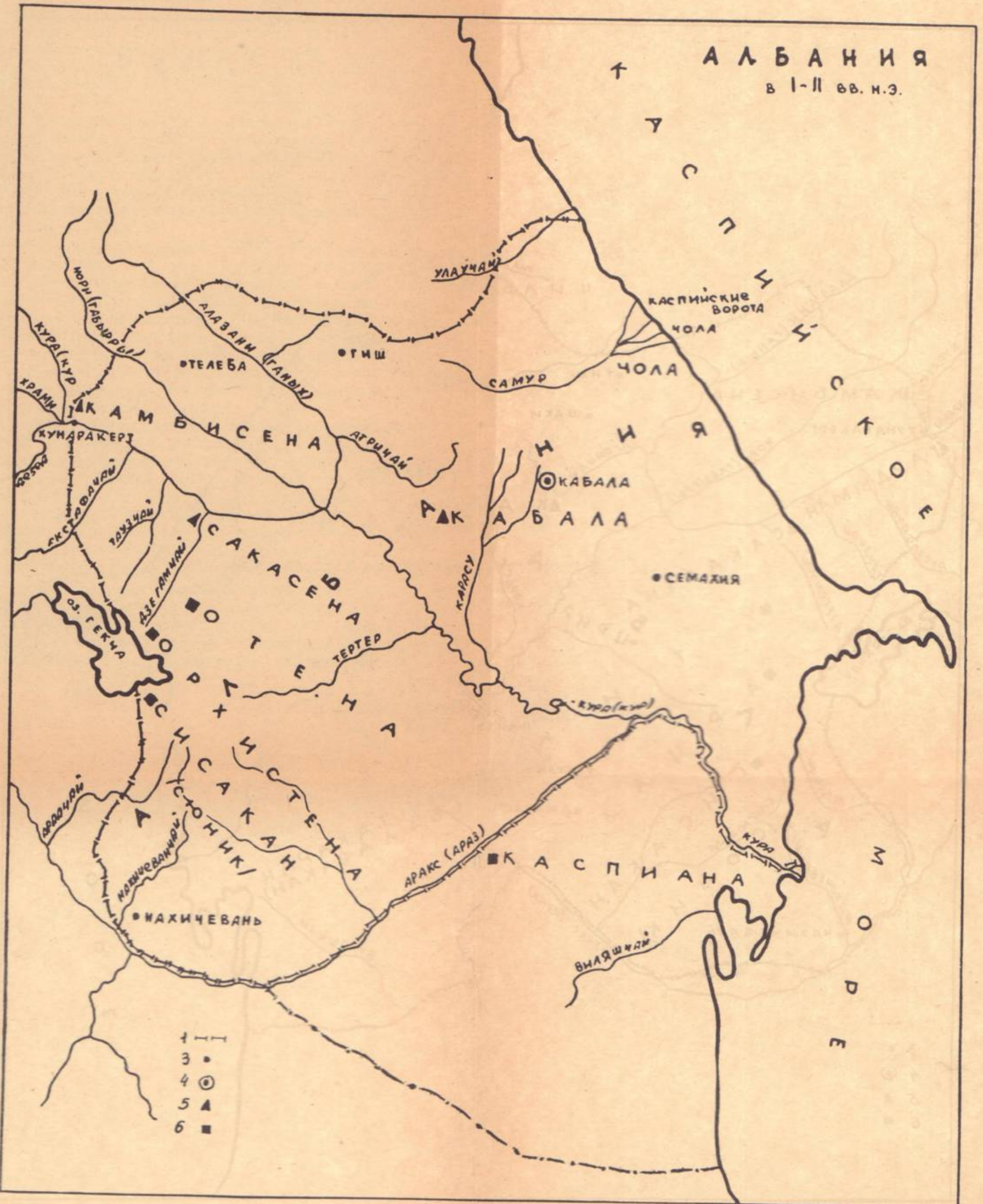
Следует обратить внимание на то, что албанский историк считает Санатрука просто единоплеменником Аршакидов, не поясняя каких именно — старших или младших, в то время, как Фавстос сообщает, что маскутские цари и армянские цари были одного происхождения.

Далее оба историка сообщают, что Григорис проповедовал у маскутов христианство вначале успешно. «Сперва они (маскуты) послушались, приняли и подчинились» (Бузандаци, III, 6). У Моисея Каланкатуйского несколько иначе: «...с радостью принимали и веровали не первый раз евангельскому слову» (Каланкатуйский, I, 14).

Затем эти же источники свидетельствуют, следующее. Когда маскуты узнали, что христианское вероучение преследует (запрещает) «грабежи, хищничество, убийство, жадность, страсть к чужому имуществу, они обозлились» и нашли, что это козни армянского царя, который решил с помощью христианского учения пресечь грабительские набеги маскутов на Армению (Бузандаци, III, 6; Каланкатуйский, I, 14). Они решили убить Григориса. «Давайте изыдем его и совершим набег на Армению. И царь изменил свою мысль и внял словам своего войска» (Бузандаци, III, 6). «Они привлекли царя к своему злобному лукавству» (Каланкатуйский, I, 14).

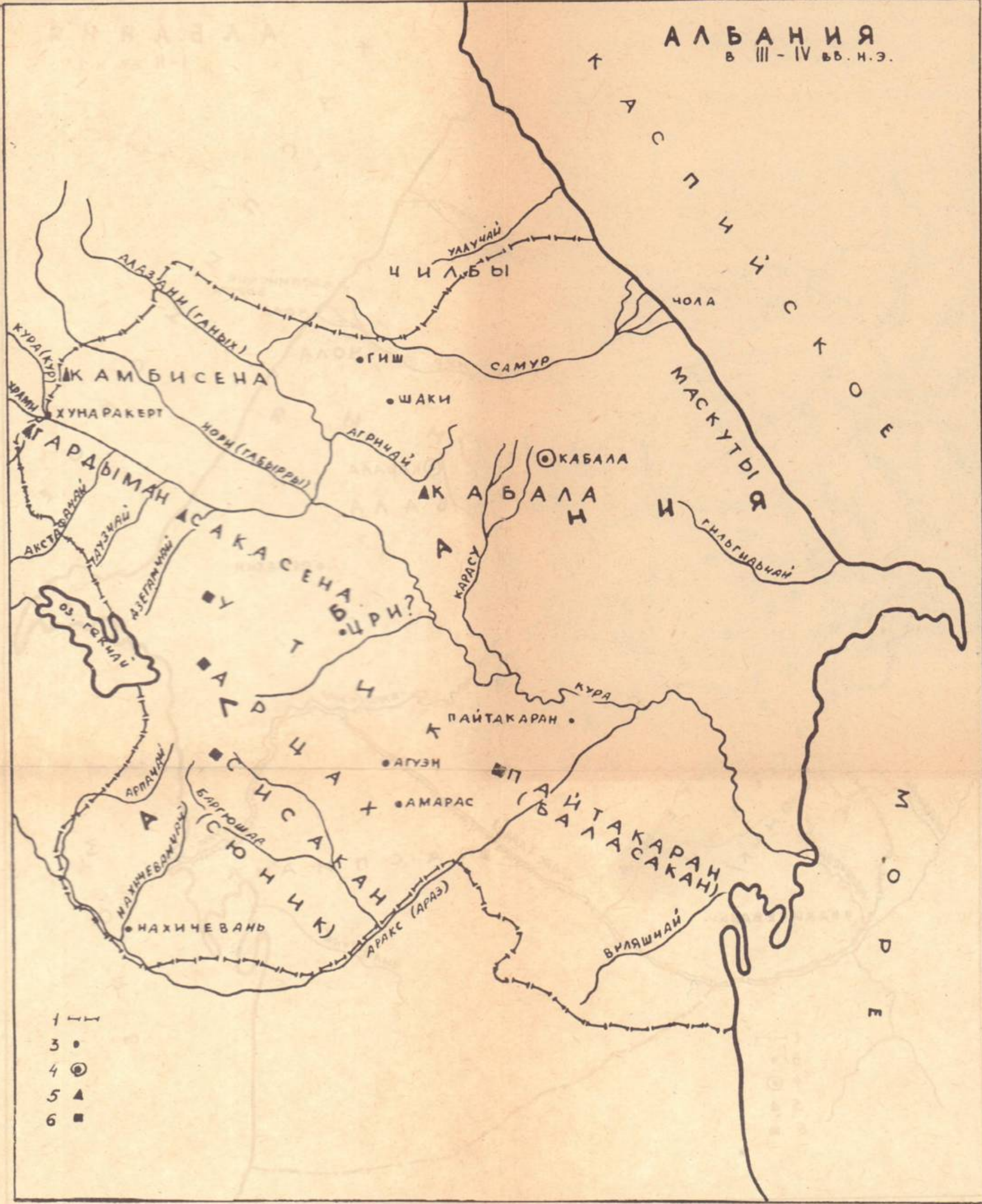
Из приведенных отрывков совершенно очевидно, что маскуты имели злое намерение лишь против Армении. Оба историка утверждают, что Григориса привязали к хвосту дикой лошади и пустили по полю Ватнян и погубили его (Бузандаци, III, 6.; Каланкатуйский, I, 14).

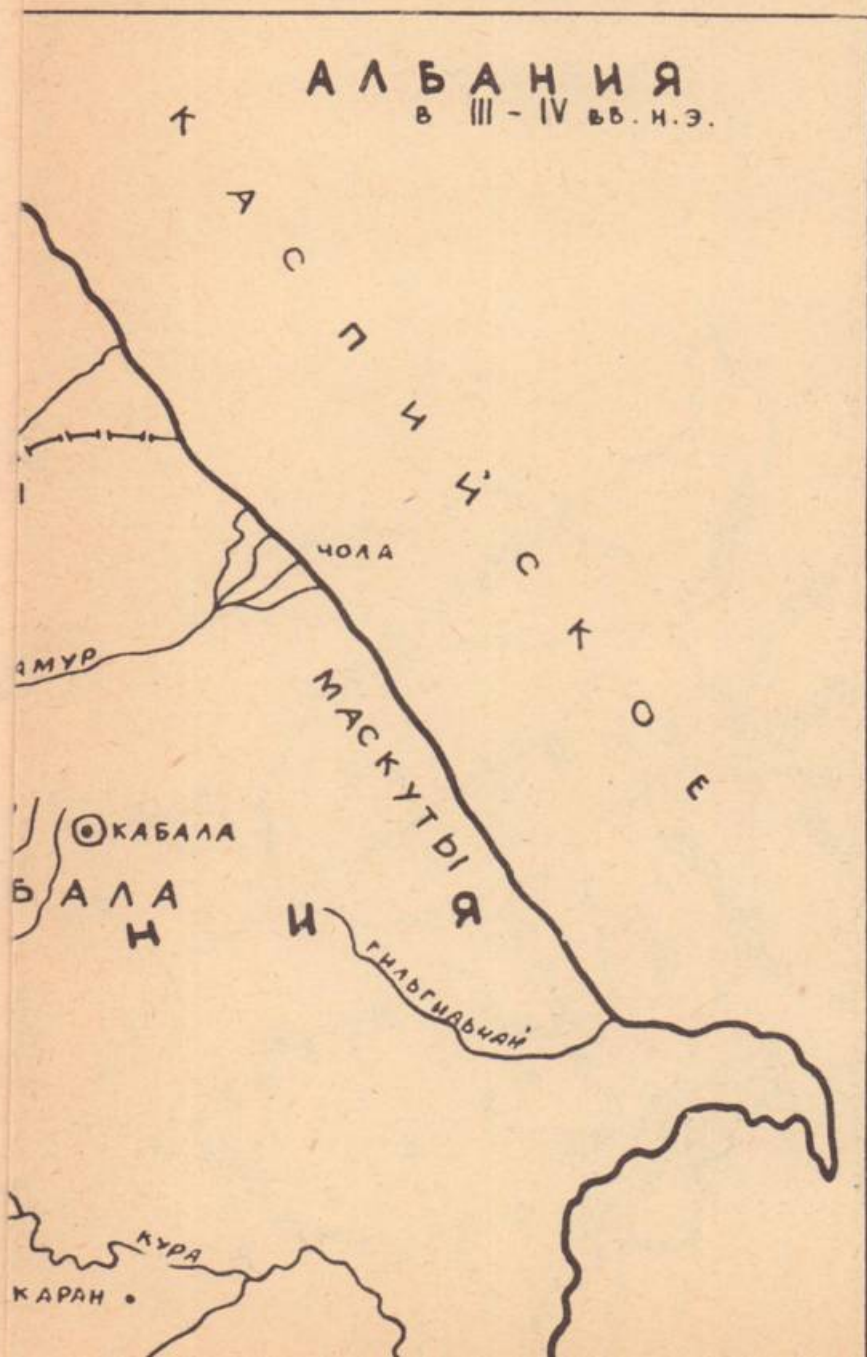

Карта 3. Албания в I—II вв. н. э.

АЛБАНИЯ
в III - IV вв. н.э.

Карта 4. Албания в III—IV вв.
(Обозначения те же, что и на карте 2).

Итак, из сопоставления текстов двух источников обнаруживается сходство по смыслу, но не по стилю. Вместе с тем у Каланкатуйского есть данные, отсутствующие у Фавстоса Бузандаци. Таково, например, сообщение албанского историка о наличии у Григориса мощей Св. Захария и Св. Панталеона. Это сообщение весьма существенное, так как преследует цель возвеличить албанскую церковь наличием в ней мощей таких глубоко чтимых всеми христианами столпов христианства, как Захария — отца Иоанна Крестителя и Панталеона, великомученика Христа, умерщвленного в Никомедии при Максимилиане (285 — 305). Видимо, эти имена противопоставлены албанским историком именам Св. Иоанна и Св. Афанасия, мощи которых принес в Армению Св. Григорий. Н. Акинян по этому поводу полагает: «Быть может предпочтение угодника исходит от агванского монастыря Панта, что был устроен в Иерусалиме. Слово «Панта» этимологически объясняется как сокращенная форма Панталеона» [105, с. 69].

Существенным дополнением является также сообщение Каланкатуйского о том, что Григорис «...получил двойное достоинство сверх естественной высоты деда своего великого Григория, принял сан и престол первосвященника» (*Каланкатуйский*, I, 14)⁴². Интерес представляет и такое добавление албанского историка: «[Маскуты] ...веровали не в первый раз евангельскому слову» (*Каланкатуйский*, I, 14). Автор имеет в виду, видимо, проповедническую деятельность Св. Елише и других предшественников Григориса.

Из двух историков близок по времени к описываемым событиям, как известно, Фавстос Бузандаци (V в.). Из вышеприведенного можно сделать следующие предположения — либо Моисей Каланкатуйский пользовался трудом Фавстоса и, будучи албанским историком, интерпретировал факты по своему, либо оба историка черпали сведения из другого общего источника, или же, у Каланкатуйского кроме Фавстоса был другой источник.

Особняком от текстов двух источников стоят сообщения Мовсеса Хоренаци. О событиях, связанных с появлением Григориса у маскутов, о маскутском царе, о маскутах, у Хоренаци сведений нет. По словам Хоренаци, к армянскому царю Трдату III обратились *правители северо-восточных областей, правители отдаленного горо-*

да Пайтакарана и просили послать к ним епископа из рода Св. Григория. Трдат согласился, как сообщает Хоренаци, и послал к ним юного Григориса, сына Вртанеса с родственником своим Санатруком Аршакидом (*Хоренаци*, III, 3). Далее Хоренаци пишет: «Григорис, прибыв на место, явил собою добрый пример, следуя добродетели отцов своих, он даже превосходил их целомудрием... Когда пришла весть о кончине Трдата, по козням самого Санатрука и некоторых других вечноживых людей — албан варвары убили блаженного мужа под конскими копытами на Ватнянском поле» (*Хоренаци*, III, 3).

Согласно Каланкатуйскому и Фавстосу Бузандаци, как мы видели, Григорис после просвещения албан явился к маскутскому царю Санесану. У Бузандаци зафиксирован Санесан, у Каланкатуйского и Санесан и Санатрук. У Хоренаци засвидетельствован Санатрук и не в качестве маскутского царя, а как сородич Трдата, отправленный им (Трдатом) в область города Пайтакарана вместе с Григорисом. По данным Фавстоса Бузандаци и Каланкатуйского, Григорис был первосвященником, католикосом Албании и Иберии; согласно Хоренаци, Григорис был епископом области Пайтакарана — Каспианы, подвластной армянскому царю. По сообщению Фавстоса и Каланкатуйского, Григорис был убит маскутами (гунами) с согласия их царя Санесана, а Хоренаци считает, что Григориса убили «по козням Санатрука и некоторых вечноживых людей — албан, варвары».

Попытки Ю. С. Гаглоева в упоминаемых Мовсесом Хоренаци албанах видеть алан, зафиксированных у Фавстоса Бузандаци в связи с событиями нашествия на Армению Санесана (Санатрука) [168а, с. 187—188], представляются нам неубедительными, ибо место действия, территория размещения албан и алан у двух авторов разные. У Бузандаци аланы были в составе маскутского войска Санесана, обитающего на западном прикаспийском побережье до р. Куры. А у Хоренаци — албаны были жителями области Пайтакаран, расположенной ниже р. Куры.

Итак, возвращаясь к концепции Хоренаци, совершенно очевидно, насколько она расходится с сообщениями Фавстоса Бузандаци и Каланкатуйского. У Фавстоса Бузандаци можно найти намек на то, что Пайтакаран входил в сферу миссионерской деятельности Григориса.

Так, он сообщает, что Григорис «был католикосом стран Иберии и Албании, приняв свой сан, он... построил и восстановил все церкви тех стран, вплоть до гаваров, граничащих с Атрпатаканом» (*Бузандаци*, III, 6). Гаваром, непосредственно граничащим с Атрпатаканом, был Пайтакаран.

То ли, основываясь на этом сообщении Фавстоса Бузандаци, то ли на другом, нам неизвестном, а может в силу каких-то других соображений, Мовсес Хоренаци сужает (ограничивает) территориальную географическую сферу деятельности Григориса. События, свершившиеся в Иберии, Албании и в стране маскутов, переносятся Мовсесом Хоренаци в так называемую северо-восточную область Армении — в область Пайтакаран. Совершенно очевидно, что Хоренаци не мог отождествить территорию Пайтакарана с территорией страны маскутов, так как у его источников — Агафангела и Фавстоса Бузандаци — они четко разграничены (*Агафангел*, гл. 842). Хоренаци мог бы Пайтакаран осмыслить в позднем значении, в смысле албанской области⁴³. Но и в этом случае он не должен был умолчать о стране маскутов, ведь Албания и страна маскутов, по данным источников, самостоятельные страны. Фавстос Бузандаци в сообщении о Григорисе их определенно разграничивает: «Он (Григорис)... достиг степени епископа над иберской и албанской странами, т. е. до пределов маскутов» (*Бузандаци*, III, 5).

Разграничение Албании и страны маскутов четко прослеживается и у Моисея Каланкатуйского. «...Взяв с собой другую половину мощей Св. Захария и Панталеона (а одну половину Григорис оставил в Албании) он отправился в страну маскутов» (*Каланкатуйский*, I, 14).

Поскольку неизвестно, что послужило для Хоренаци основанием осветить события по-иному, трудно проследить логический ход его мысли, приведший к иным выводам. Изложение Хоренаци получает некоторую ясность из последующего хода событий о нашествии Санесана (Санатрука) на Армению, и уже последующие сообщения Хоренаци о Санатруке находят отражение у Каланкатуйского. В данном случае особняком стоят данные Фавстоса.

Так, по словам Хоренаци, Санатрук после смерти Трдата и убийства Григориса «возложил на себя коро-

ну, завладел городом Пайтакаран, с помощью чужих народов он думал завладеть всей Арменией» (*Хоренаци*, III, 3). Далее, как сообщает Хоренаци, армянские и греческие войска, предводительствуемые греческим полководцем Антиохом, напали на Санатрука. Последний в сопровождении албанских нахараров поспешил к персидскому царю Шапуру II (*Хоренаци*, III, 6). Антиох «приказал силой уничтожить власть непокорных и, собрав дань, отправился к императору» (*Хоренаци*, III, 6). Это же событие Хоренаци Моисей Каланкатуйский излагает очень коротко. «По кончине Трдата, над албанами в городе Пайтакаране воцарился некто Санатрук и сделался противником армян. Хосров, сын Трдата, приведя с собой Антиоха с греческим войском, Багарата с войсками запада, Михрана, правителя Иберии, вместе со всеми ими идет войной на Албанию. Санатрук с войском албанским (у Хоренаци — с албанскими нахарарами) поспешно идет к Шапуру, царю персов, оставив в городе Пайтакаране сильное войско. Антиох, взяв царские подати, возвращается к императору» (*Каланкатуйский*, I, 12). Разница текстов Каланкатуйского и Хоренаци лишь в редакционной поправке албанского историка.

Следует отметить, что у Каланкатуйского данные о Санатруке совпадают как с данными Хоренаци, так и Фавстоса Бузандаци. Будучи албанским историком, он дорожит любыми отрывочными сведениями об албанской стране, албанах, областях Албании, однако он использует данные источников выборочно и интерпретирует их по-своему. Версию Хоренаци об отправлении Григориса вместе с Санатруком в Пайтакаран Каланкатуйский не приводит, так как придерживается той версии, которую предлагает Фавстос Бузандаци.

Найдя сообщения, отсутствующие у Фавстоса о Пайтакаране, о воцарении там Санатрука, о поддержке албанскими нахарарами Пайтакарана Санатрука, считая Пайтакаран албанской областью, Моисей Каланкатуйский излагает эти события, как свершившиеся не только в Пайтакаране (как Хоренаци), а вообще в Албании. Киракос Гандзакский (XIII в.) также превратил Санатрука в правителя всей Албании: «Санатрук был поставлен Трдатом в правители Албании. После смерти последнего он, отправившись к персидскому царю Шапуру II, полу-

чил от него царскую власть и отнял у Хосрова (армянского царя) Албанию» [38, с. 19; 374, с. 197], хотя исторически, как известно, Албания не была подвластна ни Трдату, ни Хосрову Котаку.

Киракос Гандзакский использовал, вероятно, в своем сообщении и труды Мовсеса Хоренаци, и Каланкатуйского.

Как уже было отмечено, сведения Хоренаци и Каланкатуйского о воцарении Санатрука в Пайтакаране, о приходе греческого полководца Антиоха у Фавстоса отсутствуют. Видимо, хронологически эти события должны были предшествовать нашествию Санатрука на Армению, о чем сообщают все три источника — Фавстос, Каланкатуйский и Хоренаци.

По словам Хоренаци, «жители северной страны Кавказа... подстрекаемые просьбами Санатрука, по тайному приказанию Шапура, персидского царя, соединяются и нападают с 20 тыс. на середину нашего [Армении] отечества» (*Хоренаци*, III, 9). Далее Хоренаци сообщает: «...неприятели нанесли поражение северным нашим полкам, обратили их в бегство, очутились под стенами Вагаршапата и осадили его» (*Хоренаци*, III, 9). Затем «неприятельские войска были вытеснены армянами к скале Ошакану, где были разбиты и обращены в бегство».

Нашествие северокавказских племен под покровительством Санатрука на Армению албанский историк отразил в первой книге, в двух отдельных главах — XII и XIV, причем совершенно по-разному. В главе XII он приводит версию Хоренаци, сохраняя имя Санатрук, а в главе XIV он излагает версию Фавстоса Бузандаци, сохраняя имя Санесан.

Рассмотрим главу XII Моисея Каланкатуйского. «Санатрук, по повелению царя Шапура, собирает албанское войско в числе 30 тыс. и нашествует на середину Армении». Как мы уже подчеркивали, Каланкатуйский события, связанные с Санатруком, излагает как свершившиеся в Албании. И в данном отрывке под северокавказскими народами он подразумевает албанское войско, т. е. движущей силой Санатрука на Армению является албанское войско.

Особый интерес заслуживает тот факт, что у Каланкатуйского остается невыясненным, чем окончилась бит-

ва при Ошакане, происшедшая между армянскими войсками и, как вытекает из слов албанского историка, албанскими силами. У Мовсеса Хоренаци армянские войска одержали победу, разбили и обратили в бегство северные народы, что подтверждается и другими источниками и что исторически верно. В трактовке Каланкатуйского силами, противоборствующими армянам, были албанские войска и, естественно, албаны должны были быть разбиты. Возможно, не решаясь показать албанские войска победителями, так как это противоречило данным источников, а также не желая показать их разбитыми, албанский историк вообще умолчал об исходе сражения.

Нашествие Санесана, предводителя северокавказских кочевых племен, на Армению подробно и несколько иначе излагает Фавстос Бузандаци, который, как известно, стоял ближе к описываемым событиям, чем Моисей Каланкатуйский и Мовсес Хоренаци.

По словам Фавстоса, маскутский царь Санесан «проникся враждой к своему сородичу, армянскому царю Хосрову» и, собрав кочевников прикаспийского побережья, среди которых упомянуты наряду с народами северного прикаспийского побережья и «баласичи» [жители Пайтакарана. — Ф. М.] перешел свою границу, «большую реку Куру и наводнил армянскую страну» (Бузандаци, III, 7). Далее, говорит он, маскуты завладели всей Арменией. «Они нахлынули, наводнили и затопили всю Армянскую страну... простерлись до г. Саталы, до Гандзака...» (Бузандаци, III, 7).

Санесан насильственно захватил всю страну и держал ее почти год (Бузандаци, III, 7). А армянский царь Хосров, по словам Фавстоса, вместе с патриархом Армении Вртанесом укрылся в крепости Дарюнк в стране Ковг (Бузандаци, III, 7). Далее, согласно Фавстосу, полководец Великой Армении Ваче из рода Мамиконянов собрал сильное войско и в битве при Ошакане разбил войска Санесана (Бузандаци, III, 7). «Немногочисленные остатки они (армяне) гнали перед собой до страны баласичи [т. е. Пайтакарана. — Ф. М.]. И голову великого царя Санесана принесли армянскому царю» (Бузандаци, III, 7). И завершается описание Фавстоса словами: «Так они отомстили за Св. Григориса царю Санесану и его войску, ибо из них никто в живых не остался» (Бузандаци, III, 7).

Как было сказано выше, это сообщение Фавстоса Каланкатуйский отразил в главе XIV следующим образом: «...Санесан с бесчисленным множеством гуннских войск нашествовал на Армению. Но благодеение божье дало силу вельможам армянским, чтобы требовать мести за смерть отрока Св. Григориса. Все многочисленное войско подпало мечу их, и не осталось даже вестника, который бы привез весть о печальном происшествии в стране маскутов» (Каланкатуйский, I, 14). Каланкатуйский, видимо, не понял, что речь идет об одном и том же событии и не уяснил тождества Санатрука и Санесана. Так, в гл. XII Санатрук повел на Армению албанское войско, а в гл. XIV — Санесан — предводитель многочисленных гуннов, повел их на Армению. Итак, теперь рассмотрим коротко концепции Фавстоса Бузандаци и Мовсеса Хоренаци, опуская Моисея Каланкатуйского, у которого в сообщении о Санатруке данные совпадают то со сведениями Хоренаци, то Фавстоса. По Фавстосу Бузандаци, Санесан — маскутский царь, повелитель многочисленных гуннов, власть которого простирается на северное прикаспийское побережье, южной границей владений которого была Кура, с ведома которого был убит маскутами Григорис. Санесан нашествовал с многочисленным войском, в состав которого были привлечены и жители Пайтакарана — баласичи. Он владел всей Арменией целый год. Войско его было разбито армянским полководцем Ваче Мамиконяном совместно с греческими войсками и иберскими, а сам он погиб.

Согласно Мовсесу Хоренаци, Санатрук — сородич армянского царя Трдата, был отправлен в Пайтакаран (Каспиану) вместе с Григорисом. С согласия Санатрука и албан Григорис был убит. Санатрук стал царем Пайтакарана. По его подстрекательству и приказанию персидского царя Шапура II народы северных стран Кавказа напали на Армению. И далее Мовсес Хоренаци о Санатруке ничего не сообщает. По его словам, северные народы осадили Вагаршапат, но были вытеснены к Ошакану, а затем обращены в бегство.

Как известно, Мовсес Хоренаци, широко использовав труд Фавстоса Бузандаци, подвергнув его радикальной переработке, создал свою «Историю Армении», проникнутую патриотизмом, в противовес некоторой индифферентности Фавстоса Бузандаци [87, с. 104; 112а, с. 12,

102 — 103; 335а, с. 9 — 10]. Если принять во внимание, что «Мовсес Хоренаци жил в VII в., в период своеобразного культурного возрождения армянской народности, несколько оправившейся к этому времени от жестоких ударов, нанесенных ей с запада Византией, а с Востока — иранцами» [141, с. 68], то станет понятной причина совершенного искажения Мовсесом Хоренаци хода исторических событий III — IV вв. У Хоренаци прослеживаются две тенденции: 1) просвещение Григорисом Албании, Иберии, страны маскутов (данные Бузандаци) он представляет как просвещение отдаленной области Армении — Пайтакарана (Каспианы); 2) завоевание Санатруком Армении Хоренаци сводит к завоеванию Санатруком Пайтакарана. И в силу поставленной цели он ограничивает сферу власти и сужает территориальные завоевания Санатрука, превратив его из маскутского царя, «повелителя многочисленных гуннов», в подвластного сородича армянского царя Трдата, которого отправляет Трдат «в одну из отдаленных областей Армении — в Пайтакаран». Хоренаци опускает сообщение Бузандаци о том, что Санатрук владел всей Арменией год, при наличии в Армении своего царя Аршакида — Хосрова Котака, который не в состоянии был разбить Санатрука. Г. Халатьянц еще отмечал, что сообщение Бузандаци (III, 7) о владении маскутами Арменией в течение года Хоренаци переделал и представил в специальной главе (III, 12), не связав это событие с Санатруком, а показав как занятие варварами пределов албанских в течение четырех лет [389, с. 214]. Опять же совершенно очевидна тенденция Хоренаци оградить Армению от событий, обстоятельств, компрометирующих ее, создающих неприятное впечатление для армян, с точки зрения Хоренаци, и перенести их на соседнюю Албанию, а последнюю представить как вассальную, зависимую от Армении страну, ибо правитель ее — сородич армянского царя, подвластный ему, а не младший Аршакид, восходящий непосредственно к персидским Аршакидам.

Итак, возвращаясь к проблеме албанских Аршакидов, как было нами отмечено, исследователи прошлого столетия и современные, основываясь на сообщении Хоренаци о воцарении Санатрука в Пайтакаране, утверждают, что именно этот Санатрук был основателем албанской Аршакидской ветви в 30-х годах IV в.

Если исследователи принимают во внимание сообщение Хоренаци об утверждении Санатрука в Пайтакаране, то в равной мере, если не более, они должны считаться с сообщениями Фавстоса Бузандаци о том, что Санатрук (Санесан) владел всей Арменией целый год, тем более, что он преследовал именно эту цель. И на этом основании можно сделать вывод, что Санатрук был основателем последующих армянских Аршакидов, однако исследователи этого вывода не делают, очевидно в силу того, что в Армении была своя Аршакидская ветвь задолго до Санатрука и царствовала она после него. Далее источники, кроме Каланкатуйского ничего не сообщают о потомках Санатрука⁴⁴. В таком случае и в Албании до Санатрука (Санесана) царствовала албанская ветвь Аршакидов. Основателем ее, по словам Моисея Каланкатуйского, был Вачаган I Храбрый, преемниками которого были Ваче I и Урнаир. Во время нашествия Санатрука в Албании царствовал Урнаир. Согласно Каланкатуйскому и посланию армянского епископа Гюта к Ваче II, албанскому царю, Урнаир был современником армянского царя Трдата (*Каланкатуйский*, I, 9, 11). Самое раннее хронологическое упоминание Урнаира относится ко времени после 313 г. (*Каланкатуйский*, I, 9) (Дата наша. — Ф. М.). Последний хронологический рубеж упоминания Урнаира — это Дзиравакское сражение 371 г. (*Каланкатуйский*, I, 13). Как видим, Урнаир был царем до нашествия Санатрука и после него. Умалчивание о нем в связи с Санатруком, видимо, объясняется тем, что, как верно отметила К. В. Тревер, нашествие Санатрука Албании в основном не коснулось.

Как известно, Сасаниды стремились в это время ослабить тыл союзной Риму Армении. Вдохновителем нашествия северокавказских народов — маскутов на Армению был персидский царь Шапур II, который, пытаясь ослабить армянских Аршакидов, в борьбе с армянами поддерживал различных претендентов на армянский престол, пусть даже массагетских Аршакидов. Что же касается Албании, то албанский царь Урнаир был союзником персидского царя. К тому же он был связан с Шапуrom II родственными узами. Если даже допустить, что в Албании в это время не царствовала албанская Аршакидская ветвь, то, по всей вероятности, персидский царь Шапур II не допустил бы утверждения в Албании

в IV в. новых Аршакидов, ненавистных им, а воцарил бы там своего сородича из династии Сасанидов. Сасаниды в начале III в., уничтожив старших персидских Аршакидов, пытались ослабить армянских Аршакидов и с этой целью организовали нашествие Санатрука на Армению. Потому мало вероятно, что в IV в. дело дошло до воцарения новых Аршакидов в Албании, пусть даже маскутских. Как известно, персидские Аршакиды и Сасаниды вели одинаковую политику по отношению к народам Закавказья, т. е. с целью укрепления своей власти в вассальных от них царствах сажали родственных им правителей. Так поступили Сасаниды с Албанией в VI — VII вв., утвердив здесь родственных Михранидов.

Не случайно в списке албанских Аршакидов, приводимом Моисеем Каланкатуйским, нет имени Санатрука, что может быть исторически оправдывается (верно). Итак, как нам представляется, мнение исследователей об утверждении в Албании массагетской ветви Аршакидов не находит подтверждения в источниках — у Фавстоса Бузандаци.

Теперь попытаемся уточнить дату нашествия Санатрука, учитывая, что миссионерская деятельность Григориса, убийство его и нашествие Санатрука — все эти события хронологически взаимосвязаны, последовательно следуют друг за другом. Достаточно продатировать одно из звеньев этой цепи. М. Броссе, ссылаясь на М. Чамчяна, считает, что Григорис был убит в 343 г.⁴⁵, следовательно, поход Санатрука имел место после 343 г. Эту же дату принимают М. Бархударян [133, с. 62], Дж. Маркварт⁴⁶, а вслед за ним Я. А. Манандян [276, т. II, ч. I, с. 145], которые датируют нашествие Санатрука 335 г.; С. Т. Еремян [201, с. 88] и С. Х. Ованесян [322, с. 265] — датируют 338 г.; Г. Х. Свазян — 330/331 г. [354а, с. 170].

Что касается даты нашествия Санатрука (Санесана), то данные Моисея Хоренаци, Фавстоса Бузандаци, Моисея Каланкатуйского и поздних авторов совпадают. По их сообщению, это имело место в годы царствования армянского царя Хосрова Котака. По официальной традиционной дате, которой располагает наука на сегодняшний день, Хосров Котак царствовал с 332 по 338 г.⁴⁷ По сведениям Фавстоса Бузандаци, в год нашествия маскутов армянским патриархом был Вртанес, сын Григория

Просветителя (*Бузандаци*, I, 7). Эти данные, видимо, следует принять за действительные, ибо нашествию маскутов, как известно, предшествовало посвящение в католикосы Григориса, сына Вртанеса, который, как нам думается, получил посвящение от своего отца. Следовательно, если бы Вртанес был свободен и не занимал патриарший престол, то, естественно, его и назначили бы в католикосы Албании и Иберии, и выбор не пал бы на юного пятнадцатилетнего Григориса, что считалось, очевидно, противоканоническим действием. В пользу этого предположения говорит сообщение Моисея Хоренаци о том, что правители Пайтакарана просили епископа из рода Григория Просветителя, не указывая конкретно кого. По традиционной достоверной хронологии Вртанес патриаршествовал с 336 по 341 гг.

Следовательно, маскуты совершили нашествие на Армению не раньше 336 г. и не позднее 338 г. (последний год царствования Хосрова Котака), так как они были разбиты при царствовании Хосрова Котака. За это время имела место миссионерская деятельность Григориса в Албании, в стране маскутов, убийство его и нашествие маскутов. Как свидетельствуют источники, маскуты владели Арменией целый год, следовательно, они участвовали в походе в 336 — 337 гг. и были разбиты у Ошака в 338 г.

Выяснив, что основателем албанской Аршакидской ветви был не Санесан (Санатрук) и уточнив дату его появления, вернемся к вопросу об албанской Аршакидской ветви. Считаю нужным верить данным «Истории албан» Каланкатуйского, из которых явствует, что первым аршакидским царем в Албании был Вачаган I Храбрый. Время появления первого албанского Аршакида — Вачагана Храброго синхронно появлению первых младших Аршакидов в Атропатене, Армении, стране маскутов и в других странах [374, с. 145]. Младшие Аршакиды были воцарены персидским (парфянским) Валаршем (Вологезом) I (51 — 57), сыном Вонона [199, с. 224; 91, с. 428]. Моисес Хоренаци, воспользовавшись списком армянских Аршакидов, заимствованных у Анонима, внес в него творческие изменения [389, с. 29]. Превратив Трдата I, основателя армянской Аршакидской ветви, в некоего Валарша (Валаршака), одноименного персидскому Валаршу, он тем самым внес путаницу. По

схеме Хоренаци, первого правителя Албании Арана назначает армянский Валарш, вместо достоверного персидского Валарша. Что касается албанского автора, то в связи с назначением в правители Арана он упоминает Валарша то армянским царем, то парфянским, что, на наш взгляд, объясняется поздней редакцией.

Данные Хоренаци мы считаем в данном случае неверными по той простой причине, что Албания как в I в. н. э., так и в предшествующий и последующий периоды не была подвластна Армении, и армянский царь никак не мог назначить в Албанию своего правителя. (См.: гл. II данной работы).

Итак, как становится известным, в I в. н. э. первому представителю албанских Аршакидов — Вачагану I Храброму удалось объединить все области (царства) Албании и создать единое централизованное царство (*Каланкатуйский I, 6*). Надо полагать, что местные цари, предшествующие Вачагану, владели не всеми областями Албании. Поскольку мы не располагаем другими сведениями о нем и его преемнике, Ваче I, рассмотрим данные источников о преемнике Ваче I, Урнайре, который был женат на сестре царя сасанидской Персии, Шапуре II. Годы правления Урнайра остались неизвестными. Согласно данным Каланкатуйского (1, 8, 9, 10, 13), Урнайр был современником персидского царя Шапура II Долголетнего (309 — 379), византийского императора Константина Великого (337 — 361) и армянских царей Трдата III (287 — 330), Тирана (338 — 345), Аршака (345 — 367) и Папа (370 — 374). Как было отмечено, самая ранняя дата упоминания о нем относится к 313 г., когда он совместно с албанской знатью принял христианство (*Каланкатуйский I, 9*) и конечное событие, связанное с ним, датируется 371 г. — Дзиравское сражение (*Бузандаци, V, 4; Каланкатуйский I, 13*). Таким образом, можно считать, что Урнайр царствовал с 313 г. по 371 г.⁴⁸ Албанский автор называет его «мужем доблестным, который наследовал славное имя в великих войнах, водрузив знамя победы внутри Армении». (*Каланкатуйский I 9*). Но остается неизвестным, какие войны имеет в виду албанский автор.

Внутренняя политика Урнайра характеризуется борьбой с язычеством, объявлением христианства государственной религией (313 — 314 гг.), наделением церкви

землями, назначением, выделением церкви первых плодод, церковной десятины (*Каланкатуйский I, 9, 11*). Однако христианство не получило при Урнайре повсеместного распространения, не стало всеобщим вероисповеданием. Христианство, воспринятое царем, двором, знатью и частью населения Албании, становится идеологической основой слагающейся феодальной культуры. Часть же населения оставалась верной своим старым языческим верованиям, а часть — маздеизму.

Столицей албанского государства и местом пребывания царя и албанского католикоса при Урнайре и далее до V в. был город Кабала. Что же касается внешней политики Урнайра, то известно, что Албания, будучи вассалом и союзником Шапура II, персидского царя, была втянута в персидско-римские войны. Так, в битве под Амидой в 359 г., состоявшейся между римлянами и персами, албанский царь Урнайр сопровождал персидского царя Шапура II (*Аммиан Марцелин*, кн. XVIII, гл. 6), он же оказал помощь Шапуру II и в битве на Дзиравском поле в 371 г., когда Шапур II выступил против римского и армянского войск (*Бузандаци, V, 4*). В этом сражении Урнайр был ранен Мушегом Мамиконяном (*Каланкатуйский I, 13; Бузандаци, V, 4*). На этом данные о нем исчерпываются.

Из албанских Аршакидов после Урнайра источники сохранили данные об Есуагене, при котором путем реформации старой была создана новая албанская письменность. Данные об этом сохранились у Моисея Каланкатуйского, а также у армянских авторов V — VIII вв. — Корюна, Мовсеса Хоренаци и др. Месроп Маштоц явился, как сообщают источники, к Есуагену, албанскому царю, и к Иеремию, албанскому католикосу, которые «охотно приняли его учение», согласились на введение, обновление письменности. Месроп Маштоц с помощью даровитого переводчика Бениамина из Сюника возродил албанский алфавит [*Каланкатуйский II, 3; Хоренаци, III, 54; 41, 10; 374, с. 307*].

Особый интерес представляет организация Есуагеном обучения албанских детей. Он «приказал обучить искусству письма многих детей из областей и районов страны, послать их группами в школы, в подобающие и удобные места и назначить им «довольствие на пропитание» [374, с. 308 — 309]. После принятия алфавита в правление

Есуагена стали переводиться с сирийского и греческого языков на албанский язык религиозные книги — св. Писание, учение апостолов и др.

В 444 г. албанским царем из династии младших Аршакидов стал Ваче II [133, с. 75], сын Есуагена и сестры персидского царя Иездигерда II [432; 395, гл. 5]. По приказу персидского царя Пероза, как сообщает Каланкатуйский (I, 5), Ваче II построил город Перозабат (Партав), ставший при нем столицей государства. Перенесение столицы из Кабалы в Партав объясняется внешнеполитическими изменениями. В связи с частыми нашествиями тюркоязычных кочевников культурно-политический центр страны перемещается с левого берега Куры на правый. Правление Ваче II ознаменовано антиперсидским народноосвободительным движением — восстанием народов Закавказья в 450 — 451 гг., возглавленным армянским полководцем Варданом Мамиконяном, а также восстанием в Албании 457 — 463 гг., которое поднял и возглавил сам царь Ваче II. Причинами, побудившими народы Албании, Закавказья к антиперсидским выступлениям, были экономический, политический и культурно-идеологический гнет.

Политика Сасанидов по отношению к подвластным христианам стран Закавказья — Албании, Армении и Иберии была не стабильной, как известно, а постоянно менялась. Когда христиане подвергались гонениям в Римской империи, цари Ирана покровительствовали им, охотно принимали их на своей территории, надеясь приобрести в лице христиан союзников в тылу у римлян. С победой христианства, с превращением ее в государственную религию Восточной Римской империи, в государственную религию Албании, Армении и Иберии (Грузии) изменилось отношение к христианам в сасанидском Иране. Сасанидские цари стали подвергать гонениям христиан, правоверного толка и поддерживать в своем государстве и на их территории различные секты, борющиеся с официальной церковью [199, с. 265]. Иметь по соседству страны, враждебные Ирану в политическом и религиозном отношении, единоверных с Римской империей — значило подвергать себя постоянной опасности с севера и с запада, где Иран не имел естественных укрепленных границ.

В 428 г. Сасаниды упразднили царскую власть в Ар-

мении, превратив ее в наместничество. Албания представляла собой к этому времени вассальную страну с сохранением определенной политической самостоятельности. Были сохранены исключительные привилегии светских феодалов и духовенства; сохранялась царская власть в лице албанских Аршакидов, которые вели самостоятельную внутреннюю политику, а временами и внешнюю. Сепаратизм албанских царей тревожил центральное правительство Персии. В середине V в., в связи с участвовавшими нашествиями северокавказских кочевников, а также пользуясь тем, что Византия была занята войной с Атиллой и церковными распрями, Сасаниды открыто прибегли к решительным мерам, стремясь навсегда покончить с самостоятельностью Албании, Иберии и превратить их, а также Армению в свои провинции. Прежде всего Иездигерд II (438 — 457) мобилизовал военные силы трех Закавказских стран — Албании, Армении и Грузии и перебросил их на северо-восточные рубежи своего государства на борьбу с гуннами, тем самым ослабив сопротивление этих стран [Елишэ, I, 374, с. 202; 208].

Иездигерд II изменил также налоговую политику. Им была проведена всеобщая перепись населения и учет всех объектов обложения, следствием чего было значительное увеличение налогов. Тяжелыми податями были обложены не только крестьяне, но и городское население, а также духовенство, которое ранее было приравнено к сословию азатов и платило лишь поземельную подать (Елишэ, гл. II). Были учтены все годные для обработки земельные угодья и независимо от того, пустовал или обрабатывался данный земельный участок, с него взыскивалась поземельная подать. Вся работа по возведению пяти линий оборонительных сооружений на западном побережье Каспия выполнялась жителями Албании. Каланкатуйский пишет: «Цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем Восточным» (Каланкатуйский, II, 11).

Помимо указанных мероприятий Сасаниды стремились добиться культурно-идеологической ассимиляции албан, армян и грузин путем насильственного обращения их в маздеизм. Вопрос вероисповедания не был во-

просом исключительно религиозным. Он имел важное политическое значение. Цель религиозной ассимиляции состояла в укреплении центральной политической власти, в приведении непокорных народов в состояние полной покорности и послушания, отдаления их от Византии, помощью которой они могли воспользоваться в борьбе за свою независимость. Народы стран Закавказья с этих пор стали религиозными союзниками.

Все эти мероприятия Иездигерда II (экономического, политического гнета) привели к антиперсидскому движению 450 — 451 гг., поводом для которого послужила попытка искоренить христианство и насадить маздеизм персидскими магами, прибывшими в Закавказье в количестве 700 человек, из коих 300 были предназначены для обращения албан [Елишэ, гл. II; 208, с. 48].

Восстание в Албании проходило в более тяжелых условиях, чем в Армении и Иберии. Здесь, в городе Пайтакаране были сосредоточены персидские вооруженные силы. В районе Чола находилась 10-тысячная персидская конница, вернувшаяся сюда после гуннского похода. С ее помощью Сасаниды думали парализовать повстанческое движение в Грузии и Албании и подавить движение в Армении. Албанский царь Ваче II не мог поддержать восставших, ибо в качестве заложника находился при персидском дворе, куда был вызван Иездигердом II и принужден принять маздеизм [395, гл. 9]. Восстание в Албании возглавили католикос и хазарапет страны, которые поддерживали тесную связь с Варданом Мамиконяном, ставшим руководителем народно-освободительного движения народов Закавказья, под руководством которого был разработан общий стратегический план военных действий [Каланкатуйский, II, 2; Елишэ, III; 208, с. 51]. В 450 г. у города Халхал [в зоне современного Казахстана], зимней резиденции албанских царей произошла битва между повстанцами и персидскими войсками (Каланкатуйский, II, 2; Парпеци, II, 35; Елишэ, III). Поражение персидских войск при Халхале было полным. Союзные войска албан, армян и иберов после этого поражения напали на замки и города, занятые персами в Албании, и совершили совместный поход к «Гуннскому проходу». Они разрушили крепость, построенную Иездигердом II, перебили персидский гарнизон и комендантом ворот поставили князя из албан-

ской царской патронимии (Каланкатуйский, II, 2; Елишэ, III; Парпеци, II, 35). Ему же было поручено идти в страну гуннов и в другие северокавказские земли и заключить с ними союз против персов. Гунны обещали помощь. В это время из Средней Азии в Ктесифон вернулся проигравший войну с эфталитами Иездигерд II. Узнав о том, что греки отказались от вмешательства в дела закавказских христиан, Иездигерд II решил силой подавить восстание и послал туда Михр-Нерсеса с большой армией и множеством слонов. Многих мятежников Албании, Армении и Грузии удалось склонить к отступничеству богатыми дарами, посулами. Многие нахарары вернулись в свои владения. Персам удалось «разорвать союзный договор, так искусно заключенный Варданом Мамиконяном с Албанией и Грузией». 2 июня 451 г. в области Артаз, на Аварайском поле [между нынешними городами Маку и Хой] произошла знаменитая битва между персами и повстанцами. В результате сражения повстанцы потерпели серьезный урон.

После подавления общекавказского антисасанидского восстания 451 г. имело место крупное восстание всего албанского народа, направленное против Сасанидов, которое возглавил сам албанский аршакидский царь Ваче II. Восстание длилось с 457 по 463 г. Сасанидский царь Иездигерд II после восстания 450 — 451 гг. на уступки не пошел, самые важные требования албан не удовлетворил.

После его смерти в 457 г. и начала междоусобной борьбы за власть в Иране албанский царь Ваче поднял восстание против персов (Каланкатуйский, I, 10; Елишэ, X). Внешним проявлением восстания было отречение Ваче от зороастризма, которое он принял, как было отмечено, по принуждению. В 459 г. к власти в Иране пришел Пероз (459 — 484), при котором и без того тяжелое положение подвластных народов усугубилось многолетней засухой, неурожаем и войнами, которые он вел с внешними врагами. Пероз продолжил начатую Иездигердом II войну против эфталитов.

Следствием всего этого явилось недовольство и прекращавшееся волнение в Албании в 459 г. Елишэ говорит, что наступивший временно в персидском государстве мир был нарушен «настойчивым отказом албанского царя от подчинения» в 459 г. (Елишэ, VII). Албан-

ские повстанцы захватили проходы Чола и, пропустив войска маскутов, заключили союз с одиннадцатью «царями» Большого Кавказа и с их помощью два года вели успешные военные действия против сасанидских войск, вторгшихся в Албанию. Неоднократные попытки персов начать переговоры с Ваче оказались тщетными. Тогда Пероз за большие деньги призвал на помощь гуннов-оногур, которые вторглись в Албанию через Аланские ворота (Дарьял) [192, с. 64] и начали в 462 г. длительную борьбу с албанами [Елишэ, VII].

Оногуры целый год сражались с албанским царем. Хотя войско Ваче уменьшилось и рассеялось, но покорить его они не могли (*Каланкатуйский*, I, 10; *Елишэ*, VII).

Бедственная была эта война и для войск персидского царя, наемных оногур. Одна часть их погибла в сражениях, другая — от болезней.

Восстание в Албании, начавшееся в 457 г., было подавлено только в 463 г. Сасаниды, очевидно, настолько вновь укрепились в Албании, что Ваче, отрекшись от царствования, испрашивал у Пероза разрешения на оставление за ним отцовского наследства. Монсей Каланкатуйский приводит письмо епископа Гюта, направленное к царю Ваче после отречения его от престола. Письмо это — своего рода славословие, гимн в честь Ваче. Он пишет: «Отечская вера страны твоей сохранилась, церкви остались устроенными, часовни в мире, священники в священстве, жертвы на алтарях» [*Каланкатуйский*, I, 11; 374, с. 216 — 217].

В 463 г. царская власть в Албании была упразднена, страной стал править персидский наместник — марзбан. Марзбанский режим продержался в Албании в течение 30 лет.

Неудачные войны Пероза с эфталитами, карательные экспедиции против албан, усиление налогового гнета, ущемление наследственных привилегий нахараров, религиозные гонения, все эти обстоятельства подготовили почву для нового восстания. Восстание в Албании, Иберии и Армении приблизительно длилось до 484 г. [407]. Непрерывно сражаясь с восставшими армянами, иберами и албанами, персы в то же время понесли поражение от эфталитов. Пероз был убит, и в 484 г. эфталиты ворвались в пределы Персии. Это заставило и без того обес-

силенные персидские войска удалиться из Армении, Грузии и Албании. В 484 г. воцарился Сасанид Валарш (484 — 488). Тяжелая политическая и экономическая обстановка, которая сложилась в Персии, и попытка Валарша восстановить разрушенное войнами сельское хозяйство вынудили его положить конец политике религиозного преследования в Закавказье, проводившейся его предшественниками, и заключить мир с народами Закавказья.

В селении Нварсак было заключено соглашение на условиях, предъявленных повстанцами. Персидское правительство согласно условиям Нварсакского мира пошло на значительные уступки Албании, Армении и Иберии. В Албании была восстановлена царская власть, власть Аршакидов. За албанским царем было признано право на самостоятельное внутреннее управление страной. Была установлена свобода вероисповедания, были восстановлены привилегии албанской знати и оставлен в нерушимости принцип иерархии нахарарских родов. Верховным судьей страны и сюзереном нахараров мог быть лишь сам албанский царь. Сасаниды обязывались не навязывать маздеизм, а христиане не должны были обращать в свою веру огнепоклонников. Было уменьшено количество дани, которая должна была поступать из Албании. Албаны были освобождены от поставки всадников в конницу Персии [374, с. 219].

В 487 г. албанским царем стал племянник Ваче II Вачаган III Благочестивый, последний представитель албанской Аршакидской ветви. Каланкатуйский сообщает (I, 16): «От Ваче до Благочестивого Вачагана в продолжении 30 лет Албания оставалась без царя...» По словам албанского историка, «жители Албании, снова соединившись в одно царство, взяли из детей царских храброго, мудрого, рассудительного и высокого ростом Вачагана, сына Иездигерда, брата Ваче, царя албанского, возвели его на престол с помощью Валарша царя персидского» (*Каланкатуйский*, I, 17).

Царствование Вачагана Благочестивого было политическим и культурно-религиозным возрождением Албании. Он прежде всего стремился добиться религиозного единства в стране, превращения христианства во всеобщую государственную религию. С этой целью он усиленно преследовал огнепоклонников, все языческие секты

и искоренил их. Вачаган открыл школы, восстановил разрушенные и построил новые церкви и монастыри, восстановил церковные чины [264, с. 159]. Стремясь закрепить независимость Албании и учитывая большую политическую роль самостоятельной албанской церкви, которая противостояла бы чуждым религиозно-политическим влияниям и ассимиляторской политике иноземных сил, Вачаган III считал необходимым упрочить пошатнувшиеся устои этой церкви, экономически укрепить ее. С этой целью он созывает Агуэнский собор. С одной стороны, этот собор должен был способствовать утверждению самостоятельности албанской церкви, с другой — Вачаган с помощью агуэнских канонов пытался усилить государственную власть, обуздать своевольных феодалов (азатов), уравнять клир со светской знатью, урегулировать отношения податного сословия со светской знатью и духовенством, добиться религиозного единения всех сословий, что также необходимо для сохранения политической независимости страны и для борьбы с иноземными силами. Вачаган III был последним Аршакидом Албании.

Албанские Аршакиды вели самостоятельную албанскую политику, верно служили Албанскому государству, народу, религии, теряли свои персидские черты, очень быстро приобщались к местной культуре, т. е. албанизировались. Политическую структуру Албании IV — VI вв. можно представить как феодальное централизованное государство. Царь был законодателем, верховным судьей страны, возглавлял законодательный и совещательный орган светской и духовной власти, был главнокомандующим всеми военными силами страны [264, с. 271]. В функцию царя входило также основание городов. В Албании, как и в Персии, «царская власть рассматривалась как коллективное достояние рода Аршакидов и представители лишь этого рода могли на нее претендовать» [223, с. 100].

Учитывая крупное стратегическое значение Албании (защиту кавказских проходов от кочевников), ее природные ресурсы, торговые пути, цари Персии сохранили государственность Албании с I в. по VI в., оставив здесь власть албанских царей — младших Аршакидов.

Таким образом, Албанское государство в период правления албанских Аршакидов продолжало традиции

древней Албании, было суверенным государством, проводившим свою независимую от соседей самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

В VI в., когда стабилизировалось положение в сасанидском Иране, Сасаниды упразднили местные царские династии — в Албании, в Иберии-Картли (Грузии). В результате административной реформы, проведенной Хосровом I, утвердилось деление империи Сасанидов на четыре наместничества — «стороны» (куст). Албания, как и все страны Закавказья, вошла в состав северного наместничества, Кавказского куста, и впредь стала управляться марзбанами (наместниками) «царя царей Ирана и не Ирана».

§ 3. Албанское государство при Михранидах

В 510 г. прекратилось правление албанских Аршакидов и в стране короткое время (510 — 629 гг.) правили персидские марзбаны. В конце VI — начале VII в. в Албании возвышается феодальный род Михранидов, владетелей области Гардман. Согласно генеалогической справке Каланкатуйского, персидский род Михранидов во главе с Михром в конце VI в., будучи причастным к дворцовому перевороту и желая спастись от возмездия персидского царя Хосрова II Парвиза (591 — 628), с 30 тыс. семейств бежал из Ирана с целью перейти к врагам Хосрова — хазарам. Обеспокоенный этим обстоятельством, Хосров поспешил опередить его, послав письмо о праве свободно выбрать себе местожительство.

Михр получил царское послание в гаваре Гардман, провинции Ути, где и решил остаться. Он и его потомки, утвердившись в Гардмане, ставшим их семейным доменом, путем физического уничтожения местных феодалов, а также благодаря родственным связям, вытеснили местных князей Араншахигов, завладев всей Албанией. Они «подчинили себе также дикие народы Кавказа». Эту хитрую политику персидского двора местные князья поняли только позже. Вполне возможно, что это обстоятельство явилось одной из причин восстания против персов в 603 г. [354, с. 14 — 15]. Михраниды в течение двух столетий сохраняли за собой право ношения титула великого первого князя — ишхана Албании [Каланкатуйский, II, 17; 149, с. 58].

Согласно данным Моисея Каланкатуйского, Михр «выступил на север области Гардман и коварно призвал к себе 12 ее правителей, предал их мечу и завладел страной» (*Каланкатуйский*, II, 17). Внук Михра Вардан Храбрый уничтожил 60 последних представителей из прежних правителей Албании, и таким образом Албания попала в руки новой династии.

Моисей Каланкатуйский дает генеалогию албанского Михранидского рода: Михр, Армаель, Вард, Вардан Храбрый, Вард, Варазман, Вараз-Григор, Вараз-Пероз, Дживаншир, Езуд-Хосров и Варазман (*Каланкатуйский*, II, 17).

Приход Михранидов в Албанию был обусловлен политической ситуацией. Албания имела исключительное стратегическое значение в деле охраны северных границ державы сасанидского Ирана. В силу этого Сасаниды стремились утвердиться в Албании. В новых условиях необходимо было усилить персидский элемент, в особенности в гаваре Гардман, где и утвердились Михраниды. Гардман был выбран не случайно, так как находился у границ армянских и грузинских земель, подчиненных Византии после договора 591 г. [209, с. 319; 354, с. 14]. В защите западных границ от вероятных вторжений Византии Сасаниды не могли полагаться на местных князей и стали рассчитывать на новых владетелей Гардмана — Михранидов, которые религиозно и политически были близки Ирану.

Надежды Сасанидов относительно албанских Михранидов не оправдались. Михраниды оставались персами в течение не более двух поколений, после чего приняли христианство, сроднились с местной албанской знатью, приобщились к албанской культуре и языку, т. е. албанизировались.

В. В. Бартольд считал, как отмечалось, что в лице Михранидов в Албании «вновь восстанавливается албанская национальная династия, но персидского происхождения» [130, с. 25]. К величайшему огорчению Сасанидов албанские Михраниды настойчиво вели проалбанскую политику — политику самостоятельности Албании.

Хотя Михраниды утвердились в Албании к 603 г., но полновластными правителями всей страны, «первыми великими князьями» Албании, они стали, как нам удалось уяснить, только с 630 г.

Рассмотрим внутреннее и внешнеполитическое положение страны с 510 по 630 гг., т. е. период, когда Албанией правили персидские марзбаны. Так, в середине VI в., в результате военно-административной реформы Хосрова I Ануширвана (531 — 579), Албания в числе стран Закавказья была объединена в северный Адурбадаганский куст, управляемый одним персидским марзбаном.

Политика, проводимая Ираном, Византией по отношению к северокавказским народам, была двойственной. Выделяя средства, а также принимая меры по укреплению кавказских ворот (проходов), Иран и Византия (каждая в отдельности) в то же время пытались использовать кочевников в своих целях, ища среди них поддержку. Также поступали и албанские цари. Вступая с северными народами в союз, они пропускали их через Каспийские ворота и совместно громили завоевателей. В конечном итоге северные народы, побуждаемые собственными интересами или будучи союзниками Ирана, Византии, Албании, часто нашествовали на Албанию, или вернее, через территорию Албании в страны Закавказья.

В период правления Хосрова I Ануширвана война Византии с Ираном настолько отвлекла внимание Ирана от ее северной границы, что в 552 — 553 гг. Албания подверглась нашествию со стороны своих северных соседей — хазар. Согласно М. И. Артамонову [114, с. 126], этот набег связан не с хазарами, а с савирами.

Согласно сообщению Каланкатуйского, хазары, завладев Албанией, предавали огню церкви и писания, разрушали города и села, угоняли народ. «...Когда было утверждено начало армянского летоисчисления (552), престол Албанского патриаршества был перенесен из города Чола в столицу Партав, вследствие грабительских набегов врагов креста Христова» (*Каланкатуйский*, II, 4).

В 562 г. Хосров Ануширван, вернувшись из похода против Византии, выступил против хазар и разбил их. Во время 20-летней персидско-византийской войны (571 — 591 гг.) византийские войска, вступив в Албанию, встретили здесь савир и для гарантии покорности взяли у них заложников. Как только византийские войска оставили Албанию, савиры перешли на сторону Ирана. Тогда византийские войска вновь вторглись в Алба-

нию и заставили савир переселиться за р. Куру, в пределы территории, находившейся под контролем Римской империи [20, с. 411 — 412; 192, с. 106].

В 591 г. 20-летняя война между Персией и Византией закончилась. По договору 591 г. Армения подверглась очередному делению, однако Албании он не коснулся. Страной продолжали править персидские марзбаны. В 603 — 629 гг., когда возобновились военные действия между двумя империями, Албания оказалась вовлеченной в эти войны.

В 602 г. Фока (602 — 610), убив императора Византии Маврикия (582 — 602), захватил трон империи. Воспользовавшись этим, персидский царь Хосров II под предлогом мести за Маврикия, объявил Византии войну, которая продолжалась до самого свержения и убийства Хосрова II. Поначалу успех сопутствовал Сасанидам, захватившим почти все малоазийские владения Византии. В 605 г. персидские войска вторгаются в Армению. Иберия подчинилась Сасанидам без боя. Персы захватили также Месопотамию. Положение Византии не улучшилось и в первые годы правления Ираклия (610 — 641), занявшего престол после убийства Фоки. В 611 г. персы завоевали Сирию, в 614 г. — Палестину, Иерусалим, где ими была захвачена главная святыня христиан — крест, на котором был распят Иисус. Только в 622 г. Ираклий начал решительную кампанию против персов [164, с. 182 — 184; 199, с. 318]. Воспользовавшись ирано-византийскими войнами, население Албании в 603 — 604 гг. восстало против сасанидского владычества. Восстание было жестоко подавлено Хосровом II. Многие из представителей албанской знати погибли, только албанский католикос Виро остался в живых благодаря заступничеству шахини Ширин — жены Хосрова II, которая была христианкой. Царица Ширин «после многих стараний получила жизнь его [Виро] в подарок от царя». (*Каланкатуйский*, II, 14). Он был оставлен в течение 25 лет при персидском дворе. Однако Хосров II поставил условие, что Виро до конца своей жизни «не возвратится в страну свою, но останется под стражей при дворе. Он [Хосров II] не отнял у него доходов патриарших и не лишил его сана католикоса» (*Каланкатуйский*, II, 14). Находясь в заключении, албанский католикос Виро добился

от Хосрова II распоряжения о даровании албанским князьям из династии Михранидов титула «владыки Гардмана и князя Албании» (*Каланкатуйский*, II, 23). Это право было получено при Вараз-Григоре, когда он стал первым князем всей Албании.

Благосклонное отношение Хосрова II к Виро объясняется тем, что Хосров II вообще окружил себя христианами. Одна из его жен была византийская царица Мария, другая — христианка из Хузистана, вероятно сирийка, [а быть может и албанка. — Ф. М.] Ширин — прославленная героиня многих произведений [*Себеос*, гл. XI; 199, с. 317]. Невзирая, однако, на свое христианское окружение, Хосров II оставался последовательным проводником политики Сасанидов — политики отторжения Закавказских стран от Византии. С этой целью он в 612 — 614 гг. созывает известный Персидский церковный собор подвластных ему христиан, где официально признанным христианским вероисповеданием было объявлено монофизитство в противовес диофизитству Византии [91, с. 295].

Успех Ирана на международной политической арене (в период персидско-византийских войн) стал клониться к закату. В 623 — 624 гг. в результате решительной кампании Ираклий добился ряда успехов в Малой Азии и Закавказье. Он двинулся на Иран кружным путем, через Колхиду и Иберию. В 624 — 628 гг. Албания, как и Иберия, становится одной из главных арен персидско-византийских войн. Эти события твердо и последовательно датируются Каланкатуйским в книге II, главах — 9, 10, 11, 12.

«...Я начну рассказ свой от первого года 18-го висока после явления Господа нашего Иисуса Христа, месяца Мехекан, на 35-м году царя царей Хосрова Ормиза» (*Каланкатуйский* II, 9). Получается $590 + 35 = 624$ г.

Борьба Византии и Персии за обладание Албанией преследовала не только политические, но и экономические цели. В 624 г. византийская армия захватила Двин, вторглась в Атропатену и, заняв Нахичеван, форсировала Аракс (*Себеос*, XXXVI). Затем была захвачена столица Атропатены — Гандзак (Гайшаван). Ираклий обратился к князьям и владетелям Албании, Иберии, Армении с требованием, «чтобы они добровольно вышли к нему навстречу, служили ему с войском своим во время зимы,

в противном случае он обойдется с ними как с язычниками, и войска его возьмут крепости и опустошат пределы стран их» (*Каланкатуйский*, II, 10). По велению персидского царя Хосрова II владетели, князя Албании покинули столицу Барду и укрепились в крепостях. Греческое войско вступило в Албанию, расположилось в области Ути, «попрано и опустошило прекрасные сады и поля, через которые проходило», и расположилось близ деревни Дютакан. Но этот поход закончился для Ираклия неудачно. На греков здесь напали персы и гнали Ираклия по стране Сюнийской «и отняли занятые им города» (*Каланкатуйский*, II, 9; Себеос, XXXVI). В 625 г. Ираклий призвал на помощь хазар. «После того, на 36 году царствования Хосрова» (590 + 36 = 625 г. — Ф. М.) Ираклий решил «открыть ворота Чола, вызвать различные варварские народы и с ними изгнать гордого Хосрова». За помощью он посылает к хазарам посланника Андрея, обещая им «утолить жажду златолюбивого народа косоносцев» (*Каланкатуйский*, II, 12). Персам, в свою очередь, удалось заключить союз с властвующими на Балканском полуострове аварами и привлечь их внимание к Константинополю [199, с. 318]. В 626 г. хазары вторглись в Албанию.

«В конце 37 года правления Хосрова [590 + 37 = 626. — Ф. М.] царь севера отправил обещанное воинственное войско под предводительством Шата. Он делал набеги на все пределы Албании и части Атрпатакана, предал лезвию меча множество христиан и даже язычников. Но кто может знать и сосчитать число полоненных» (*Каланкатуйский*, II, 12). О походе 626 г. албанский автор сообщает и в главе 11: «Хазары с несметными полчищами производили набеги по стране нашей по повелению Ираклия» (*Каланкатуйский*, II, 11). Это было первое крупное вторжение хазар. В 628 г. хазары снова напали на Албанию: «Итак, на 38 году Хосрова, в ... год умерщвления Хосрова» (*Каланкатуйский*, II, 11). Первый удар они обрушили на Дербент (Чола), затем на Барду (Партав). Феодалы и представители сасанидских властей растерялись и стали думать о своем спасении. Каланкатуйский сообщает: «Когда страшная весть эта достигла Албании, то некто Гайшах, присланный Хосровом управлять страной, хотел укрепить страну нашу и великую столицу Партав. Потому он заключил в

ней жителей окрестных областей и усиленный согласием вельмож страны нашей и жителей городов, хотел обороняться от хазар. Но он видел, что произошло с защитниками великого города Чола и с войсками, находившимися на дивных стенах... При приближении всемирного бича, который предстоял нам всем, прежде волны колеблющегося моря ударили в нее [т. е. крепость Чола] и разрушили до основания» (*Каланкатуйский*, II, 11). Знать столицы Партав, узнав о разрушении г. Чола, поспешно скрылась в труднодоступных горах области Арцах. Сасанидский марзбан бежал в Иран. Народ стал искать укрытия в неприступных горах Арцаха. Это было второе крупное нашествие хазар. Оккупировав территорию Албании, они двинулись к Тифлису, где совместно с армией императора Ираклия осадили город.

Летом 628 г. по совету Ираклия I осада Тифлиса была снята и перенесена на зиму. Ираклий сказал предводителю хазар: «При наступлении следующего года, по истечении жарких месяцев, немедленно выступи сюда... Я между тем не перестану воевать с царем персидским и подвергать опасности страны и подданных его» (*Каланкатуйский*, II, 11). При вторичной осаде Тифлиса, видимо, в конце 628 г. город был захвачен. После этого Византия подчинила себе страны Закавказья.

Данные грузинских источников помогли конкретно осмыслить слова Ираклия I «не перестану... подвергать опасности страны и подданных его», сообщаемые Каланкатуйским.

Согласно грузинским летописям, Ираклий в городах Мцхета, Уджарма и других местах проводил политику преследования не только зороастрийцев, но и монофизитов. Затем Ираклий отбыл в Албанию (628 г.) в область Гардман — «Гардабани, владения Вараз-Григора», где, по его приказу Вараз-Григор и его народ, а также «владелец Мецекеванка» в местечке Лал [207а, с. 27 — 28; 374, с. 241; 312, с. 17] приняли диофизитство. Это произошло, очевидно, в промежутке времени между первой и второй осадой Тифлиса.

Действия Ираклия следует рассматривать на фоне взаимоотношений двух империй (Персии и Византии), их политического и идеологического соперничества. Успешные персидские походы Ираклия 623 — 628 гг., которое нередко сравнивают с блистательными походами Алек-

сандра Македонского [164, с. 184 — 185], привели к победе над Персией, вернули Византии ее еретические восточные провинции. Ираклий решил восстановить церковное единство в Византийской империи, а также в подчиненных им странах Кавказа путем восстановления халкидонитства (диофизитства). Ведь Хосров II, как было отмечено, в 614 г. сделал монофизитство официальным вероисповеданием всех подвластных ему христиан — Ирана, Кавказа и завоеванных им византийских восточных провинций.

Что же касается Албании, которой еще правили персидские марзбаны, то гардманский князь Вараз-Григор Михранид объявляет себя вассалом Ираклия. Признав нового сюзерена и приняв его религию — диофизитство, он становится полновластным правителем всей Албании [209, с. 312 — 322; 443, с. 87]. Однако Вараз-Григору, как нам думается, не удалось реализовать права и полномочия, которыми наделил его Ираклий, в силу изменений, происшедших на международной арене. В это время был убит персидский царь Хосров II и на престол был возведен Кавад II, который в 628/629 г. заключил мир с Ираклием и вернул ему захваченные Хосровом II земли (*Себеос*, XXXVII; *Каланкатуйский*, II, 13). И Албания вновь осталась в сфере влияния Персии⁴⁹. В то же время фактическими хозяевами страны — Албании становятся хазары. В 629 г., вторгшись в страну, предводитель хазар Шат [третий поход хазар] направил к персидскому марзбану, сидящему в Албании, и к католикосу страны Виро, освобожденному в 628 г. из персидского политического заключения, послов с требованием подчинить ему страну (*Каланкатуйский*, II, 14). В данном случае речь шла о политическом подчинении страны хазарам. Албания не была в силах оказать сопротивление, а марзбан отклонил требование Шата и бежал в Персию. Албанская знать во главе с католикосом Виро признала верховную власть хазар (*Каланкатуйский*, II, 14, 16).

Албания стала «вечным владением» хазарского хакана [*Каланкатуйский*, II, 14; 295, с. 116]. Таким образом, Албания была завоевана хазарами «на втором году Арташира, сына Кавада, царя персидского» (*Каланкатуйский*, II, 169), т. е. в 629 — 630 гг. Непрерывные нападения и владычество хазар разорили Албанию. Здесь царили голод, эпидемия, жертвами которых стало боль-

шое количество местных жителей, и в их числе католикос Албании Виро (630 г.).

Будучи фактически хозяевами страны, хазары требовали от албанских феодалов государственных налогов и податей, вносимых прежде в сасанидскую казну. В руках хазар, прочно укрепившихся в древней столице Албании Кабале, которая с тех пор называлась также Хазар, находилась левобережная часть Албании [209, с. 322]. Международная обстановка — смуты из-за престолонаследия в Персии, борьба халкидонитов и монофизитов в Византии отвлекали внимание от северных границ, от событий в далекой Албании [374, с. 241]. Внутренние междоусобицы в Хазарии, имевшие место в начале 30-х годов VII в. (убийство Джебу-хакана) положили конец владычеству хазар в Албании и спасли страну от страшного разрушения. Волею истории страна приобрела независимость. Приобретенному суверенитету содействовало также то обстоятельство, что воюющие страны — Византия и Персия в 628 — 629 гг. вышли из персидско-византийских войн уставшими и изнуренными. В это время арабы готовились к захвату стран Передней и Средней Азии. На княжеский престол Албании вступает представитель Михранидов Вараз-Григор (630 — 642) (*Каланкатуйский*, II, 17).

Традиционная дата правления Вараз-Григора 628 — 636 гг. нам представляется неверной. Как нами было отмечено, в 628 г. он не мог быть правителем страны. Не случайно в событиях 624 — 629 гг., периода персидско-византийских войн, обстоятельно описанных и датированных Каланкатуйским, не упоминается имя Вараз-Григора. Как известно, хазары в 629 г. направили послов к персидскому марзбану и католикосу Виро. Генеалогическая справка албанского автора о Михранидах и последующие данные о них изложены в главах, следующих после описания персидско-византийских войн. Согласно Каланкатуйскому, Вараз-Григор был первым князем Албании, который принял крещение от албанского католикоса Виро (*Каланкатуйский*, II, 17). Время жизни Виро приходится на 536 — 630 гг. (*Каланкатуйский*, III, 23). Каланкатуйский, убежденный монофизит, умалчивает о крещении Ираклием Вараз-Григора, переходе его в халкидонитство, как о факте весьма неприятном. Вполне возможно, что только после

возвращения Виро в Албанию, в последний год его жизни, когда его страна приобрела независимость (в 630 г.), могло иметь место крещение католикосом Виро Вараз-Григора, т. е. переход его из халкидонитства (диофизитства) в монофизитство. Таким образом, Вараз-Григор был крещен Ираклием в диофизитство в 628 г., а в 630 г. — в монофизитство католикосом Виро⁵⁰.

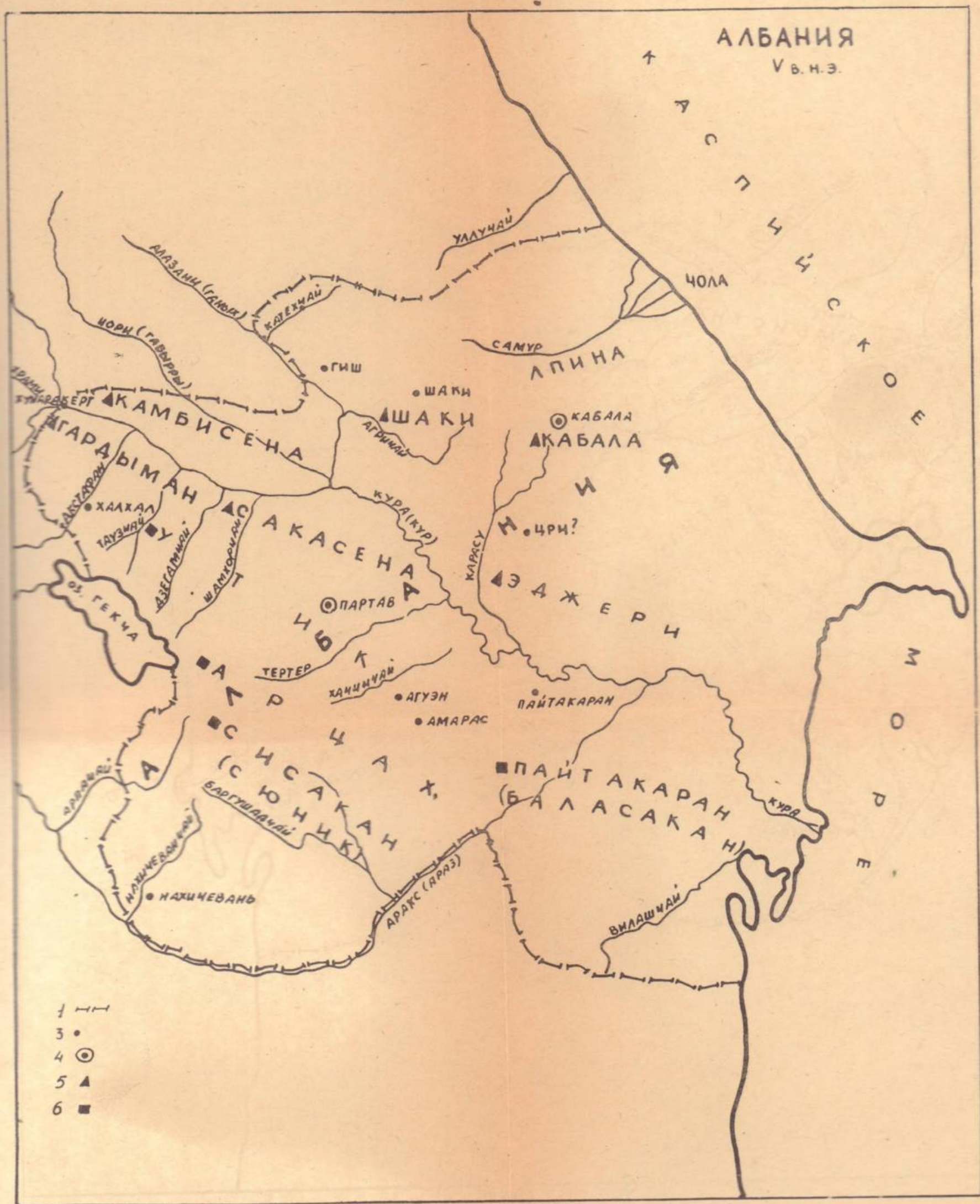
Здесь следует отметить, что, совершенно не разобравшись в реалиях периода, во внешнеполитической ситуации, не выяснив роли и места Закавказья и Албании, в частности, во взаимоотношениях двух империй Запада и Востока, их политического и идеологического соперничества, не поняв закономерной (неизбежной) гибкости догматической борьбы, в основе которой всегда лежали причины политические, Р. Геюшев пришел к столь нелогичному, можно даже сказать, нелепому выводу о том, что «Михраниды, принявшие христианство от византийского императора, естественно, должны были бороться с антихалкидонитством» [174а, с. 77], т. е. с монофизитством.

Во-первых, на наш взгляд, неправомерно обобщать всех Михранидов в вопросе религиозной догматики, которая, как было отмечено, была очень гибкой в зависимости от многих политических причин. Наглядный пример тому крещение Вараз-Григора. К тому же совершенно очевидно, что Каланкатуйский никогда не воснеб бы деяния Джевандшира Михранида, если бы тот был диофизитом (халкидонитом). В связи с этим ошибочен и другой вывод Геюшева, что «Михраниды остались верны Византии во всех отношениях, потому что именно при помощи Ираклия они овладели всей Албанией и приняли религию своего сюзерена» [174а, с. 77]. Во-первых, Михраниды овладели Албанией, как было отмечено, без помощи Ираклия, а в силу сложившихся обстоятельств, — когда был заключен мир между Византией и Персией в 628/629 гг. Во-вторых, хазары к 630 г. сами покинули Албанию, и она осталась в сфере влияния сасанидской Персии. Именно в силу этих обстоятельств Михраниды с 630 по 642 гг. не могли быть верны Византии ни в каких отношениях.

К этому времени на Ближнем Востоке усиливаются арабы. В 632 г. они двинулись на Персию. Каланкатуйский четко датирует этот поход: «Через 4 года после

смерти великого Хосрова, персидского царя [т. е. 628 + 4 = 632 г.] М. И. Каланкатуйский. Албания. III

Карта 5. Албания в V в.
(Обозначения те же, что и на карте 2).

Карта 6. Албания в VI—VII вв.
(Обозначения те же, что и на карте 2).

возвращения Виро в Албанию, в последний год его жизни, когда его страна приобрела независимость (р. 630 г.)

КАРТА 6

смерти великого Хосрова, персидского царя [т. е. 628 + 4 = 632. — Ф. М.], воцарился... Азкерт [Иездигерд III (632 — 651)]. Род Агари, усиленный присоединением 12 племен, страшным и грозным натиском идет стремительно, как вихрь в пустыне. Пройдя Ассирию, они поспешно выступают против царя персидского» (*Каланкатуйский*, II, 18).

Иездигерд III для борьбы с арабами требовал от правителей подвластных ему стран, областей вспомогательное войско. Получив такой приказ, великий князь Албании Вараз-Григор решил послать одного из своих четырех сыновей — Джеваншира. Каланкатуйский поэтично, с любовью описывает Джеваншира: «Вараз-Григор... обратил внимание на второго сына своего, Джеваншира, гордого, величественного и прекрасного. Еще едва борода опушила лицо его, любимец отца своего, искусный в вооружении, ловкий как орел, опора отца, во всем преуспевающий Джеваншир в уме своем готовился помогать ему в мирской жизни, сравняться с великими и находиться при царях» (*Каланкатуйский*, II, 18). Джеваншир возглавил войско всего Албанского государства. В 636 — 642 гг. Джеваншир, будучи спарпапетом — главнокомандующим албанских войск, вместе с албанской армией входил в состав армии персов. В битвах у Мертвых вод, при Кадиссии (637 г.), он отличился храбростью. [*Каланкатуйский*, II, 18; 149, с. 72; 354, с. 20]. Храбрость его была достойна оценена Иездигердом III, «который дал ему знамя и громкие трубы, два золотых дротика и два золоченных щита, которые носили всегда перед ним. Он [Иездигерд III] почтил его выше всех. Опоясал его золотым поясом, унизанным жемчугом, и мечом с золотой рукоятью, дал ему браслеты на руки и надел на голову прекрасный венец. Он дал ему также повязки, осыпанные жемчугом, и много ниток жемчуга повесил на его шею» [*Каланкатуйский*, II, 18; 149, с. 139]. В 640 г. [«на 8 году царствования Иездигерда» (632 + 8 = 640)] арабы осадили персидского царя в его столице Ктесифоне. В течение шести месяцев Джеваншир во главе 3-тысячного албанского войска совместно с персами участвовал в защите Ктесифона (*Каланкатуйский*, II, 18). Через некоторое время, в 642 г. произошла известная битва при Нихавенде, где также участвовало албанское войско, предводительствуемое Джеванширом. Персидская армия

была полностью разбита. Иездигерд III бежал и скрылся в крепости на берегу Тигра. После победы арабов и окончательного поражения Ирана спарапет Албании Джеваншир «простился с ними (с персами. — Ф. М.) и пришел в провинцию Атропатакан», а оттуда вернулся в свою страну» (*Каланкатуйский*, II, 18).

Итак, «в продолжение семи лет храбрый Джеваншир воевал в этих тягостных войнах (636 + 7 = 642/643 г. — Ф. М.). Получив 11 тяжких ран, он простился с ними...» (*Каланкатуйский*, II, 18). Возвратившись на родину, Джеваншир в 642/643 г. становится первым великим князем — ишханом Албании, еще при жизни отца своего Варраз-Григора. «Пресветлый Джеваншир возвратился из персидских войн со славным именем и по повелению царя возвысил собою всю Албанию» (*Каланкатуйский*, II, 19). Первым годом правления Джеваншира следует считать не 636 год, как было официально принято в литературе, а 642/643 год [*Каланкатуйский*, II, 18, 19; 354, с. 20 — 21]. Вступив на княжеский престол, Джеваншир поднял восстание против персидских правителей. Он решил овладеть как правобережной, так и левобережной Албанией. С этой целью он вместе со своим отцом, взяв дружину, выступил к северу от Партава, на левый берег р. Куры. В это время в Албанию вторглись персидские войска. Дело в том, что когда разгромленное арабами государство Сасанидов прекратило свое существование, остатки разбитых персидских войска стали отступать на север, в Албанию, где, по сообщению Каланкатуйского, пытались укрепиться [*Каланкатуйский*, II, 19; 149, с. 73]. С персами Джеванширу пришлось воевать долго. Так, он очистил от персов области Гардман и Камбисену. Здесь в Камбисене, он заключил «нерушимый союз» с правителем Иберии Атрнерсехом. Заручившись от него поддержкой, а также получив вспомогательное грузинское войско, Джеваншир направился в область Ути, изгнал оттуда персов, очистил от них столицу Партава, освободил плененных персами своих родичей — мать и братьев. Персы в свою очередь стали снаряжать и посылать полчища из Атропатыны. Персидские войска были разбиты Джеванширом в двух битвах, состоявшихся в области Сакасена. Однако разгромленные персы через князя Сюника сумели склонить Джеваншира к перемирию, после

чего он «вспомнив о падении великой Персидской империи и о независимости первых восточных (албанских) царей и, сравнив их с собой в царском блеске, задумал никогда больше не подчинять никому свое княжество» (*Каланкатуйский*, II, 19).

Вскоре персы изменили союзу, заключенному с Джеванширом. Персидский главнокомандующий вновь снаряжает полки и отправляет их в Албанию, даже назначая правителей в ее области. С помощью грузинских войска Джеванширу удалось разбить и очистить страну от персов. Война Джеваншира против персов за независимость Албании прекращается с вторжением арабов. Арабы в 642 — 645 гг. со стороны Атропатыны напали на Закавказье и вошли в Албанию, но обосноваться там прочно не успели [64; 65, гл. XLIX; 18а, с. 14; 42а, с. 9—12].

Первое время в борьбе против арабов великий князь Албании Джеваншир заключил союз с полководцем и ишханом Армении Теодоросом Рштуни, подчинившимся арабам. В отличие от него Джеваншир считал нужным стать вассалом Византии. В своем послании византийскому императору Константу II (641 — 668) Джеваншир писал: «Всесильный господин, могущественный и милостивый государь греческий Константин... тебе поклоняется, приветствуя смиренно, Джеваншир, аспарапет и князь албан, с покорною страню Востока. Да будет угодно твоему христолюбивому господству согласиться принять в новое подданство отдаленный народ...» (*Каланкатуйский*, II, 20). Византийский император в своем ответном послании выразил радостное согласие и именовал Джеваншира «властителем Гардмана, князем Албании, аспарапетом и протопатрикием» (*Каланкатуйский*, II, 21).

Джеванширу кроме даров, были посланы пативы (почет, должность) для возведения 1200 мужей в патрики, ипаты, апоипаты и другие византийские титулы (*Каланкатуйский*, II, 20)⁵¹.

В 660 г. («На 19 году царствования Константа», т. е. 641 + 19 = 660, *Каланкатуйский*, II, 22) Джеваншир дважды встретился с императором Константином II. Первый раз в Персии, когда Константин призвал к себе князей, правителей, имеющих византийскую ориентацию, и второй раз — в г. Вагаршапате. Оба раза Джеваншир

был принят, по словам албанского автора, с большими почестями: «Джеваншир вступил как царь в императорский двор», «император почтил его выше всех вельмож», «император опоясал его поясом храброго деда своего Геракла и предка Никиты», «император дал ему частичку св. Креста, царские одежды», «два знамени», «сыновей его император сделал патрициями». Далее Каланкатуйский сообщает: «Вельможи армянские и военачальник Амазасп, видя, что ему достались такие небесные дары, сильно ему завидовали... Император отправил его в сопровождении азатов Арарата не как раба своего, а как *сопребстольного брата...*» (Каланкатуйский, II, 22). И завершает главу албанский автор словами: «Он [Констант] отдал ему [Джеванширу] из рода в род все села и *пределы албанских царей* и поручил ему блюсти на Востоке *по-царски*». Не скрывая своего восторженного отношения к Джеванширу, Каланкатуйский подчеркивает неадекватность политического положения Албании, ее правителя, с положением Армении, Грузии в данный период. Все рассматриваемые фрагменты и подчеркнутые нами слова, по нашему мнению, могут быть осмыслены только в одном значении — Джеваншир сумел сохранить государственность, самостоятельность Албании при условии вассальной зависимости от Византии. Каланкатуйский указывает точно территориальные пределы страны, которыми правил Джеваншир в это время: «Самодержавно и с великолепием он господствовал от пределов Иберии до ворот гуннов и до р. Аракс». [Каланкатуйский, II, 20; 149, с. 75].

Что же касается политики Византии, проводимой по отношению к Албании, то она объясняется сильной заинтересованностью Византии, учитывающей стратегическое положение ее, природные ресурсы, важные торговые пути, проходящие через территорию Албании. Кроме того, перед грозной опасностью с юга (арабского вторжения) необходимо было укрепить восточные границы империи [149, с. 75].

В 662 г. Албания подвергается новому вторжению хазар. На этот раз Джеванширу удается нанести им поражение и выдворить за пределы страны (Каланкатуйский, II, 23).

В 664 — 665 гг. хазары снова напали на Албанию. Они, перейдя р. Куру, дошли до Аракса, взяли в плен

албан, армян и увели скот. Джеваншир заключил союз с хазарами и женился на дочери хазарского хакана (Каланкатуйский, II, 26). Набег хазар, ослабление к этому времени Византии в результате завоевания арабами ряда областей Малой Азии, агрессивная политика арабов по отношению к странам Закавказья — все это побудило Джеваншира пересмотреть союз с Византией [374, с. 247; 149, с. 77]. Он решил подчиниться халифу, «игу властителя юга», отказываясь от помощи хазар — «бесчисленных войск туркестанцев» [Каланкатуйский, II, 27; 374, с. 248]. Желая сблизиться с арабами, Джеваншир дважды посещает халифа Муавию в Дамаске. Первый раз — в 667 г., когда целью поездки было признание вассальной зависимости от халифата, чтобы спасти страну от грозящего арабского разграбления. Джеванширу удается достичь поставленной цели [Каланкатуйский, II, 27; 149, с. 77 — 78]. Благодаря союзу с халифатом население Албании три года было избавлено от иноземных вторжений [149, с. 78]. В 670 г. Джеваншир вновь посещает халифа Муавию, на сей раз по приглашению самого халифа. Авторитет Джеваншира настолько возрастает в глазах халифа, что он уполномочивает его стать посредником в дипломатических переговорах между халифатом и Византией. Джеваншир с таким умением провел переговоры, что обе стороны остались довольны. Одарив его подарками, халиф отдал в подчинение ему княжество Сюник и потребовал принять правление Атропатеной. Однако Джеваншир отклонил это предложение и просил халифа «облегчить тяжелые подати, наложенные [халифатом] на его страну, и царь юга с удовольствием согласился на это, и приказал уменьшить ярмо налога на одну треть» (Каланкатуйский, II, 28). Албанский автор не раз отмечал, что халиф принял Джеваншира «с такими почестями и великолепием, каких он не оказывал ни одному из наместников страны». «Он приказал оказывать почести восточному князю, как *венчанному царю*» (Каланкатуйский, II, 27, 28).

Достоин внимания факт наделения Джеваншира *царским достоинством, царской почестью* как со стороны византийского императора Константа II, так и халифа Муавии. Несомненно, что уважение, почтение, благосклонность, какие снискал себе Джеваншир, объясняются не только значимостью Албании, ее стратегическим

положением на северных рубежах халифата, ее ресурсами, но и личными качествами самого Джеваншира. Это был видный полководец, мудрый политик, тонкий дипломат, крупный государственный деятель середины VII в. [374, с. 249], сумевший сохранить самостоятельность страны в один из самых тяжелых периодов в истории народов Закавказья — период завоеваний персов, арабов, византийцев и хазар. Страна его выплачивала лишь подати. И неудивительно, что албанский автор посвящает ему такой панегирик: «Провидением Божиим Джеваншир от рождения был назначен для славы и величия, и до сего дня Господь дозволил ему во всем быть славным... Он был уважаем и почитаем четырьмя завоевательными государствами и был не ниже этих властителей» (*Каланкатуйский*, II, 28).

Джеваншир был убит в результате политического заговора. Остается неясным, как верно отметила К. В. Тревер, стал он жертвой дворцового переворота или же классовой борьбы [374, с. 249]. По мнению одних исследователей Джеваншир был убит в 669 г. [374, с. 249; 209, с. 323], по мнению других — в 680 г. [149, с. 102], и наконец, последняя точка зрения — в 683 г. [354, с. 23]. Нам более верной представляется дата 680—681 гг., ибо в главе 39, кн. II албанским автором сообщается, что «...на 62 году южного царства строптивного Магомета...», т. е. в 681 г. преемник Джеваншира Вараз-Трдат, уже будучи великим князем Албании, направил к гуннам с дипломатической миссией епископа Израила. Следовательно, Джеваншир был убит не позднее 681 г. Представители светской знати в присутствии албанского католикоса Елиазара избрали «в сан великого князя отеческого престола» племянника Джеваншира, сына его брата Вараз-Пероза, по имени Вараз-Трдат, который от византийского императора получил титул патриция и был возведен почестью эксконсула [апоипата]. (*Каланкатуйский*, II, 36). Халиф Иазид I (680—683) признал Вараз-Трдата I (680—699) «наместником восточных областей и правителем царства Албанского и провинции Жти» (*Каланкатуйский*, II, 37). Страна продолжала платить дань арабам. Усмирив оппозиционные центробежные силы внутри Албании, Вараз-Трдат овладел всей страной, восстановил власть великого князя в прежних ее территориальных пределах (*Каланкатуйский*, II, 36).

В это время на Албанию двинулась многочисленная армия хазар под командованием великого князя гуннов Алп-Илитвера, «как бы отмщая за смерть Джеваншира». Разграбив области Кабала, Ути, взяв в плен людей, угнав скот, Алп-Илитвер расположился на полях Лпинии (*Каланкатуйский*, II, 36). Продолжая политику Джеваншира, Вараз-Трдат решил воздействовать на хазар дипломатическим путем. С этой целью он отправил к хазарам католикоса страны Елиазара, «изъявляя через него верную покорность и любовь». Мир и дружба, заключенные с хаканом, были, однако, кратковременны. Чтобы предотвратить настоянные набеги хазар, Вараз-Трдат отправил епископа Израила в Варачан, в ставку Алп-Илитвера. Израилу вменялось в обязанность склонить хазар к албанской вере, т. е. распространить там христианство. Миссия Израила оказалась успешной⁵². Значительная часть хазар во главе с Алп-Илитвером приняла христианство. В письме Алп-Илитвера, адресованном Вараз-Трдату, албанскому католикосу Елиазару, а также в письме к армянам, сказано, что только при условии, если епископ Израил останется у хазар духовным пастырем, «то между нами [хазарами] и вами водворится несокрушимая любовь» (*Каланкатуйский*, II, 43), «...то прекратятся набеги диких народов наших на страну вашу, по причине единоверия» [*Каланкатуйский*, II, 44; 149, с. 103—104]. Вараз-Трдат и албанский католикос Елиазар также полагали, что при сохранении Израила на положении «посредника», действующего между двумя странами (народами), можно надеяться на длительный мир с хазарами. Но это не спасло страну от очередного вторжения хазар. Воспользовавшись ослаблением контроля арабов над северными странами, так как в халифате после халифа Муавии происходили междоусобные войны, а также забыв о единоверии с албанами и армянами, хазары в 685 г. завладели Албанией, Арменией и Иберией [36, с. 10; 38, с. 39; 149, с. 104]. Разорив их, захватив добычу и пленных, хазары возвратились на свои земли.

В 685 г. в халифате к власти пришел халиф Абд-Малик (685—705), который в том же году заключил с византийским императором Юстинианом II (685—695, 705—711) перемирие, согласно которому они совместно владели странами Закавказья (Арменией, Иберией и

Албанией); подати, взимаемые с этих трех стран, стали поровну делиться между халифатом и Византией [242а, с. 251; 149, с. 105].

Юстиниан II в 689 — 690 гг. возглавил военный поход в страны Закавказья, захватил Армению, Грузию и Албанию. В этих странах Юстиниан II одних князей взял с собой, у других потребовал в заложники сыновей. Вараз-Трдата, великого князя Албании, Юстиниан II произвел в патрик-экзархи, т. е. сделал «вторым после царя ишханом Албании» [149, с. 105; 374, с. 250]. Албания в это время платила подати трем народам — хазарам, арабам и грекам [Византии] (*Каланкатуйский*, III, 12). При императоре Тиберии III в 699 г. Вараз-Трдат из-за сближения с арабами был отправлен вместе с сыновьями в Константинополь в качестве заложников, где они оставались пять лет (*Каланкатуйский*, III, 12). В Албании во время отсутствия Вараз-Трдата произошли события, повлекшие за собою прямое вмешательство халифата во внутренние дела страны. После смерти албанского католикоса Елиазара католикосом становится гардманский епископ Бакур-Нерсес, последователь халкидонитского учения. С помощью жены Вараз-Трдата княгини Спрамы Нерсес решил, сделав страну халкидонитской, подчиниться Византии. Оппозиционную группу сородичей Вараз-Трдата (Михранидов), придерживающихся монофизитского исповедания и настроенных проарабски, возглавил князь Шеройэ, который, сломив сопротивление Нерсеса Бакура и княгини Спрамы, в 699 — 704 гг. становится великим князем Албании (*Каланкатуйский*, III, 3, 4).

Армянский католикос Елиа в письме сообщает халифу Абд ал-Малику о деятельности католикоса Нерсеса и Спрамы: «...католикос албанский... условившись с императором греческим, упоминает его в молитвах и принуждает страны наши соединиться с ним в вере» (*Каланкатуйский*, III, 5). Следует отметить, что арабы по отношению к странам Закавказья вели политику Сасанидов — политику отторжения кавказских народов от Византии. С этой целью они поддерживали среди христианского населения этих стран христианство монофизитского толка в противовес Византии, где исповедывали христианство диофизитского толка — халкидонитство.

По приказу халифа Абд ал-Малика в Албанию прибыло арабское войско и армянский католикос Елиа,

которые и совершили суд над Нерсесом-Бакуром и Спрамой. Они были преданы анафеме и убиты (*Каланкатуйский*, III, 6 — 19). Халиф приказал также занести в особый список имена албанской знати: если кто-либо из них станет исповедовать диофизитство, то будет истреблен мечом и пленом. «Так водворился мир во всех церквах Албании» (*Каланкатуйский*, III, 10). После этого албанская церковь была подчинена армянской. Шеройэ недолго продержался в положении великого князя Албании. В 704 г. арабы увели его в Сирию (*Каланкатуйский*, III, 16). В 705 г. при вторичном воцарении Юстиниана II был освобожден Вараз-Трдат. Вернувшись из Константинополя в Албанию, Вараз-Трдат полностью принимает подданство арабов: «...дал с тех пор страну нашу таджикам [арабам], им только платил подать» (*Каланкатуйский*, III, 12). С этого времени Албания фактически и юридически полностью попадает под ярмо арабов. После Вараз-Трдата Албанией правили арабские эмиры.

§ 4. Социальные движения V — VII веков

Развитие феодальных отношений, феодальной эксплуатации населения со стороны своего государства, а также со стороны сасанидского Ирана, светских и духовных феодалов приводило к увеличению податного гнета, что вызывало сопротивление населения.

Моисей Каланкатуйский, будучи представителем церковно-феодальной знати, умалчивает о классовой борьбе, о социальных движениях, которые, несомненно, должны были иметь место в Албании. Отзвуки их справедливо увидела К. В. Тревер в отдельных скурых фрагментарных данных албанского автора [374, с. 186]. Так, в объяснении причин, вызвавших созыв Агуэнского собора 488 г., Каланкатуйский сообщает, что «произошли несогласия между мирянами и духовенством, между азатами и простолюдинами (рамиками); тогда царь пожелал собрать собор — многочисленное судилище» (*Каланкатуйский*, I, 26). Совершенно очевидно, что речь идет о разногласиях классовых и внутриклассовых. В тексте канонов отразились распри только внутриклассовые, т. е. между светской знатью и духовенством. И византийские историки (Феофан, Малала, Агафий, Прокопий), и сирийские

(Иешу Стилит), и армянские (Елишэ, Лазар Парпеци, Себеос, Хоренаци, Фавстос Бузандаци), отразившие события V—VII вв., ничего не сообщают о социальных движениях в общественной жизни стран Закавказья — Албании, Армении, Грузии. Исследование текстов Моисея Каланкатуйского дает возможность выявить, что понималось в тексте Агуэнского собора под «распрями азатов и простолюдинов (рамиков)», какое социальное движение могло иметь место в Албании в это время, и воссоздать это событие.

Как известно, в древности и средневековье любое социальное движение прикрывалось религиозными разногласиями между официальной религией и еретическими учениями, находящимися в противоречии с ней. Есть основание полагать, что в Албании IV—V вв. имела место проповедь несторианства и манихейства — еретических религиозных учений, оппозиционных христианству и зороастризму. Проповедниками этих учений в Албании были последователи сирийца Ибаса (умер в 457 г.), приверженца Нестора и последователи сирийца манихейца Бундоса (V в.) [374, с. 221—223; 434, с. 131—133; 422, с. 291, 337—338].

Так, Моисей Каланкатуйский сообщает, что албанский католикос Тер-Абас в 551 г. «произвел строгое расследование... и изгнал из Албании скверных учителей: Фому лицемерного, псалмопевца Илию, Бнота и Ибаса и других подобных им. Изгнали их в отдаленные земли и восстановили мир» (Каланкатуйский, II, 8). В Ибасе справедливо увидела К. В. Тревер сирийца Ибаса или его последователей, а в Бноте — манихейца Бундоса или его приверженцев» [374, с. 222]. К. В. Тревер считает, что отзвуки революционного движения Маздака отразились в Албании в этих еретических проповедях, имевших место во второй половине VI в. В отличие от К. В. Тревер мы усматриваем в «распрях между азатами и простолюдинами» Агуэнского собора 488 г. социальное движение, воспринявшее идеологию манихейства и несторианства в IV—V вв. непосредственно от последователей самого Нестора (сирийца Ибаса) и самого Мани (манихейца Бундоса). Или же мы склонны связать классовую борьбу в Албании конца V в. с революционным движением Маздака, начавшимся во второй половине V в., также восходившим к учению манихейства, т. е. социальные

движения Маздака и движение в Албании были почти синхронными. Эта классовая борьба в Албании и явилась одной из главных причин созыва Агуэнского собора. Что же касается данных Моисея Каланкатуйского об изгнании еретиков Тер-Абасом в VI в., то здесь мы склонны видеть продолжение борьбы с остатками этого социального движения. Таким образом, можно полагать, что маздакитское движение подняло не только крестьян и ремесленников Ирана, но и вообще население стран Закавказья — Албании, в частности. Основными требованиями маздакитского движения было имущественное равенство, равенство всех перед законом, равенство в семейном быту, упрощение церковных обрядов, борьба против эксплуатации и феодального землевладения [223, с. 114]. Косвенные данные о классовых разногласиях проскальзывают во всех тех случаях, когда албанский автор сообщает о столкновениях христианства с древними языческими культами, которых еще придерживались широкие слои населения. Особый интерес представляет сообщение Каланкатуйского о том, что после смерти Дживаншира «немало смут происходило в стране нашей: вооруженная чернь собиралась толпами» (Каланкатуйский, II, 34).

Остается неизвестным, почему «вооруженная чернь собиралась толпами». Видимо, имело место какое-то восстание. Крупным социальным движением VII в. было движение павликиан. Арабы в конце VII—начала VIII вв., установив свою власть в Албании, обложили последнюю большой данью.

Прежде основной налоговой единицей был крестьянский дым. Во избежание лишних налогов крестьянские семейства не разделялись, чтобы не умножать число дымов. Теперь же вместо подымной подати был установлен подушный налог. Новая система взимания налогов приняла форму организованного грабежа [330, с. 486]. Местные феодалы также усилили поборы с населения. Все это привело к зарождению социального антифеодального движения, известного под названием павликианского [149, с. 223—229; 126, с. 101; 220, с. 135]. Оно было одним из самых длительных по времени и наиболее массовым еретическим движением средневековья на востоке, которое длилось около двух столетий, попеременно, то усиливаясь, то ослабевая. Павликиане выступали про-

АЛБАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

§ 1. Становление христианства
государственной религией

Албанская церковь — одна из древних христианских церквей как на Кавказе, так и во всем христианском мире.

Албания относится к числу тех стран, где христианские общины возникли еще задолго до IV в., до становления христианства государственной религией. Согласно албанской традиции в начале первых веков нашей эры в Албанию проникают первые христианские миссионеры, апостолы и ученики апостолов из Иерусалима, из Сирии, создаются первые христианские общины.

Албанская традиция в деле распространения христианства различает два периода, последовательно сменивших друг друга. Первый, так называемый апостольский период, связанный с именами апостолов Фаддея, Варфоломея и ученика апостола Фаддея — Елисея. Его условно назовем сиропильским периодом, который датируется временем до IV в.

Второй период (грекофильский) связан с именем Григория Просветителя и албанского царя Урнайра (IV в.) [267, с. 38; 267а, с. 134]. Албанская церковь по своему происхождению, в отличие от армянской, изначально непосредственно связана с Иерусалимом, иерусалимской церковью, а позднее с иерусалимским патриархатом. В этом аспекте албанская церковь имеет аналогию с грузинской, истоки которой также восходят к иерусалимской церкви [230].

Прежде чем приступить к албанским христианским реалиям необходимо рассмотреть истоки зарождения христианского вероучения вообще, формирование доктрины (идеологического воззрения), складывание структуры церковной организации, географический ареал и время распространения христианства, что несомненно прольет свет в реконструировании картины албанской церкви.

Христианство, как известно, возникло в недрах иудаизма и возвращено на его почве в I — II вв. [110, с. 152, 209]. «Христианство — преуспевшее ессейство» [110,

тивниками крупного землевладения, религиозных обрядов и церковной иерархии. Принимая в основе мира два начала — добра и зла, они считали, что доброе начало, благополучие, находятся на земле, а не в небесном царстве. Они признавали имущественное и юридическое равенство всех. В отличие от маздакитов павликиане верили в торжество добра. Создав независимые общины, они не подчинялись ни феодалам, ни церкви.

Древнейшее упоминание о павликианах приводится в постановлении Албанского церковного собора, состоявшегося в Партаве (Барде) в 706 — 707 гг., где павликиане как еретики были осуждены албанской светской и духовно-церковной знатью [149, с. 223 — 226].

Павликианская ересь была подавлена только среди правящей верхушки Албании. В широких слоях населения она приняла характер значительного антифеодального движения, которым были охвачены особенно области Гардман и Баласакан [149, с. 225]. Павликиан, видимо, следует видеть в еретиках, упоминаемых в постановлениях другого Партавского церковного собора, созванного в 768 г. К активной деятельности павликиан Албании относится также проявление непокорности арабам жителями Байлаканской провинции в VII — IX вв. [149, с. 226]. Жители Байлакана — баласаканцы-павликиане до середины IX в. представляли серьезную силу, с которой приходилось считаться как местным князьям, союзникам Бабека, так и халифату. В дальнейшем под угрозой истребления или исламизации павликиане все или частично могли переселиться из Байлакана в Византию, а меньшая часть, приняв ислам, ассимилировалась [149, с. 229]. Таким образом, родиной движения павликиан надо считать Албанию — области Гардман и Байлакан (Пайтакаран — Баласакан) [149, с. 229].

с. 225]. На палестинском этапе в состав христианства потенциально вошли мистико-аскетические и организационные навыки ессейских общин, для систематического применения которых время настанет значительно позднее. Нарождающиеся раннехристианские общины имели много общих черт с кумранской общиной: этническое тождество, территориальная близость, сходство социальных принципов, организационной структуры и ряда теологических доктрин [110, с. 209 — 219]. Раннехристианская община именовалась, как и кумранская, «Новым Заветом» [110, с. 217], а позднее термин «Новый Завет» стали прилагать к сумме канонических текстов, в которых видели новые заповеди, заменяющие «Ветхий» Моисеев Закон (Тору) [86a]⁵³.

Во второй половине I в. в Иерусалиме во главе раннехристианских общин, как и кумранских, стояли «учителя» и «пророки» (сравни *пророка Елисея*, ученика апостола Фаддея, возглавившего албанскую раннехристианскую общину), позднее «епископы» (греч. «надзиратель») и «диаконы», вокруг которых к середине II в. в борьбе с децентрализаторскими тенденциями выкристаллизуется дисциплинарная и иерархическая структура вселенской церкви [86a].

Наряду с чертами сходства между кумранской общиной и раннехристианской, между кумранской и новозаветной литературой, отмечены и существенные различия, позволяющие считать христианство новым явлением в социальной и духовной истории средиземноморского мира, а затем и всемирной истории [110, с. 219 — 224]. Основное и решающее отличие заключается в том, что кумранская община «ограничивалась верованием в грядущий приход мессии, в то время как само возникновение христианства связано с верой в уже состоявшийся приход мессии — Иисуса Христа» [110, с. 219 — 224]. Одно из «отчетливо выступающих кардинальных отличий заключается в том, что кумранская община была и осталась замкнутой, даже конспиративной организацией, отгородившейся от внешнего мира, полностью ею осуждаемого, и таящей от него свое учение» [110, с. 220]. Христианство же, отделившись от иудаизма, стремится охватить своей пропагандой весь средиземноморский мир, превратиться в универсальную религию, отбросившую племенные и государственные перегородки [110, с. 220]. (подчеркнуто

нами. — Ф. М.). И в силу своего универсализма христианство стало вероисповеданием народов Кавказа, в частности Албании. Христианство впитало традиции мировоззрения, фиксированного в библейском каноне, а затем в евангелиях. Это мировоззрение как в ветхозаветной, так и особенно в новозаветной форме было с исключительной остротой ориентировано на осмысление истории, понятой не как круговращение циклов, а как выход к абсолютному будущему [86a].

Христианская литература первых веков дошла, главным образом, в составе канонического сборника, носящего название «Новый Завет», отбор которого в основном произошел во II в., но завершился только к концу IV в. В состав Нового Завета входят 27 сочинений: четыре Евангелия («Евангелия» от Марка, от Матфея, от Луки, от Иоанна), примыкающие к ним «Деяния апостолов», 21 послание (поучения в эпистолярной форме), из коих 14 принадлежат или приписываются традицией апостолу Павлу, а остальные — апостолу Петру (два), Иоанну Богослову (три), Иакову и Иуде (по одному), и, наконец, «Откровение Иоанна Богослова» или «Апокалипсис» — фантастическая картина грядущего конца мира [86a]. Все эти сочинения сохранились на греческом языке — международном языке Восточного Средиземноморья, и сирийском языке (в Сирии, Эдессе, Междуречье). Широкая проповедь христианства среди римских подданных и других народностей началась тогда, когда ее инициатором выступил ученый иудей Саул (Савл) из малоазиатского города Тарса.

Как повествуют «Деяния апостолов», Саул первоначально был убежденным противником Христа, ревностным его преследователем во имя иудейской ортодоксии. Согласно легенде, особое видение вызвало в нем духовный перелом, что привело его в ряды христиан. Называясь отныне римским именем Павел (прозвищем, принадлежащим ему, как потомственному римскому гражданину), он начал проповедовать христианство в Антиохии (столице Сирии), в различных городах Малой Азии и Греции. Будучи вызван в Иерусалим главами первоначальной общины, Павел сумел убедить их в правомочности своей миссии. Иудео-христианской церковью в Иерусалиме было решено, что Павел будет «апостолом язычников» [86a]. Именно апостолу Павлу (наряду с ав-

тором четвертого евангелия) принадлежит особенная роль в подготовке позднейшей разработки и систематизации догм и религиозно-этических положений христианства. Павел проповедовал Евангелие от Иерусалима до Иллирика. Пути проповеди привели его в Рим при императоре Нероне, где он получил мученическую смерть [143, с. 65 — 66].

Той же иудео-христианской церковью в Иерусалиме было решено, что апостол Петр вместе с другими апостолами останутся «столпами» иудео-христианской церкви Иерусалима [86а]. Позднее апостол Петр проповедовал в Понте, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Ассирии расселившимся иудеям, а под конец своей жизни пришел в Рим, где получил тамошнюю христианскую общину. В Риме же он был распят вниз головой [143, с. 65 — 66].

Широкая проповедь христианства на северо-восток и восток от Иерусалима в I — II вв. связана после деятельности апостола Павла с именами апостолов Фомы, Андрея, Варфоломея, брата апостола Фомы — Ардая-Аддея-Фаддея-Фаддея и учеников Фаддея — Елисея, Мара.

Эти апостолы и их ученики проповедовали в Сирии (центр Антиохия), в небольшом эллинистическом государстве Осроене (центр Эдесса), в Нисибине, Месопотамии — Междуречье, Малой Армении и далее на востоке и северо-востоке, в Персии (Селевкии — Ктесифоне), в странах Закавказья — Грузии, Албании, Армении.

На восточной окраине Восточно-римской империи, в непосредственной близости от границы с Ираном и дальше за этой границей, в городах и селениях (Сирии, Осроены, Месопотамии, Персии) располагалось сирийское население, язык которых представлял одно из арамейских наречий [343, с. 21]. Раннее распространение христианства по всем этим странам, населенным арамейцами, в значительной степени связано с еврейскою диаспорою, т. е. с расселением изгнанных из родного пепелища евреев [282, л. 28]. «Когда первые христиане, вытесненные из Иерусалима, нашли новую родину в Антиохии на Оронте (Деяния, 9, 19 сл.) и оттуда предприняли свои проповеднические путешествия, то арамейский Восток, по-видимому, не менее был зрел для принятия новой религии, чем греческий и римский мир» [439а, с. VII — VIII;

282, л. 28]. Таким образом, арамейцы были носителями христианства на Востоке. Проникновение евангельского учения в страны Востока с помощью сирийцев (арамейцев) объясняется главным образом той ролью, какую играли сирийцы в торговой жизни. Давняя налаженная торговая связь по воде и по суше между Средиземноморьем и странами Ближнего и Дальнего Востока в значительной мере была в руках сирийцев [343, с. 21].

Торговые пути уводили сирийцев далеко от Месопотамии, из Ирана в области Закавказья — Грузию, Армению, Албанию. Они с давних пор являлись торговыми людьми и, совершая торговые операции, попутно становились проводниками новых веяний, содействовали разглашению христианского учения. Восприятие христианства через арамейский язык облегчалось тем, что сами евреи в это время говорили на арамейском наречии. Раннее христианство среди арамейцев опиралось на еврейскую литературу, переведенную на арамейское наречие для потребностей еврейских общин [349; 282, л. 29].

Таким образом, Сирия, Осроена, Месопотамия, отдельные области Ирана были благодатной почвой как для восприятия, так и для последовательной пропаганды (на восток) христианского вероучения на арамейском языке. Проповедническая миссионерская деятельность апостолов в I — II вв. наглядно демонстрирует ареал географического распространения христианства. Евсевий Кесарийский со слов Оригена сообщает, что по преданию, апостол Фома проповедовал в Парфии, а апостол Андрей — в Скифии [143, с. 65 — 66]. Фома обращал свое благовестие прежде всего к иудеям и прозелитам. В этом отношении западная половина парфянского царства оказалась более восприимчивой к евангелию, чем восточная [143, с. 68 — 69]. Фактически Фома был апостолом Месопотамии. Согласно сирийским источникам, апостол Фома, один из двенадцати апостолов, отправил Аддея (Фаддея) одного из 72 на проповедь в Эдессу.

Фаддей основал церковь эдесскую, а перед своей кончиной «одного из учеников своих под именем Мара отправил проповедовать евангелие в странах, лежащих далее к востоку от Месопотамии. Мара из Эдессы направился в Нисибин и положил здесь начало христианству» [143, с. 85]. Сиро-персидское предание кафедру селевкие-ктесифонскую именуется «апостольскою кафедрою святого

Мар-Маре апостола» [143, с. 99] и считает его основателем кафедр.

Распространение христианства в Армении связано также с именем упомянутого апостола Фаддея, одного из семидесяти апостолов. Армянская традиция в распространении христианства в Армении усматривает три течения, связанные с именами апостолов Фаддея, Варфоломея и Григория. Проповедничество апостолов Фаддея и Варфоломея шло с юга [91, с. 346]. Ранним по времени из двух апостолов было апостольство Фаддея, относительно которого предания расходятся. В согласии с армянским преданием об обращении армян в христианство при Абгаре любопытны данные сирийских источников, сообщающие об Агее (Аддее-Фаддее), одном из 70 учеников: «Агай обратил Цофену (Софену), Арзану (Арзанена) и Внешнюю Армению, и Сиринос, сын Авгара, разбил ему голени и он умер» [282, л. 32]. Считается установленным, что известный властитель Эдессы, принявший христианство, есть Абгар IX, историческое лицо, жившее во II в. и, что легенда отодвинула историческое событие к началу нашей эры и перенесла на другое лицо, Абгара V, современника Христова [91, с. 347]. Итак, Фаддей, он же Агей, обратил в христианство Эдессу, Малую Армению (Софену), Арзанену, т. е. налицо идеологическое генетическое родство Эдессы с Внешней Арменией. В отличие от армянского сирийского предание не высказывается о странствовании Агайя — Аддая — Фаддея из Эдессы в Артаз (Маку, Атропатена), где он, согласно армянской традиции, получил мученическую смерть и где хранится его гробница [327, с. 10 — 11]. Итак, согласно армянской традиции, получается, что христианская церковь Атропатены имела апостольское начало. Что же касается православных и католиков, то оно обходит его молчанием вообще [327, с. 10—11]. Вопрос о проповеди Фаддеем во Внутренней — Большой Армении остается не выясненным. Что же касается миссионерской деятельности апостола Варфоломея, с именем которого армянская традиция связывает одно из течений (второе) в распространении христианства в Армении, то следует заметить, что Степаннос Орбелян (XIII в.) сообщает, что миссионерство этого апостола теснейшим образом связано с Сюником. «Прежде всего было необходимо и очень полезно показать то, что раньше, чем население Армении, эти (сюнийцы) явились

первыми верующими и через святого апостола Варфоломея подчинились учению святого евангелия, о чем уместно здесь рассказать. Когда Варфоломей возвратился из Персии, прошел через Атрпатакан, пришел со своими учениками и, пройдя через реку Аракс, вступил в пределы Сисакана [Сюника. — Ф. М.] и приступил к проповеди в селе Ордубад, в области Аревик, в доме (во владении) Багка и в Гохтне, которые приняв евангельскую проповедь, просветились крещением в купели посредством святого апостола Варфоломея. А святой апостол построил церковь в Гохтне. ...Святой апостол выступив оттуда, пошел в столицу Армении, г. Двин» (*Степаннос Орбелян*, гл. V). Получается, что сюникская церковь также имеет апостольское начало. Проникновение христианства, образование раннехристианской общины в Албании связано как с именем апостола Варфоломея, так и с именем апостола Фаддея. Каланкатуйский сообщает: «Но, когда пришло время явления солнца правды, и посетило нас спасение наше, неисповедимое бытие, свет славы, и явление бытия Отца, и совершив воплощение всецело, возсело в славе бытия, откуда Оно не отлучалось. — Оно послало учеников своих проповедовать по вселенной. В удел нам жителям Востока достался святой апостол Фаддей, который, прибыл в Армению, в область Артаз и там получил он мученическую смерть от Санатрука, царя Армении» (*Каланкатуйский*, I, 6) (подчеркнуто нами. — Ф. М.).

Этот фрагмент ценен еще тем, что в нем подчеркивается желание автора показать, что апостольская проповедь на Востоке — в Албании образовалась в ту пору, когда «ученики» Господа (апостолы) проповедовали «по вселенной», т. е. не было временного разрыва. Далее албанский историк сообщает: «Ученик его [Фаддея] Св. Елисей (Елише) возвращается в Иерусалим и остальным соапостолам его [Фаддея] рассказывает о... его мученичестве... Там Елисей рукополагается рукой святого Иакова, брата Господня, бывшего первым патриархом Иерусалима. Елисей получает себе в удел Восток» (*Каланкатуйский*, I, 6). В словах «остальным соапостолам» опять же автор подчеркивает синхронность времени действий Фаддея, Елисея и других апостолов, т. е. I — II вв.

В данном контексте под Востоком понимается, как было отмечено, Албания. Исследование понятий «Во-

сток», «восточная страна», «северо-восток» у Моисея Каланкатуйского убеждает нас в том, что под этими понятиями подразумеваются Албания, Албанская страна в значении восточной оконечности, восточного предела христианского мира по отношению к Иерусалиму [266, с. 38 — 39; 443, с. 87]⁵⁴.

Далее Каланкатуйский сообщает, что, получив в удел Восток, «он [Елисей], направив путь из Иерусалима в Персию, зашел к маскутам, минуя Армению, и начал свою проповедь в Чола. ...Оттуда прибыл он в область Ути ... Святой патриарх [Елисей] прибыл в Гис, основал церковь и принес чистую бескровную жертву. Это место является первоначальным истоком церковей наших, жителей Востока, истоком первопрестольных городов и началом места просвещения» (*Каланкатуйский*, I, 6). Автор вполне четко очертил путь Елисея — «минуя Армению», из Иерусалима через Персию, очевидно, через Атропатену, по западному побережью Каспия. Чола, как известно, область на крайнем северо-востоке Албании, Гис — на крайнем северо-западе страны, в левобережье Куры, а Ути — область на правобережье Куры.

То, что проповедь Елисея имела место и в правобережье, и в левобережье Албании, подтверждается и другим контекстом: «Первопричиною нашего просвещения был святой Елисей... Он был просветителем трех стран: Чола, Лпинии и Агвани, где кончил свою жизнь мученичеством» (*Каланкатуйский*, III, 23). В христианской литературе, в христианской традиции Елисей известен не только как ученик Фаддея, но и как пророк [144; 138; 327, с. 165 — 167].

Красной нитью через всю «Историю» Каланкатуйского проходит идея апостольского начала албанской церкви, а также ее генетического родства с иерусалимской церковью и постоянной неослабной связью с нею. Каланкатуйский неоднократно подчеркивает, что Елисей — ученик апостола Фаддея, получив в Иерусалиме рукоположение в патриархи Албании, основал здесь церковь, которая была первой церковью в Закавказье. К тому же, рукоположение он получил в I в. от первого патриарха Иерусалима Иакова, брата самого Господня (*Каланкатуйский*, I, 6, 28; II, 30, 42, 48; III, 8, 23).

Значение апостольского начала церкви состоит в том, что оно свидетельствует как о древнем исконном проис-

хождении церкви, так и о том, что церковь была создана самим первоисточником (апостолом), без посредничества другой церкви [327, с. 9 — 11].

В Албании в первый, так называемый апостольский, период христианство было воспринято успешнее, чем в Армении и Иберии. Это подтверждают как данные письменных источников (Моисей Каланкатуйский, I, 6, 7, 9; II, 48), так и знание реалий того времени [267^a, с. 134 — 135].

О распространении христианства в Албании раньше, чем в Армении свидетельствует и ряд контекстов албанского историка, где приводится письмо армянского католика Авраама, адресованное албанам: «Престол албанский, бывший раньше нашего [армянского], был прежде согласен с нами [армянами]» (*Каланкатуйский*, II, 47). Другой фрагмент: «Св. Елисей проповедовал там [в Албании] и построил там [в Албании] церковь ранее, чем в Армении, именно в селе Гисе. Церковь эта была матерью церковей восточных, т. е. метрополией» (*Каланкатуйский*, II, 43). Другой пассаж: «На 43-м году летоисчисления греческого просветились армяне, спустя 270 лет после просвещения албан» (*Каланкатуйский*, II, 47). Помимо прочего, неценимость этого сообщения в том, что получается достоверная дата официального принятия христианства — 43 г. + 270 = 313 г., дата принятия миланского эдикта о веротерпимости в Риме, когда христианство получило право гражданства в империи, так и дата объявления христианства государственной религией в Большой Армении (Внутренней), в Иберии и Албании. В этом убеждает и следующий отрывок Моисея Каланкатуйского. «Блаженный Елисей, начав апостольское воздвигание с концов земли, просветил только северную часть нашего Востока (Албании), а не всех, и сам совершив благую борьбу за народ свой — утрудился. Но в то время, когда Господь посетил род человеческий, озарил весь запад через великого императора Константина и просветил Большую Армению через блаженного Трдата, он обратил в веру и Восток (Албанию), который несколько познал уже о спасительном явлении истинного солнца. Албаны вторично и совершеннее были просвещены Урнайром (албанским царем). Все эти чудеса свершились в одно время от Бога» (*Каланкатуйский*, I, 9). Автор под-

черкивает синхронность времени принятия христианства — «в одно время от Бога», т. е. 313 г.

Далее, контекст свидетельствует о двух периодах распространения христианства: первый период проповеди христианства Елисеем, который «просветил только северную часть... Востока», и второй период, когда Албания «вторично и совершеннее» приняла христианство при албанском царе Урнайре (в 313 г.).

Первый период проповеди христианства — это сирофильский период, когда евангельское слово разглашалось на сирийском (арамейском) языке, как и во всех странах Ближнего и Среднего Востока. Он связан не только с деятельностью апостолов, учеников их, но и с деятельностью сирийских миссионеров. Каланкатуйский сохранил данные, позволяющие судить о сирофильском периоде — о деятельности в Албании в IV — V вв. сирийских монахов (*Каланкатуйский*, I, 14); о надписях на христианских реликвиях на сирийском языке (*Каланкатуйский*, II, 29, 30).

Этническая пестрота⁵⁵, господство политеизма⁵⁶ создавали благоприятные условия для восприятия новой идеологии, монотеистической религии — христианства. Не случайно, что проповедь свою Елисей начал в северной части Албании в области Чола, где была наибольшая этническая пестрота. В пользу нашего положения о раннем проникновении христианства говорит также наличие в Албании ранних церквей, названных именами апостола Фаддея (Дади) и ученика его Елисея.

«В начале христианство распространялось быстро и в период парфянского владычества сделало крупные успехи на Востоке, но с возвышением Сасанидской династии в Персии, благодаря их враждебной политике, результаты двух веков свелись на нет» [91, с. 346]. Поэтому о торжестве христианства в Албании в I — III вв. (в первый период) не могло быть и речи. Христианское вероисповедание получает право гражданства в стране только в IV в., что связано с общим торжеством христианства в странах Ближнего и Среднего Востока, с победой его в Римской империи. Это связано также с политикой албанских царей Аршакидов.

В III в. христианство по всей Малой Азии уже утвердилось [164, с. 48], а прилегающие области уже были к этому подготовлены. В Осроене в конце II — начале III в.

христианство стало государственной религией [142, с. 256 — 257]. Что же касается Римской империи, то первый указ империи в пользу христианства вышел в 311 г., на основании которого христиане получали прощение за свое упорство не принятия язычества и получали законное право на существование [164, с. 51]. А в 313 г. Константин издал великий Миланский эдикт, который устанавливал свободу вероисповедания. Это был важнейший момент в истории раннего христианства. Значение акта Константина в том, что он позволил христианству не только жить (как было по указу 311 г.), но и взял его под защиту государства [164, с. 52]. Были предоставлены привилегии христианскому духовенству (клирикам — *clerici*), которое освобождалось от несения государственных податей и повинностей, от всякого занятия гражданских должностей (право иммунитета). Каждый человек имел право делать завещание в пользу церкви, за которой тем самым признавалось пассивное наследственное право. Очень важные привилегии были даны епископским судам [164, с. 53].

Второй период (грекофильский) — становление христианства государственной религией — является общим для стран Закавказья — Албании, Армении и Иберии. Он связан с именем Григория Просветителя (для трех стран), а также с именем албанского царя Урнайра (для Албании).

Данные Агафангела, Мовсеса Хоренаци (II, 74), Мовсея Каланкатуйского (I, 14) о Григории Просветителе сводятся к следующему. Он был парфянского происхождения, сын Анака, из рода Сурэна — Пахлава, одного из семи знатных персидских родов. Во время бегства из Персии в Армению родители Григория остановились в Атропатене, в области Артаз (Маку), в местечке, где был погребен апостол Фаддей. «Здесь зачала мать великого Просветителя» Григория (*Хоренаци*, II, 74). Эта легенда как бы является символом преемственности апостольского дела — дело апостола Фаддея продолжит Григорий [91, с. 352]. После смерти Анака (Енака Парфянина), отца Григория, Григорий был увезен в страну греков, где «хранился для спасения Армении и всех восточных стран», т. е. Албании, (*Каланкатуйский*, I, 14). Григорий получил воспитание и образование в городе Кесарии, центре эллинского государства Каппадокии. Он был типичным эллинофилом.

Когда албанский царь Урнаир, который, как и Григорий, был также парфянского происхождения, «слышал о великих чудесах и знамениях Божьих, совершенных Св. Григорием в Армении, то он обратился из многих стезей заблуждения к истинному Богу» (*Каланкатуйский*, I, 14). Далее, согласно албанскому автору (I, 14), Урнаир с вельможами и с войском албанским отправился в Армению, где все они держали сорокадневный пост и признали Святую Троицу. «...Сошел царь [Урнаир] во святую воду и все войско с ним», и тогда «первосвященник [Григорий] совершил над ним обряд возрождения в небесную Троицу».

Получив вторичное рождение от Св. Григория, как сообщает Каланкатуйский (I, 9), Урнаир снова просветил албан. Таким образом, в 313 г. Урнаир объявил христианство государственной религией. Принятие христианства Урнаиром (и его преемниками), Аршакидом по происхождению, объясняется, конечно, не столько внутренним убеждением, тяготением к христианству, сколько политическими соображениями. С помощью монотеистической религии — христианства Урнаир рассчитывал объединить разноплеменное государство и противостоять зороастрийской Персии. Эту политику прекрасно понимали и продолжали его преемники.

Григорий Просветитель, рукоположенный в Кесарии в чин главного священника (*каханайапет*), кроме Армении «просвещал страны Иберию и Албанию. Придя в область Габанд (Албания), он поучал народ соблюдать заповеди Сына Божьего и положил основание церкви в городе Амарасе, назначил работников и смотрителей, чтобы достроить церковь» (*Каланкатуйский*, I, 14).

Грекофильский период христианства (II период) в странах Закавказья, будучи общим, не был одинаковым по длительности периода и по характеру своему, что объясняется, конечно, политическими причинами. Отношения албанской, армянской и иберийской церковью с имперской церковью «должны быть освещены в связи с политической конъюнктурой, иначе говоря, зависимость церкви должна была проявиться в той мере, в какой страна политически зависела от империи» [91, с. 359] — Восточно-Римской. В большей зависимости, как известно, находилась Армения, в меньшей — Иберия, и совершенно не зависела Албания. И потому после Григория

Просветителя и его внука Григориса (эллинофилов) албанская церковь продолжала поддерживать отношения с иерусалимской церковью.

В свете вышеизложенного нам представляется несостоятельным господствующее в науке мнение о том, что первые христианские проповедники посылались в Албанию из Армении, и что области правобережья Албании получали проповедников христианства из Армении, а северо-западные области левобережья Албании, т. е. междуречье Иоры и Алазани, проповедовались христианами проповедниками из Иберии [204, с. 323].

Политика Сасанидов по отношению к подвластным христианским народам стран Закавказья — Албании, Армении и Иберии, была как известно, не ровной, все время менялась. С победой христианства в Восточно-Римской империи (в начале IV в.) изменилось отношение к христианам Закавказских стран (Албании, Армении и Иберии) в сасанидском Иране.

Сасанидские цари стали поддерживать в своем государстве различные христианские секты, борющиеся с официальной церковью.

Объявленное в начале IV в. государственной религией христианство, воспринятое царем, двором, феодальной знатью, насаждаемое среди населения, не стало всеобщей, общенародной религией, не получило повсеместного распространения. Продолжали бытовать древние местные верования, в основу которых было положено поклонение силам природы, догмы манихейства, зороастризм с его разными сектами, насаждаемые Сасанидами.

По данным Моисея Каланкатуйского, албанские цари Аршакиды — Урнаир, Ваче II, Вачаган III вели ожесточенную борьбу с различными языческими верованиями, пытались искоренить их. Преследованию пережитков дохристианских верований посвящены два канона (11, 12) Агуэнского собора V в.

В деле распространения и утверждения христианства большую роль сыграло усовершенствование и создание албанского алфавита, албанской письменности, создание школ, перевод Библии и другой богословской литературы с сирийского и греческого языков на албанский.

Христианство с помощью деятельности албанских

царей Аршакидов становится идеологической основой нового феодального общества, начинает играть значительную роль в общественно-политической и социальной жизни Албании. Феодальный монарх и феодальная знать Албании создали материальную базу албанской церкви, ее клира, к которым перешла большая часть земель и богатств языческих храмов, а также поступали земельные пожертвования от царя и знати. В пользу церкви с населения взималась «церковная десятина», соответствующая 1/10 всех сельскохозяйственных доходов албан, а также другие многочисленные регламентированные натуральные подати и добровольные приношения. Духовенство за службу обеспечивалось земельными наделами — хостаками [264, с. 79 — 88].

Албанские цари проявляли большую заботу об албанской церкви, албанском христианском духовенстве, предоставив ему привилегии. Они пытались уравнять его со светской знатью (азатами), создав наряду с дворцовым судом церковный суд, инстанциями которого были суд священника и суд епископа [264, с. 179 — 180].

В начальной период христианства (IV—V вв.) албанское духовенство экономически и политически было слабым. Даже в решении вопросов церкви албанский клир не играл ведущей роли. Условия канонических правил албанских церковных соборов разрабатывались в присутствии царя светской знатью и духовенством. Но юридическую силу они получали после утверждения их печатями светской знати и царя [264, с. 137 — 138]. Власть албанского католикоса была номинальной. Албанские цари назначали епископов, созывали соборы, организовывали поиски христианских реликвий, т. е. то, что должно было входить в компетенцию клира, церкви. Такое положение албанского духовенства объясняется как слабостью идеологических позиций церкви среди населения, так и наличием в стране централизованной власти. В этом одна из отличительных черт албанской церкви от армянской. В Армении, в условиях постоянной политической зависимости от двух империй — Рима и Персии, в условиях стабильно слабой государственной власти, а в 428 г. полной ликвидации ее, при наличии единого этноса позиции армянской церкви в IV—V вв. и в последующие столетия были сильны, христианство стало всеобщей религией. И потому армянская церковь

выступала в роли консолидирующей центральной организации армянского народа, держала в руках законодательную и судебную власть.

Что же касается албанской церкви, то ее положение было не стабильно. В VI—VII вв., в период правления албанских великих князей Михранидов, экономические и политические позиции албанской церкви усилились, что наглядно видно при сравнительном изучении канонов двух албанских соборов — 488 г. и 705 г. Если, согласно канонам 488 г., албанское духовенство только отстаивало свои права перед светской знатью — азатами, пыталось с нею уравняться в правах, то согласно канонам 705 г. духовенство вступает в борьбу с азатами, ограничивает их произвол и категорически запрещает им вмешиваться в дела церкви, клира (*Каланкатуйский*, I, 26; III, 11). В VII в. инициатива созыва албанского собора принадлежала албанскому католикосу, который возглавлял церковь и стоял во главе законодательного собора.

§ 2. Албанский католикосат

В начальный период христианства (IV в.), пока было идеологическое единство в христианском мире (не было догматических споров), когда албанское духовенство еще не было сформировано полностью, не сложилась церковная иерархия, албанская церковь, так же как и армянская и грузинская, в иерархическом отношении зависела непосредственно от имперской греческой церкви, но в отличие от армянской, глава которой получал рукоположение в Кесарии Каппадокийской, а глава албанской церкви — в Иерусалиме (за исключением епископа из Рима), зависимость албанской церкви носила формальный характер.

Согласно данным албанского автора Моисея Каланкатуйского, в начале IV в. Григорий Просветитель был рукоположен в сан епископа. С ним вместе из Рима прибыл «муж блаженный», также рукоположенный в епископы, который с албанским царем Урнайром отправился в Албанию возглавить албанскую церковь. Примечательно, что первые епископы Армении и Албании — Григорий Просветитель и сей «муж блаженный» названы албанским автором каханайя-петами (древнеарм. яз.), буквально главами священников, что является реальным

синонимом епископа (*Каланкатуйский, I, II*). В это время о других церковных чинах еще не могло быть и речи.

К концу IV в. в Албании уже сложилась необходимая церковная иерархия с присущей ей определенной субординацией. Это позволило албанскому клиру самому рукополагать главу албанской церкви. Так Моисей Каланкатуйский сообщает: «Относительно рукоположения католикоса нашего [албанского]. Первые [албанские католикосы] получали [рукоположение] из Иерусалима — до Св. Григориса. И потом и поныне получают [рукоположение] от епископов наших» (*Каланкатуйский, III, 8, рук. С-59*).

Таким образом, получается, что к 340 г. албанская церковь была автокефальной. Относительно автокефальности церкви имеются две точки зрения. Согласно мнению В. В. Болотова, сиро-персидская церковь, получив своих первых иерархов от церкви эдесской стала автокефальной, и за время своего исторического существования никогда не зависела от антиохийского патриаршества. Первостоятелей сироперсидской церкви, по мнению В. В. Болотова, выбирали и рукополагали подведомые им епископы сиро-персидские [143, с. 109]. В. В. Болотов не объясняет причины автокефальности сиро-персидской церкви, а на наш взгляд, это объясняется политическими причинами. Нахождение сиро-персидской церкви в независимом Персидском государстве обеспечило самостоятельность сиро-персидской церкви. Можно полагать, что политический статус Албанского государства также предопределил раннюю фактическую автокефальность албанской церкви, первые иерархи которой получили рукоположение от иерусалимского древнего восточного патриаршества.

Согласно же другой точке зрения, автокефальными считались те церкви, которые имели апостольское происхождение, т. е. когда основание церкви связано непосредственно с деянием какого-либо апостола [327, с. 19]. Исходя из двух точек зрения, объясняющих автокефальность церкви, можно с уверенностью говорить о ранней самостоятельности албанской церкви. Считаем беспочвенным мнение Я. А. Манандяна и С. Т. Еремяна, утверждающих, что албанская церковь в IV—VI вв. иерархически подчинялась армянской церкви, что глава

албанской церкви рукополагался армянским католикосом [435, с. 19, 20, 24, 28; 204, с. 323].

Вопрос о праве рукоположения разрешался в зависимости от того, сколько епископов насчитывалось в церкви страны.

По постановлению Никейского вселенского собора 325 г. посвящение в епископы совершалось с согласия всех епископов данной епархии; если было трудно всем собраться, то требовалось обязательно присутствие по меньшей мере трех епископов и письменное согласие других отсутствующих. Результат предлагался на утверждение митрополиту [91, с. 365].

Армянские католикосы от Григория до времени армянского царя Папа посвящались в Кесарии. Неустойчивое политическое положение Большой Армении, ее постоянная зависимость от Византийской империи (временами в большей или меньшей степени) и от Ирана создавали соответственное положение ее церкви. «В первый век существования армянской церкви от Григория до раздела Армении в конце IV в., Армения находилась под протекторатом преимущественно империи, и потому церковные отношения были теснее» [91, с. 360], т. е. армянская церковь зависела от имперской. Самостоятельное же положение Албании обеспечивало автокефальность албанской церкви.

Фактическое положение албанской церкви было юридически узаконено после IV Вселенского собора, созванного в 451 г. в Халкидоне, когда в христианском мире между западными и восточными церквями началась догматическая борьба [монофизитов с диофизитами], в основе которой лежала борьба иерархическая.

Свое отношение к догматическим, христологическим спорам, происходящим в Халкидоне, албанская церковь вместе с другими церквями Кавказа не могла проявить в это время, ибо была занята борьбой с зороастризмом [96, с. 23].

Албанская церковь, как другие церкви Закавказья, приняла постановления первых трех вселенских соборов. В 325 г. в Никее состоялся I Вселенский собор, который осудил ересь Ария и после некоторых поправок и дополнений принял символ веры, в которой, вопреки учению Ария, *Христос признавался Сыном Божьим, несотворенным, единосущным Отцу* [164, с. 56; 327, с. 23]. Согласно

данным Каланкатуйского, этот символ был принят албанской церковью. В 381 г. в Константинополе был созван II Вселенский собор при участии лишь представителей восточной церкви.

Собор осудил ересь Македония, который, продолжая идти по пути дальнейшего развития арианства, доказывал творение Св. Духа. Собор вновь установил учение о единости Св. Духа с Отцом и Сыном. Согласно II Вселенскому собору константинопольский патриарх занял среди патриархов второе место, после римского епископа (патриарха), с чем не могли согласиться более древние восточные патриархи [164, с. 81—82]. В 431 г. в Ефесе состоялся III Вселенский собор, где было осуждено учение Нестора (Нестория) (несторианство).

В это время в самой византийской церкви, особенно в Александрии, появилось новое течение, возникшее и развивающееся в противовес несторианству. Это было монофиситское течение христианства [164, с. 103—105], которого потом придерживалась албанская церковь. В 451 г. был созван IV Вселенский собор в Халкидоне, на котором было признано два начала в Иисусе Христе — Христа Сына, Господа, едиnorodного, в двух естествах неслитно, неразлучно познаваемого [327, с. 34—36] (диофизитство). Большое недовольство вызвал 28-й канон Халкидонского собора, который, по существу, и внес раскол в греко-римский мир и отколол многие восточные церкви от имперской. Согласно этому канону константинопольскому патриарху предоставлялось право посвящать епископов Понта, Азии, Фракии, заселенных иноплемениками, инородцами [164, с. 112; 91, с. 364; 327, с. 34—35].

Согласно данным албанского автора, в 491 г. поместный собор, на котором были представители армянской, албанской и грузинской церквей, осудил Халкидонский собор. [Каланкатуйский, 11, 47; 435, с. 29]. По мнению З. Н. Алексидзе, свое отношение к Халкидонскому собору 451 г. церкви Кавказа впервые проявили на Двинском поместном соборе в 506 г., когда иерархи армянской, албанской и грузинской церквей поддержали униональную политику византийских правителей, целью которой было соглашение между диофизитами и монофизитами [96, с. 23]. В 551 г. на Двинском соборе албанская церковь, как и армянская порвала с византийской импер-

ской церковью, стала юридически автокефальной. Монофизитский толк восторжествовал в этих странах при активном содействии Сасанидов. Сасанидские цари стали подвергать гонениям христиан правоверного толка и поддерживать в своем государстве различные секты, боровшиеся с официальной церковью [199, с. 265].

Грузинская церковь осталась на своей прежней позиции — умеренного халкидонитства [96, с. 24, 40].

С тех пор глава албанской церкви юридически стал именоваться католикосом (архиепископом, патриархом). Фактически он им был намного раньше. В условиях Албании высшие церковные чины — патриарх, католикос и архиепископ применялись как равнозначные термины (чины) [255]. Между тем по греческой церковной иерархии, патриарх и архиепископ были самостоятельными чинами, архиепископ мог именоваться и католикосом. Согласно греческой церковной иерархии полагалось девять чинов: патриарх, архиепископ, который называется католикосом, митрополит, епископ, священник, дьякон, иподьякон, причетник и псалмопевец. А в Албании было семь церковных чинов (Каланкатуйский, II, 48).

Патриархи албанского католикосата с 551 г. носили титул «католикос Албании, Лпинии и Чола». Центром албанской церкви в IV в. была столица Кабала, а с V в. — новопостроенная столица Партав (Барда).

В деле утверждения самостоятельности албанской церкви, которая противостояла бы ассимиляторской политике иноземных сил, а также в укреплении культовых обрядов, в уничтожении остатков нехристианских верований, в создании материальной базы клира, в укреплении его правовых и экономических привилегий, в узаконении материальных и религиозных обязанностей албан перед церковью решающую роль сыграли постановления Агуэнского собора, созванного в 487/488 гг. албанским царем Вачаганом III. Агуэнские каноны [21 статья] можно делить на четыре группы: 1) каноны, касающиеся духовенства, взаимоотношений церковнослужителей, прав и обязанностей клира; 2) каноны, регулирующие отношения между клиром и светской знатью; 3) каноны, регулирующие отношения между духовенством и мирянами; 4) каноны, имеющие чисто правовой характер [264, с. 160—161].

Церковная власть распределялась по церковно-адми-

нистративным единицам (епархиям)//(епископствам). В Албании территория епископства совпадала с территорией области, т. е. церковная единица совпала с территориально-административной. В Албании не в каждой области было епископство. Так, в Арцахе было 11 областей, а епископства были только в трех областях — Габанде, Мец-Когманке, Мец-Иранке. А порой целая провинция (наханг) имеет одно епископство, как Баласакан (Пайтакаран). Вероятно, это зависело от степени распространенности христианства. Для освещения вопроса о епископствах ценными данными служат главным образом остатки соборных актов. Правда, эти акты не отражают сполна количества присутствовавших епископов, особенно это относится к спискам соборов, созываемых с конца VI в.. С этого времени наступает период конфессиональных разномыслей, страна распадается на догматические партии, и потому многие представители церкви отсутствовали на соборе по тем или иным соображениям. Церковные разногласия продолжались до VIII в.

Анализ соборных списков с V в. и далее свидетельствует о росте церковных областей, что выражается как в появлении новых епископств, так и в дроблении существующих. Так, с V по VIII в. епископство области Габанда находилось в городе Габанда (Амарасе), а в VIII в. Амарас становится областью и одновременно самостоятельным Амарасским епископством, а Габанд сам по себе остается епископством. В V—VIII вв. в Албании насчитывается 12 епископств: Капалака, Гашуа, Еута, Цри, Амарас, Баласакан, Шаки, Гардман, Мец-Когманк, Мец-Иранк, Габанд, Партав.

Догматически албанская церковь так же, как и грузинская, не придерживалась стабильно монофизитства. Падение политического влияния Сасанидов в Закавказье сопровождалось и крушением церковной гегемонии монофизитов. В конце VI и в VII в. в связи с усилением в Закавказье политического влияния Византии албанская церковь совместно с грузинской примкнула к диофизитству.

В 607 г. в Двине произошло соборное провозглашение грузинской церковью халкидонитского вероисповедания и официальное отделение ее от армянской [149, с. 93; 96, с. 40]. Албанская церковь хоть официально не отделилась

от армянской [Каланкатуйский, II, 47], тем не менее некоторые общины, епископства придерживались халкидонства [Каланкатуйский, II, 7, 8].

После завоевания Закавказья арабами в начале VIII в. албанская церковь под давлением арабов и при активном содействии армянской церкви порвала с диофизитством. Арабский халифат в отношении христианского населения последовательно проводил политику Сасанидов, т. е., боясь, усиления византийского влияния, поддерживал монофизитский толк. В политических целях, пытаясь координировать действия подвластного им христианского населения и, действия церквей, арабский халифат при содействии армянской церкви сделал албанскую церковь монофизитской и иерархически подчинил ее монофизитской армянской церкви (705 г.) [Каланкатуйский, III, 3 — 11; 149, с. 86 — 100].

Так, в 705 г. армянский католикос Илья донес халифу Абд ал-Малику (685 — 705) о том, что албаны блокируются с Византией против халифата, придерживаются их религии — диофизитства. «Теперешний католикос Албании, сидящий на троне в Партаве, вошел в соглашение с императором греческим, упоминает его в своих молитвах и принуждает страну соединиться с ним в вере и принять его покровительство» (Мюисей Каланкатуйский, III, 5). Тогда Абд ал-Малик, опираясь на военно-политическую силу арабов, подчинил Илье католикоса Албании. Зависимость эта выражалась в том, что из двух равных сопрестольников армянский католикос рукополагал албанского, что считалось нарушением иерархического принципа. Таким образом, при отсутствии в стране централизованной власти албанских Аршакидов и албанских великих князей Михранидов, при отсутствии единого энтоса, а также при наличии других религиозных верований, в условиях, когда христианство так и не стало общенародной, всеобщей религией, албанская церковь не смогла противостоять политике Арабского халифата и активно помогающей ему армянской церкви и стать той консолидирующей организующей силой народа, каковой была армянская церковь в этот период. Все это привело впоследствии к исламизации, а также культурно-идеологической ассимиляции — григоринизации (арменизации) и грузинизации албанского христианского населения.

В IX—X вв. центром албанской церкви стал храм Хамши, находившийся на территории провинции Миапор царства Парисос.

Несмотря на догматическое единство иерархическая борьба албанской и армянской церковью продолжалась. В периоды ослабления армянской церкви, в условиях отсутствия единого армянского патриаршего центра (в XI, XIII, XV вв.) албанские патриархи рукополагались албанскими епископами без ведома эчмиадзинского католикоса.

Начиная с 1240 г. стал подниматься авторитет епископства Гандзасарского храма, на престоле которого по наследству восседали представители рода Гасан-Джалалянов. С этого времени Гандзасар стал центром албанской церкви и резиденцией ее католикоса, после чего албанский католикосат назывался Гандзасарским. Резиденция гандзасарского католикоса фактически являлась также духовным и политическим центром княжества Арцах. С середины 1634 г. Гандзасарское (албанское) патриаршество, хотя и признало первенство Эчмиадзинского патриаршества, тем не менее в вопросах рукоположения албанских католикосов продолжало обходить эчмиадзинских патриархов.

С XVII до XIX вв. католикосы албанской церкви имели антипрестол в Хаченском храме Ерицманканц. В 1836 г. по указу царского правительства албанский католикосат был упразднен.

Царская Россия в своих внешнеполитических интересах на Востоке в определенной мере рассчитывало на турецких армян. Заручиться поддержкой их можно было при условии иерархического подчинения их в религиозном отношении прорусски настроенному армянскому католикосу. Царское правительство в этих целях пошло на ряд уступок и снисхождений по отношению к армянскому католикосату, что привело к созданию для него и его паствы исключительного положения, которое было регламентировано законом 1836 г. [ЦГИА, справка 1907 г., фонд 821, опись 139 (173), единица хранения 96]. Согласно Положению 1836 г. об армяно-григорианской церкви албанское патриаршество-католикосат был упразднен. Начиная с этого времени в подведомственных бывшему албанскому католикосату областях и уездах были созданы епархиально подчиненные Эчмиадзинско-

му католикосату две епископские и одна преемственная епархии. В первую епископскую епархию (Шушинскую или Арцахскую) входили Варандский, Хаченский, Дизакский, Бердадзорский, Джрабердский, Гюлистанский, Ленкаранский, Шакинский, Кабалакский, Гянджинский, Хенский, Камбечанский, Арашский уезды. Во вторую епископскую епархию (с центром Шамаха) входили церкви Дербендского, Кубинского, Бакинского, Сальянского и других соседних уездов. Центром преемственной епархии являлся город Гандзак. Ей подчинялись Гардманский, Парисосский, Завский уезды. Преемственная епархия непосредственно подчинялась Тифлисской консистории.

Согласно Положению 1836 г. Эчмиадзинский армяно-григорианский Синод состоял под предводительством Эчмиадзинского Верховного патриарха — католикоса [ЦГИА, фонд 821, опись 1, дело № 97].

В 1857 г. по уставу духовных дел иностранных исповеданий в России значилось шесть армяно-григорианских епархий: Астраханская, Грузинская, *Карабагская*, Нахичевано-Бессарабская, *Ширванская*, Эриванская [ЦГИА, фонд 821, опись № 7]. Понятия албанская церковь, албанская епархия были упразднены вообще.

В 1909—1910 годах Русский Синод разрешил Эчмиадзинскому армяно-григорианскому Синоду и Эриванской армяно-григорианской консистории уничтожить старые архивные дела подведомственных епархий. [ЦГИА, фонд 821, опись № 10, дело 89]. Очевидно, что среди старых армянских архивов были уничтожены архивы албанской церкви.

Настоящая монография является попыткой всестороннего исследования вопросов по истории Албании — исторической географии, политической истории, церкви, литературы, идеологии.

Исследование античных и раннесредневековых источников, реалий Албании, Армении и Иберии, соположение их, привлечение договоров, заключенных между двумя империями — Римом-Византией и Персией относительно Закавказских стран, привело к убеждению, что в силу политических причин территория Албании с III в. до н. э. по VIII в. н. э., т. е. в течение 1000 лет оставалась (за небольшим исключением) приблизительно в одних и тех же пределах. Не было особой динамики в сторону расширения или сокращения ее территории. Албанские цари не вели экспансионистской политики. Географическое положение Албании, Армении и Грузии, сложившиеся внешние и внутривнутриполитические ситуации в каждой из них способствовали стабильной безопасности албанских границ. Следовательно, формирование албанского этноса, который был одним из предков азербайджанского народа, происходило на одной и той же территории.

Изменения временами имели место лишь на крайнем северо-западе Албании, в области Камбисены, и на юге, где они были связаны только с областью Каспианой. В III в. до н. э. Албания достигала максимальных пределов (см.: карту 1). На северо-западе территория Камбисены была велика как никогда, а на юге, где постоянно политическая граница страны проходила по р. Аракс, область Каспиана входила в состав Албании. В период II—I вв. до н. э. Каспиана была завоевана Арменией, а в I—II вв. была в составе Атропатены, после чего с III в. н. э. Каспиана окончательно вошла в состав Албании (см.: карту 4). Территория Камбисены была уменьшена в пользу Иберии в V в. (см.: карту 5).

Исследование показало беспочвенность и неправомерность так называемой армянской традиции, согласно которой территория Албании с III в. до н. э. по IV в. н. э.

проходила по р. Куре, т. е. междуречье Куры и Аракса — области Арцах, Ути и Каспиана (Пайтакаран) считались армянскими. Исследование показало также несостоятельность мнения грузинских исследователей, согласно которому албанские земли до Шаки включительно были в составе Иберии. Исследование показало, что Албания в течение I—VIII вв. сохранила государственность, политический суверенитет дольше, чем Армения и Грузия. Политическую структуру албанского общества IV—VIII вв. можно с уверенностью представить как феодальное централизованное государство, управляемое албанскими царями и сменившими их великими князьями страны. Исследование позволяет говорить о преемственности и непрерывности правителей страны — албанских царей Аршакидов (I—VI вв.) и сменивших их великих князей Михранидов (VII—VIII вв.). Албанские Аршакиды, восходящие непосредственно к персидским Аршакидам, утвердились в Албании в I в. н. э. Основателем албанской ветви Аршакидов был Вачаган I Храбрый.

В работе показана ошибочность точки зрения историков, датирующих основание албанских Аршакидов IV в. и считающих Санатрука, масскутского царя Аршакида, основателем албанской ветви. Период политического и культурного расцвета Албании падает на время правления албанского Аршакида Вачагана III (V в.). Изученный материал убеждает, что албанские цари Аршакиды и их преемники — великие князья Михраниды несмотря на свое персидское происхождение, а также на то, что они изначально были ставленниками персидских царей (парфянских и сасанидских) верно служили Албании, проводили албанскую политику, быстро роднились с местной знатью, приобщались к албанской религии, культуре, т. е. албанизировались.

Напомним, что в период раннего средневековья сознание политического и культурного единства играло большую роль, чем единство языка, этноса. Албанские цари и великие князья, продолжая традиции древней Албании, проводили свою независимую от соседей самостоятельную внутреннюю и временами внешнюю политику.

Можно с уверенностью сказать, что внутренняя политика албанских Аршакидов была направлена на

становление христианства идеологической основой албанского общества, слагающейся феодальной культуры. Учитывая важную роль в деле сохранения политического суверенитета страны самостоятельной албанской церкви, которая противостояла бы чуждым религиозно-политическим влияниям и ассимиляторской политике двух империй — Византии и Персии, Аршакиды Албании стремились упрочить идеологические позиции церкви, укрепить ее экономически.

Марзбанский режим (наместничество), установившийся в стране после упразднения царской власти, как удалось выявить, был кратковременным и эпизодическим, в отличие от Армении и Иберии: с 463 г. по 487/488 г., а также с 510 по 629 г. Политическую судьбу Албании, идеологические позиции албанской церкви накануне и в период правления великих князей Михранидов мы рассматривали на фоне взаимоотношений двух империй — Персии и Византии, их политического и идеологического соперничества.

В тяжелых сложных условиях внешнеполитических событий — нашествий хазар, персидско-византийских, арабско-персидских, арабско-византийских войн, когда Албания становилась ареной этих военных действий, Михраниды благодаря мудрой, гибкой политике сумели сохранить на вассальных началах политическую самостоятельность страны. В этом плане особо следует отметить правление великого князя Дживаншира, видного полководца, мудрого политика, тонкого дипломата, крупного государственного деятеля середины VII в.

В монографии особое внимание уделено проблеме албанской церкви, раннему христианству, его проникновению и становлению государственной религией, с чем неразрывно связана дальнейшая судьба албанского этноса. Изучение данных письменных источников, а также реалий Албании, в частности, и христианских реалий вообще, убеждает, что христианство Албании прошло два этапа: 1) апостольский, сирофильский и 2) грекофильский.

В первый период проповеди христианство проповедовалась на сирийском — арамейском языке. Этот период связан как с деятельностью апостолов, их учеников, так и с деятельностью сирийских миссионеров. В моногра-

фии вскрыты причины раннего проникновения христианства в Албанию.

Второй период (грекофильский), когда христианство становится государственной религией, является общим для стран Закавказья. Грекофильский период был кратковременным, после которого албанская церковь становится на путь национально-албанского развития, с чем связано развитие албанской литературы.

На сегодняшний день уже не вызывает сомнений, что албанская церковь — апостольская, самая древняя на Кавказе и одна из ранних во всем христианском мире. Путь ее развития несколько иной, чем в Армении. Нами выявлено, что истоки албанской церкви (так же как и грузинской) связаны непосредственно с иерусалимской церковью, иерусалимским патриархатом, в то время как истоки армянской церкви восходят к церквям эллинской Осроены и эллинской Каппадокии. Изученный материал убеждает, что образование раннехристианской общины в Албании связано с именами апостолов Фаддея, Елисея, Варфоломея. Нами выяснена и уточнена официальная дата объявления христианства государственной религией Албании — 313 г., т. е. время синхронное для христианского средиземноморского мира.

В монографии рассмотрен также вопрос албанского католикосата (патриаршества), который, как показало наше исследование, в отличие от армянского изначально был автокефальным. Исследуемый материал вскрыл политические причины изначальной самостоятельности албанской церкви. Политический суверенитет Албании обеспечил автокефальность ее церкви.

Албания в V—VI вв. оказалась втянутой в догматическую борьбу (борьбу монофизитов с диофизитами) распирающей христианское Средиземноморье.

Падение политического влияния Сасанидов в Закавказье сопровождалось и крушением церковной гегемонии монофизитов. В конце VI—и начале VII в. в связи с усилением в Закавказье политического влияния Византии албанская церковь совместно с грузинской приняла диофизитство. После завоевания Закавказья арабами халифат в отношении христианского населения последовательно проводил политику Сасанидов. Понимая стратегическое значение Албании, в частности, и стран Закавказья вообще, как плацдарма в борьбе с Византией,

халифат проводил политику отторжения от Византии закавказских стран, политику идеологического разобщения их с Византией. В противовес диофизитству Византии халифат поддержал монофизитский толк среди христиан Закавказья. Насаждая ислам и поддерживая христианство (монофизитство) в странах Закавказья, халифат в то же время проводил политику идеологического разобщения закавказских народов. В силу непосредственной близости исторических грузинских земель к Византии, халифату не удалось отторгнуть исторические области Грузии от политического и идеологического единства с Византией — от диофизитства. Идеологического единства Албании с Византией халифат допустить не мог. В силу указанных причин, пытаясь координировать действия подвластного им христианского населения, действия церкви, арабский халифат при содействии армянской церкви сделал албанскую церковь монофизитской и подчинил иерархически ее монофизитской армянской церкви (705 г.).

Таким образом, при отсутствии в стране централизованной власти, а также единого этноса, при наличии других религиозных верований, в условиях, когда христианство так и не стало всеобщей религией, албанская церковь не смогла противостоять политике арабского халифата и активно помогающей ему армянской церкви и не смогла стать той консолидирующей, организующей силой населения Албании, каковой была армянская в этот период. Все это привело к григорианизации албанской церкви и в дальнейшем к культурно-идеологической ассимиляции — арменизации албанского христианского населения. Судьба албанской церкви рассмотрена нами до XIX в., когда албанский католикосат был упразднен.

В монографии исследован также вопрос албанской литературы, показано становление албанской историко-литературной традиции, ее виды — нарративные источники, агнографическая и церковно-правовая литература.

Изученный материал позволяет считать, что становление албанской литературы на албанском языке было объективной исторической необходимостью. К созданию своей литературы Албания была подготовлена всеми условиями жизни — социально-экономическими, политическими. В ее начальной форме албанская литература

складывалась при благоприятных историко-литературных обстоятельствах. Это было время существования самостоятельного албанского государства с правящей царской династией и сменивших ее великих князей, с апостольской автокефальной церковью. В албанской литературе, как исследовано в монографии, наметились три последовательные направления: сирофильское, грекофильское и местное — албанское. Албанская местная историко-литературная традиция стала складываться с VII в. Период ее формирования и развития (VII — XIII вв.) совпал с периодом арабского завоевания, с падением албанского государства, с исламизацией и григорианизацией церкви и албанского христианского населения. В этом кроется, как нам думается, одна из основных причин исчезновения на местном языке албанской литературы*, которая не успев выкристаллизоваться, пустить глубокие корни, оказалась подверженной сложному процессу — григорианизации, а впоследствии арменизации, т. е. албанская литература не сумела противостоять чуждым культурно-идеологическим влияниям — исламизации и григорианизации. Следует отметить, что албанская литература до X в. включительно создавалась на албанском языке, а с XII в. — на армянском, хотя по духу она оставалась целиком и полностью албанской. И даже в период общего культурно-политического подъема всей страны, в XII — XIII вв. в период возрождения албанского царства в лице Хаченского княжества, когда наблюдался подъем албанского самосознания, албанской исторической, историко-правовой литературы, то памятники эти уже создавались на армянском языке (Мхитар Гош, Киракос Гандзакский и др.). И неудивительно, что эпитафия Гандзасарского собора, построенного в XIII в., также написана на армянском языке, хотя гласит, что храм построен албанским царем Гасан Джалалом по приказу албанского католикоса — патриарха для албан.

Падение албанского царства в VIII в. нанесло непоправимый удар албанскому обществу. Средневековые письменные источники и эпитафия свидетельствуют о сохранении в течении длительного времени преданий и историй о происхождении албан, о их политической судь-

* О других причинах см. З. М. Бунятова [149, с. 86 — 102].

бе. Но лишённые собственной политической организации, а также своей самостоятельной религии, могущей противостоять исламу, с одной стороны, и монофизитской григорианской армянской церкви, а также диофизитской грузинской церкви, с другой стороны, албаны частью слились с тюркоязычным населением, осевшим компактными массами на территории страны, частью подверглись культурно-идеологической ассимиляции армян, частью — грузин, т. е. деэтнизировались.

Однако утверждение, будто албанское общество погибло, растворившись в других этносах, не оставив зримого следа, несомненно ложно. Албаны были одним из главных создателей античной и раннесредневековой культуры Азербайджана, и одним из предков азербайджанского народа. Этим и определяется место албан в истории Азербайджана и культурной истории человечества. В этом актуальность изучения поставленных проблем.

Монографијада Албанијанын тарихи — тарихи чоғрафијасы, сијаси тарихи; килсәси, әдәбијјаты, идеолокијасы үзрә мәсәләләрин өјрәнилмәсинә чәһд көстәрилир.

Тәдгигат кениш вә ардычыл олараг, албан, ермәни, күрчү, антик вә илк орта әсрләрин мүхтәлиф характерли јазылы мәнбәләринә: тарихи, агиографик, чоғрафи әсәрләрә, һүгуги сәнәдләрә, үмумдүнја килсә мәчлисинин актларына, һәмчинин дә јерли албан вә ермәни килсәләри актларына әсасланыр.

Тәдгигатлар сүбүт едир ки, сијаси сәбәбләр үзүндән ерамыздан әввәл III әсрдән јени еранын VIII әсринә гәдәр, јә’ни 1000 ил әрзиндә Албанијанын әразиси тәхминән ејни һүдудларда (кичик бир фәрглә) галмышдыр. Әразинин кенишләнмәсиндә вә кичилмәсиндә хүсуси бир динамика олмамышдыр. Албан чарлары експансионист сијасәт апармамышлар. Албанијанын, Ермәнистанын вә Күрчүстанын чоғрафи вәзијјәти, онларын һәр бириндә формалашан харичи вә дахили сијаси вәзијјәт Албанија сәрһәдләринин сабитлијинә имкан јаратмышдыр. Азербайчан халгынын да әчдадларындан бири олан албан этносунун формалашмасы ејни әразидә баш вермишдир.

Вахташыры дәјишиклик анчаг Албанијанын узаг шимал-гәрбиндә — Камбисени вилајәтиндә вә чәнубда анчаг Каспиани вилајәти илә әлагәдар јерләрдә олмушдур. Ерамыздан әввәл III әсрдә Албанија максимал һүдудлара чатмышдыр (1-чи хәритәјә бах). Шимал-гәрбдә Камбисена әразиси һеч бир вахта олмајан бөјүк бир әразијә чатмыш, чәнубда исә, өлкәнин даими сијаси сәрһәддинин Араз чајы бојунча кечән јердә, Каспиана вилајәти Албанија тәркибинә дахил иди. Ерамыздан әввәл II — I әсрләрдә Каспиана Ермәнистан тәрәфиндән әлә кечирилмиш, I — II әсрләрдә исә Атропатенанын тәркибинә, бундан сонра исә ерамызын III әсриндә бирдәфәлик олараг Албанијанын тәркибинә дахил олмушдур (2-чи вә 3-чү хәритәләрә бах). V әсрдә Камбисена-

нын эразиси Иберијанын хејринэ кичилир (5-чи хэри-тэјэ бах).

Тэдгигатлар көстэрир ки, I—III эсрлэрдэ Албанија Күрчүстан вэ Ермәнистана нисбэтэн сијаси суверенлијини вэ дөвлэт гуручулуғуну даһа чох сахлаја билмишдир.

IV—VIII эсрлэрдэ албан чәмијјәтинин сијаси гурулушуну там инамла албан Аршакидлэри вэ сонрадан онлары эвэз едэн өлкәнин бөјүк кијазлары — Михранидлэр тәрәфиндән идарэ олунан мәркәзләшдирилмиш феодал дөвләти кими тәсәввүр етмәк олар. Билаваситә фарс Аршакидлэринэ мејл едэн албан Аршакидлэри (I—VI эсрлэр) ерамызын I эсриндэ Албанијада эсасланмышлар. Аршакидлэрин албан голунун баниси Чәсур I Вачаган олмушдур.

Тэдгигатда албан Аршакидлэри эсасынын IV эсрдән башландығыны, Аршакидин Маскут чары Санатрукун албан голунун эсасыны гојдуғуну иддиа едэн тарихчилэрин нөгтеји-нәзэрлэринин сәһв олдуғу көстәрилмишдир. Тэдгиг едилән материаллар төсдиг едир ки, албан чарлары — Аршакидлэр вэ онларын варислэри — бөјүк Михранид кијазларынын фарс мәншәјинэ вэ Иран чарлары (парфјан вэ сасанилэр) тәрәфиндән тәјин олунамаларына бахмајараг, онлар Албанијаја сәдагәтлэ хидмәт етмиш, албан сијасәти апармыш, јерли задәканларла гоһум олмуш, албан дини вэ мэдәнијјәтинэ риајәт етмиш, даһа доғрусу албанлашмышлар.

Там инамла демәк олар ки, Аршакидлэрин дахили сијасәти христианлығын албан чәмијјәтинин идеја эсасы, феодал мэдәнијјәтинин тәркиб һиссәси олмасына јөнәлдилмишдир.

Ашкар олундуғу кими, чар һакимијјәти ләғв едилдикдән сонра өлкәдә гурулан Мәрзбан үсул-идарәси (чанишинлик) Ермәнистан вэ Иберијадан фәргли олараг нисбэтән ғысамүддәтли (463-чү илдән 487/488-чи иллэрэ, һәмчинин дә 510-чү илдән 629-чү илэ кими) вэ эпизодик олмушдур.

Харичи сијаси һадисәлэрин чәтин шәраитиндә — хәзәрлилэрин һүчуму, Иран—Византија, эрәб—Иран, эрәб—Византија мұһарибәлэри заманы Албанија эразисинин дөјүш мејданына чеврилдији бир дөврдә Михранилэр ағыллы, узагкөрән сијасәтлэ өлкәнин вассал эсасында сијаси сәрбәстлијини сахлаја билмишлэр. VII эсрин көр-

кәмли дөвләт һадими — бөјүк кијаз Чаванширин һакимијјәти дөврүнү хүсуси олараг гејд етмәк ләзымдыр.

Монографијада албан етносунун кәләчәк тәлеји илә алагәдар олан албан килсәси проблеминэ, илкин христианлығы, онун өлкәдә дөвләт дини кими гәбул олунмасына хүсуси јер верилмишдир. Тэдгиг олунан материаллар көстэрир ки, Албанија христианлығы ики мәрһәлә кечирмишдир: 1) апостол (сирофил) I—III эсрлэрдә вэ 2) грекофил IV—VI эсрлэрдә.

Грекофил дөврү ғысамүддәтли олмуш, бундан сонра Албанија килсәси милли — албан инкишафы јолуна гәдәм гојмуш, албан әдәбијјатынын инкишафы бунунла алагәдар олмушдур.

Бу күн исә апостол албан килсәсинин Гафгазда вэ үмумијјәтлэ христиан дүнјасында ән гәдимлэрдән бири олдуғу һеч бир шүбһә доғурмур. Онун инкишаф јолу Ермәнистанда олдуғундан бир гәдәр фәрглидир. Мүәјјән етмишик ки, албан килсәсинин мәнбәји (күрчү килсәси кими) јерусәлим килсәси, јерусәлим патриархаты илә бирбаша алагәдардыр. Һалбуки ермәни килсәсинин мәнбәји Осроен вэ Каппадски еллин килсәлэриндән әмәлә кәлмишдир. Тэдгиг едилмиш материаллар сүбүт едир ки, Албанијада илкин христиан чәмијјәтинин јаранмасы Фаддеј, Јелисеј, Варфоломеј апостолларынын адлары илә бағлыдыр.

Монографијада һәмчинин албан католикосаты (патриархатлығы) мәсәләси дә нәзәрдән кечирилир ки, бу да бизим тэдгигатдан көрүндүјү кими, ермәни вэ күрчү католикосатларындан фәргли олараг, онун мәншәјинин автокефал олдуғуну ашкара чыхарыр.

Тэдгиг олунан материал албан килсәсинин илкин сәрбәстлијинин сијаси сәбәблэрини ачмаға имкан верир. Бөјүк Ермәнистанын мөһкәм олмајан сијаси вәзијјәти, онун Византија империјасындан вэ Ирандан даими асыллығы килсәнин дә вәзијјәтинэ тәсир көстәрирди. Албанијанын сијаси суверенлији онун килсәсинин автокефал вәзијјәтинин тәмин едирди.

Эрәблэр Загафгазијаны зәбт етдикдән сонра, Хилафәт христиан әһалисинэ мүнәсибәтдә Сасанилэрин апардығлары сијасәти јеридирди. Албанијанын стратеги әһәмијјәтини, үмумијјәтлэ, Загафгазија өлкәлэриндән Византија илә мұбаризәдә мұһарибә мејданы кими петифадә едилмәсини баша дүшән хилафәт Загафгазија

өлкөлөрүнн Византиядан айырмаг сijasәтини јеридирди. Византијанын диофизитлијинин әксинә олараг, хилафәт Загафгазија христианлары арасында монофизит фикирләринн мүдафиә едирди. Көстәрилән сәбәбләр нәтичәсиндә табе олан христиан әһалисинн вә килсәнинн фәалијјәтинн әлагәләндирмәјә чалышан әрәб хилафәти ермәни килсәсинин көмәји илә албан килсәсинн монофизит етди вә ону монофизит ермәни килсәсинә табе етди (705-чи ил).

Беләликлә, өлкәдә мәркәзләшдирилмиш һакимијјәтинн, еләчә дә ваһид этносун олмадығы бир шәрантдә, әксинә башга дини етигадларын һөкм сүрдүјү бир вахтда вә христианлығын үмуми дин кими формалаша билмәдији бир шәрантдә албан килсәси әрәб хилафәти сijasәтинә вә она фәал көмәк көстәрән ермәни килсәсинә гаршы дура билмәди вә о дөврдә ермәни килсәси кими, албан халгынын бирләшдиричи вә тәшкиледичи гүввәсинә чеврилә билмәди. Бүтүн бунлар албан килсәсинин григорианлашмасына кәтириб чыхартды, сонрлар исә албан христиан әһалисинн бир һиссәсинн мэдәни-идеоложи ассимилјасијасына — ермәниләшдирилмәсинә сәбәб олду. Албан килсәсинн тәләјинн биз XIX әсрә кими — албан католикосатынын ләғв едилмәсинә гәдәр нәзәрән кечирмишик.

Монографијада албан әдәбијјаты мäsәләси дә тәдгиг едилмиш, албан әдәби-тарихи ән'әнәләринн тәшәккүлү көстәрилмишдир.

Өјрәнилән материал албан дилиндә албан әдәбијјатынын јаранмасынын объектив тарихи зәруријјәт олдуғуну сүбүт етмәјә имкан верир. Албанија өлкәнин сосиал-игтисади вә сijasи һәјатынын бүтүн кедиши илә өз әдәбијјатынын јаранмасына һазырлашмышды. Бу дөвр сәрбәст албан дөвләтинн варлығы, ону идарә едән чар сүләләси вә онлары әвәз едән бөјүк князлар, апостол автокефал килсәси дөврү иди. Монографијада гејд олундуғу кими, албан әдәбијјатында үч ардычыл истигамәт: сиропил, грекопил вә јерли—албан истигамәтләри мөвчуд олмушдур. Јерли албан әдәбијјаты ән'әнәләри VII әсрдән башлајараг јаранмаға башламышдыр. Онун формалашмасы дөврү (VII — XIII әсрләр) әрәб истилалары, албан дөвләтинн тәнәззүлү, албан христиан әһалисинн вә килсәнинн исламлашдырылмасы вә григорианлашмасы дөврү илә ујғун кәлир. Бизим фикримизчә,

јерли дилли албан әдәбијјатынын сафлашмаға вә дәрн көк салмаға имкан тапмајыб итмәсинн әсас сәбәби онун мүрәккәб просесә — григорианлашмаја, сонрлар исә ермәниләшмәјә мәрүз галмасынын сәбәбинн дә мәнз бурада ахтармаг лазымдыр.

Албан чәмијјәтинн сүгуту, албанларын башга этносларын дахилиндә һеч бир из гојмадан һәлл олмасы тәәсүраты етибарсыз сајылмалыдыр. Албанлар Азәрбајчанын антик вә орта әсрләр мэдәнијјәтинн әсл јарадычылары, Азәрбајчан халгынын өчдадларындан бири һесаб едилмәлидир. Гојулан проблемләрин актуаллығы да мәнз бурадан ашкар олунур.

SUMMARY

The present monograph is an attempt to study history of Albania including historical geography, political history, history of church, literature and ideology.

The study is based on a wide and systematic referring to diverse antique and early medieval written sources of Albanian, Armenian and Georgian origin such as historical, agiographical and geographical essays, juridical documents, bills of church oecumenical councils and bills of Albanian and Armenian local church councils.

The investigation made sure that due to political reasons the territory of Albania from the III century B. C. till the VIII century A. D., i. e. during 1000 years remained approximately in the same borders. There was nothing much in dynamics of expansion or reduction of its territory. Albanian kings did not pursue a policy of expansion. The geographical location of Albania, Armenia, Georgia as well as the established external and internal political situation in each of them favoured the stable security of Albanian borders. The formation of the Albanian ethnos which was one of ancestors of the Azerbaijanian people took place on the same territory.

Some changes occurred only far to the north-west of Albania in the Cambisena region and in the south of the Caspiana region. In the III century B. C. Albania achieved its maximum area (see map 1). In the north-west the territory of Cambisena was extremely great and in the

south where the political border was permanently along the Araks river, the Caspiana region was a part of Albania. During the II — I centuries B. C. Caspiana was conquered by Armenia and in the I — II centuries it was a part of Atropatene. After that in the III century Caspiana became completely a part of Albania (see maps 2, 3). The Cambisena territory was reduced in favour of Iberia in the V century (see map 5).

The investigation showed that during the II — VIII centuries Albania preserved its statehood and political sovereignty longer than Armenia and Georgia. The political structure of the Albanian society of the IV — VIII centuries can be represented with certainty as a feudal centralized state ruled by Albanian Arshakid dynasty which later was replaced by great princes of Mikhranid dynasty. Albanian Arshakids (I — V cent.) rooted directly from Persian Arshakids established in Albania in the I century A. D. The founder of the Albanian branch of Arshakids was Vachagan I the Brave.

The study shows the erroneous viewpoint of historians dating the establishing of Albanian Arshakids to the IV century and considering the Maskut king Sanatruk of Arshakid dynasty as the founder of the Albanian branch. The studied material makes sure that Albanian kings of Arshakid dynasty and their successors, great princes of Mikhranid dynasty, served Albania faithfully, pursued pro-Albanian policy, easily became related to local nobility, adopted Albanian religion and culture, i. e. were albanized despite their Persian origin and the fact that initially they were henchmen of Persian kings (Parthian and Sasanid).

One can say with certainty that domestic policy of Albanian Arshakids was directed to establish Christianity as the ideological foundation of the Albanian society and forming feudal culture.

As it was revealed the Marzban regime (vicegerency) established in the country after the abolition of the royal power lasted for a short time and was episodic in contrary to Armenia and Iberia (years of 463 — 487/88 and 510 — 629).

In severe conditions of foreign political events as Khazar invasion, Persian and Byzantine, Arab and Persian, Arab and Byzantine wars when Albania became the battle-

field, Mikhranids thankful to their wise and flexible policy could preserve the political independence in terms of vassalage. In this respect the reigning of the Great Prince Djevanshir, an outstanding statesman of the VII century, should be distinguished.

The monograph pays a special attention to the problem of the Albanian church, early Christianity, its penetration and adoption as the state religion. The further destiny of the Albanian people was inseparably linked with Christianity. The studied sources make certain that Christianity in Albania covered two stages such as apostolic (syrophilic) (I—III century) and Greekophil (IV—VI century).

The Greekophil period was short. After that the Albanian church started to follow the Albanian national development which resulted in origination of the Albanian written language and development of the Albanian literature.

Nowadays there is no doubt that the Albanian apostolic church is the most ancient in the Caucasus and one of the earliest in Christianity. The way of its development in some extent differs from the Armenian church.

We have revealed that roots of the Albanian church (as well as the Georgian church) are related directly to the Jerusalemian church and Jerusalemian patriarchate whereas the Armenian church roots from churches of Hellenic Osroene and Kappadokia.

The studied sources made certain that the origin of the early Christian community in Albania was related to apostles Thaddaeus, Bartholomew, Eliseus.

The monograph also considers the problem of the Albanian katalikosate (patriarchate) which initially was autocephalous in contrast to the Armenian and Georgian katalikosate.

The studied sources revealed political reasons for the initial independence of the Albanian church. Unstable political position of Great Armenia, its permanent dependence on Byzantine Empire and Iran caused the corresponding position of its church. The political sovereignty of Albania provided the autocephality of its church.

After the Arab conquest of Transcaucasia the Caliphate pursued consecutively the same Sasanid policy against the Christian population. Understanding the strategic significance of Albania in particular and Transcaucasian co-

untries in general as a springboard against Byzantium the Caliphate pursued the policy of tearing away and ideological separation of Transcaucasian countries from Byzantium. In contrary to Diophysitism of Byzantium the Caliphate supported Monophysitism among Christians of Transcaucasia. Due to above-mentioned reasons the Arab Caliphate in attempts to coordinate actions of the dependent Christian population and church, with assistance of the Armenian church converted the Albanian church into Monophysitism and made it hierarchically subordinate to the Monophysite Armenian church (year of 705).

Thus, because of the lack of the centralized state power and monolith ethnos over the whole territory, with existence of other religions when the Christianity did not become the general religion, the Albanian church could not withstand the policy of the Arab Caliphate actively supported by the Armenian church. The Albanian church could not become the consolidating and organizing power of the country as the Armenian church was at that time. All this resulted in Gregorianization of the Albanian church and further caused the cultural and ideological assimilation—Armenization of some part of the Albanian Christian population. We consider the fate of the Albanian church till the IX century when the Albanian catalikosate was abolished.

The monograph also gives the investigation results on the problem of the Albanian literature and shows the formation of the Albanian historic-literary traditions.

The studied material permits to consider that the formation of the Albanian literature in Albanian language was an objective historical necessity. Albania was prepared to form its own literature by the whole run of socio-economic and political life of the country. It was the time of the independent Albanian state with the ruling royal dynasty and its successors—great princes, with the apostolic autocephalous church. According to the investigation the Albanian literature had three successive trends such as syrophilic, Greekophilic and local Albanian. The Albanian local literary traditions began to form since the VII century. The period of its formation (VII—XIII centuries) coincided with the period of the Arab conquest, the falling of the Albanian state, with Islamization and Gregorianization of the Albanian church and Christian

population. As we believe, this is one of the reasons why the Albanian literature in the local language disappeared even not being mature and deeprooted. It was subjected to a complicated process of Gregorianization and then of Armenization.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Албанские источники, созданные до X в. включительно, изначально были составлены на албанском языке. Сюда относятся албанская житийная литература (агиография), эпистолярная, каноническая литература, актовые материалы, хроники. «История албан» Моисея Каланкатуйского изначально была написана на албанском языке (об этом см. [149, с. 97; 413, с. 149—156; 104, с. 17; 176а].
- ² Дело в том, что основополагающие документы христианства изначально были составлены на греческом языке. В Осроене, небольшом эллинистическом государстве с центром Эдессой, в Междуречье, куда христианство проникло в первые века и где оно впервые стало официальной государственной религией, проповедь христианства велась на сирийском языке. На этот же язык было переведено большое число греческих христианских памятников — Ветхий, Новый Заветы, литургические и агиологические книги. Эдесса — поборник эллинистической культуры стала расадником новой христианской идеологии на сирийском языке [343, с. 12, 24—25].
- ³ Об этом свидетельствуют, как легенда об апостольстве Фаддея, имени церковных деятелей Албании семитского происхождения, также наличие в стране надписей на сирийском и греческом языках. (См. [45, с. 241, 247; 316, с. 11]).
- ⁴ Армянский автор Корюн сообщает, что Месроп Маштоц, придя «в страну албан, возобновил их алфавит, содействовал возрождению научных знаний...» [41, с. 10].
- ⁵ Это видно из грецизмов («алфавит», «афродитовы желания», «жрецы Афродиты»), а также из знания албанским автором отдельных греческих реалий — «олимпийские игры — олимпиады», «олимпийский народ греков» (Каланкатуйский, II, 1, 15, 40, 41), знание Джеванширом греческого языка (Каланкатуйский, II, 28); знание автором истории Рима, римских императоров (Каланкатуйский, II, 15, 28), выявление в Албании христианских реликвий с греческой надписью (Каланкатуйский, II, 33), знание автором «Истории албан» «Илиады» (III, 18). Включение Каланкатуйским в свое сочинение акростиха (алфавитного стихосложения) Давтака. Акростихи были не только у греков, но и у сирийцев [283, лл. 1—17].
- ⁶ Развернутая характеристика источника с указанием основных изданий и переводов дана нами [264, с. 15—20].
- ⁷ Эта точка зрения С. Сомалья, К. Нейман, Э. Борэ, Н. Эмина, К. Шахназаряна, Х. Зарбаналаяна, Н. Адонца, Т. Тер-Григорьяна, С. Т. Еремяна, К. В. Тревер, З. М. Бунятова, В. Аракеляна, Л. С. Давлианидзе [264, с. 36—37].
- ⁸ Еще З. М. Бунятов и В. Гукасян отмечали, что запись об Адриане является явной припиской переписчика [149, с. 11; 176а, с. 54].

- ⁹ Армянский текст издан в 1901 г. Г. Алишаном, английский — в 1958 г. Ч. Дж. Довсеттом, а русский — З. М. Бунятовым в 1960 г. [54, с. 6].
- ¹⁰ Это единственное издание оригинального текста «Судебника» [55].
- ¹¹ Что же касается опровержения А. Ш. Мнацаканианом мнения З. М. Бунятова, то выкладки А. Ш. Мнацаканиана весьма примитивны, о чем мы еще скажем.
- ¹² Накануне и в период создания «Судебника» среди албан имели место какие-то отклонения от христианского вероисповедания, «пороки», страшный упадок нравов, о чем свидетельствуют «Житие-мученичество Хосрова Гандзакского» Мхитара Гоша, а также сообщение Давида, сына Алавика Гандзакского (Алавкаворди): «...и прочие пребольшие пороки, которыми наполнили страну Агванскую... разгорелось и распространилось оно среди жителей гор и равнин...» (См.: Эчмиадзин, 1953, с. 44, арм. яз.). Давид Алавкаворди создал каноны, которые должны были искоренить это зло. Таким образом, видно, что еще до Мхитара албанское духовенство было заинтересовано и предпринимало попытки в создании канонов для албанского населения.
- ¹³ Известно, что Одзнеци в свою «Армянскую книгу канонов» не включил албанские каноны [294, с. 147, 153; 264, с. 155].
- ¹⁴ А. А. Паповян при переводе «Судебника» Гоша на русский язык опустил значительную часть текста, где изложены албанские каноны См.: [149, с. 98—99; 324, с. 212—216; 302, с. 178—184 и др.].
- ¹⁵ «Но причиной написания нами «Судебника» послужило повторное понуждение со стороны католикаса албанского, владыки Степаноса, которому я приводил свою немощ телесную и невежество как причины [непосильности предлагаемого труда]. Но после того, как он стал еще больше настаивать, я согласился, забыв свою немощ, памятуя, что надо пребывать в послушании духовному повелению». Далее «...Молю тебя, благородный глава церкви дома албанского, не причитай делом праздным и легким духовную дань, которую ты наложил на меня...» [55; 56—Введение].
- ¹⁶ А. Ш. Мнацаканиан утверждает: «Правда в основном между этими церквами царило единение, но... были и разногласия» [302, с. 184].
- ¹⁷ Перевод И. А. Орбели. См.: [324, с. 215].
- ¹⁸ Как было отмечено, А. А. Паповян опустил албанские каноны. См.: [149, с. 99].
- ¹⁹ Обычно автором панегирика и мученичества был один и тот же человек. См.: [331, с. 240].
- ²⁰ Вообще этот метод датирования характерен для албанской литературы. См.: Хронологическую систему Каланкатуйского [264, с. 49—60].
- ²¹ Имеются следующие издания Киракоса: «История Армении», написанная Киракосом вартапетом Гандзакским». Изд. Воскан Тер-Кеворкян-Иоаннисян Эриванский. — М., 1858; «Краткая история с периода Св. Григория до своего времени, написанная Киракосом вартапетом Гандзакским». — Венеция, 1865; «История Армении», написанная Киракосом вартапетом Гандзакским. — Тифлис, 1909; и последние издания Т. И. Тер-Григорьяна (Баку, 1946) и Л. А. Ханларяна (М., 1976).

- ²² Исчерпывающую характеристику армянских памятников, биографические данные каждого армянского автора см.: [243, с. 23—94].
- ²³ В литературе не вызывает споров, что период расцвета школы эллинофилов падает на VI—VII вв. См.: [243; с. 20].
- ²⁴ Из многочисленных фактов, выявленных Г. Халатянцем, мы рассмотрим только три, в которых Хоренаци умалчивает о Мамиконянах. Так, вопреки данным используемого им источника Фавстоса Бузандаци, воцарение сыновей армянского царя Папа — Аршака и Вахаршака (Хоренаци, III, 41, 42) он намеренно приводит в зависимость от императора Феодосия, чтобы не упомянуть о Мануиле Мамиконяне; Аршака Хоренаци почему-то женит на княжне Сюнийской, а не Мамиконянской, как передает Фавстос Бузандаци (IV, 44); Хоренаци (кн. III, 27) приводит несостоятельный мотив о вражде нахараров со своим царем из-за того, что Аршак II для всех обиженных построил новый город Аршакаван, что вызвало недовольство нахараров. Главной причиной разрыва между Аршаком и нахарарами, согласно Фавстосу (IV, 50, 51), было следующее. Нахарары, утомленные 30-летней войной с персами, в продолжении которой Аршак благодаря спарпету Васаку Мамиконяну стал победителем, и о котором ни одного слова не проронил Хоренаци, — отказались поддержать царя и один за другим перешли на сторону персидского царя Шапура, а некоторые из них ушли в Грецию. См.: [389, с. 195—196, 222, 225, 250, 252, 282].
- ²⁵ Об этом подробнее см. гл. II «Историческая география Албании», а также гл. III нашей работы.
- ²⁶ Наше отношение к мнению автора об албанской церкви см.: в гл. IV «Албанская церковь».
- ²⁷ Наше отношение к албанской письменности и литературе частично изложено в гл. I «Албанские источники».
- ²⁶ Наше мнение по этому вопросу см.: в гл. II «Историческая география».
- ^{28а} Что касается книги Р. Геюшева («Христианство в Кавказской Албании». — Баку, 1984), то о ней мы еще скажем в специальной работе. Здесь же лишь отметим, что некоторые важные выводы, зафиксированные в его книге, не являются плодом его творчества, а уже были освещены в трудах других авторов. В частности: а) вопрос об апостольском начале Албанской церкви; б) о двух этапах проникновения христианства в Албанию; в) о структуре албанской церкви; г) выявление причин созыва Агуэзского собора; д) сам перевод агуэзских канонов; е) комментирование канонов — все это списано Р. Геюшевым с наших публикаций. Так, сравни с. 25 монографии Р. Геюшева (об апостольском начале) с с. 38 статьи Ф. Мамедовой («Албанский католикосат и албанские Аршакиды». Сб. «Бартольдские чтения». — М., 1982) об апостольском начале албанской церкви; сравни с. 27 работы Р. Геюшева со с. 38 Ф. Мамедовой (указ. раб.) о двух этапах распространения христианства в Албании; сравни с. 40—41 работы Р. Геюшева с с. 160—164 Ф. Мамедовой («История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. — Баку, 1977) об иерархической структуре албанской церкви; сравни почти всю с. 38 раб. Р. Геюшева со стр. 159 Ф. Мамедовой («История албан... как источник по общественному строю... Албании») о причинах созыва албанским царем Вачаганом III Агуэзского со-

бора; ср. с. 40—42 раб. Р. Геюшева с с. 160—164 и 83—85 Ф. Мамедовой («История албан... как источник по общественному строю...») сам перевод канонов, их комментирование, группировки канонов. Р. Геюшев даже не заметил, что нумерация агуэзских канонов у К. Патканова не совпадают с нумерацией их у Ф. Мамедовой. У К. Патканова каноны 2 и 3 объединены в один канон № 3. И потому у К. Патканова вместо 21 канона зафиксировано 19, и соответственно нарушена нумерация. Рассмотрим для наглядности, насколько перевод канонов у К. Патканова и Ф. Мамедовой отличается:

Канон 6 (Патканов, канон 5): «Иерея монастыря или инока, если он учинит в монастыре *соблазн*, и если это откроется, должно осрамить и выгнать из места и сына взять в церковь»; канон 6 (перевод Ф. Мамедовой, с. 142): «Иерей монастыря или инок, если учинит в монастыре *проступок*, и это откроется, он должен быть посрамлен и изгнан с места и *хостак* его должен взять в церковь». И тут же Ф. Мамедова раскрывает реальное значение термина «хостак» — земельный надел. Р. Геюшев полностью списывает перевод Мамедовой, заменив хостак значением — земельный надел, но ссылку дает на К. Патканова (См. Геюшев, с. 40—41).

Канон 16 (Патканов, канон 14): «Если товарищи обвиняют иерея, будучи честны сами, пусть иерей станет пред алтарем, а *доносчики пред народом*: пусть снимут его с амвона и изгонят из села... Если на них они сознаются, «что мы говорили ложь», пусть *наложат покаяние*...»

Канон 16 (Мамедова, с. 162—163): «Если товарищи и ученики обвиняют иерея, будучи честны сами, иерей должен предстать пред алтарем и *обвинители перед прихожанами* и его должны стащить с алтаря и изгнать из села... Но ежели они признаются, «мол, мы лгали, на них должны наложить епитимию»... (Сравни Р. Геюшев, с. 41).

Канон 20 (Патканов — канон 18): «*Вольные люди в своих поместьях* да не посмеют взять или изгнать иерея без епископа. Иереи, когда им угрожает опасность от *дворян или народа*, да не посмеют уйти без позволения епископа».

Канон 20 (Мамедова, с. 165—166): «Азаты, поскольку являются *владельцами дастакертов*, не смеют изгнать иерея без (*ведома*) епископа и *епископ не посмеет без их (ведома) назначать и изгонять*. И иерей хотя бы ему угрожала опасность от *прихожан или от азата*, не смеет уйти без (*ведома*) епископа». Как видно, кроме различий у Патканова отсутствует целая строка «и епископ не посмеет без их (*ведома*) назначать и изгонять». Но Р. Геюшев совершенно не заметил как это, так и различий в переводах, и списав у Мамедовой, сослался на первоисточник в русском переводе К. Патканова. (Сравни Р. Геюшев, с. 41).

По не знанию источников Р. Геюшев, говоря о деятельности албанского царя Вачагана III Блаженного, ссылается на армянский источник Елише, у которого нет и не могло быть сведений об этом царе ибо Елише кончает свой труд описанием событий 457 г., а Вачаган III стал царствовать с 487 г.

²⁹ В 1965 г. вышла монография З. М. Бунятова [149] и стали выходить статьи Ворошила Гукасяна [176; 176а; 177; 178 и др.], Т. Мамедова [250а; 251; 252; 253; 253а], Ф. Мамедовой [254;

255; 256; 257; 258 и др.], а в 1977 г. вышли монографии Т. Мамедова [250] и Ф. Мамедовой [264].

- ⁸⁰ Одни связывают их с завоеваниями армянского царя Арташеса I (II в. до н. э.), другие — с завоеваниями армянского царя Тиграна II, (I в. до н. э.), третьи считают их исконно армянскими (Об этом см.: гл. II «Историческая география»).
- ⁸¹ См.: состав Шаапиванского и Двинского соборов.
- ⁸² Моисей Каланкатуйский, III, 8, 10. Заслуживает внимания факт, что в письмах-грамотах, адресованных албанским католиком к официальным лицам, в числе других представителей от албанских церковно-административных единиц упомянуты представители от Кабалы, Шаки и Камбисены и других областей северной Албании (Каланкатуйский, кн. I, гл. 26; кн. II, гл. 7; II, с. 93). В перечне албанских родов (патронимий), осквернившихся в браке с родственниками, Моисей Каланкатуйский называет и агнатическую группу из области Эджери, расположенную на левобережье Куры. Далее, согласно Каланкатуйскому, когда Вачаган III назначал в разные места епископов, иереев, то такие же приказания он возобновил в Камбисене.
- ⁸³ Основные положения диссертации опубликованы в статьях [254; 255; 256; 257; 258; 262].
- ⁸⁴ См.: Комментирования Ш. Смбатяном терминов *рамик* (коммент. 103, с. 191), *птуг, хас* (комм. 107, стр. 191), *анаишхархик* (коммент. 118, с. 192), *бардз, патив*, (комм. 2, с. 195). — (История страны Алуанк. Русск. пер., коммент. Ш. Смбатяна) [49].
- ⁸⁵ Б. Арутюнян дает иную локализацию области Пайтакаран — южнее р. Аракс. Попытки аргументации его представляются нам малоубедительными. См.: [115, с. 61 — 76].
- ⁸⁶ Ср. «Базгун» у Захария Ритора [347, с. 82; 374, с. 75, прим. 7].
- ⁸⁷ В персидской версии сочинения Истахри сказано, что в Мугани много селений, жители которых зороастрийцы. См.: [436, с. 108 — 109].
- ⁸⁸ Осевших на Мугани в V в. гуннов современные им историки именовали тюрками. См.: [76, с. 36, 77, 102, 160]: «Он [Кубад I] направился к племени гуннов, которых наша история неоднократно называла тюрками». См. также [149, с. 180].
- ⁸⁹ Приблизительно здесь же локализует кангаров С. Г. Кляшторный [231, с. 175]. «Армянская география VII в.» включает область Кангарк в состав грузинской провинции Гугарк и локализует ее на границе с албанской провинцией Ути. См.: [201, с. 57, 104, 108, 118, 119].
- ⁴⁰ В «Ашхарацуйце» изд. С. Т. Еремяном, Еринджак числится первым гаваром Сюника, а Гохтан зачислен в провинцию Васпуракан.
- ⁴¹ В частности у царевича Вахушти. См.: [165, с. 125].
- ^{41а} «Джарынтир» — различные по объему и содержанию сборники, в которых собраны речи церковных деятелей, мариологические и иные сочинения. «Джарынтир» призваны обеспечить догматическое воспитание членов общины. См.: [106, с. 34].
- ⁴² Броссе М. предполагает, что под «двойным достоинством» следует понимать «право рождения и доблести» [418, с. 481]. Думается, что под «двойным достоинством» можно подразумевать то, что Григорис был католиком двух стран — Албании и Иберии, т. е. занимал два престола.

- ⁴³ Хотя из текста Хоренаци явствует, что Хоренаци под Пайтакараном понимает армянский гавар, «Трдат с величайшей твердостью ревновал к вере и к доброй нравственности, в особенности живущих в отдаленнейших странах своего государства. Поэтому правители северо-восточных стран — областей, правители города Пайтакарана пришли к нему...» (См.: Хоренаци, III, 3).
- ⁴⁴ О потомстве Санесана (Санатрука) известно, что трое сыновей его — Мовсес, Даниель и Илия и все 3870 мужей уверовали и были крещены Григорисом. Они после мученичества Григориса пошли в Арцах, где вели отшельническую жизнь. Они были убиты Санесаном, царем маскутов (Каланкатуйский, II, 5; 133, с. 62).
- ⁴⁵ М. Броссе полагает, что Григорис получил посвящение от своего брата Иусика, католика Армении. И ссылаясь на мнение М. Чамчяна, он считает, что убит был Григорис маскутами в 343 г. [418, с. 473]. Думается, что М. Броссе заблуждается, ибо из сообщений Фавстоса Бузандаци известно, что Иусик вел светский образ жизни, был женат и потому католиком он стал значительно позднее, в годы царствования Тирана — 338 — 345 гг. По достоверной официальной хронологии Иусик патриаршествовал в 341 — 347 гг. По сообщению источников, посвящение Григориса имело место не позднее царствования Хосрова Котака, а событие, последующее за посвящением Григориса, — нашествие маскутов — тоже имело место в царствование Хосрова Котака. Следовательно, Григорис не мог быть рукоположен при Тиране, преемнике Хосрова Котака. М. Чамчян полагает, что посвящение Григориса в католики имело место при Вртанесе. Но М. Чамчян не датирует это событие. Он полагает, что Григорису в это время было не 15 лет, а 25 [395, с. 660]. Нам представляется, что заблуждается М. Чамчян в том, что Григорису было 25 лет и что Григорис был посвящен не при Трдате, а при Хосрове.
- ⁴⁶ Дж. Маркварт считает, что Ваче Мамиконян, спарпет Армении, был отправлен в греческую страну просить о помощи для борьбы с Санатруком. На основании сообщения римского источника, что в 335 г. сыну сводного брата Константина Ганнибалиану был дан титул «царя царей» и он был направлен правителем над понтийскими народами. Дж. Маркварт и вслед за ним Я. М. Манандян полагают, что Ганнибалиан был верховным правителем Грузии и Армении и что в 335 г. ему было поручено освобождение Армении от северных народов Кавказа, т. е. от Санесана [436а, с. 77 — 78].
- ⁴⁷ Даты истории Армении III—V вв. спорны. Как сообщает Г. Х. Саркисян, «имеется три опорных пункта: даты воцарения Трдата и Папа, дата падения армянских Аршакидов». См.: [351, с. 181].
- ⁴⁸ Ачаряна Р. [120] и некоторых других смущало такое долгое правление албанского царя (почти 60-летнее). И потому они считали, что должно быть два Урнаира (Урнаир I и его преемник Урнаир II). Но, как известно, в списке албанских царей (у Каланкатуйского) имеется два Ваче, три Вачагана. Думается, что если бы было два Урнаира, то это обязательно отразилось бы в списке. К тому же нас ведь не смущает столь длительное правление персидского царя Шапура II.
- ⁴⁹ На наш взгляд, ошибается К. Туманов, считающий, что в 628 г. в Албании уже «было реорганизованное правительство. Взамен иранского наместника, правившего совместно с местными династиями, теперь существовал председательствующий избранный

Классики марксизма-ленинизма

князь из династии Михранидов» [443, с. 87]. Это могло произойти, как нам думается, не раньше 630 г.

⁵⁰ По мнению Г. Х. Свазяна, под крещением Вараз-Григора католикосом Виро следует понимать крещение его католикосом Виро в «первого князя Агванка» в монофизитском обряде [354, с. 19].

⁵¹ У Себеоса несколько иная версия относительно союза Дживаншира с Константом II. По сообщению Себеоса, Константин II, находившийся в Западной Армении, направил армию в Иберию, Албанию и Сюник с целью расторгнуть союз, заключенный между правителями этих стран с владетелем Восточной Армении Теодоросом Рштуни, который подчинился арабам. В таком случае только угроза нападения Византии на Албанию вынудила Дживаншира принять сторону Византии [66; 149, с. 75 — 76].

⁵² Подробности о посольстве см.: [2426, с. 186; 206, с. 129 — 155].

⁵³ Приношу глубокую признательность сотрудникам кабинета «Древний Восток» при ЛО ИВАН СССР, предоставившим мне эти материалы.

⁵⁴ Для наглядности рассмотрим несколько фрагментов: гл. 7 кн. 1 Каланкатуйского озаглавлена: «Обретение мощей просветителя Востока, святого Елисея». Известно, что Елисей проповедовал только в Албании, т. е. Восток — Албания; далее — «Блаженный Елисей... просветил только северную часть нашего Востока», а не всех (I, 9). Совершенно четко Восток понимается как Албания. В письме армянского епископа Гюта к албанскому царю Ваче II, о котором Гют славословит — «слух о добродетелях твоих достиг от востока до Дагорона (Гидерона), от юга до севера» (Каланкатуйский, I, 11). Каланкатуйский употребляет «Восток» как в узком смысле — Албания, так и в широком смысле, понимая христианские страны Востока, страны восточного предела христианского мира. «Фаддей, получив в удел часть Армении, просвещал некоторые страны Востока» (I, 14). Далее «Григорий (Просветитель) ...хранился для спасения Армении и всех восточных стран» (I, 14). Восхваляя Вачагана III, Каланкатуйский пишет: «...похвалу его я почитаю не ниже западного владыки, императора Константина, ни Аршакида Трдата, обретателя Большой Армении и нас восточных» (I, 23), т. е. Албании, жителей Албании. Дживаншир, великий князь Албании в своем письме к греческому императору Константу пишет: «...приветствую смиренно, Дживаншир, аспарапет и князь агванский, с покорною страню востока» (II, 20). И так далее.

⁵⁵ Моисей Каланкатуйский (II, 21) сообщает, что в V в. при поисках и обретении мощей святых, организованных албанским Аршакидским царем Вачаганом III, население Албании пело псалмы на разных языках: «Земля сотрясалась от множества служебного гласа на разных языках (йайл лезус)».

⁵⁶ Каланкатуйский, I, 16 «...сооружая в разных местах пирен, усиливалось служение скверным кумирам. Разнообразные секты зломудрого дьявола ослабленных людей Албании»; «Он (Вачаган) обратил многие страны от злого служения идолам на святой и истинный путь...» (Каланкатуйский, I, 17).

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857 — 1859 годов. Формы, предшествующие капиталистическому производству. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Соч. 2-е изд., т. 3.

³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К. и Энгельс Ф. — Соч. 2-е изд., т. 20.

⁴ Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19.

⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.

⁶ Ленин В. И. О государстве. — Полн. собр. соч., т. 39.

⁷ Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29.

Источники

⁸ Агатангел. — Тифлис, 1909 (др. арм. яз.).

⁹ Арабская версия Агатангела: Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов. ЗВО, 1905, т. XVI.

¹⁰ Агафий. О царствовании Юстиниана. — М.—Л., 1953.

¹¹ Аммиан Марцеллин. История/Пер. Ю. А. Кулаковского. — Киев, 1906 — 1908, вып. 1 — 3.

¹² Аммиан Марцеллин. *Ammianus Marcellinus. Works/Ed. by J. C. Rolfe, vol. 1 — 3.* — London, 1950 — 1952.

¹³ Аняня Ширакаци. Изд. А. Г. Абрамяна, Г. Б. Петросяна. — Ереван, 1970.

¹⁴ Аняня Ширакаци. Космография/Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. К. С. Тер-Давтяна и С. С. Аревшатяна — Ереван, 1962.

¹⁵ Аняня Ширакаци. Вопросы и решения/Пер. и изд. И. А. Орбели. — Пг., 1918.

¹⁶ Аппиан. Митридатовы войны. — ВДИ, 1948, № 2.

¹⁷ Армянская география VII в./Перевод и примечания К. П. Патканова. — СПб., 1877.

¹⁸ Еремян С. Т. Армения по «Ашхарацуйцу» — Армянской географии VII в. (Опыт реконструкции на современной картографической основе). — Ереван, 1963 (на арм. яз.).

^{18a} Балазури. Книга завоеваний стран. Пер. П. К. Жузе. — Баку, 1927.

¹⁹ Вардан Великий. Всеобщая история/Русск. пер. Н. О. Эмина. — М., 1861.

²⁰ Византийские историки/Пер. с греческ. С. Дестуниса — СПб., 1860.

²¹ Гирк тлтоц (Книга посланий). — Тифлис, 1901 (древнеарм. яз.).

²² Гирк тлтоц. Книга посланий/Арм. текст с груз. пер., исслед. и коммент. издал З. Н. Алексидзе. — Тбилиси, 1968.

²³ Дион Кассий. Римская история/Пер. В. В. Латышева. — ВДИ, 1948, № 2; (*Dio's Roman History, vol. 1 — 9.* — London V. Y., 1914 — 1927).

²⁴ Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. — Пг., 1915.

²⁵ Евтропий. Бревнирий от основания города. — ВДИ, 1949, № 3.

^{25a} *Eutropi Breviarum ab urbe condita. Recognovit Fr. Ruchl, 1901.*

- ²⁶ Евсевий Кесарийский. Церковная история. — М., 1873.
- ²⁷ Елишэ. О Вардане и армянской войне. — Ереван, 1957 (на древнеарм. яз.).
- ²⁸ Елишэ (Егеше). О Вардане и войне армянской/Пер. с древнеарм. акад. И. А. Орбели. Подгот. к изд. К. Н. Юзбашяна. — Ереван, 1971.
- ²⁹ Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий. — СМОМПК, 1901, вып. 29, с. 1—73.
- ³⁰ Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. II. Ибн аль-Факих. — СМОМПК, 1902, вып. 31.
- ³¹ Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. III. Ибн-Хордадбех; IV. Кудама; V. Ибн-Рустэ; VI. Ал-Якуби. — СМОМПК, 1902, вып. 32.
- ³² Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. VII. ал-Мукаддаси; VIII. Мас'уди; IX. Ибн-Хаукаль. — СМОМПК, 1908, вып. 38.
- ³³ Картлис цховреба/Изд. С. Каухчишвили. — Тбилиси, т. 1, 1955 (на древнегруз. яз.).
- ³⁴ Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. — СПб., 1890, т. 1; ВДИ, 1947, № 1; 1948, № 1—4; 1949, № 1—4.
- ³⁵ Левонд. История. — СПб., 1887 (древнеарм. яз.).
- ³⁶ Левонд. История халифов/Пер. К. Патканова. — СПб., 1862.
- ³⁷ Краткая история с периода св. Григория до своего времени, написанная Киракосом Вартапетом Гандзакским. — Венеция, 1865 (древнеарм. яз.).
- ³⁸ Киракос Гандзакци. История/Пер. с древнеарм. Т. Тер-Григорьяна. — Баку, 1946.
- ³⁹ Киракос Гандзакци. История Армении/Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. А. А. Ханларян. — М., 1976.
- ⁴⁰ Корюн. Житие Маштоца. — Ереван, 1941 (на арм. яз.).
- ⁴¹ Корюн. Жизнеописание Месропа. Collection des historiens anciens et modernes des l'Arménie par V. Langlois. — Paris, 1869, t. II.
- ⁴² Корюн. Житие Маштоца. (Предисл. к пер. на русск. яз. Ш. В. Смбатяна и К. А. Мелик-Огаджаняна. — Ереван, 1962.
- ^{42a} Ахмат Ибн А'Сам ал-Куфи. Книга завоеваний./Пер. с арабского академика АН Азерб. ССР З. М. Бунятова.
- ⁴³ Лазар Парпеци. История Армении и послание Ваану Мамиконяну. — Тифлис, 1904; 2-е изд. Тифлис, 1907 (на древнеарм. яз.).
- ⁴⁴ Мовсес Каланкатваци. История страны алван. — Париж, 1860 (древнеарм. яз.). Изд. В. Шахназаряна.
- ⁴⁵ Мовсес Каланкатваци. История страны алван. — Тифлис, 1912 (древнеарм. яз.). Изд. Н. Эмина.
- ⁴⁶ Моисей Каганкатваци. История агван. — СПб., 1861, Русск. пер. К. Патканова.
- ⁴⁷ Мовсес Каланкатваци. The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci/Translated by C. J. F. Dowsett. London, 1961.
- ⁴⁸ Мовсес Каланкатваци. История страны алван/Предисл. и коммент. В. Д. Аракеляна. — Ереван, 1983 (на древнеарм. яз.).
- ⁴⁹ Мовсес Каланкатваци. История страны Алуанк/Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. — Ереван, 1984.
- ⁵⁰ Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский). История Армении/Пер. Н. О. Эмина. — М., 1893.
- ⁵¹ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей/Изд. Г. В. Цулая. — М., 1979.
- ⁵² Мхитар Айриванеци. История Армении. — 1860, (древнеарм. яз.).
- ⁵³ Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванским/Русск. пер. К. Патканова. — СПб., 1869.
- ⁵⁴ Мхитар Гош. Албанская хроника/Предисл., пер. и коммент. З. М. Бунятова. — Баку, 1960.
- ⁵⁵ Мхитар Гош. Армянский судебник. — Вагаршапат. — 1880 (на древнеарм. яз.).
- ⁵⁶ Армянский судебник Мхитара Гоша/Пер. с древнеарм. А. А. Паповяна. — Ереван, 1954.
- ⁵⁷ Оросий Павел. История против язычников в 7 книгах. — ВДИ, 1949, № 4.
- ^{57a} Orosii Historiarum adversum paganos libri VII/Ed. C. Zangemeister. — Lipsiae, 1889.
- ⁵⁸ Плиний Старший. Естественная история/Пер. с латин. В. В. Латышева. — ВДИ, 1949, № 2.
- ⁵⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Помпей. (Plutarch's Lives, vol. 5 — London, 1917).
- ⁶⁰ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готами/Пер. С. Дестуниса. — СПб., 1876—1880.
- ⁶¹ Птолемей К. Географическое руководство/Пер. В. В. Латышева. — ВДИ, 1948, т. 2.
- ⁶² Птолемей. География. (Ptolemaei Claudii, Geographiae/Ed. J. F. Fischer, I—IV. — Leyden, 1932).
- ⁶³ Периханян А. Г. Сасанидский судебник. — Ереван, 1973.
- ⁶⁴ Себеос. История. — Ереван, 1939 (на древнеарм. яз.).
- ⁶⁵ История императора Иракла, сочинение епископа Себеоса, писателя VII в./Пер. с арм. К. Патканова. — СПб., 1852.
- ⁶⁶ История епископа Себеоса/Пер. с древнеарм. яз. Ст. Малхасяна. — Ереван, 1938.
- ⁶⁷ Смбат Спарпет. Судебник. Изд. А. Г. Галстяна. — Ереван, 1958.
- ⁶⁸ Степанос Орбелян. История области Сисакан. — Тифлис, 1910 (древнеарм. яз.).
- ⁶⁹ Степанос Орбелян. Из истории рода Сисакан/Пер. Т. Тер-Григорьяна. НАИИ АН АзССР, № 1274.
- ⁷⁰ Степанос Таронский Асохик. Всеобщая история. Перев. Н. Эмина. — М., 1864.
- ⁷¹ Страбон. География/Пер. Г. А. Стратановского. — М., 1964.
- ⁷² Тацит Корнелий. Анналы. — Л., 1969.
- ⁷³ Ухтанес. История отделения грузин от армян. — Вагаршапат, 1871 (древнеарм. яз.).
- ⁷⁴ Фавстос Бузандаци. История Армении. — СПб., 1883 (на древнеарм. яз.).
- ⁷⁵ История Армении Фавстоса Бузанда/Пер. с древнеарм. и коммент. М. А. Геворкяна. — Ереван, 1953.
- ⁷⁶ Феофилакт Симокатта. История. — М., 1957.
- ⁷⁷ Фест. Краткий очерк истории римского народа. — ВДИ, 1949 № 3.
- ⁷⁸ Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога „Historiae Philippicae“. — ВДИ, 1954, №№ 2—4, 1955, № 1.
- ^{78a} M. Juniani Justinii Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogt — Lipsiae, MDCCCL., XXXVI.

- ⁷⁹ *Цуртавели Яков*. Мученичество Шушаник. Перевод В. Д. Дондуа/Введ. и прим. З. Н. Алексидзе. — Тбилиси, 1978.
- ⁸⁰ *Hippolitus Werke, vierter Band. Die Chronik.* — Berlin, 1955.
- ⁸¹ *Chabot J. B.* *Sunodicon oriental. Notices et extraits de manuscrits de la Bibliothèque National, vol. 37.* — Paris, 1905.
- ⁸² *Teophan le Confesseur.* *Chronique de 284 a 813/Ed. de Boor.* — Leipzig, 1883 — 1885.

Исследования и справочная литература

- ⁸³ *Абгарян Г.* История Себеоса и проблема «Анонима». — Ереван, 1965 (арм. яз.).
- ⁸⁴ *Абдушелишвили М. Г.* Антропология древнего и современного населения Кавказа. — Тбилиси, 1964.
- ⁸⁵ *Абегян Манук.* История древнеармянской литературы. — Ереван, 1948.
- ⁸⁶ *Абуладзе И. А.* К открытию алфавита кавказских албанцев. — Тбилиси, 1938.
- ^{86a} *Аверинцев С. С.* Христианство. (Неизданная работа).
- ⁸⁷ *Адонц Н. Г.* Начальная история Армении у Себеоса. — ВВ, VIII, 1901, № 1—2.
- ⁸⁸ *Адонц Н. Г.* Марзпан Васак перед судом истории. — ЗВОРАО, — 1904, т. XV, вып. 4.
- ⁸⁹ *Адонц Н.* Армянская литература: Новый энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон, 1915, т. 3.
- ⁹⁰ *Адонц Н. Г.* Исторические исследования. — Париж, 1948 (на арм. яз.).
- ⁹¹ *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. — Ереван, 1971.
- ⁹² *Айвазян Аргам.* Агулис. Историко-культурные памятники. — Ереван, 1984 (на арм. яз.).
- ⁹³ *Айвазян Аргам.* Историко-архитектурные памятники Нахичевани. — Ереван, 1983.
- ⁹⁴ *Айвазян Аргам.* Памятники армянской архитектуры Нахичеванской АССР, 1981, (на русск. яз.).
- ⁹⁵ *Алексидзе З. Н.* Материалы к истории Двинского собора 506 г. — ВООН АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1973, № 3 (на груз. яз.).
- ⁹⁶ *Алексидзе Заза Николаевич.* Проблемы идеологии и культуры раннесредневекового Кавказа и Грузии: Дис... д-ра ист. наук (в форме научного доклада). — Тбилиси, 1983.
- ⁹⁷ *Алиев И.* К интерпретации параграфов 1, 3, 4 и 5 IV главы XI книги «Географии» Страбона. — ВДИ, 1975, № 3.
- ⁹⁸ *Алиев И.* О первых племенных союзах на территории Азербайджана. — Баку, 1959.
- ⁹⁹ *Алиев И.* Самрато-Аланы на пути в Иран. — В кн.: «История иранского государства и культуры. — М., 1971.
- ¹⁰⁰ *Алиев И., Османов Ф.* Бассейн рек Геокчай — Гирдыманчай — Ахсучай в античное время. — Сов. археология, 1975, № 1.
- ¹⁰¹ *Алиев И., Асланов Г.* О месте мингечаурских катакомб среди сармато-аланских погребальных сооружений первых веков/Итоги полевых археол. и этногр. исслед. за 1972 в Азерб. ССР: Тез. Баку, 1973.
- ¹⁰² *Алиев К. Г.* К вопросу о племенах Кавказской Албании. — Иссле-

- дования по истории культуры народов Востока. — М.—Л., 1960.
- ¹⁰³ *Алиев Кемал.* Кавказская Албания I в. до н. э. — I в. н. э. — Баку, 1974.
- ¹⁰⁴ *Алиев К. Г.* К вопросу об источниках и литературе по истории древней Кавказской Албании. — В кн.: ВИКА. Баку, 1962.
- ¹⁰⁵ *Акинян Н.* Мовсес Дасхуранци. Андес Амсориа/Пер. А. Баграмяна. — НАИИ АН АЗССР, № 3995, 4566.
- ¹⁰⁶ *Акопян В. А.* «Армянская книга канонов» и ее редакции; Автореф. дис. д-ра ист. наук. — Ереван, 1967.
- ¹⁰⁷ *Акопян Т. Х.* Очерки по исторической географии Армении. — Ереван, 1960.
- ¹⁰⁸ *Аксаков Н.* Утраченные. Из истории Абиссинской, Коптской и Армянской церквей. — Русская Беседа, 1895, октябрь. См.: также: ВВ, 1896, т. III.
- ¹⁰⁹ *Амиранашвили А.* Иберия и римская экспансия в Азии. — ВДИ, 1938, № 4.
- ¹¹⁰ *Амусин И. Д.* Кумранская община. — М., 1983.
- ¹¹¹ *Анасян А. С.* Армянская библиология V—XVIII вв. — Ереван, 1976, т. 2 (на арм. яз.).
- ¹¹² *Аннинский А.* История армянской церкви. — Кишинев, 1900.
- ^{112a} *Аннинский А.* Древние армянские историки как исторические источники. — Одесса, 1899.
- ¹¹³ *Аракелян Б. Н.* Формирование двух основных направлений в культуре древней Армении. — ИФЖ, 1979, № 2 (на арм. яз.).
- ¹¹⁴ *Артамонов М. И.* История хазар. — Л., 1962.
- ^{114a} *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. — Л., 1936.
- ¹¹⁵ *Арутюнян Бабкен.* Город Пайтакаран и его локализация. — ВОН АН АрмССР, 1981, № 12.
- ¹¹⁶ *Асланов Г. М.* К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. — КСИИМК, 1955, вып. 60.
- ¹¹⁷ *Асланов Г. М., Голубкина Т. И., Сядыхзаде Ш. Г.* Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. — Баку, 1966.
- ^{117a} *Ахмедов Г. М.* Средневековый город Байлакан: Автореф. дис... д-ра ист. наук. — Баку, 1972.
- ¹¹⁸ *Ахундов Д. А., Ахундов М. Д.* Культурная символика и многоступенчатая картина мира в декоре собора Гандзасарского монастыря/Тез. респуб. конфер.: «Проблемы развития архитектуры и градостроительства Азербайджанской ССР». — Баку, 1982.
- ¹¹⁹ *Ачарян Р. И.* История армянского языка. — Ереван, 1951 (на арм. яз.).
- ¹²⁰ *Ачарян Р.* Словарь армянских личных имен, 1962, т. V.
- ¹²¹ *Ачарян Р.* Этимологический коренной словарь армянского языка. — Ереван, 1971, 1973, т. 1—2 (на арм. яз.).
- ¹²² *Ашурбейли Сара.* Государство Ширваншахов. — Баку, 1983.
- ¹²³ *Ашурбейли С. Б.* Ремесла и торговля раннесредневековых городов Азербайджана/Тр. Музея истории Азербайджана. — Баку, 1957, т. II.
- ¹²⁴ *Бабаев И. А., Ахмедов Г. М.* Кабала. — Баку, 1981 (на азерб. яз.).
- ¹²⁵ *Бабаев И. А.* Раскопки городища и могильники Кабалы/АО 1971 г. — М., 1972.
- ¹²⁶ *Бартикян Р.* Идеология павликианского движения. — ВОН АН АрмССР, 1979, № 8 (на арм. яз.).

- 127 *Бартикян Р. М.* Источники для изучения истории павликианского движения. — Ереван, 1961.
- 128 *Бартольд В. В.* К вопросу о феодализме в Иране. Соч., т. VII. — М., 1971.
- 129 *Бартольд В. В.* К истории крестьянских движений в Персии. — Соч. — М., 1971, т. VII.
- 130 *Бартольд В. В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. — Соч. М., 1963, т. 2.
- 131 *Бартольд В. В.* Тюрки. — Соч. М., 1968, т. V.
- 132 *Бартольд В. В.* Хазары. — Соч. М., 1968, т. V.
- 133 *Бархударян М.* Албания и ее соседи. — Тифлис, 1893 (на арм. яз.).
- 134 *Бархударян М.* Арцах/Пер. А. Яргуляна. — НАИИ АН АзССР. — инв. № 1622, 2010.
- 135 *Бархударянц С. Р.* Княжества Арцаха, Шеки и Парисоса в IX — X вв. — ИФЖ, 1971, № 1 (52).
- 136 *Бейлис В. М.* Сочинение Масуда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. и памятник средневековой арабской литературы: Автореф. дис. д-ра ист. наук. — Баку, 1975.
- 137 *Беленицкий А. М., Бентович И. М., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973.
- 138 *Беляев Д.* Новый список древнего устава Константинопольских церквей.
- 139 *Бердзенишвили Д. К.* Очерки по исторической географии Грузии. — Тбилиси, 1979.
- 140 *Бердзенашвили Н. А.* Из прошлого Восточной Кахетии. — В сб.: Мимомхилвели, 1953, III.
- 141 *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. — М., 1960, 1966, т. 1 — 2.
- 142 *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. — Пг., 1907.
- 143 *Болотов В. В.* Из истории церкви сиро-персидской. — СПб., 1901.
- 144 *Болотов В. В.* Об армянском церковном годе.
- 145 *Болтунова А. И.* Описание Иверии в «Географии» Страбона. — ВДИ, 1947, № 4.
- 146 *Большаков О. Г.* Город Ближнего Востока VII — середина XIII вв.: Соц.-экономические отношения. — М.: Наука, 1984.
- 147 *Бриллиантов А.* О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. ХВ, 1917, т. 6, вып. 1.
- 148 *Бунятов З. М.* Albania, III. О локализации области Гардман. — Изв. АН АзССР. Сер. общест. наук, 1964, № 4.
- 148а *Бунятов З. М.* О длительности пребывания хазар в Албании в VII — VIII вв. — Изв. АН АзССР. Сер. общ. наук, 1961, № 4.
- 149 *Бунятов З. М.* Азербайджан в VII — IX вв. — Баку, 1965.
- 150 *Бунятов З. М.* Государство атабеков Азербайджана. — Баку, 1978.
- 151 *Бунятов З. М.* Новые данные о нахождении крепости Шеки. — ДАН АзССР, 1959, т. XV, № 9.
- 152 *Бунятов З. М.* Обзор источников по истории Азербайджана. — Баку, 1964.
- 153 *Бунятов З. М.* Об одном историческом недоразумении. — ДАН АзССР, 1977, т. XXXIII, № 2.
- 154 *Бунятов З. М.* О хронологическом несоответствии глав «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. — ДАН АзССР, т. XXI, 1965, № 4.
- 155 *Бунятов Т. А.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. — Баку, 1957.
- 156 *Бунятов Т. А.* К истории развития земледелия в Азербайджане. — Баку, 1964.
- 157 *Ваидов Р. М.* Археологические раскопки в Гяур-кале/МКА. — Баку, 1965, т. VI.
- 158 *Ваидов Р. М.* Археологические работы Мингечаура в 1950 г. — КСИИМК, 1952, вып. XVI.
- 159 *Ваидов Р. М.* Мингечаур в III — VIII вв. — Баку, 1961 (на азерб. яз.).
- 160 *Ваидов Р. М.* Первые итоги археологических работ в Торпаг-кале/МКА. — Баку, 1965, т. VI.
- 161 *Ваидов Р.* Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур). — КСИИМК, 1954, вып. 55.
- 162 *Ваидов Р. М., Мамедзаде К. М., Гулиев Н. А.* Новый памятник архитектуры Кавказской Албании. (Археологические изыскания). — М., 1972.
- 162а *Ваидов Р. М.* Эпиграфические памятники Кавказской Албании. (Из серии «Памятники материальной культуры Азербайджана». — Баку, 1985.
- 163 *Васильев Л. С.* История религий Востока. — М., 1983.
- 164 *Васильев М. А.* Лекции по истории Византии. — Пг., 1917, т. I.
- 165 *Вахушти Багратиони.* История царства Грузинского/Пер. Н. Т. Накашидзе. — Тбилиси, 1976.
- 166 *Випнер Р. Ю.* Возникновение христианства. — ВДИ, 1941, № 1.
- 167 *Воронов А. А.* Антропологические особенности распространения групп крови в Закавказье. — В кн.: Антропология и генеография. М., 1974.
- 168 *Всемирная история.* — М., 1956 — 1958, т. 1 — 4.
- 168а *Гаглоев Ю. С.* Сведения «Армянской географии» VII в. об аланах. — Изв. Северо-осетинского научно-исследовательского института. История. — Орджоникидзе, 1966, т. XXV.
- 169 *Гадиров Ф. В.* Первые результаты археологических разведок в поселении Теркеш. — Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права 1974, № 4.
- 170 *Гаджиев М. С.* Южный Дагестан в III — V вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1982.
- 171 *Гарсоян Н. Г.* Армения в IV в. (К вопросу уточнения терминов «Армения» и «верность»). — ВОН АН АрмССР, 1971, № 3.
- 172 *Гейбуллаев Г. А.* К выяснению некоторых топонимов в «Истории агван» Моисея Каганкатваца. — ДАН АзССР, 1983, т. XXXIX.
- 173 *Гейдаров М. X.* Города и городское ремесло Азербайджана XIII — XVII вв. — Баку, 1982.
- 174 *Геюшев Р. Б.* О конфессионально-этнической принадлежности Гандзасарского монастыря. — МКА, 1973, т. VII.
- 174а *Геюшев Р. Б.* Христианство в Кавказской Албании. — Баку, 1984.
- 175 *Гмыря Л. Б.* Царство гуннов (савир) в Дагестане (IV — VII вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук. — Москва, 1980.
- 176 *Гукасян Ворошил.* О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы. — Изв. АН АзССР. Сер. литературы, языка, искусства, 1968, № 9.
- 176а *Гукасян Ворошил.* Удинские слова в «Истории албан». — Изв. АН АзССР. Сер. литературы, языка и искусства, 1968, № 1.

- ¹⁷⁷ *Гукасян Ворошил.* К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии «Азербайджан в VII—IX вв.» — Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права, 1968, № 4.
- ¹⁷⁸ *Гукасян Ворошил.* Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана. — Изв. АН АзССР. Сер. литературы, языка и искусства, 1969, № 2.
- ¹⁷⁹ *Гукасян Ворошил.* Тюркизмы в «Истории албан». В сб.: Структура и история тюркских языков. Баку, 1970.
- ¹⁸⁰ *Гулиев Н. М.* Торговые связи Кавказской Албании в раннем средневековье. Автореф. дис. канд. ист. наук. — Баку, 1972.
- ¹⁸¹ *Дадян Х.* Рукописи «Истории Агванка» Моисея Каганкатвази, находящиеся в библиотеке при кафедральном соборе (в Эчмиадзине). — Арарат, 1895 (на арм. яз.).
- ¹⁸² *Даниелян Э. Л.* Армяно-византийские отношения и «князь маров» в 646 г. — ИФЖ, 1983, № 4 (на арм. яз.).
- ¹⁸³ *Даниелян Э. Л.* Армянские источники о ранневизантийских военно-административных делениях западной Армении. — ИФЖ, 1985, № 1 (на арм. яз.).
- ¹⁸⁴ *Даниелян Э. Л.* Год раздела Армении — 387 или 385? — ИФЖ, 1980, № 1 (на арм. яз.).
- ¹⁸⁵ *Даниелян Э. Л.* Отражение космографических воззрений античной науки в древнеармянских источниках. — ВДИ, 1973, № 4.
- ¹⁸⁶ *Джавахишвили И. А. (Джавахов).* Государственный строй древней Грузии и древней Армении. — СПб., 1905.
- ¹⁸⁷ *Джавахов И.* Материалы для истории грузинской патристической литературы. — ХВ, 1912, т. 1.
- ¹⁸⁸ *Джавахов И.* Проповедническая деятельность апостола Андрея и св. Нины в Грузии.
- ¹⁸⁹ *Джавахов И. А.* История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII в. — Изв. АН — СПб., 1908, т. II, № 5 и № 6.
- ¹⁹⁰ *Джанполадян Р. М.* О трех типах городов средневековой Армении. — Материалы к всесоюзной конференции: Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья. — Л., 1977.
- ¹⁹¹ *Джафаров Ю. О.* О датировке событий XXVIII—XXX глав I части «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. — В сб.: Письменные памятники Востока. История, филология. — М., 1979.
- ¹⁹² *Джафаров Ю. Р.* Гунны и Азербайджан. — Баку, 1985.
- ¹⁹³ *Джидди Г. А.* Средневековый город Шемаха IX—XVII вв. — Баку, 1981.
- ¹⁹⁴ *Дорн Б.* Древняя Албания по Птоломею: Дополнение 1 к его же книге: Каспий. О походе древних русских в Табаристан. Изд. в приложении к Зап. АН, 1875, т. 26.
- ¹⁹⁵ *Дьяконов И. М.* Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. 1—2. — ВДИ, 1967, № 4.
- ¹⁹⁶ *Дьяконов И. М.* Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. — ВДИ, 1973, № 4.
- ¹⁹⁷ *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Парфянское царство хозяйство в Нисе I в. до н. э. — ВДИ, 1960, № 2.
- ¹⁹⁸ *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Новые находки документов в старой Нисе. — Переднеазиатский сборник. М., 1966. т. 2.
- ¹⁹⁹ *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. — М., 1961.
- ²⁰⁰ *Ельницкий Л. А.* К истории антицерковных и антихристианских тенденций в Армении в IV в. н. э. — ВДИ, 1965, № 2.
- ²⁰¹ *Еремян С. Т.* Армения по «Ашхарацуйцу» — Армянской географии VII в. Опыт реконструкции на современной картографической основе. — Ереван, 1963 (на арм. яз.).
- ²⁰² *Еремян С. Т.* Атлас к книге «История армянского народа». — Ереван, 1932 (Карта V—VII вв.).
- ²⁰³ *Еремян С. Т.* «Ашхарацуйц» (Армянская география VII в.) — выдающийся памятник географии и картографии древнего мира. — ВОН АН Арм. ССР, 1968, № 5.
- ²⁰⁴ *Еремян С. Т.* Идеология и культура Албании III—VII вв. В кн.: Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1958.
- ²⁰⁵ *Еремян С. Т.* «Махелония» надписи Кааба — и — Зардушт. — ВДИ, 1967, № 4.
- ²⁰⁶ *Еремян С. Т.* Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. — Зап. ИВАН СССР — М.—Л., 1939, т. VII.
- ²⁰⁷ *Еремян С. Т.* Опыт периодизации истории Армении периода феодализма. — ВИ, 1951, № 7.
- ^{207a} *Еремян С. Т.* Заметки к тексту «Хроники Сумбата». — Изв. АрмФАН СССР, 1941, № 9 (14).
- ²⁰⁸ *Еремян С. Т.* Народно-освободительная война армян против персов в 450—451 гг. — ВДИ, 1951, № 4.
- ²⁰⁹ *Еремян С. Т.* Политическая история Албании III—V вв. — В кн.: Очерки истории СССР (III—IX вв.). М., 1958.
- ²¹⁰ *Еремян С. Т.* Раздел царства Великая Армения в 244—253 гг. между Сасанидским Ираном и Римской империей. — ИФЖ, 1976, № 1.
- ²¹¹ *Еремян С. Т.* Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов. — Изв. АрмФАН СССР, 1941, № 7 (12).
- ²¹² *Еремян С. Т.* Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. — ВДИ, 1939, № 1.
- ²¹³ *Еремян С. Т.* Экономика и социальный строй Албании III—VII вв. — В кн.: Очерки истории СССР (III—IX вв.). — М., 1958.
- ²¹⁴ *Иеромонах Феодосий Олтаржевский.* Палестинское монашество с IV до VI века. — Православный палестинский сборник. — СПб., 1896; См.: также, ВВ, 1896, т. III.
- ²¹⁵ *Ионе Г. И.* Гончарные печи древнего Мингечаура. — КСИМК, 1949, т. 24.
- ²¹⁶ *Иосселиани П.* Краткая история грузинской церкви. — СПб., 1843.
- ²¹⁷ История Азербайджана. Краткий очерк. — Баку, 1941.
- ²¹⁸ История Азербайджана. — Баку, 1958, т. 1.
- ²¹⁹ История армянского народа/Под ред. Аракеяна Б. Н. и Иоанисяна А. Р. — Ереван, 1951.
- ²²⁰ История армянского народа/Под ред. М. Г. Нерсисяна. — Ереван, 1980.
- ²²¹ История Дагестана. — Махачкала, 1967, т. 1.
- ²²² История Ирана с древнейших времен до конца 18 в. — Л., 1958.
- ²²³ История Ирана. — М., 1977.
- ²²⁴ История царства грузинского. — Тбилиси, 1975.
- ²²⁵ *Казиев С. М.* Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г. — Изв. АН АзССР, 1949, № 9.

- ²²⁵ *Казиев С. М.* Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана. — Изв. АН АзССР, 1960, № 7.
- ²²⁷ *Канаян Ст.* Неизвестные гавары древней Армении, 1914.
- ²²⁸ *Касумова С. Ю.* Южный Азербайджан в III—VII вв. — Баку, 1983.
- ²²⁹ *Кекелидзе К. С.* Житие и подвиги Св. Иоанна католикоса Урхайского. — 1914, XV, т. 2, вып. 3.
- ²³⁰ *Кекелидзе К. С.* К вопросу об иерусалимском происхождении грузинской церкви. — Пг., 1914.
- ²³¹ *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964.
- ²³² *Кобищанов Ю. М.* Феодализм, рабство и азиатский способ производства: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. — М., 1966.
- ²³³ *Колесников А. И.* Иран в начале VII в. — Палестинский сборник, 1970, вып. 22.
- ²³⁴ *Колесников А. И.* О термине «марзбан» в Сасанидском Иране. — Палестинский сборник, 1981, вып. 27 (90).
- ²³⁵ *Костанян С. С.* О термине «нахарар». — ИФЖ, 1973, № 3 (на арм. яз.).
- ²³⁶ *Кошкарлы К. О.* О «сасанидском металле» в Азербайджане. — Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права, 1980, № 2.
- ²³⁷ *Кошкарлы К. О.* Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Тбилиси, 1981.
- ^{237a} *Кошкарлы К. О.* Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. — Баку, 1985.
- ²³⁸ *Крымский А. Е.* Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания). I — Кабала. — В сб.; Ольденбургу С. Ф. — Л., 1934.
- ²³⁹ *Крымский А. Е.* Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания). II — Шеки. — В сб.: Памяти Н. Я. Марра. М. — Л., 1938.
- ²⁴⁰ *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. — Махачкала, 1976.
- ²⁴¹ *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. — М., 1982.
- ²⁴² *Кулаковский Ю.* История Византии. — Киев, 1910, т. 1.
- ^{242a} *Кулаковский Ю.* История Византии (602—717 гг.). — СПб, 1876, т. III.
- ^{242b} *Кулаковский Ю.* К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII в. — ЖМНП, 1898, ч. 315.
- ²⁴³ Культура раннефеодальной Армении (IV—VII вв.). — Ереван, 1980.
- ²⁴⁴ *Курбатов Г. Л.* История Византии. — Л., 1975.
- ²⁴⁵ *Лебедев А. П.* Вселенские соборы IV—V вв. — Сергиев Посад, 1896; См.: также, — ВВ, 1896, т. 3.
- ²⁴⁶ *Лорткипанидзе О. Д.* О первом «геносе» населения Иберии. — Сообщения АН Груз. ССР 1957, т. XVIII, № 3 (на груз. яз.).
- ²⁴⁷ *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. — Л., 1955.
- ²⁴⁸ *Мамедова Г. Г.* Христианское зодчество Кавказской Албании эпохи раннего средневековья. Автореф. дис... канд. архитектуры. — Баку, 1985.

- ²⁴⁹ *Мамедов Рауф.* Исторический очерк города Нахичевана. — Баку, 1977 (на азерб. яз.).
- ²⁵⁰ *Мамедов Т. М.* Албания и Атропатена (по древнеарм. источникам). — Баку, 1977.
- ^{250a} *Мамедов Т.* О письменности Кавказской Албании. — ДАН АзССР, 1967, т. XXIII, № 7.
- ²⁵¹ *Мамедов Т.* Древнеармянские авторы об этническом составе Азербайджана/Материалы к Всесоюз. сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1969 г. в СССР: Тез. — Баку, 1970.
- ²⁵² *Мамедов Т. М.* О социально-политическом составе и отношении собственности в Азербайджане. — ДАН АН АзССР, 1964, т. XX, № 8.
- ²⁵³ *Мамедов Т. М.* Хозяйство и города Азербайджана по древнеармянским источникам. — Изв. АН АзССР, 1964, № 2.
- ^{253a} *Мамедов Т. М.* Внешняя политика и войны Азербайджана по древнеармянским источникам. — ДАН АзССР, 1964, т. XX, № 10.
- ^{253b} *Мамедов Т. М.* Кавказская Албания в IV—VII вв.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. — Баку, 1982.
- ²⁵⁴ *Мамедова Ф. Дж.* Агуэнские каноны 487/488 гг. как источник по социально-экономической истории Кавказской Албании. — Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права, 1968, № 4.
- ²⁵⁵ *Мамедова Ф. Дж.* Из истории раннефеодальных отношений Кавказской Албании. — Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права, 1968, № 2.
- ²⁵⁶ *Мамедова Ф. Дж.* О терминах «ерд» и «ердумард». — ДАН АзССР, 1968, т. XXIV, № 3.
- ²⁵⁷ *Мамедова Ф. Дж.* Термины «наһапет» и «азгапет» в агуэнских канонах/Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока: Краткое содержание V годичной сессии Ленинградского отделения Ин-та востоковедения АН СССР, 1968.
- ²⁵⁸ *Мамедова Ф. Дж.* Патронимия по «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. — Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исслед. 1971 г. Тез. археологов и этнографов Азербайджана 1972 г. — Баку, 1972.
- ²⁵⁹ *Мамедова Ф. Дж.* О хронологической системе «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. — ВВ, 1973, т. 35.
- ²⁶⁰ *Мамедова Ф. Дж.* Проблема датировки «Истории албан»: I К вопросу об историографии «Истории албан» Моисея Каланкатуйского. — Изв. АН АзССР, 1974, № 3.
- ²⁶¹ *Мамедова Ф. Дж.* Проблема датировки «Истории албан»: II К вопросу о тексте, стиле, языке памятника. — Изв. АН АзССР, 1974, № 4.
- ²⁶² *Мамедова Ф. Дж.* К вопросу о государственном строе Кавказской Албании: Изучение истории средневекового Востока Бартольдом В. В. и современное состояние науки. БЧ — М., 1974.
- ²⁶³ *Мамедова Ф. Дж.* Два списка (рукописи) «Истории албан» Моисея Каланкатуйского/Материалы всесоюзного совещания: Принципы научного описания археограф. памятников народов Востока. — Баку, 1977.
- ²⁶⁴ *Мамедова Фарид.* «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. — Баку, 1977.
- ²⁶⁵ *Мамедова Ф. Дж.* Текстологический анализ «Истории албан» Моисея Каланкатуйского/Бартольдовские чтения. — М., 1981.

- ²⁶⁶ Мамедова Фарида. Интерпретация новых дополнительных глав парижского списка «Истории албан» Моисея Каланкатуйского в свете эпиграфических данных Гандзасарского храма /Тез. докл. всесоюзной научной сессии «Актуальные проблемы изучения и создания письменных исторических источников». — Тбилиси, 1982.
- ²⁶⁷ Мамедова Ф. Дж. Албанский католикосат и албанские Аршакиды/ Бартольдские чтения. — М., 1982.
- ^{267а} Мамедова Ф. Дж. Албанский католикосат и албанские Аршакиды. — В сб.: Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. — М., 1985.
- ²⁶⁸ Мамедова Ф. Дж. Албания/АСЭ. — Баку, 1976, т. 1, с. 215—217 (на азерб. яз.).
- ²⁶⁹ Мамедова Ф. Дж. Албанская церковь/ АСЭ. — Баку, 1976, т. I с. 214 (на азерб. яз.).
- ²⁷⁰ Мамедова Ф. Дж. Арцах/АСЭ. — Баку, 1976, т. I, с. 405 (на азерб. яз.).
- ²⁷¹ Мамедова Ф. Дж. Албанские Аршакиды/АСЭ. — Баку, 1976, т. I (на азерб. яз.).
- ²⁷² Мамедова Ф. Дж. Гардманское княжество/ АСЭ. — Баку, т. VI, с. 96 (на азерб. яз.).
- ²⁷³ Мамедова Ф. Дж. Михраниды/АСЭ. — Баку, т. VI, с. 471 (на азерб. яз.).
- ²⁷⁴ Мамулия Г. С. Разыскания по социальной и политической истории Картлийского (Иберийского) государства: Автореф. дис... д-ра ист. наук. — Тбилиси, 1975.
- ²⁷⁵ Манандян Я. А. К разрешению проблемы Мовсеса Хоренаци. — Ереван, 1934 (на арм. яз.).
- ²⁷⁶ Манандян Я. А. Критический обзор истории армянского народа. — Ереван, 1944, 1957 т. I—II (на арм. яз.).
- ²⁷⁷ Манандян Я. А. Маршруты персидских походов Ираклия. — ВВ., III, 1950.
- ²⁷⁸ Манандян Я. А. Новеллы Юстиниана о порядке наследования у армян. — Изв. АН Арм. ССР, 1952, № 5.
- ²⁷⁹ Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. — Ереван, 1954.
- ²⁸⁰ Манандян Я. А. Тигран Второй и Рим. — Ереван, 1943.
- ²⁸¹ Марр Н. Я. Арабское извлечение из сирийской хроники Марибаса. — ЗВОРАО, СПб., 1902, т. 14, вып. 1.
- ²⁸² Марр Н. Я. История армянской и грузинской литературы. Архив АН СССР, ф. 800, оп. 1, А№1795.
- ²⁸³ Марр Н. Я. Классическая эпоха V—VI вв. — Архив АН СССР, ф. 800, оп. 1, ед. хр. 171.
- ²⁸⁴ Марр Н. Я. К критике М. Хоренского: Рец. на кн.: Халатьянц Г. Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского. — В кн.: ВВ, СПб., 1898, т. V.
- ²⁸⁵ Марр Н. Я. О начальной истории Армении Анонима. К вопросу об источниках «Истории» Моисея Хоренского. — ВВ, 1894, т. I.
- ²⁸⁶ Мартиросян А. А. Дата создания армянского алфавита. — ИФЖ, 1981, № 3.
- ²⁸⁷ Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древневосточного классового общества. — ВИ, 1966, № 1.
- ²⁸⁸ Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских обществ. — История СССР, 1975, № 6.
- ²⁸⁹ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. — Тбилиси, 1959.
- ²⁹⁰ Меликишвили Г. А. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе ближневосточных обществ. — ВДИ, 1975, № 2.
- ²⁹¹ Меликишвили Г. А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. — Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- ²⁹² Меликишвили Г. А. Характер социально-экономического строя на древнем Востоке. — Народы Азии и Африки, 1972, № 4.
- ²⁹³ Меликсет-Беков Л. Грузинский извод сказания о посте «араджавор». — ХВ., 1917, т. 5.
- ²⁹⁴ Меликсет-Беков Л. Об источниках древнеармянского права. — ИКИАИ, 1927, т. II.
- ²⁹⁵ Меликсет Беков Л. М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского/Сб. в честь акад. И. А. Орбели. — М.—Л., 1960.
- ²⁹⁶ Мелконян Г. Г. Из истории армяно-сирийских отношений (III—V вв.) — Ереван, 1970 (на арм. яз.).
- ²⁹⁷ Мелконян Э. Л. Этническая культура и традиция. — ИФЖ, 1980, № 4 (на арм. яз.).
- ²⁹⁸ Месхиа Ш. А. Города и городской строй феодальной Грузии. — Тбилиси, 1954.
- ²⁹⁹ Мец А. Мусульманский ренессанс. — М., 1966.
- ³⁰⁰ Мишорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. — М., 1963.
- ³⁰¹ Мифы народов мира. — М., 1980, т. I.
- ³⁰² Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании. — Ереван, 1969.
- ³⁰³ Мнацаканян С. С. Проблемы генезиса и типологии мемориальных памятников древней и раннесредневековой Армении. — ИФЖ, 1980, № 1.
- ³⁰⁴ Муравьев С. Н. Птолемева карта Кавказской Албании и уровень Каспия. — ВДИ, 1983, № 1.
- ³⁰⁵ Мухелишвили Д. Л. Город Уджарма: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Тбилиси, 1956.
- ³⁰⁶ Мухелишвили Д. Л. Город Уджарма (к историческим взаимоотношениям Иберии и Албании). — Сборник по исторической географии Грузии, 1964, т. II.
- ³⁰⁷ Мухелишвили Д. Л. Вопросы политической географии Кахети и Эрети в XII—XIII вв. — Сборник по исторической географии Грузии, 1967, т. III, (на груз. яз.).
- ³⁰⁸ Мухелишвили Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии. Автореф. дис... д-ра ист. наук. — Тбилиси, 1973.
- ³⁰⁹ Мухелишвили Д. Л. Из исторической географии восточной Грузии. — Тбилиси, 1982.
- ³¹⁰ Мушегян Х. А. Денежное обращение Армении (V в. до н. э. — XIV в. н. э.). — Ереван, 1983.
- ³¹¹ Надирадзе Л. И. Проблема государственной собственности на землю в халифате в VII—VIII вв. — Арабские страны. — М., 1970.
- ³¹² Насибов Ю. М. Азербайджан в V—первой половине XII вв. (по древнегрузинским источникам): Автореф. дис... канд. ист. наук. — Баку, 1985.
- ³¹³ Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. — М., 1974.
- ³¹⁴ Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. — М., 1975.

- ³¹⁵ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. — М., 1972.
- ³¹⁶ Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. — М., 1980.
- ³¹⁷ Новосельцев А. П. Древнеармянский перевод «Библии» как источник по истории народов Закавказья. — Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1976.
- ³¹⁸ Новосельцев А. П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период. — В сб.: Кавказ и Византия. — Ереван, 1979, т. 1.
- ³¹⁹ Новосельцев А. П. Некоторые вопросы историографии древней и раннесредневековой истории народов Закавказья. — История СССР, 1974, № 1.
- ³²⁰ Новосельцев А. П. Раннесредневековая культура народов Закавказья. — ВИ, 1973, № 6.
- ³²¹ Новосельцев А. П. Рец. на древнеарм. изд. В. Д. Аракеляна: Мовсес Каланкатвази. История страны алван. — Ереван, 1983. См.: История СССР, 1985, № 1.
- ^{321a} Нуриев А. Б. Стекланные изделия и их производство в Кавказской Албании. — Баку, 1981 (на азерб. яз.).
- ³²² Ованнисян С. Х. Каноны Агуэнского учредительного собрания и их связь с аштишатскими канонами. — ИФЖ, 1967, № 4 (на арм. яз.).
- ³²³ Орбели И. А. Бытовые рельефы на хаченских крестных камнях XII — XIII вв. — Избр. труды, — Ереван, 1963.
- ³²⁴ Орбели И. А. Мхитар Гош и его судебник. — Избр. труды. — М., 1968, т. 1.
- ³²⁵ Орбели И. А. Хасан Джалал, князь Хаченский. — Избр. тр. — Ереван, 1963.
- ³²⁶ Орманян М. Азгапатум. I. — Константинополь, 1912.
- ³²⁷ Орманян М. Армянская церковь. — М., 1913.
- ³²⁸ Оруджев А. Ш. Керамическое производство в раннесредневековом Азербайджане (IV — VIII вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук. — Баку, 1971.
- ³²⁹ Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. — М., 1956.
- ³³⁰ Очерки истории СССР. III — IX вв. — М., 1958.
- ³³¹ Памятники армянской агиографии/ Пер. с древнеарм. и прим. К. С. Тер-Давтяна. — Ереван, 1973, вып. I.
- ³³² Папуашвили Т. Г. Вопросы истории Эрети. — Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- ^{332a} Папуашвили Т. Г. Вопросы истории Эрети. Очерки по социально-экономической и политической истории (с древнейших времен до I четверти XII века): Автореф. дис... д-ра ист. наук. — Тбилиси, 1971.
- ³³³ Папуашвили Т. Г. Царство ранов и кахов (VIII — IX вв.). — Тбилиси, 1982 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).
- ³³⁴ Патканов К. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии. — ЖМНП, 1875, ч. 177.
- ³³⁵ Патканов К. Из нового списка географин, приписываемой Моисею Хоренскому. — ЖМНП, 1883.
- ^{335a} Патканов К. Библиографический очерк армянской исторической литературы. — СПб., 1879.
- ³³⁶ Патканов К. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. ТВОРАО, ч. XIV. — СПб., 1869.
- ³³⁷ Пахомов Е. А. Доисламские печати и резные камни Музея истории Азербайджана. — МКА, 1949, т. 1.
- ³³⁸ Периханян А. Г. К вопросу о происхождении армянской письменности. В кн.: ПС. — М., 1966, т. II.
- ³³⁹ Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. — М., 1983.
- ³⁴⁰ Периханян А. Г. Частные целевые фонды в древнем Иране и проблема происхождения вакфа. — ВДИ, 1973, № 1.
- ³⁴¹ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. — Л., 1949.
- ³⁴² Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII — XIV вв. — М. — Л., 1960.
- ³⁴³ Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. — М., 1979.
- ³⁴⁴ Пигулевская Н. В. Маздакитское движение. — Изв. АН СССР. Серия ист. и фил., 1944, т. I, № 4.
- ³⁴⁵ Пигулевская Н. В. Мар Аба I. — Сов. востоковедение, 1948, № 5.
- ³⁴⁶ Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V — VI вв. — М. — Л., 1940.
- ³⁴⁷ Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории СССР. — М. — Л., 1941.
- ³⁴⁸ Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. — М., 1971.
- ³⁴⁹ Райт В. Краткий очерк сирийской литературы/ Пер. с англ. К. А. Тураевой, под ред. и с доп. П. К. Коковцева.
- ³⁵⁰ Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I — III вв. — Л., 1949.
- ³⁵¹ Саркисян Г. Х. Хронологическая схема «Истории Армении Моисея Хоренаци». — Ереван, 1965 (на арм. яз.).
- ³⁵² Саркисян Г. Х. Черты эллинизма в духовной культуре древней Армении. — ИФЖ, 1976, № 3.
- ³⁵³ Сборник по исторической географии Грузии. — Тбилиси, 1960, т. 1; 1964, т. II, 1967, т. 3 (на груз. яз.).
- ³⁵⁴ Связян Г. Х. Агванк в VII — VIII вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Ереван, 1975.
- ^{354a} Связян Г. Х. Воцарение ветви династии Аршакидов в Кавказской Албании. — ВАА, 1977, № 3.
- ³⁵⁵ Сванидзе А. С. Название древневосточных богов в грузинских песнях. — ВДИ, 1937, № 1.
- ³⁵⁶ Семенов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирный исторический процесс. — Народы Азии и Африки, 1970, № 5.
- ³⁵⁷ Солодухо Ю. А. Город и городское самоуправление в Сасанидском Ираке в III — V вв. н. э./ Проблемы социально-экономической истории древнего мира. — М. — Л., 1963.
- ³⁵⁸ Солодухо Ю. А. К вопросу о социальной структуре Ирана в III — V вв. — Уч. зап. ИВАН, 1956, т. XIV.
- ³⁵⁹ Солодухо Ю. А. Подати и повинности в Иране в III — V вв. — Сов. востоковедение, 1948, т. V.
- ³⁶⁰ Соселия Г. К. Существовала ли рабовладельческая формация в Грузии? ВДИ, 1956, № 10.

- 361 Сукиасян А. Г. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. — Ереван, 1963.
- 362 Сюзюмов М. Я. Христианская церковь в IV—VI вв. — В кн.: История Византии. — М., 1967, т. 1.
- 363 Такайшвили Е. С. Источники грузинских летописей. — СМОМПК. — Тифлис, 1900, вып. 28.
- 364 Ташичян Л. П. Средневековая Барда в период расцвета. — Изв. АН АзССР, 1949, № 9.
- 365 Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. — Ереван, 1977.
- 366 Тер-Гевондян А. Н. Греческая древняя версия армянского текста Агафангела/ Текст подготовил Ги Лафонтен. — ИФЖ, 1974, № 2.
- 367 Тер-Григорьян Т. И. Азербайджан в III—VII вв. — НАИИ АН АзССР, № 1530, 1299.
- 368 Тер-Григорьян Т. И. Древняя Агвания (по армянским источникам). — НАИИ АзССР, № 628.
- 369 Тер-Григорьян Т. И. К вопросу об истории Албанской страны Моисея Каланкатуйского. — НАИИ АН АзССР, 991.
- 370 Тер-Мкртчян Г. Хосров Гандзакеци. — Арарат, Вагаршапат, 1896 (декабрь) (арм. яз.); см.: Памятники армянской агнографии. — Ереван, 1973.
- 371 Токарский Н. М. Архитектура древней Армении. — М., 1946.
- 372 Токарский Н. М. По страницам истории армянской архитектуры. — Ереван, 1973.
- 373 Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. — М.—Л., 1959.
- 374 Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении. — М.—Л., 1953.
- 375 Удальцова З. В. и Гутнова Е. В. К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе/ Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. — Кишинев, 1973.
- 376 Улубабян Б. Вачаган Благочестивый и подъем культурно-просветительной жизни Восточного края Армении. — Советакан манкаварж, 1969, № 4, (на арм. яз.).
- 377 Улубабян Б. Еще одна произвольная интерпретация армянской «Истории страны Агванк»: Рец. на книгу Ф. Дж. Мамедовой «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании, Баку, 1977. — ВАА, 1979, № 2 (54), с. 219—232.
- 378 Улубабян Б. А. Еще раз о времени созыва Агуэнского собора. — ВОН АН АрмССР, 1969, № 6.
- 379 Улубабян Б. А. К вопросу о царской династии Агванка. — ВОН, 1971, № 7 (на арм. яз.).
- 380 Улубабян Б. О северо-восточном рубеже армянского языка в арпахском диалекте. — 1968, № 1, 2.
- 381 Улубабян Б. О топонимах «Албания», «Агванк», «Аран». — ИФЖ АН АрмССР, 1971, № 2.
- 382 Улубабян Б. А. Очерки истории восточного края Армении (V—VII вв.). — Ереван, 1982.
- 383 Улубабян Б. Родословные истоки Хаченского княжества. — Вест. Ереван. ун-та, 1972, № 2.
- 384 Успенский К. Н. Очерки по истории Византии. — М., 1917, ч. 1.
- 385 Утченко С. Л. и Штаерман Е. М. О некоторых вопросах истории рабства. — ВДИ, 1960, № 4.
- 386 Фоменко В. П. Средневековый храм в Мингечауре. МКА. — Баку, 1951, т. 2.
- 387 Фрай Р. Наследие Ирана. — М., 1972.
- 388 Халатьянц Г. А. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского. — М., 1903, ч. I—II.
- 389 Халатьянц Г. А. Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского. — М., 1896, ч. I—II.
- 390 Халилов Дж. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. — III в. н. э.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. — Баку, 1974.
- 391 Халилов Дж. Раскопки на городище Хыныслы, памятник древней Кавказской Албании. — СА, 1962, 1.
- 392 Халилов Дж., Бабаев И. А. О городах древней Албании. — СА, 1974, № 4.
- 393 Чалоян В. К. Восток — Запад. — М., 1968.
- 394 Чамчян М. История Армении. — Венеция, 1784—1786, тт. I—III (на арм. яз.).
- 395 Чилашвили Л. А. Города в феодальной Грузии: Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Тбилиси, 1967.
- 396 Чубинашвили Г. Н. Архитектура Кахетии. — Тбилиси, 1970.
- 397 Чубинашвили Г. Н. Вопросы истории Эрети/ Очерки по социально-экономической и политической истории (с древнейших времен до I четверти XII века): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. — Тбилиси, 1971.
- 398 Чхартишвили М. С. Источниковедческие проблемы христианизации восточной Грузии: Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Тбилиси, 1982.
- 399 Шанидзе А. Г. Новооткрытый алфавит албанцев и его значение для науки. — Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры ГФАН СССР, 1938, т. IV, вып. 1.
- 400 Шарифли М. Х. О создании государства Саларидов. — ДАН АзССР, 1960, № 3 (на азерб. яз.).
- 401 Шарифли М. Х. Феодальные государства Азербайджана второй половины IX—XI вв. Автореф. дисс... д-ра ист. наук. — Баку, 1965.
- 402 Шахатуняц И. Описание Эчмиадзина и пяти областей, лежащих у Арарата. — Эчмиадзин, 1842, т. II (на арм. яз.).
- 403 Шахназарян А. М. и Пигулевская Н. В. Обзор армянских источников по истории Азербайджана. — НАИИ АН АзССР, инв. № 915.
- 404 Шихсаидов А. Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. — Уч. зап. ИИЯЛ. — Махачкала, 1957, т. III.
- 405 Юзбашян К. Н. Армяно-грузинское восстание против владычества Сасанидов (482—484 гг.) — ИФЖ, 1985, № 1 (на арм. яз.).
- 406 Юзбашян К. Н. Когда началось восстание, возглавленное Вааном Мамиконяном? — ИФЖ, 1984, № 1 (на арм. яз.).
- 407 Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании. — Изв. АН СССР, М., 1937, т. 1.
- 408 Якобсон А. Л. Гандзасарский монастырь и хачкары: факты и вымыслы. — ИФЖ, 1984, № 2.
- 409 Якобсон А. Л. Из истории армянского средневекового зодчества: Исследования по истории и культуре Востока. — Сб. в честь акад. И. А. Орбели. — М.—Л., 1960, с. 144—158.
- 410 Якобсон А. Л. Рецензия на: А. А. Айвазян. Памятники армянской

- архитектуры Нахичеванской АССР. — Ереван, 1981. — ИФЖ, 1983, № 1.
- ⁴¹¹ Ямпольский З. И. Древняя Албания III — I вв. до н. э. — Баку, 1962.
- ⁴¹² Ямпольский З. И. К изучению летописи Кавказской Албании. — Изв. АН АзССР. Сер. общественных наук, 1957, № 9.
- ⁴¹³ Яновский А. О древней Кавказской Албании. — ЖМНП, СПб., 1846, ч. III.
- ⁴¹⁴ Bedjan. I. Cf. Wright, Syriac Literature.
- ⁴¹⁵ Bivar A. D. H. Catalogue of the Western Asiatic seals in the British Museum. Stamp Seals. II: The Sassanian Dynasty. — London, 1969.
- ⁴¹⁷ Brosset M. Histoire de la Siounie. — Spb., 1866.
- ⁴¹⁸ Brosset M. Extraits de histoire des Aghovans en arménien par Moïse Caghancatovatsi. — In: Additions et éclaircissements à l'histoire de la Georgie. Spb., 1851.
- ⁴¹⁹ Bruns K. und Sachau E. Syrisch-römischer Rechtsbücher aus dem fünften Jahrhundert. — Leipzig, 1880.
- ⁴²⁰ Buniatov Z. M. De l'identification des villes-forteresses du moyen âge: Badd et Saki. — REA, nouvelle série, 1966, t. III, p. 225—231.
- ^{420a} Dulaurier E. Recherches sur la chronologie arménienne technique et historique. — Paris, 1859.
- ^{420b} Chabot J. B. Synodicon orientale: Notices et extraits de manuscrits de la Bibliothèque National, v. 37. — Paris, 1905.
- ⁴²¹ Chaumont M. L. Recherches sur l'histoire d'Arménie de l'avènement des Sassanides à la conversion du Royaume, 1969.
- ⁴²² Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. — Copenhague, 1944.
- ⁴²³ Fiey J. M. Adarbaygan chrétien. — Le Muséon, 1973, t. 86, pt 3—4, p. 397—435.
- ⁴²⁴ Garsoian N. G. Iran and Caucasia. Conf. on. „Nationalism and social change en Transcaucasia" April 21—25, 1980, Washington.
- ⁴²⁵ Garsoian N. G. Politique on orthodoxie? l'Arménie au quatrième siècle. — REA, n. s., 1967, t. IV, p. 297—320.
- ^{425a} Gignoux Ph. Les sceaux et bulles inscrits: Catalogue des sceaux camées et bulles sassanides de la Bibliothèque National et du Musée du Louvre. II. — Paris, 1978.
- ⁴²⁶ Guidi J. Ostsyrische Bischöfe und Bischofssitz im V, VI und VII Jahrhundert. — ZDMG, 1889, Bd 43, S. 388—414.
- ⁴²⁷ М. Асратян и М. Тьерди. Ганузасарский монастырь на франц.
- ⁴²⁸ Hasratian Mourad. L'architecture des églises arméniennes avec un sanctuaire rectangulaire. — Bazmavep, Saint-Lazare, Venice, 1982, vol. CXL, N. 1—2, p. 181—187.
- ⁴²⁹ Hoffmann G. Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer. — Leipzig, 1880 (AFKM, VII).
- ⁴³⁰ Honigmann E. et Maricq A. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis. — Memoires de Academic Royale de Belgique, classe de lettres et des sciences, 1953, t. XLVII, f. 4.
- ⁴³¹ Hübschmann H. Die Altarmenische Ortsnamen.
- ^{431a} Hübschmann N. Armenische Grammatik. — Leipzig, 1897.
- ⁴³² Justi F. Iranische Namenbuch. — Marburg, 1895.
- ⁴³⁴ Labourt J. La christianisme dans l'empire Perse sous la dynastie Sassanide, 2-me ed. — Paris, 1904.
- ⁴³⁵ Manandian. Beiträge zur albanischen Geschichte. — Leipzig, 1897.
- ⁴³⁵ Marquart J. Eranšahr nach der Geographi des Ps. Moses Xorenci. — Berlin, 1901.
- ^{436a} Markwart J. Die Entstehung der armenischen Bistumer. — Orientalia Christiana, XXVII, 2, Roma, 1932.
- ⁴³⁷ Markwart J. A catalog of the Provincial Capitals of Eranshahr. — Analecta orientalia, Roma, 1931.
- ⁴³⁸ Millet G. L'école grecque dans l'architecture byzantine. — Paris, 1916.
- ⁴³⁹ Puech H. C. Le manichéisme: son fondateur, sa doctrine. — Paris, 1949.
- ^{439a} Sachau E. Syrisches Handbuch, 1899.
- ⁴⁴⁰ Toumanoff C. Studies in Christian Caucasian History. — Georgetown, 1963.
- ⁴⁴¹ Toumanoff C. Some Aspects of Caucasian Social History. — Le Muséon, 1959, v. 72, n. 3—4.
- ⁴⁴² Tomaschek W. Albania. — PWK.
- ⁴⁴³ Toumanoff C. The Albanian Royal succession. — Le Muséon. Revue d'études Orientales, Louvain, 1984, t. 97, fasc. 1—2, p. 87—94.
- ^{443a} Toumanoff K. Studies in Christian Caucasian History. — Georgetown, 1963.
- ⁴⁴⁴ Theaphan le Confesseur. Chronique de 284a 813 /Ed. de Boor. — Leipzig, 1883—1885.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Источники и историография	5
§ 1. Албанские источники	5
§ 2. Армянские источники	42
§ 3. Историография	54
Глава II. Историческая география Албании	85
§ 1. Политико-административные единицы. Этнические границы	89
§ 2. Территория, политические границы Албании (III в. до н. э. — VIII в. н. э.)	116
§ 3. Экономика	151
§ 4. Города	158
Глава III. Политическая история Албании в IV — VIII веках	164
§ 1. Установление феодализма в Албании	164
§ 2. Албания при албанских Аршакидах	168
§ 3. Албанское государство при Михранидах	195
§ 4. Социальные движения V — VII веков	213
Глава IV. Албанская церковь	217
§ 1. Становление христианства государственной религией	217
§ 2. Албанский католикосат	231
Заключение	240
Примечания	256
Литература	263

Фарида Джафар кызы Мамедова
 ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
 И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
 КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ
 (III в. до н. э. — VIII в. н. э.)

Фәридә Чәфәр гызы Мәммәдова
 ГАФГАЗ АЛБАНИЈАСЫНЫН
 СИЈАСИ ТАРИХИ ВӘ ТАРИХИ ЧОҒРАФИЈАСЫ
 (ер. эв. III эср — ер. VIII эсри)

Редактор издательства *М. Высоцкая*.
Художник *В. Каврюков*.
Художественный редактор *Ф. Сафаров*.
Технический редактор *Т. Агаев*.
Корректор *З. Кадымова*.

ИБ № 1177.

Сдано в набор 17.01.86. Подписано к печати 07.04.86. ФГ 06504. Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура шрифта литературная. Печать высокая. Усл. печ. лист. $14,91 + 3$ вкл. Усл. кр.-отг. 14,91. Уч.-изд. лист. 16,55. Тираж 4000. Заказ 42. Цена 2 руб. 30 коп.

Издательство «Элм».

370143, Баку-143, проспект Нариманова, 31, Академгородок, Главное здание.

Типография им. 26 бакинских комиссаров Государственного комитета Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 370005, Баку, ул. Али Байрамова, 3.